

САМАНТА ДЖЕЙМС

Любовь
под луной

ШАРМ

Саманта Джеймс

Любовь под луной

OCR Anita

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159999

Любовь под луной: АСТ; Москва; 2001

ISBN 5-17-006499-3

Аннотация

Оливия Шервуд, дочь бедного сельского священника, была вынуждена искать место в роскошной усадьбе таинственного Доминика Сент-Брайда. Не знакомая со своим хозяином девушка чувствовала свое превосходство над графом Рэвенвудом. Пусть девушка бедна и вынуждена работать в графском особняке, но по рождению и воспитанию она – леди, а граф – сын цыганки, незаконнорожденный, с неохотой признанный собственным отцом. Непреклонная моралистка, Оливия считала Рэвенвуда прожигателем жизни, невежественным повесой и заранее негодовала. Но появившийся в своем поместье Доминик удивил девушку. Неожиданно для самой себя Оливии захотелось защитить угрюмого, желчного, потерявшего свое место в жизни мужчину, подарить ему надежду и нежную любовь...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	34
Глава 3	56
Глава 4	85
Глава 5	104
Глава 6	121
Глава 7	142
Глава 8	168
Глава 9	191
Глава 10	211
Глава 11	248
Глава 12	265
Глава 13	279
Глава 14	291
Глава 15	308
Глава 16	328
Глава 17	354
Глава 18	373
Глава 20	419
Глава 21	440
Глава 22	461
Эпилог	477

Саманта Джеймс

Любовь под луной

Пролог

– Мне надо кое-что сказать тебе, – прошептала она.

Она была очень красива – с длинными, черными как смоль волосами, спадавшими до самых бедер, миндалевидными темными глазами и золотистой гладкой кожей. Однако сама она едва ли догадывалась об этом, даже несмотря на то что множество мужчин, попав под обаяние ее красоты, готовы были отдать жизнь, лишь бы насладиться ее прелестной улыбкой или услышать волнуящий смех. Был один человек на свете, о котором она думала. Человек, которому она отдала душу. Только он один.

– Джеймс! – снова прошептала она. – Я... мне надо кое-что сказать тебе.

На этот раз голос ее, в котором слышался еле уловимый акцент, звучал чуть хрипловато – возможно, после утоления страсти. И еще была в нем... какая-то робость.

Простыни шевельнулись. Джеймс Сент-Брайд, граф Рэвенвуд, приподнявшись на локте, смотрел на нее. Черная бровь его высоко выгнулась.

– В чем дело, малышка? – спросил он, игриво водя паль-

цем вверх-вниз по ее обнаженной руке.

Дрожь удовольствия, которую Маделейн не могла сдержать, охватила ее. Господи, помоги ей, все-таки он был красив как сам дьявол!

Он ждал с отрешенным видом. Потом глаза их встретились, и он улыбнулся уголком рта.

Маделейн сделала глубокий вдох. Она понимала: через это надо пройти. Надо все сказать ему и покончить с этим раз и навсегда.

– У меня будет ребенок, – чуть слышно прошептала она.

Палец его замер. Улыбка мгновенно угасла. В комнате повисло тяжелое молчание, и неприятный озноб пробежал у нее по спине. Трудно было представить, что всего несколько минут назад та же самая комната слышала крики наслаждения, неудержимо рвавшиеся у него из груди.

Он вытащил руку у нее из-под головы. Одно гибкое движение – и он был уже на ногах.

Он повернулся к ней спиной, и Маделейн нервно сглотнула. Сейчас перед глазами у нее был только его затылок. Блики от пылавшего в камине пламени играли на густой гриве его темно-каштановых волос с красноватым отливом. Он потянулся за брошенным у постели халатом, и она не могла не залюбоваться великолепной игрой мощных мускулов на его спине и широких плечах. Резким движением он сунул руки в рукава.

Словно почувствовав на себе ее взгляд, он обернулся. К ее

огорчению, лицо его было непроницаемым. Глаза, темно-синие, как сапфиры, смотрели холодно и отрешенно. Тонкие губы сжались в прямую, твердую линию.

И Маделейн ощутила, как в глубине ее души шевельнулся страх.

– Наверняка ты знаешь какое-нибудь зелье...

– Зелье? – Брови ее удивленно сдвинулись. Маделейн растерялась.

– Да... зелье... чтобы избавиться от негодника!

Никогда прежде он не позволял себе говорить с такой грубой прямоотой. По лицу графа было видно, что он едва сдерживает, раздражение. Маделейн изо всех сил старалась взять себя в руки, чтобы он не заметил, как ей страшно.

– Да ладно тебе, Маделейн! Будет! Ты ведь цыганка! Так что должна знать, как это делается!

Маделейн, прикрыв простыней обнаженную грудь, медленно села. Перед глазами у нее все плыло. Казалось, она ослепла и оглохла. Ей все еще не верилось, что он только что приказал ей убить собственного ребенка...

– Джеймс, – упавшим голосом пробормотала она, – Джеймс... – Маделейн судорожно сглотнула. Слезы, которым она не могла дать волю, жгли ей душу. Она несколько раз встряхнула головой.

– Что? Послушай, неужто ты решила, что я обрадуюсь? Глаза ее безмолвно молили...

– Я думала... мне казалось... что мы... мы могли бы...

Он сделал нетерпеливый жест.

– Бог ты мой! О чем это ты? Неужели ты вообразила, будто я на тебе женюсь?

Маделейн замерла. По правде говоря, она едва смела надеяться на это. И молилась. Господи, как она молилась, чтобы это когда-нибудь произошло... и не важно, что по христианскому обряду. Пусть только над ними произнесут священные слова – слова, которые навеки свяжут их сердца воедино!

В ее глазах, огромных, темных, словно ночное небо, стоял невысказанный вопрос. Но граф молчал – такой чужой... такой далекий. Все ее существо содрогалось от нестерпимой боли. Душа плакала кровавыми слезами. Ведь она отдала ему все, что имела. Свое тело. Свою душу. И сердце. Отдала навсегда.

Губы его насмешливо скривились.

– Я – граф Рэвенвуд, малышка. А ты – всего лишь цыганка.

Он уязвил ее, и как жестоко! И хотя Маделейн сейчас хотелось только одного – умереть, гордость заставила ее высоко поднять голову и посмотреть ему в глаза.

– Да, это так! Ведь если бы я была одной из вас, ты никогда бы не позволил себе так оскорбить меня!

Голос его немного смягчился:

– Но ты ведь не одна из нас?

Нет, эхом отозвалось в ее душе. Конечно, она не была од-

ной из них. Она ведь цыганка. И он, разумеется, никогда не забудет об этом...

Вот только она-то об этом забыла. Пусть лишь в мечтах, но забыла.

Они встретились прошлым летом. Была ночь, когда Маделейн в первый раз увидела графа Рэвенвуда. Он позволил ей и ее народу разбить свой табор в одном из принадлежавших ему поместий. Маделейн танцевала, время от времени присоединяя свой голос к жалобному стону и плачу одинокой скрипки, чьи рыдания рвали на части ее душу. Это была история старая, как мир. История, от которой на глаза наворачивались слезы и душа содрогалась от горя. И все же в ней была надежда – надежда на то, что минует ночь, придет другой день и принесет с собой обещание счастья. Старая скрипка плакала и смеялась, пела и рыдала, и ноги Маделейн двигались все быстрее и быстрее, в такт ритму, в котором билось ее собственное сердце. Вдруг стремительный напев оборвался, будто лопнула слишком туго натянутая струна, и. Маделейн засмеялась. Вскинув руки, она хохотала. Пышные юбки, взметнувшись, открыли восхищенным взглядам длинные, стройные ноги. И вот в ту самую минуту, когда она стояла с бешено колотившимся сердцем, все еще взбудораженная и разгоряченная танцем, он и подошел к ней в первый раз...

Очаровательная... Так он, кажется, тогда сказал. Самая очаровательная девушка, которую он когда-либо видел.

На следующую ночь он снова пришел. И еще на следующую. Так он приходил шесть ночей подряд. Ах, как он был красив, этот человек! Великолепный мужчина, о таком можно было только мечтать! Конечно, все наперебой предупреждали ее, чтобы не сходила с ума. Что этому гаджо¹ нужно от нее лишь одно. Но она никого не слушала, не желала слушать. И вот однажды лунной ночью, когда темное бархатное небо было усыпано звездами, граф сделал ее своей.

Однако Маделейн вовсе не была распутной. Она свято блюла свою добродетель. Джеймс был поражен... поражен, и счастлив, и горд, когда обнаружил, что стал ее первым мужчиной.

А потом он уехал... и она уехала вместе с ним.

И вот уже почти шесть месяцев, как она жила вместе с ним в одном из его имений. Когда он уезжал в Лондон по делам или объезжал другие свои владения, Маделейн нетерпеливо ждала его. Лишь одно смущало и тревожило ее. Хотя он много раз твердил о том, что сгорает от страсти, что ему достаточно только коснуться ее, чтобы огонь желания разгорелся в нем, однако ни разу... ни разу он ни слова не сказал ей о любви.

Маделейн содрогнулась от боли, и одинокая слезинка скатилась у нее по щеке.

– Что?! – возмутился он. – Слезы? – И он насмешливо

---

¹ Гаджо – цыганское слово, которым обозначают не цыган. – Здесь и далее примеч. пер.

фыркнул. – Глазам своим не верю! Слезы... у шлюхи-цыганки!

Глядя сейчас на его искаженное презрением красивое лицо, трудно было поверить, что оно могло излучать нежность. Что он мог быть добрым и ласковым. Маделейн вдруг почувдилось в нем нечто ужасное, злое и темное, некий мрак в его душе, понять который ей было не дано.

Может быть, так уже бывало...

Руки ее дрожали, и Маделейн догадывалась, что так же будет дрожать голос, если она попытается заговорить. Невероятным усилием воли она заставила себя успокоиться и, подняв голову, бесстрашно встретила взгляд его холодных голубых глаз.

– Я не шлюха, Джеймс, и ты это знаешь. Я пожертвовала для тебя всем... всем! У меня никогда не было другого мужчины, кроме тебя. И ты знаешь это так же хорошо, как и я!

– Какое это имеет значение? – возразил он. – Вспомни, я взял тебя из грязного цыганского табора, кормил и поил, разве нет? Ты ведь с самого начала знала, что мне от тебя нужно. Я никогда этого не скрывал. Да и ты хотела того же, Маделейн. Клянусь кровью Христовой, ты была такой же ненасытной, как и я!

Ее судорожно сжатые пальцы смяли тонкое полотно простыни. Маделейн молчала.

– Вот видишь! – язвительно проговорил он. – Сама знаешь, что я прав! Я одарил тебя шелками и атласом, бархатом

и драгоценными мехами! Ела ты с тончайшего фарфора. Если бы не я, ты ни о чем таком и мечтать бы не смела! И ты ни от чего не отказывалась, прекрасно зная, что я ничего не обещал тебе в будущем.

И тут она впервые испытала стыд. Стыд... за то, что сотворила. О Боже, как опрометчива она была! Она надеялась, что со временем заставит его измениться, заставит полюбить ее, полюбить так, как она любила его всегда.

Да, она любила... тогда как он всего лишь вожделем.

Маделейн медленно подняла голову и, надменно вскинув подбородок, посмотрела ему в глаза.

– Ты назвал меня шлюхой. Но я не шлюха, Джеймс. Я та, какой ты меня сделал.

Уголки его рта изогнулись в насмешливой улыбке.

– Тебе хорошо платили за твои услуги, малышка. А ты и в самом деле то, что я сказал: шлюха-цыганка.

Голова Маделейн упала на грудь. Каждое его слово обжигало ее, как пощечина.

– А как же ребенок? – воскликнула она. – Твой ребенок!

– Откуда мне знать, что у тебя и в самом деле будет ребенок? Может, ты все это придумала, чтобы заморочить мне голову и заставить отвести тебя к алтарю? Но как видишь, малышка, из этого ничего не вышло. Твой план не удался. Если я женюсь, то на женщине безупречно благородной крови, а не на цыганской оборванке.

Боль, от которой, казалось, разорвется сердце, сдавила ей

грудь, мешая дышать. Какой же глупой она была, думала Маделейн. Как могла полюбить такого человека?! Но все же в чем-то он прав, призналась она себе. Такой, как он, никогда на ней не женится.

Граф снова заговорил. На этот раз в его голосе звучали предостерегающие нотки:

– Знаешь, лучше не ссориться. Раз уж пришло время тебе уйти отсюда, малышка, что ж, так тому и быть. Давай расстанемся без гнева.

Широкими шагами Рэвенвуд направился в угол комнаты, где была ниша, а в ней шкаф. Приоткрыв его, он долго что-то искал, потом захлопнул дверцу и обернулся. Когда граф подошел к постели, в руке его был тяжелый атласный мешочек.

– Вот. – Он швырнул на постель мешочек, тяжело упавший к ее ногам, и монеты, которыми он был набит до самого верха, мелодично звякнули. – Вы, цыгане, обожаете золото, верно? Думаю, это вполне приличное вознаграждение за твои услуги. Давай расстанемся без гнева...

Но Маделейн очень разгневалась. Черная горечь воспламенила ее кровь, выжгла сердечную боль. Он никогда не узнает... никогда не узнает о том, как сильно она его любила!

Взгляд Маделейн остановился на лежавшем у ее ног тугом мешочке.

– Я не хочу твоего золота. И я его не возьму, – ровным голосом проговорила она. – И я обещаю тебе, Джеймс: ты еще пожалеешь!

– Неужели? – Он скучаяще пожал плечами. – Не думаю. Есть и другие женщины в мире, кроме тебя, Маделейн, такие же красивые, как ты!

– Зато я ношу сына. Твоего сына! Твоего единственного сына!

– Ты носишь ублюдка!

Слова хлестнули ее, точно пощечина. Глаза графа были холодны как лед. Господи, подумала она, неужели в нем нет и капли чувства?

Маделейн облизнула сухие губы. Отбросив в сторону простыню, она поднялась с постели и, не стыдясь своей наготы, встала прямо перед ним.

Руки Маделейн метнулись к его лицу. Но она даже не попыталась коснуться его. С ее уст полился поток цыганской речи, в которой она выплеснула бурю, бушевавшую в ее груди.

Джеймсу стало не по себе. Глаза его нервно замигали. Маделейн тотчас заметила это – слишком хорошо она знала его, чтобы не понять, как ему сейчас страшно.

Голос ее набирал силу и звучность. Руки взметнулись и замерли, обвиняющим жестом указывая на графа.

Напряжение в комнате нарастало, как перед грозой.

И когда зазвучал ее голос, он наконец стряхнул с себя оцепенение, навис над ней, словно грозовая туча, и мощные руки с яростной силой впились в хрупкие плечи Маделейн.

Граф злобно встряхнул ее. Потом еще... и еще. Он тряс

ее до тех пор, пока она не замолчала. Голос Маделейн оборвался. Голова запрокинулась. Сейчас она была похожа на сломанный цветок.

Маделейн даже не сделала попытки укрыться от его гнева. Вместо этого она смело подняла на него сверкающие черные глаза.

– Что это? – рявкнул он. – Цыганское проклятие?

Она позволила легкой улыбке появиться на губах.

– Значит, ты поверил?.. Что ж, так тому и быть.

Выругавшись сквозь зубы, он презрительно оттолкнул ее в сторону.

– Ты спятила! – грубо прорычал он. – Такая же сумасшедшая, как эта ваша цыганка-предсказательница Адриана!

Таинственная улыбка снова тронула губы Маделейн. Старуха Адриана нагадала Джеймсу, что его ждет жизнь, полная горя и тоски. И еще сказала, что всего его золота не хватит, чтобы купить себе хоть крупицу счастья.

– Может, так оно и есть, – чуть слышно прошептала Маделейн. – И все же Адриана была права. Тебе никогда не узнать счастья, Джеймс. – Она выразительным жестом опустила руки на свой пока еще плоский живот. – И помни об этом своем сыне, Джеймс, потому что никогда... ты слышишь?.. никогда больше тебе не суждено иметь детей! У тебя не будет ни сына, ни дочери! И ты никогда не узнаешь счастья отцовства!

Лицо его потемнело и стало грозным. В глазах сверкнуло презрение.

– Твое жалкое цыганское проклятие не испугало меня, Маделейн. Я ухожу. А когда вернусь, хочу, чтоб тебя здесь не было. Убирайся! Возвращайся в свой грязный табор, к своим цыганам! Мне наплевать, куда, ты пойдешь. Ты слышишь меня, Маделейн? Мне нет дела до того, что с тобой будет!

Круто повернувшись на каблуках, он направился к двери.

Но Маделейн с пронизательностью, свойственной ее народу, успела заметить страх, мелькнувший в его глазах... Теперь настал ее черед уязвить его.

– Запомни мои слова, Джеймс. Я ухожу... и забираю с собой твоего сына. Твоего единственного сына. Ты сам веришь в это. Значит, так тому и быть.

Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной. Вопль Маделейн, полный боли и ярости, разорвал воцарившуюся тишину, эхом раскатился по комнате:

– Будь ты проклят, Джеймс! Гори в аду!

Но даже в то мгновение, когда слова эти сорвались с губ, когда кровь, текущая в жилах, казалось, превратилась в жидкое пламя, Маделейн не могла не понимать того, что творилось в ее сердце.

Силы покинули ее, и Маделейн упала на пол. Жгучие слезы текли по щекам. Она плакала, не замечая, сколько прошло времени, плакала, пока у нее уже не осталось слез.

Когда она наконец подняла голову, вокруг царила тишина.

Маделейн снова потрогала живот, легко, едва касаясь, словно боясь потревожить крошечное существо, спавшее

там безмятежным сном. Маделейн знала...

Все будет именно так, как в песне, которую она пела в ту далекую ночь, когда увидела его в первый раз... Из горя и мук родится радость. Утихнет боль в сердце, и счастье вновь вернется в него, чтобы воцариться навек. Ее народ с радостью примет ее обратно. В этом она никогда не сомневалась. Она выносит своего ребенка. Своего сына. Ее. Ее сына!

Но Джеймс не должен об этом узнать... никогда! В этом у нее не было сомнений, как и в том, что завтра взойдет солнце... что внутри ее чрева спит его собственный сын...

А она... она тоже проклята: обречена до последнего вдоха любить его, Джеймса Сент-Брайда!

Глава 1

Рэвенвуд-Холл, 1821 год

– Он же цыган, ты ведь знаешь, Оливия. Дьявольское отродье! Цыган!

Именно так Оливия и стала звать его про себя с самого начала, с того дня, как нанялась на работу в Рэвенвуд-Холл. Вне всякого сомнения, так же звали его и те, кто служил в этом доме задолго до нее, потому что он и был, собственно говоря, цыганом. Цыганским ублюдком, незаконнорожденным сыном старого графа.

Цыган...

Доминик Сент-Брайд.

Вежливо улыбнувшись, Оливия потянулась за кусочком хлеба, составлявшим ее трапезу. Истинный служитель Божий, ее дорогой папа – упокой, Господи, его душу – всегда считал сплетни одним из самых страшных грехов.

Она нисколько не сомневалась: будь он жив, укорил бы ее только за то, что она слушала. И все же Оливия ничего не могла поделать с собой. Бог свидетель, она не испытывала особого интереса к цыганам... особенно после того, что случилось с отцом... И все же, как только речь заходила о новом хозяине Рэвенвуда, она буквально сгорала от любопытства.

Кучка слуг толпилась в кухне, с жадностью поглощая полуденную трапезу.

Франклин, дворецкий, нахмутив кустистые седые брови, внес свою лепту в общий разговор:

– Лэнгстон – он, сами знаете, дворецкий в лондонском доме его милости, – так вот, он говорил, что этот, новый, дескать, настоящий полукровка! И всегда спит с открытым окном – даже когда от мороза кора на деревьях лопается!

– Ох, ну и жестокий же он, наверное! – вставила миссис Томпсон, пухленькая, сдобная, как пышечка, кухарка. Глядя на нее, трудно было удержаться от смеха: казалось, она вылезает из платья, будто подошедшее тесто из квашни; необъятных размеров грудь переходила в объемистый живот. Но Оливии однажды довелось услышать, как Франклин сказал, что такой искусной кухарки, как миссис Томпсон, не сыскать и в самом Лондоне.

Шарлотта, молодая женщина, совсем недавно приехавшая из Ирландии, дрожащей рукой осенила себя крестом. Круглые карие глаза расширились от страха.

– Да уж, держу пари, этот новый ни в чем не уступит старому... покойному то есть... графу, – скорчив недовольную гримасу, вступил в разговор один из слуг. – Эх, жаль, что он не остался в Лондоне! Право, жаль!

Франклин покачал головой:

– И все же мне до сих пор не верится, что старик умер, так и не оставив после себя ни одного законного сына! Уму непостижимо: три жены – и все оказались бесплодными!

– Может, все дело в нем самом, а жены тут ни при чем!

Об этом ты небось и не думал? – снова вступила в разговор кухарка.

– А уж если вспомнить, как он прикладывался к бутылке, особенно в последние-то годы...

– В последние годы? Скажи лучше, в последние десять лет! Милдред, чья кузина в Лондоне замужем за главным конюхом его милости, рассказывала мне, что старый граф не просыхал с того самого дня, как съездил в табор и забрал малыша у цыганки, его матери, чтобы привезти в Лондон!

Франклин угрюмо кивнул:

– Я слышал, что старый хозяин смотреть не мог на мальчишку! Да что там, ни одна живая душа в доме и знать не знала до того самого дня, как он умер и стряпчий прочитал его завещание, что старик все же много лет назад усыновил парня!

– М-да... – протянул садовник, – я ведь помню, как он поехал за мальчишкой. Это случилось вскоре после того, как старый хозяин схоронил последнюю, жену. Не очень-то ему хотелось признать своим законным сыном цыганского ублюдка, да что ж поделать? Кому ж еще оставить наследство, если не ему? Кроме цыганенка, у него и родни-то не было... так, какая-то дальняя кузина, седьмая вода на киселе, тем более такая же старая, как и он сам.

– Но титул ведь в любом случае не мог перейти к ней. А кроме того, – вставила Глория, одна из горничных, прислуживавших наверху, – старый граф терпеть ее не мог.

– А ты лучше скажи, кого он мог! Старый черт всех ненавидел!

Последние слова были перекрыты оглушительным взрывом хохота, и разговор потек в том же направлении.

Кухарка подбоченилась. Взгляд ее перебежал с одного лица на другое.

– И как только вы можете смеяться? – укоризненно бросила она. – Вы хоть подумайте, кому достался титул! Какому-то цыгану! А всем нам лучше тянуться перед ним в струнку, не то он еще найдет на нас заклятие вроде того, что его мать наложила на старого графа!

Смех мгновенно стих.

– О, перестань в самом деле! Это просто нелепо!

– А вот и нет! Если хотите знать, я сама слышала, как старый граф бредил об этом, умирая! Эта ведьма-цыганка прокляла его! Она сказала, что ему вовек не суждено иметь сыновей, кроме того единственного, которого она носит!

– Говорят, этот цыган красив как сам дьявол, – жеманно хихикнув, вставила одна из горничных, Инид. Она и сама была хорошенькой, как кукла, с огромными голубыми глазами и пепельными кудряшками.

– Это верно, хорош-то он хорош, да только необузданный. И всегда был таким, с того самого дня, как старый граф забрал его с собой. Помнится, он отказался учиться в школе. То и дело сбегал, маленький негодник, я это хорошо знаю. А когда вырос и стал совсем взрослым, то только и делает,

что играет в карты да бегает за каждой шлю... – Поперхнувшись, говоривший торопливо проглотил остаток фразы, – То есть я хотел сказать, не пропускает ни одной юбки. И страсть как любит волочиться за леди, если вы понимаете, что я хочу сказать. А уж те женщины, которых он бросает... все, как одна, графини да герцогини, вот оно как! Да еще парочка опереточных певичек. А еще я слышал о его последней пассии – актрисе Морин Миллер. Хорош, верно? Говорят, этот цыган настоящий распутник, повеса, каких поискать! Уж сколько женских сердец он разбил... ух!

Уголки губ Оливии опустились вниз. Теперь она готова была ненавидеть его, и вовсе не потому, что в нем текла цыганская кровь, а лишь по той причине, что был он повесой и негодяем, отъявленным распутником!

– Значит, ничего не изменилось, – добавила другая горничная. – Господи Боже мой, да он волочился за юбками за-долго до того, как умер старый граф. Моя матушка – она живет в Лондоне – пишет мне об этом постоянно. Так что неудивительно, что графа в конце концов хватил удар!

– Отец сотни раз твердил, что лишит его наследства, но цыгану на это было плевать, – вступил в разговор другой слуга.

– Да, это верно. Вот только теперь он едет сюда, и, помните мое слово, лучше бы нам подготовиться к его приезду заранее. – Франклин с кряхтеньем поднялся на ноги. – Что ж, леди и джентльмены, думаю, мы неплохо поболтали, а те-

перь не грех и поработать хорошенько!

Франклин, выглядевший очень сурово, что подчеркивали гигантский рост и тощая фигура, обладал на редкость мягкой и ласковой душой. Единственной его слабостью была любовь к сплетням. Он никогда не забывал о том, какую должность занимает в доме графа, однако высокое положение не мешало ему подарить улыбку или дружеское слово даже последней судомойке, если та, конечно, не пренебрегала своими обязанностями. Оливии он сразу понравился; ей пришлось по душе, что в старике нет ни капельки надутого чванства.

Но вот экономка, миссис Темплтон, была наделена этим качеством сверх всякой меры. Колкие, резкие манеры этой мегеры были под стать хищным чертам ее лица. Оливия несколько не сомневалась, что если той вздумается вдруг улыбнуться, то лицо ее тут же рассыплется на множество мелких кусочков. Домоправительнице и в голову не приходило удостоить кого-нибудь ласковым взглядом – казалось, ее маленькие свирепые глазки так и шныряют по углам, точно мыши. Она не просила – она приказывала. И не выговаривала, а выпаливала оскорбительные слова, словно стегала кнутом.

Поднявшись из-за стола, Оливия стряхнула хлебные крошки с накрахмаленного белого передника, прикрывавшего ее простенькое черное платьице. Все последние дни в доме царил постоянный переполох – и все из-за скорого приезда «цыгана».

Всю свою короткую жизнь Оливия прожила в расположенной неподалеку от поместья деревушке Стоунбридж. Ей никогда не приходилось встречаться с Джеймсом Сент-Брайдом, старым графом Рэвенвудским, хотя не раз доводилось видеть, как он верхом скакал по лугам или рысцой проезжал через деревню. И он всегда казался ей угрюмым – ни приветливого слова, ни улыбки, разве что изредка. Хотя ее бабушке, деревенскому викарию, время от времени приходилось с ним встречаться. Она не забыла, как однажды, возвращаясь из Рэвенвуд-Холла, отец ее долго не мог успокоиться. Он был очень возмущен. После долгих расспросов Оливии удалось выяснить, что викарий отправился в усадьбу попросить денег, нужных для ремонта церковной крыши, которая с наступлением зимы стала немилосердно протекать.

Граф отказал наотрез. Больше отец никогда не просил. Это и был чуть ли не единственный случай, когда пересеклись их пути. Вскоре граф умер, оставшись в ее памяти холодным, бесчувственным, эгоистичным человеком, железной рукой охранявшим и свои богатства, и свою личную жизнь.

Рэвенвуд-Холл стоял на вершине холма к северу от деревни. Угрюмые башни вздымались высоко в небо. Это была величественная твердыня с узкими стрельчатыми окнами, еще в незапамятные времена выстроенная из грубо обтесанного камня. Поскольку все последние годы старый граф проводил в Рэвенвуде не так уж много времени, большинство поме-

щений было закрыто. Все это время в поместье оставалась лишь горсточка слуг. Даже когда два года назад старый граф окончательно слег в постель, он так и не вернулся в родовое гнездо. Последние дни перед смертью он провел в своем лондонском доме.

Увы, углубившись в размышления, Оливия слишком задержалась в кухне. Случилось так, что она одной из последних поднялась из-за тяжелого дубового стола, и произошло это как раз в тот момент, когда на пороге выросла мрачная фигура миссис Темплтон.

Ее ледяной взгляд остановился на смущенной Оливии.

– Ну конечно, мне следовало догадаться! – возмущенно фыркнула экономка, даже не пытаясь скрыть злобу, буквально пропитывавшую каждое слово, слетавшее с ее губ. – Так я и знала, юная леди, что хорошей работы от вас не дождешься! К несчастью, мне просто некого было нанять, кроме вас!

Оливии слишком хорошо было известно, на что она намекает. Около месяца назад «цыган» прислал сказать, что желает снова поселиться в Рэвенвуд-Холле. Новость моментально облетела всю деревню. Все удивлялись, но никто особо не стремился наняться туда на работу. Жители Стоунбриджа с недоверием относились к новому хозяину Рэвенвуда. Для них он был и останется чужаком... «цыганом».

Но жалованье, которое предлагали всем, кто наймется в Рэвенвуд-Холл, было слишком соблазнительным, чтобы Оливия могла устоять. Увы, ее бедный отец никогда не от-

личался особой практичностью. После его смерти осталось немного денег – слава Богу, их хватило, чтобы она смогла продержаться хотя бы полгода. Это было для нее тяжелое время. Неожиданная смерть отца... вернее, то, как он умер... оказалось для нее настоящим ударом. А ведь, кроме того, надо было еще сидеть у постели больной Эмили... И вот наступило время, когда скудный запас денег, оставшихся после отца, иссяк, и ей пришлось подумать о том, как заработать на жизнь для них обеих. Именно отчаянная нужда в деньгах и заставила ее наняться на работу в Рэвенвуд-Холл... Деньги были нужны ей позарез.

А миссис Темплтон все не унималась:

– Вне всякого сомнения, вы задираете нос, считая себя выше всех нас! Но предупреждаю вас, мисс Оливия Шервуд, не испытывайте моего терпения. Не заставляйте меня пожалеть о моей доброте!

Два ярких пятна загорелись на скулах Оливии. От смущения она не знала, куда деваться, тем более что некоторые особенно любопытные, словно невзначай, замешкались на пороге. Разинув рты они силились не упустить ни единого слова. Дерзкий ответ уже вертелся на кончике языка Оливии, но она вовремя прикусила его, сообразив, что мгновенно окажется на улице.

Вместо этого она гордо вскинула голову и как можно спокойнее ответила:

– Мне очень жаль, что вы такого мнения, миссис Темпл-

тон. Уверяю вас, я прекрасно знаю свое место в этом доме. И буду делать все, что от меня требуется.

Ее спокойное достоинство, казалось, только подлило масла в огонь. Миссис Темплтон пришла в ярость.

– Просто замечательно, что вы это понимаете, мисс Шервуд, – прошипела она, – потому что я хочу, чтобы вы вычистили и отполировали парадную лестницу. И не надейтесь, что вам удастся ускользнуть, пока я лично не буду удовлетворена тем, как вы сделали вашу работу.

У Оливии екнуло сердце. Парадная лестница была колоссальных размеров. К тому же посередине она расходилась на две части, которые вели в левое и правое крылья дома. Можно себе представить, сколько долгих часов займет ее уборка... Однако девушка заставила себя храбро взглянуть в глаза своей мучительнице. Сделав вежливый реверанс, она бесшумно выскользнула из кухни. Миссис Темплтон почему-то возненавидела ее с первого же дня – Оливия читала это в ее глазах. И до сих пор удивлялась, как это ее до сих пор не сделали судомойкой.

За углом ее поджидала Шарлотта. Она легонько тронула Оливию за локоть.

– Не переживай, Оливия, она всегда такая грымза. По крайней мере мне так рассказывали. Старуха просто ненавидит весь мир, в этом-то все и дело!

Оливия ответила ей слабой улыбкой.

– Да? Что ж, уже легче, а то я думала, только меня!

Через пару минут, держа в руках охапку тряпок и миску с пчелиным воском, она спустилась в прихожую Рэвенвуда. И терпеливо принялась за работу. За окном, поверх лестницы, ярко светило солнце. Заставив себя не обращать внимания на солнечные зайчики, весело сновавшие по мраморным плитам лестницы, Оливия взяла в руку тряпку.

Медленно текло время. Оливия старалась не замечать, как солнце опускается за горизонт. Снизу донесся бой часов – десять. Оливия как раз добралась до того места, где лестница расходилась в разные стороны, как вдруг на ступеньки перед ней упала чья-то тень. Отбросив со щеки влажную прядь золотистых волос, она устало подняла голову.

Слава Богу, это была Шарлотта.

– Пришла тебе помочь, – торопливо прошептала она.

С трудом поднявшись, Оливия покачала головой:

– Нет, Шарлотта! Если миссис Темплтон застанет тебя здесь, она совсем взбесится.

– Что ж, если такое случится, я просто скажу ей, что не ее дело, чем я занимаюсь после работы!

Оливия ласково поправила на приятельнице шляпку, как обычно чуть-чуть сползавшую набок.

– Я очень тронута, что ты заботишься обо мне. Но ведь это моя работа, а не твоя, Шарлотта, милая.

– Да ладно тебе, – решительно проворчала Шарлотта. – Ведь тебе еще дома ходить за сестрой, верно? И вообще, если бы не эта старая ведьма, ты бы уже бежала домой!

Оливия слегка вздернула тонкие, словно нарисованные брови.

– А у тебя самой дома сын.

Шарлотте недавно исполнилось двадцать три года. Она была немного старше Оливии, но у нее уже был семилетний сын, Колин. Отец его, муж Шарлотты, умер, а жизнь в Ирландии была тяжелой. Поэтому Шарлотта со старенькой матерью и сыном приехали в Англию и осели в Йоркшире.

– Не переживай! Мамаша прекрасно позаботится о нем... ничуть не хуже, чем я. А может, и получше: она ведь своих четырнадцать вырастила! – И Шарлотта заговорщически подмигнула Оливии.

Та вздохнула. Спорить с Шарлоттой бесполезно – она это уже поняла. Протянув тряпку, Оливия смущенно поблагодарила ее.

Несомненно, с помощью ловкой Шарлотты дело двигалось куда быстрее. Через час Оливия тихонько тронула приятельницу за локоть.

– Ты уже здорово мне помогла, Шарлотта, спасибо тебе. А сейчас беги домой к своему малышу. – Шарлота уже открыла было рот, чтобы спорить, но Оливия быстро добавила: – Посмотри, как мало осталось. Я все доделаю одна, это не займет много времени. А потом, если ты удержишься и миссис Темплтон застучает тебя здесь, влетит нам обеим, а я этого не хочу.

Шарлотта недовольно поджала губы, но все же послуша-

лась. Оливия торопливо обняла ее.

– Даже сказать не могу, как я тебе благодарна, Шарлотта! Если тебе что-нибудь понадобится, только скажи!

Шарлотта убежала как раз вовремя. Оливия домывала последнюю ступеньку, когда внизу появилась миссис Темплтон. Проведя пальцем по полированным перилам вишневого дерева, она поднесла его к самым глазам в поисках несуществующей пыли. Ее крохотные, точно буравчики, глазки замечали абсолютно все. Оливия в страхе затаила дыхание и ждала, пока грозная домоправительница не подошла к ней вплотную.

Та не проронила ни слова – ни упрека, ни похвалы. Когда она наконец заговорила, голос ее был сух и неприветлив, как всегда.

– Можете быть свободны, – все, что она сказала.

Оливия торопливо поблагодарила. Но только свернув за угол и пройдя несколько шагов, осмелилась вздохнуть полной грудью.

В доме было темно, как в могильном склепе. При одном упоминании слова «Рэвенвуд» перед глазами Оливии вставало что-то мрачное и зловещее. Но так было до того, как она впервые переступила его порог. Оказавшись здесь, она была приятно удивлена, внутренним великолепием дома. В нем было множество окон, сквозь которые лился солнечный свет, отчего весь дом словно светился изнутри и казался теплым и радостным, что до странности не вязалось с его назва-

нием². Но сейчас дрожь пробежала у нее по спине. Старый дом вдруг предстал перед ней страшно пустым и одиноким.

Она почти бегом бежала к черному ходу, и шаги ее гулко разносились по коридору. Чтобы попасть туда, надо было пройти через кухню. Та была пуста. Большинство слуг, живших в доме этажом ниже, скорее всего уже разошлись по своим комнатам. А остальные – их было всего несколько человек, включая ее и Шарлотту, – жили неподалеку, в деревне.

Рука Оливии легла на ручку двери, и девушка слегка поморщилась. Вчера она с самого рассвета мыла и натирала в доме полы, таская на третий этаж ведро за ведром. Ее плечи и спина до сих пор болезненно ныли, а на нежных девичьих ладонях вздулись мозоли. Пальцы Оливии окостенели и распухли.

Оливия мысленно представила длинную извилистую тропинку, которая вела к проселочной дороге. Увы, никому и в голову не придет заплатить ей за лишний труд. Господи, что за труд!

Печаль и уныние наполнили ее сердце. Сморгнув непрошеные слезы, готовые повиснуть на ресницах, Оливия судорожно вздохнула. Теперь у нее не оставалось времени даже поплакать. Какая-то часть ее все еще не могла смириться с мыслью, что отца уже нет в живых... и мамы тоже. И все же ей

---

² Рэвенвуд – вороний лес.

достаточно было только заглянуть в безжизненные, пустые глаза Эмили, чтобы понять, что все случившееся – вовсе не сон.

Холодный ветер обжег ей лицо, заставив очнуться от мрачных мыслей. Оливия плотнее закуталась в теплый плащ. Как она догадывалась, было уже поздно, около полуночи.

Низкий туман стелился по земле. В этом месте густой лес почти подступал к дороге. Корявые ветви деревьев сплетались над самой головой девушки, будто чудовищные змеи в священном танце.

Холодок пополз у нее по спине. Торопливо шагая по тропинке, Оливия успокаивала себя тем, что это ночь играет шутки с ее воображением. Стоунбридж всегда был мирной, немного сонной деревушкой. Здесь нечего было бояться. И в самом деле, единственным страшным событием за последние десять лет, которое произошло в их местах, было убийство ее отца. Да и то убийцу почти сразу же нашли и вздернули на виселице.

И все же она никак не могла избавиться от тревожного чувства приближающейся беды, которое не давало ей покоя. Оливия старалась держаться самой середины дороги. Вот и поворот. Облегченный вздох вырвался у нее из груди – сразу же после подъема должна была появиться деревня.

Вначале она ощутила дрожание... дрожание земли. Сдавленный крик замер в горле испуганной Оливии. Карета, за-

пряженная взмыленной четверкой лошадей, вылетела из-за поворота. Кони неслись галопом, все ближе... ближе. Она услышала резкое щелканье кнута. Оливии казалось, что она уже чувствует хриплое дыхание громадных животных. Страх охватил девушку... Неужели же кучер до сих пор не видит ее?

Похоже, что нет. Оливия прижалась к самой обочине как раз в то мгновение, когда карета с шумом и грохотом поравнялась с ней.

Острый сук царапнул ей щеку. Оливия споткнулась, с криком схватилась за плечо и упала. Легкие ее, казалось, вот-вот разорвутся. Ударившись о землю, она кубарем покати-лась вниз, пока не наткнулась на что-то. Но хотя голова у нее и кружилась, Оливия не сомневалась, что слышала чей-то крик. Ошеломленная, она продолжала лежать ничком, стараясь отдышаться. Краем глаза Оливия заметила, что карета остановилась. С трудом приподнявшись на колени, она провела дрожащей рукой по глазам.

И тогда она увидела его... огромного зверя, несшегося к ней исполинскими прыжками. Девушка издала сдавленный вопль и вскинула руку, но было уже поздно. Страшный удар в грудь отбросил ее навзничь. Дыхание ее прервалось. Слишком испуганная, чтобы кричать, даже если от этого зависела бы ее жизнь, она заворуженно уставилась в разверстную пасть, где сверкали чудовищные клыки.

Помощи ждать было неоткуда. Страх совершенно парализовал Оливию. Она изо всех сил зажмурилась и чуть слыш-

но застонала, нисколько не сомневаясь, что через несколько мгновений станет добычей страшного зверя.

Вдруг она услышала приближающиеся шаги, и под чьи-то сапогами захрустел гравий.

– Он не причинит вам вреда, – уверил ее низкий мужской голос, и в ту же минуту горячий шершавый язык облизал ее мокрую от слез щеку. – Он совершенно безобидный, бедняга.

Крик замер у нее в горле. Оливия недоверчиво приоткрыла глаза. Откуда-то из темноты вынырнула высокая мужская фигура. Ей показалось, что незнакомец одет во все черное.

Дрожь пробежала у нее по спине. Гораздо страшнее, чем чудовищный черный пес, стоявший сейчас над ней, оказался его неизвестный хозяин...

Оливия неотрывно смотрела в его глаза, черные, как сажа преисподней. И тут с содроганием она поняла, кто перед ней...

«Цыган».

Глава 2

Ее первой мыслью было, что он совершенно не похож ни на одного из цыган, которых она встречала до сих пор. Где же яркие, цветастые одежды? – недоумевала Оливия. Где повязанный вокруг шеи платок?

Ну, конечно, глупышка, одернула себя Оливия, он и не может быть таким. Должно быть, у нее просто помутилось в голове... либо от падения, либо от страха. Ведь он уже давно вел жизнь джентльмена.

– Мисс? Мисс, вы не ушиблись? Вы можете говорить?

Значит, это и есть Доминик Сент-Брайд, новый граф Рэвенвуд. Голос у него был низким и глубоким, мягким, как бой старинных часов. А рядом с ним замер громадный черный пес.

– Мисс, вы меня слышите? Если да, пожалуйста, ответьте мне!

В голосе его проскользнула нотка раздражения. Только сейчас Оливия поняла, что по-прежнему смотрит на него широко раскрытыми, испуганными глазами. Господи, наверное, он принял ее за деревенскую дурочку!

– Юная особа, вы слышите меня? Вы можете двигаться?

Брови его сердито сдвинулись в одну прямую линию.

Прядь черных как смоль волос упала на лоб. Сильные мужские руки сомкнулись на ее плечах. Он склонился над

ней, придвинувшись так близко, что до нее донесся шорох, с которым его плащ терся о ее собственную одежду, и горячий, влажный жар его дыхания коснулся ее губ. Как ни странно, это было вовсе не противно...

Господи, да что это с ней, в самом деле?

– Я была бы вам крайне признательна, сэр, если бы вы отпустили меня.

Что-то мелькнуло в его глазах. Уголки губ чуть заметно дрогнули... Неужели он улыбнулся?

Нет. Конечно, нет. Все остальные слуги были убеждены... да и она тоже: «цыган» будет жестоким хозяином.

Он отпустил ее. Оливия осторожно шевельнулась, проверяя, не сломано ли что. Подняв глаза, она заметила, что незнакомец выпрямился и протягивает руку в перчатке, чтобы помочь ей подняться на ноги. Поколебавшись, Оливия ухватилась за нее, собираясь исчезнуть тотчас же, как окажется на ногах.

– Осторожнее. Не стоит торопиться.

Рядом послышались торопливые шаги. Из темноты вынырнул коренастый мужчина, в его дрожащей руке раскачивался фонарь.

– Милорд... О Боже! Все в порядке? Богом клянусь, я не видел эту девчонку до последней минуты, а потом было уже поздно! Я старался объехать ее, да куда там!

– Все в порядке, Хиггинс. Можете возвращаться к карете. Эти глаза, такие темные... темные, как безлунная ночь.

Казалось, они никак не могут оторваться от лица Оливии.

И девушка смутилась до слез, вдруг почувствовав себя грязной и неуклюжей.

– Уже полночь, – мягко проговорил он. – Вам не следует бегать по лесу в такой поздний час.

Оливия нахмурилась. Может быть, они ее хозяин, хотя, кажется, пока не подозревает об этом, но, уж во всяком случае, он ей не отец.

– Я прекрасно знаю, который сейчас час, сэр, и, уверяю вас, я в полной безопасности.

– Боюсь, тут вы ошибаетесь, юная особа. Иначе мы бы сейчас с вами не разговаривали.

Оливия растерянно заморгала. Какое нахальство! Нет, он совершенно невыносим, это точно! Девушка надменно вздернула плечи. В конце концов, ей уже двадцать два, она вполне взрослая женщина. Даже отец никогда не считал нужным указывать ей, что и как делать. Наоборот, он всегда старался убедить и ее, и Эмили, что следует учиться жить собственным умом, по крайней мере для того, чтобы ни от кого не зависеть.

– Уверяю вас, сэр, я не какая-нибудь слезливая, беспомощная дамочка!

Ей показалось, что он попросту не услышал ее. Ничего не сказав, он сунул руку в карман брюк и вытащил большой носовой платок. Оливия замерла, когда он осторожно прижал

белоснежную ткань к ее правой скуле.

– У вас идет кровь, – объяснил он. – Я обратил внимание, когда появился Хиггинс с фонарем.

Ахнув, Оливия схватилась за щеку.

– Это просто царапина, – успокаивающим тоном произнес он, однако руку убрал. – Кровь сейчас остановится.

Оливия вдруг почувствовала себя ничтожной и маленькой. Господи, какой же он высокий! Даже вытянувшись во весь рост, она с трудом доставала макушкой ему до подбородка. И ей вовсе не нужен был солнечный свет, чтобы убедиться, как широки его плечи под просторным черным плащом.

Сердце ее колотилось как бешеное, что ей вовсе не нравилось... Во всяком случае, она никогда не испытывала ничего подобного. Оливия, вспыхнув от смущения, поспешно отвела глаза в сторону, пока он не заметил, что она исподтишка разглядывает его. Если бы ее застигли за этим занятием, она бы окончательно смутилась.

Взгляд ее остановился на псе, стоявшем рядом со своим хозяином. Украдкой рассматривая его, Оливия вдруг подумала, что этот пес – настоящее чудовище, – наверное, самое безобразное существо из всех, что ей доводилось встречать на своем веку. Огромная голова с остроконечными чуткими ушами, мощное туловище, покрытое густой, довольно длинной черной шерстью, под которой перекачиваются могучие мускулы.

От внимания незнакомца не ускользнуло, что девушка с интересом разглядывает его пса.

– Это Люцифер.

– Люцифер! Господи, да ведь это одно из имен сатаны!

Скорее всего он нашел ее наивный испуг на редкость забавным. Откинув назад черноволосую голову, «цыган» захохотал.

– Уверю вас, юная особа, мой Люцифер суший котенок! Он смирный и кроткий, как овечка!

– Настоящий монстр! – сорвалось у нее с языка, прежде чем она успела подумать. Оливия с сомнением разглядывала черное чудовище. Надо отдать ему должное: пес смирно стоял возле хозяина, не выказывая ни малейших признаков злобы, и все-таки при одном взгляде на него девушку пробирала дрожь. – Знаете, я предпочитаю кошек, – услышала она собственный голос.

– Понятно. Однако у кошек тоже есть коготки.

– Как и у женщин, сэр. По крайней мере так говорят.

– А-а... – Луна величаво скользнула за облака, и сразу стало совсем темно. Теперь Оливия почти не видела его лица, но по голосу догадалась, что он несколько удивлен. – А что до вас, мисс...

Оливия заколебалась, почему-то ей страшно не хотелось называть себя. Хотя, сердито подумала она, какая разница?

– Шервуд, – тихо сказала она наконец, – Оливия Шервуд.

К ее величайшему изумлению, он вдруг, стащив тонкую

кожаную перчатку, церемонно протянул ей руку. Оливия растерялась, не в силах собраться с мыслями.

Ей почему-то представилось, что рука его непременно окажется на ощупь холодной и скользкой, как лягушка. На самом деле она была горяча, как огонь. Глаза ее удивленно расширились, когда ее изящная ладонь почти исчезла в его огромной руке.

– Позвольте мне отвезти вас домой, мисс Шервуд.

Взгляды их встретились. Оливия робко попыталась отнять свою руку, но тут же почувствовала, как он мягко, но решительно сжал ее пальцы.

– Вы... вы... Сэр, вы держите мою руку. – К смущению Оливии, она с трудом узнала собственный голос. К тому же он заметно дрожал.

– Совершенно верно, мисс Шервуд. Так и есть. – Глаза его скользнули вниз, к его руке, все еще сжимавшей ее пальчики, потом вновь остановились на ее зардевшемся лице. Уголки его рта чуть заметно дрогнули в улыбке. Оливия задрожала. Это была дьявольская улыбка. Ей казалось, он видит ее насквозь. – Кажется, вы не расслышали... Позвольте мне отвезти вас домой.

– Нет, сэр. – Девушка энергично затрясла головой, чтобы у него не оставалось ни малейших сомнений в том, что она решительно против. – Это совершенно не нужно, – отважилась она добавить. – Ей-богу, не нужно. Я ведь живу поблизости. Вон там, за холмом.

– В деревне?

– Д-да... – Собственно говоря, это была наглая ложь: домик, в котором жила Оливия, стоял почти в миле от дальнего конца деревни.

Но он, судя по всему, и не собирался сдаваться.

– Однако, может быть, вы пострадали, хотя просто еще не чувствуете этого.

– Нет. – Оливия была непреклонна. По крайней мере ей очень хотелось, чтобы это звучало именно так. – Я бы почувствовала.

Он окинул ее взглядом, от которого ее опять бросило в дрожь. Оливия готова была голову дать на отсечение, что он разгадал ее ложь.

Он выпустил ее руку в тот момент, когда она думала, что этого уже никогда не случится.

– Что ж... хорошо.

В голосе его не было прежней теплоты. Он стал холоднее. «Неужели я его обидела?» – растерянно подумала Оливия. Чувство вины пронзило ее.

– Спасибо, что остановились, сэр, – торопливо прошептала она. – И прошу вас, скажите вашему кучеру, что он тут совершенно ни при чем.

Склонив голову, он выслушал ее торопливую, сбивчивую речь. Когда он заговорил, голос его снова стал мягким:

– Очень рад, что с вами все в порядке, мисс Шервуд.

Тихо прошуршала трава, и он исчез, словно растаял в тем-

ноте. Как Оливия ни силилась разглядеть, куда он ушел, но так и не смогла. Единственное, что она услышала, – это щелканье кнута да скрип колес, когда карета тронулась в путь.

У нее вырвался долгий, прерывистый вздох.

– Рэвенвуд... – вдруг потрясенно вспомнила она. Трудно подобрать более подходящее название для поместья, где будет жить этот человек. Было что-то темное и загадочное во всем облике нового хозяина Рэвенвуда, – Доминик Сент-Брайд, – непослушными губами прошептала она...

А может быть, это глухой полночный час и его цыганская душа разожгли ее глупые фантазии?

Сердце Оливии все еще бешено стучало, когда она, спотыкаясь в темноте, подбежала к двери крохотного коттеджа, который они с Эмили теперь называли своим домом.

Стоит ли рассказывать Эмили о том, что с ней произошло? Нет, решила она. Эм встревожится. В первый раз в жизни Оливия возблагодарила судьбу за то, что сестра слепа, а стало быть, нечего опасаться, что она заметит кровотокащую царапину у нее на щеке.

Рывком распахнув дверь, она весело окликнула сестру, постаравшись, чтобы голос ее не дрожал:

– Эмили! Я дома! Где ты, милая?

– Я здесь.

Голосок сестры донесся откуда-то со стороны маленькой гостиной. Ноги Оливии будто сами понесли ее к кухне. Пробежав через нее, она влетела в крохотную комнатушку, ко-

торую они называли гостиной. Там было темно, но Оливии удалось разглядеть силуэт сестры на фоне окна. Чертыхнувшись сквозь зубы, девушка потянулась, чтобы зажечь свечи.

– Господи, да ведь здесь тем... – Она поспешно прикусила язык, сообразив, что этого не следовало говорить. Ведь мир, в котором теперь жила Эмили, был погружен во тьму. – Сейчас лето, а ночь такая холодная! Боже, я промерзла до костей, пока бежала домой.

– Но ведь сейчас еще только июнь, к тому же самое начало. – Пальцы Эмили слабо сжали краешек шерстяной юбки сестры, и Оливия заметила, что ее тонкие брови чуть заметно хмурятся. – Оливия, ты сегодня так поздно.

– Да, милая, мне очень жаль. Но боюсь, тут уж ничего нельзя поделать. – Оливия заставила себя рассмеяться. – Наверное, ты чувствуешь себя страшно одинокой, верно? Ты уже поела?

– Пару часов назад перекусила сыром и хлебом. – Эмили повернула голову на голос сестры. – Оливия... что-нибудь случилось? Ты какая-то не такая...

– Ну что ты! Все в порядке. Просто мне стыдно, что я надолго оставила тебя одну.

– Глупости, Оливия. Ты ни в чем не виновата. К тому же Эстер немного задержалась и вывела меня погулять.

Когда Оливия нанялась на работу в Рэвенвуд, она договорилась с женщиной из деревни, Эстер, что та будет приходить на несколько часов, кормить Эмили и выводить ее

ненадолго погулять.

– Это ведь из-за него ты сегодня вернулась так поздно, я угадала? Из-за «цыгана», нового хозяина поместья?

Оливия не могла ошибиться: в голосе сестры ясно слышалось неодобрение.

У нее вырвался вздох. Чем меньше они станут говорить о новом хозяине Рэвенвуда, тем лучше, решила она. С того самого дня, как их отца нашли убитым, Эмили по ночам стали мучить кошмары, и так продолжалось много недель. Она все еще была не в силах говорить об этом – ни с кем, даже с сестрой. Именно по этой причине Оливии меньше всего на свете хотелось бы волновать Эмили.

– Нет, милая, он тут ни при чем. Боюсь, что сегодня я была не слишком усердной, вот миссис Темплтон и рассердилась. Она заставила меня вымыть парадную лестницу. Так что мне некого винить, кроме самой себя.

– Мне так противно делается на душе, когда я вспоминаю, что тебе приходится работать на этого... этого «цыгана», Оливия! Если бы ты только смогла устроиться куда-то гувернанткой... или компаньонкой. Или хотя бы швеей!

Если бы только... Не так уж много богатых поместий, у владельцев которых имелись бы маленькие дети, было в округе, по крайней мере в окрестностях Стоунбриджа. А швея в их деревушке уже была, и, с точки зрения Оливии, было бы нечестно и непорядочно отбирать у нее хлеб. Конечно, они могли бы переехать в Корнуэлл, где жил млад-

ший брат их матери, Эмброуз. Но дядя Эмброуз уже умер, а у его вдовы Полины достаточно своих хлопот: после смерти мужа нелегко поднять и поставить на ноги четверых детей. И Оливия даже подумать не могла о том, чтобы со своими проблемами сесть на шею тетке. Благотворительности же она не примет ни от кого! Нет, для этого она слишком горда.

К тому же у нее не было выбора. Денег в доме оставалось в обрез, а нужно было и покупать еду себе и Эмили, и платить за аренду дома, в котором они жили. Девушка, однако, не падала духом. Пусть ей нелегко, но она сильная и сделает все от нее зависящее, чтобы они с сестрой никому не были в тягость. А кроме того, у нее была мечта... И пусть это займет хоть сотню лет, все равно она скопит достаточно денег, чтобы отвезти сестру в Лондон и показать хорошему врачу. Казалось странным... то, как Эмили потеряла зрение: мгновенно, на следующий день после убийства их отца.

Сердце Оливии болезненно сжалось. Она навсегда запомнит, как это произошло... Душераздирающий вопль Эмили, который тем страшным утром заставил ее вскочить с постели и увидеть, как сестра в ужасе ломает руки. «Я не вижу... я ничего не вижу!» – снова и снова повторяла она, и голос ее звенел от слез.

Врач только качал головой. Похоже, он ничего не понимал. Еще накануне не было ни малейших признаков того, что Эмили теряет зрение. Правда, она сильно ударилась головой, когда слетела на землю с отцовской лошади...

Достаточно только вспомнить об этом, чтобы сердце снова защемило.

Эмили была всего лишь на год младше Оливии. Очаровательный жизнерадостный ребенок, она с годами превратилась в прелестную, веселую девушку. Конечно, Эм порой казалась несколько застенчивой, но отец не придавал этому значения. Он объяснял это тем, что их мать умерла, когда Эмили была угловатым подростком – не девочка, но еще не женщина. Когда трагически погиб отец и Эм внезапно ослепла, в ее душе будто погас какой-то огонек. Слепота сделала ее еще более застенчивой и неловкой. Теперь она все время сидела в своем кресле, ко всему безучастная... А жизнь медленно текла мимо...

Мысль о том, что сестра, может быть, до конца своих дней обречена на жизнь в полной темноте, сводила Оливию с ума. Опустившись перед Эмили на колени, она сжала ее безвольно опущенные руки.

– Все будет хорошо, милая. Мы ведь до сих пор неплохо справлялись, верно? Да и потом, ты ведь всегда шила куда лучше, чем я, разве нет? – Оливия с трудом сглотнула вставший в горле комок. – Все будет хорошо, – снова повторила она, – я обещаю.

– Ио мне так стыдно... потому, что ты вынуждена трудиться весь день напролет у этого... этого «цыгана»! Это... это неправильно! Ты не создана для такой жизни! Если бы только я не ослепла! Если бы я могла помочь тебе!

– Все не так уж скверно, правда, Эм! – попыталась Оливия утешить сестру. – И мне нравится работать в Рэвенвуде. Господи, да ты только вспомни, как я уставала, когда с утра до вечера копалась в нашем саду! – Она старалась придать своему голосу как можно больше уверенности, но не знала, насколько ей это удалось.

Должно быть, она не слишком преуспела, потому что огромные голубые глаза Эмили вдруг наполнились слезами.

– Сначала мама погибла... упала с лошади. А потом... Ты только вспомни, что случилось с отцом! Чем мы провинились, Оливия? Почему так случилось... почему?

Мысли Оливии унеслись далеко в прошлое. Их мать всегда обожала животных, особенно лошадей: ее отец когда-то управлял конюшнями герцога, и мама в юности часто помогала ему. На один из дней ее рождения отец подарил ей чудесную серую кобылу, которую называли Бонни. Он купил ее у соседа-фермера. Оливия невольно улыбнулась: счастливое время! Мама была в восторге! Она совершенно серьезно уверяла всех и каждого, что такой кобылы не сыскать во всей Англии. Да, мама была просто без ума от Бонни.

Оливия всегда побаивалась лошадей. Отец не раз предлагал научить ее ездить верхом, но безуспешно. Надеясь побороть в дочери страх перед лошадьми, мама в один прекрасный день настояла на том, чтобы Оливия отправилась на прогулку вместе с ней. Девушка хорошо запомнила этот день. Мама, понимая, что дочь напугана, пустила лошадь

легкой рысью вокруг поля неподалеку от их дома. Оливия понемногу успокаивалась и уже стала тешить себя надеждой, что все будет хорошо... В конце концов, думала она, может, верховая езда ей даже понравится. Набравшись мужества, девочка слегка сжала коленями бока кобылы и раскинула руки. Оливия помнила, как наслаждалась ветром, ударившим ей в лицо. Волосы ее разметались по плечам. Ей казалось, она летит по воздуху... И вдруг неожиданно для всех Бонни споткнулась. Вскрапнув от испуга, лошадь резко остановилась, и не ожидавшая этого Оливия мешком свалилась на землю. А мама...

Мама перелетела через голову Бонни и тяжело рухнула ей под копыта. С трудом поднявшись на ноги, Оливия испуганно озиралась. Все тело ее ныло от боли. Она помнила, как бросилась на колени перед матерью.

– Мама! – кричала она. – Мама, вставай!

Но мама уже не слышала ее. Она была мертва.

Сердце Оливии снова заныло. Вся их счастливая жизнь, казалось, рухнула в тот страшный день. Отец, хотя изо всех сил старался не показывать дочерям своего горя, уже не был таким, как прежде. Улыбка его с тех самых пор всегда отдавала печалью. И с того страшного дня он уже никогда не смеялся...

Горло девушки свело судорогой. Оливия с трудом проглотила слезы.

– Ш-ш, милая! Ты же помнишь, что всегда говорил папа:

пути Господни неисповедимы, и не нам о них судить! Надо просто верить в Его благость и ждать, когда наступят лучшие дни. – Оливия ласково сжала тонкие пальчики Эмили. – Прощу тебя, радость моя, не надо терять надежды.

– Ты, конечно, права, – со слезами в голосе отозвалась Эмили. – Впрочем, ты всегда права!

– Ну а теперь... Как насчет чашки горячего молока перед сном? – Оливия ласково отбросила прядь золотистых волос, упавших сестре на лоб.

– Было бы здорово! – кивнула Эмили, и губы ее сложились в очаровательную улыбку.

– Вот и хорошо. Иди, ложись в постель, а я подогрею молоко и принесу в спальню.

Оливия отправилась на кухню. Прошло совсем немного времени, и вдруг сверху, где была спальня Эмили, донесся страшный грохот. Уже одетая в белую ночную рубашку до пят, сестра, чертыхаясь, потирала ушибленную коленку. Должно быть, она услышала шорох юбок, потому что подняла голову.

– Извини. Кажется, я наткнулась на что-то. Какая я неуклюжая!

– Это стул, – мягко сказала Оливия. – Запомни, он всегда стоит слева от бюро, а не справа.

Сердце ее сжималось от жалости. Прошло немало времени, прежде чем на место их погибшего отца назначили другого священника, поэтому никто особо не возражал, что до

его приезда осиротевшие сестры оставались в своем домике возле церкви. Эмили только-только привыкла более или менее свободно передвигаться по дому, как приехал новый викарий. Им пришлось оставить дом, в котором обе родились и выросли, и искать – себе крышу над головой, а в их бывшем жилище поселился преподобный Холден, новый священник. Оливия понимала: все было бы не так уж плохо, если бы Эмили не ослепла. Но переезд в новый дом окончательно сломил ее. Она без конца плакала, день за днем отказывалась вставать с постели. И по этой причине Оливия окончательно решила остаться в Стоунбридже. Конечно, найти работу в Лондоне было бы проще, но она боялась за сестру. Та была в таком состоянии, что никто не мог сказать, как подействует на нее переезд. Может быть, позже, думала Оливия...

Она слегка дрожала от холода. Хотя день был теплым, но в их коттедже, как всегда, царила промозглая сырость. Должно быть, она что-то произнесла, потому что белокурая головка Эмили тут же повернулась к ней.

– Что, Оливия? Что?

– Ничего, – весело ответила она. – Просто немного замерзла, вот и все. По-моему, у нас здесь всегда довольно холодно, даже летом, правда? – Она чуть слышно рассмеялась. – Господи, что же будет, когда наступит зима? Боюсь, если кому-то придет в голову нас навестить, мы будем так закутаны, что нас никто не узнает!

К ее величайшему облегчению, Эмили слабо улыбнулась.

Пока сестра пила молоко, Оливия сняла платье и надела ночную сорочку. Теперь сестры были вынуждены спать в одной постели. Прошло всего несколько минут, и дыхание Эмили стало глубоким и ровным. Она безмятежно спала.

А Оливия по-прежнему лежала без сна. Наверное, это было неизбежно, ведь ее мысли все время возвращались к нему. К «цыгану».

Господи, как она сможет снова встретиться с ним? Глупо, конечно, все вышло, но она сама виновата... до смерти испугалась какой-то собаки, этого Люцифера. Да что там испугалась, она чуть было не хлопнулась в обморок! И это она, Оливия, всегда так презиравшая остальных женщин за их страхи.

Но честно говоря, не так уж она была и виновата! Если бы проклятая карета не неслась с такой скоростью, да еще в такой час... Ее губы дрогнули. Люцифер. Что за имя для собаки! И вновь ее мысли вернулись к хозяину пса. Что, если ей случится увидеть его снова? Оливия напонила себе, что она теперь всего лишь горничная, можно сказать, обычная служанка. И если счастье улыбнется ей, их пути больше никогда не пересекутся. А если это произойдет, то он скорее всего попросту не узнает ее.

По крайней мере она очень на это надеялась.

Черную карету бросало из стороны в сторону на извилистой дороге. Впрочем, у элегантной, сверкающей свежим ла-

ком кареты были новые, хорошо смазанные рессоры, и пассажир почти не чувствовал ухабов. Внутреннее убранство экипажа ослепляло роскошью: занавески из камки, обтянутые пурпурным бархатом сиденья с мягкими подушками.

Но человек в экипаже, разумеется, полагал с насмешливым цинизмом, что по-другому и быть не могло. Еще бы, ведь карета прежде принадлежала его отцу. А Джеймс Сент-Брайд мог согласиться только на самое лучшее, самое изысканное и дорогое.

Казалось, мужчина выбросил из головы случайную встречу на дороге. Скрестив длинные ноги, он задумчиво смотрел в темноту, окружавшую карету со всех сторон. Как странно, думал он, что Джеймс Сент-Брайд вообще увлекся его матерью. Хотя, с другой стороны, она всегда слыла редкой красавицей... Нет, не сыновняя любовь заставляла его так думать. Доминик еще мальчиком хорошо понял, что мать его – не обычная, заурядная женщина. Среди своих соплеменников она сияла красотой, как редкостный, несравненный бриллиант. С самого юного возраста мальчик видел, каким пламенем загорались глаза мужчин при одном лишь взгляде на смуглую красавицу цыганку. Стоило ей появиться, как мужчины готовы были перегрызть друг другу горло, словно голодные псы. И не только ее соплеменники, но и гаджо.

Но Маделейн будто ничего не замечала. И хотя она почти никогда не говорила об этом с сыном, он знал, что ее сердце навеки отдано одному-единственному мужчине. Тому само-

му, которого юный Доминик ненавидел лютой ненавистью с того дня, как ему стало известно, что он незаконнорожденный сын графа.

Любовь, спрятанная в самой глубине сердца матери, была ему совершенно непонятна. Она почти ничего не рассказывала ему о любимом ею человеке, но Доминик знал, что чувство это умрет только вместе с ней. Постепенно он смирился с этим. Так же, как и его мать в конце концов смирилась с требованием отца вернуть ему сына. С тем, что отныне сын будет жить как гаджо.

«Их жизнь гораздо легче, – говорила она, – гораздо удобнее и благополучнее».

Он разозлился на мать за то, что она позволила отцу забрать его от нее, от его народа. И все же пришел день, когда он стал находить эту жизнь довольно приятной. Как когда-то до него – его мать. Богатство... роскошь... удовольствия, которым, казалось, не будет конца...

С тех пор он все чаще и чаще задавал себе один и тот же вопрос: что же все-таки заставило отца увлечься его матерью? Ее красота? Возможно... А может, причиной стало то, что она была цыганкой? Ведь запретный плод, как известно, сладок...

Какова бы, однако, ни была причина, результатом этого увлечения стал он сам.

Прошли годы, прежде чем он смог смириться с этим.

А если уж быть до конца честным, порой твердил тихий

внутренний голос, он и сейчас иногда не понимал, кто же он такой. Цыган, как его мать? Или гаджо?

Впрочем, это не так уж важно. Во всяком случае, он больше не бастард. Хотя всегда будет помнить, что был им.

Он был... Кем? Не важно... Кем был, тем и был, и этого никак не изменить.

Когда умер его отец, искушение было велико... Казалось таким соблазнительным повернуться спиной ко всему, что тот ценил до самой смерти – титул, богатство, положение в обществе, отшвырнуть все это, как грязную тряпку, с тем же презрением, с каким всегда относился к нему отец. «Цыганский крысенок», – издевательски называл его отец, считавший его дикарем и язычником.

Отец был уверен, что он никогда не изменится.

Однако было кое-что, чего отец никогда не узнал... чего не знал никто. Все они считали его невежественным «цыганом»...

Но он сумел стать таким, каким хотел бы видеть его отец, хотя и убежденный, что этому не бывать. Джентльменом. Которого рады принимать в самых аристократических домах. Конечно, было нелегко, но ему удалось. Он вальсировал на балах в «Олмаке³». Играл у «Уайта». Делал ставки в Жюкей-клубе, сидя бок о бок с герцогом Уортингтонским.

Но в глубине души его снедала тоска. Хотелось чего-то большего, чего-то... Он и сам толком не понимал – чего.

---

³ Аристократический клуб с залами для балов и приемов.

И вот самого обычного вопроса, заданного ему адвокатом, оказалось достаточно, чтобы он пустился в путь. Случилось это меньше месяца назад.

– Скажите, милорд, вы намерены сами заниматься Рэвенвуд-Холлом? – спросил его Ренфрюс.

Рэвенвуд... Когда-то Доминик поклялся, что ноги его здесь не будет. Это было семейное гнездо их семьи, здесь когда-то родился отец... и здесь, в Рэвенвуде, много лет назад с Джеймсом Сент-Брайдом жила его мать.

Отец никогда не привозил его с собой в Рэвенвуд. Никогда! Впрочем, Доминик не строил себе на этот счет никаких иллюзий. Он хорошо знал почему. Это был дом Рэвенвудов, дом его отца. Привезти сюда Доминика значило бы признать его сыном. На самом деле, хотя Джеймс Сент-Брайд официально объявил Доминика своим наследником, сыном он его никогда не считал.

Но семя его упало на плодородную почву. У него родился сын...

Доминик принял наследство своего отца, и теперь он возьмет во владение и Рэвенвуд... Дом, который отец ревниво считал своим, станет и его домом.

Да, это было сладчайшей мстью человеку, который зачал его.

Карета остановилась. Через минуту дверца распахнулась, и высокий, могучего телосложения мужчина легко спрыгнул на землю. Двое лакеев, спохватившись, бросились, что-

бы поддержать нового хозяина. Но он нетерпеливо отстранил их. Доминик Сент-Брайд терпеть не мог соблюдения принятых формальностей.

Дворецкий Франклин в мятой ночной рубашке, нервничая, переминался с ноги на ногу. Заметив, что карета остановилась, он поспешно сбежал по широким каменным ступеням лестницы.

– Прошу простить, милорд. Если б мы только знали, что ваша милость вернется домой нынче вечером, я бы собрал внизу всю прислугу, и все бы...

– Я ведь не сказал вам точно, когда приеду, Франклин. Так что не стоит переживать. И уверяю вас, я вовсе не ожидал торжественной встречи. А прислугу представите мне утром.

Глаза Франклина чуть не вылезли из орбит.

Новый граф удостоил свою резиденцию всего лишь беглым взглядом.

Вместо того чтобы полюбоваться домом, Доминик взбежал по ступеням лестницы и замер, глядя на грозовые облака, угрюмой пеленой затянувшие горизонт. Там, где еще несколько минут назад полная луна заливала окрестности своим призрачным светом, сейчас сгустилась тьма. Все словно замерло вокруг, затаившись в ожидании грозы. В воздухе пахло сыростью. Доминик не удивился: здесь, в этих краях, погода часто бывала непредсказуемой. Но в Лондоне он задыхался. А сейчас с наслаждением дышал полной грудью. Ему здесь нравится, решил он. Да, определенно нравится.

Глава 3

– Какая ужасная гроза была ночью, – причитала Шарлотта. – А как громыхал гром, ужас! Я уж думала, что свалюсь с кровати!

– Боюсь тебя огорчить, но летом такие грозы здесь бывают довольно часто, – слабо улыбнулась Оливия. – Отец, когда мы с сестрой были маленькими, часто говорил, что это ангелы хлопают в ладоши, когда Господь играет на арфе.

– Ангелы хлопают в ладоши, когда Господь играет на арфе, – эхом повторила Шарлотта, и глаза ее вспыхнули. – Здорово! Непременно расскажу это Колину. Может, тогда он не станет так бояться.

– Шарлотта! Оливия! – донесся до них шепот одной из горничных, Фанни. – Поторопитесь! Разве вы забыли? Приехал новый хозяин. Мы все должны собраться в холле поприветствовать его.

Сердце Оливии куда-то провалилось. Минута, приближения которой она так боялась, наконец наступила.

Положившись на удачу, она спустилась вниз. Ее и Шарлотту поставили в самом конце длинной вереницы слуг. Потупив глаза под бдительным оком суровой миссис Темплтон, Оливия застыла, ожидая того, что должно случиться.

И вот краешком глаза она увидела его. Господи, какой же он был огромный! Новый хозяин возвышался над Франкли-

ном как башня, а ведь дворецкого никто бы не решился назвать коротышкой. Внутри у Оливии все сжалось. Она застыла, молясь лишь о том, чтобы все поскорее закончилось. Но увы, наверное, ее молитвы не были услышаны. Новый хозяин медленно двигался вдоль шеренги почтительно вытягивавшихся слуг. Ему называли их по имени, и он находил для каждого приветливое слово.

Он приближался, и нервы Оливии напряглись до предела. Больше всего на свете в эту минуту ей хотелось, чтобы пол внезапно разверзся у нее под ногами и она провалилась бы сквозь землю. И вот страшный миг наступил. Заложив руки за спину, с ничего не выражавшей улыбкой на губах, он стоял перед ней, спокойный и невозмутимый до такой степени, что ей хотелось закричать.

– Оливия Шервуд, милорд, одна из наших горничных.

Оливии пришлось собрать в кулак все свое мужество, чтобы заставить себя взглянуть ему в глаза. И тут же она поняла, что допустила ошибку. Лицо его было непроницаемо. Даже беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться, что губы его плотно сжаты. Ни намека узнавания не промелькнуло в его темных глазах. Однако Оливия вдруг с изумлением поняла, что они вовсе не черные, как ей представлялось, а синие, такого густого синего цвета, что кажутся почти черными.

– Мисс Шервуд, счастлив приветствовать вас в Рэвенвуде,
– учтиво склонил он голову.

И двинулся дальше.

Оливия растерянно заморгала. Господи, да ведь он не узнал ее! Мысли вихрем закружились у нее в голове. Оливия сама не понимала, что она чувствует. Была ли она рада... или разочарована? Ей хотелось думать, что из нахлынувших на нее чувств самым сильным было облегчение.

Наконец все закончилось. Прислугу отпустили, приказав вернуться к своим делам.

Горничные, сбившись в кучку, возбужденно щебетали.

– Ты видела его? Ничуть бы не удивилась, если бы все лондонские леди были без ума от такого красавчика!

– У него отцовские глаза. Синие, как сапфиры. Говорю тебе, синие, а не черные!

– Держу пари, он мне улыбнулся... видели? Он улыбнулся мне!

– А меня взял за руку! Батюшки, думаю, сейчас хлопнусь в обморок!

Перехватив устремленный на нее вопросительный взгляд Шарлотты, Оливия покачала головой и улыбнулась. Однако та не собиралась сдаваться. Склонившись к уху Оливии, Шарлотта шаловливо прошептала:

– Да ладно тебе, глупышка. Признайся честно, ты ведь тоже засмотрелась на него? Да, красив как сам дьявол!

Вдруг все испуганно притихли. Оглянувшись, Оливия мгновенно поняла почему.

По коридору шла миссис Темплтон. И направлялась как

раз в ее сторону.

Сердце Оливии упало. Что такого она сделала на этот раз? А в том, что она провинилась, сомнений не оставалось. Иначе почему бы у экономки был такой грозный вид?

Миссис Темплтон остановилась перед девушкой. Но прежде чем заговорить, обвела грозным взглядом толпу притихших служанок.

– Вам что, нечем заняться? – свирепо бросила она.

Толпа рассеялась как по мановению волшебной палочки. Оливия сделала неуклюжую попытку ускользнуть вместе со всеми, но экономка успела ей помешать.

– Он велел позвать вас, мисс Шервуд, – сурово сказала домоправительница.

– Мэм? – смешавшись, растерянно пролепетала Оливия.

– Прошу прощения, я...

– Он велел позвать вас, мисс Шервуд. Новый хозяин. – Сурово поджатые губы миссис Темплтон превратились в ниточку. – Ступайте в библиотеку. Он хочет поговорить с вами.

– Слушаюсь, – опустив глаза, пробормотала Оливия. Она слегка нахмурилась. Все происходящее ей очень не нравилось.

Она уже повернулась было, чтобы уйти, но ее остановил голос миссис Темплтон:

– Одну минуту, мисс Шервуд.

Оливия замерла.

– Хорошего слугу не видно и не слышно. На будущее,

юная леди, советую вам как следует запомнить мои слова!

Все внутри Оливии оборвалось.

Почти то же самое испытывал и Доминик.

Стоя возле огромного мраморного камина, он заложил руки за спину, тщетно пытаясь собрать воедино разбегавшиеся мысли. Разве мог он представить себе, что отыщет ее в Рэвенвуде? Он думал об этой девушке всю ночь напролет... и утром, едва проснулся, ее лицо встало у него перед глазами. Эта встреча глухой ночью, посреди лесной тропинки, странным образом взволновала его, и сейчас он сторал от желания увидеть ее при ярком свете дня, убедиться, действительно ли она так хороша, как ему показалось, когда лунный свет упал ей на лицо.

Теперь он знал это точно. Она была не просто хороша собой, ее изысканная, утонченная красота поразила его в самое сердце.

Овальное лицо с гладкой и нежной кожей цвета сливок, таких, какими всегда славился Девоншир. Опущенные густыми длинными ресницами, широко расставленные большие зеленые глаза, похожие на нефрит, а над ними – тонкие, изящно изогнутые темные брови. Солнечный свет, струившийся в окно, сиял и переливался в ее волосах, золотисто-каштановых, цвета осенних листьев в самом начале октября. О, в Лондоне ее не сочли бы красавицей, потому что волосы ее не были бледно-золотистыми согласно строгим стандартам и сама она была слишком хрупкой.

– Вы хотели видеть меня, милорд?

Коротко и без обиняков, хмыкнул про себя Доминик. Что ж, ему это нравилось, как нравилось и спокойное достоинство, которым веяло от всего облика этой девушки. Она стояла перед ним, распрямив плечи и спокойно сложив руки перед собой. Он догадывался, что девушка нервничает, но изо всех сил старается этого не показать. Что ж, выходит, смелости ей не занимать...

– Миссис Темплтон сказала мне, что вас наняли на работу совсем недавно, мисс Шервуд.

– Да, – поспешно ответила она. Впрочем, как и большинство остальных слуг. Ведь дом стоял закрытым с тех самых пор, как граф... то есть я хочу сказать, старый граф... ваш батюшка...

– Я отлично понял, что вы имеете в виду, мисс Шервуд.

В его голосе проскользнула едва заметная холодность. Оливия замолчала, она заметила это и растерялась. Ногти девушки с силой впились в ладони. Она стояла, молча глядя ему в лицо, и чувствовала, что не в силах отвести от него глаз.

Нет, волосы у него не темные, думала Оливия. Они были цвета густого шоколада и чуть более длинные, чем требовала тогдашняя мода. А кожа действительно была смуглой, позлащенной ласковыми поцелуями солнца.

Внезапно ее, словно молния, пронзила мысль: да ведь он нисколько не похож на цыгана! Впрочем, не был он похож

и ни на одного из тех джентльменов, которых ей доводилось видеть прежде. На нем были белоснежная рубашка и шейный платок, облегающие замшевые ботинки и сверкающие сапоги до колен. Но притом он отличался какой-то своеобразной грубоватостью, которая несколько противоречила его элегантной одежде.

И все же нельзя было отрицать, что он был греховно красив.

– Вы уже закончили? – любезно поинтересовался он, нарушив воцарившееся в комнате молчание.

– Сэр, я... – смущенно вспыхнула Оливия.

– Нет-нет, смотрите сколько угодно! Надеюсь, я вас не разочаровал? Жаль, если вы найдете мою внешность недостаточно причудливой, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

– Простите... – покраснела Оливия.

– Вам нет нужды извиняться. Я уже давно к этому привык.

Но это было не так. Чуткое ухо Оливии уловило в его голосе едва заметную горечь. Она стиснула руки.

– Сэр, – дрожащим голосом тихо пробормотала она, – если я вам больше не нужна..

– Я хотел попросить вас показать мне дом.

Губы Оливии удивленно приоткрылись.

– Но... я ведь здесь едва ли неделю! Могу я предложить, чтобы это сделал кто-нибудь другой...

– Нет. Я хочу вас, мисс Шервуд.

«Я хочу вас...» Холодок пробежал у нее по спине. Ей показалось, что он имел в виду совсем другое. Но она покорно склонила голову и направилась в сторону двери.

– Слушаюсь, сэра. Тогда начнем?

– Разумеется.

Оливия застыла. Ей показалось или этот человек смеется над ней? Она могла бы поклясться, что в его низком голосе слышалась едва заметная насмешка.

Следующие полчаса превратились для Оливии в настоящую пытку. Она водила его по дому, молясь в душе, чтобы он не заметил, как она волнуется.

Добравшись наконец до огромного кабинета графа, девушка вздохнула свободнее. Осталось совсем немного, подумала она. Здесь, на стене над камином, висел портрет старого графа, его отца. Остановившись перед ним, Доминик долго стоял, заложив руки за спину и расправив плечи. Казалось, мысли его далеко. Оливия украдкой покосилась в его сторону. И хотя на портрете волосы старого графа были цвета красного дерева, все же никто бы не смог отрицать несомненного фамильного сходства между отцом и сыном. Тот же упрямый квадратный подбородок, те же высокие скулы... пронизательные темно-синие глаза.

Доминик Сент-Брайд словно застыл. Глаза его были прикованы к портрету отца. Время будто остановилось. Наконец Оливия не выдержала.

– Вы очень похожи на него, – смущенно пробормотала

она, не зная, что сказать.

– Я унаследовал его глаза. Однако мне не хочется думать, что мы с ним похожи.

Он все еще не отрываясь смотрел на портрет. Нехорошее предчувствие вдруг всколыхнулось в душе Оливии. Да ведь он ненавидит его, догадалась она. Ненавидит собственного отца! Оливия готова была поклясться в этом. Но когда через некоторое время он повернулся к ней, лицо его, как и прежде, было непроницаемо.

– Прошу простить меня, мисс Шервуд. Если не возражаете, давайте продолжим.

Но осмотреть осталось лишь зимний сад и оранжерею. К собственному удивлению, Оливия поймала себя на том, что заранее предвкушает удовольствие. По ее мнению, это было самое прелестное место в доме – огромное, величественное, полное света. Через двойную дверь можно было выйти на террасу, а вокруг располагался розарий, и воздух был напоен ароматом цветущих роз.

Оливию охватило блаженство. Полузакрыв глаза, она полной грудью вдохнула в себя воздух и невольно унеслась мыслями в прошлое. Ей казалось, что она опять дома, там, где родилась и выросла, в том самом стареньком, но таком любимом ею доме, где сейчас жил преподобный Холден. За домом был небольшой садик, полный роз, и они с матерью и Эмили провели там немало счастливых часов.

– Вы, кажется, сказали, что живете одна, мисс Шервуд?

Глубокий низкий голос, прозвучавший у нее над ухом, заставил Оливию очнуться. Она внезапно осознала, что Доминик Сент-Брайд стоит прямо за ее спиной.

Она обернулась посмотреть и попятилась на шаг.

– Нет, – пролепетала она.

– Понимаю. Стало быть, вы замужем?

– Нет, сэр. Я... я живу с младшей сестрой, Эмили.

– Вы говорите на редкость правильно, мисс Шервуд, – продолжал он.

Она вздернула подбородок.

– Благодарю вас, милорд!

– И весьма хорошо воспитаны.

– Моя матушка, упокой, Господи, ее душу, была бы счастлива это слышать.

– И наверное, получили неплохое образование, как я догадываюсь?

– Мой отец позаботился о том, чтобы я не осталась невежественной, – пробормотала Оливия, чувствуя себя все более неловко. «К чему он клонит?» – ломала она голову.

– Тогда, если позволите, мне непонятно, почему такая юная леди, как вы, образованная и воспитанная, вдруг нанялась на службу горничной.

Оливия похолодела. Теперь она догадалась, к чему был этот разговор: судя по всему, он решил, что ей здесь не место. Сделав глубокий вдох, она сосчитала до десяти и посмотрела ему в глаза.

– Мой отец, – начала она, осторожно подбирая слова, – всегда говорил, что тяжелая работа полезна для души. Полагаю, это относится и к мужчинам, и к женщинам. Впрочем, это еще и необходимость. Семьи у меня нет, только сестра, поэтому мне приходится заботиться о ней.

В его глазах блеснул огонек.

– Поверьте, я совсем не хотел вас обидеть, мисс Шервуд.

Только тут она сообразила, что оцетинилась, готовая защищаться. Оливия едва успела сдержать нервный смешок.

– Нет, сэр, разумеется, нет.

Долгое время он молчал. Его взгляд блуждал по ее лицу, и сердце Оливии глухо застучало. И вдруг, она и ахнуть не успела, он протянул к ней руку, осторожно коснулся кончиком пальца подсохшей царапины у нее на щеке и еле слышно произнес:

– Уже почти ничего не заметно.

Сердце Оливии упало. Кровь бросилась ей в лицо, перед глазами все поплыло.

– Да, – беззвучно выдохнула она, – это ведь просто царапина.

Дальше все было, как во сне. Взяв ее руки в свои, он повернул их ладонями вверх. Потом кончиками пальцев осторожно разгладил и стал внимательно вглядываться в причудливый узор линий, переплетавшихся на коже. Оливия окончательно смутилась. Мысли ее заметались, сердце, казалось, перестало биться. «О чем он думает?» – гадала она. Может,

ему кажется, что она не годится, чтобы работать в этом доме? Вряд ли. Она постаралась отогнать эту мысль. Если она окажется на улице, они с Эмили умрут с голоду. Вдруг их глаза встретились. Ленивая полуулыбка изогнула его губы.

– Благодарю вас, мисс Шервуд, – протянул он. – Надеюсь, мы скоро увидимся, поэтому не прощаюсь.

С этими словами он учтиво поднес ее руку к губам. И прежде чем пораженная Оливия смогла опомниться, его губы уже прижались к другой ее руке. Сердце ее неистово заколотилось, когда горячее дыхание «цыгана» опалило ей кожу.

Потом он быстро повернулся и вышел, прикрыв за собой дверь. Онемевшая, с пылающими щеками, Оливия не сразу заметила, что осталась одна.

Это непристойно, подумала она... то, как он коснулся ее щеки. И потом поцеловал ее руки... так нельзя. Это не поджентльменски.

Но ведь он же не джентльмен.

Впрочем, и она не леди. Не настоящая леди, поправилась она, не такая, как те, в Лондоне...

А если верить тому, что рассказывала Шарлотта, то на свете еще не было такого распутника, как он. Настоящий дьявол, соблазнитель доверчивых женщин. Этого она никогда не сможет понять. И никогда не поймет.

И все же... сейчас она могла думать лишь о том, как права Шарлотта: Доминик Сент-Брайд действительно был красив словно сам дьявол!

В этот вечер Оливия собралась уйти из Рэвенвуда пораньше. Она уже взялась за ручку двери, когда ее вдруг окликнула Шарлотта:

– Не возражаешь, если я составлю тебе компанию, Оливия?

– Конечно, нет, – ласково улыбнулась Оливия. – Наоборот, буду очень рада.

Не успели они отойти от дома, как Оливия заметила, что с приятельницей творится что-то неладное. Глаза ее бегали по сторонам, она несколько раз кашлянула, словно прочищая горло. Оливия украдкой покосилась на нее. Гладкий лоб Шарлотты прорезала морщина, она открыла рот, будто собираясь говорить, но потом обернулась, стала озираться по сторонам, видно, не решаясь начать разговор. Оливия удержала ее за руку.

– Перестань, Шарлотта. Мне кажется, ты хочешь о чем-то поговорить. Так говори, и покончим с этим.

Шарлотта совсем смутилась. Это было настолько на нее не похоже, что Оливия никак не могла сообразить, в чем дело.

– Ладно, – наконец решилась молодая женщина. – Только если что не так, можешь спокойно отказаться, потому что меньше всего мне бы хотелось навязываться...

– Шарлотта! – На Оливию напал неудержимый смех. – Да что с тобой в самом деле?

– Ну хорошо, хорошо... – Набрав полную грудь воздуха, словно собираясь окунуться с головой, Шарлотта наконец

выпала: – Помнишь, ты вчера сказала, если мне что-нибудь вдруг понадобится, мне стоит только попросить?

– Конечно. Именно так я и сказала, Шарлотта.

– Я слышала, что ты иногда учишь деревенских ребятшек читать и писать, – нервно сплетая пальцы, продолжала Шарлотта.

– Да, – кивнула Оливия, – и не иногда, а каждое воскресенье, на деревенской площади. И еще иногда по вечерам, когда у меня есть время.

– Послушай, мне не хотелось бы тебя затруднять, но, может быть, ты разрешишь моему сынишке, Колину, приходить к тебе на занятия? Он не умеет ни читать, ни писать. Я, правда, тоже не умею, но мне бы хотелось, чтобы Колин по крайней мере выбился в люди. Чтобы он вырос умным и образованным, как ты.

Оливия смутилась и попыталась протестовать, но Шарлотта была непреклонна.

– Нет-нет, так оно и есть! – простодушно воскликнула Шарлотта. – Стыд и срам, что такой девушке, как ты, приходится, как и нам, ползать по полу с грязной тряпкой. Ты ведь леди, самая настоящая леди, а те вертихвостки, которые называют себя так, недостойны даже чистить тебе башмаки.

– Так ты хочешь, чтобы я научила твоего Колина читать и писать? Господи, и это все?! – воскликнула Оливия, до слез растроганная наивным восхищением приятельницы.

Шарлотта энергично закивала.

Комок встал у Оливии в горле. После того как умерла мама, она стала учить грамоте деревенских ребятишек – так, как делала это ее матушка, пока была жива. Теперь из-за службы в Рэвенвуде, конечно, свободного времени у нее стало куда меньше, но она дала себе клятву, что не бросит это дело.

– Конечно, Шарлотта, обязательно. Буду счастлива тебе помочь. И не переживай ты так, мне это ничуть не тяжело. Обычно собирается человек десять – двенадцать, да и то не всегда, так что если станет на одного больше, то не беда.

– Ты серьезно? – тревожно нахмурила брови Шарлотта.

– Конечно! Да и потом, так Колину будет легче подружиться с деревенской ребятней, – заверила Оливия, порывисто обняв молодую женщину.

– О, ты такая добрая, Оливия! – расцвела улыбкой Шарлотта. – Ты просто святая! Да благословит тебя Бог!

По дороге они договорились, что Оливия на следующий же вечер забежит к Шарлотте по дороге домой. Добравшись до деревенского пруда, в котором обычно плавали утки, они расстались. Оливия помахала подруге и неторопливо двинулась дальше. Через несколько минут она уже свернула на узкую тропинку, которая вела к их дому. Взбежав на крыльцо, она постучала в дверь и, как обычно, громко окликнула сестру:

– Эмили! Я дома, милая.

– Я здесь, Оливия.

Голос Эмили донесся из гостиной. Сбросив башмаки, Оливия распахнула дверь и замерла на пороге.

Эмили была не одна. Сестра сидела на самом краешке кушетки. А напротив нее восседал Уильям Данспорт – сын местного баронета, в прошлом офицер. Сейчас Уильям был в отставке.

Увидев Оливию, он вскочил, неловко сжимая в руках шляпу. Высокий и светловолосый, он дружелюбно улыбнулся ей.

– Мисс Оливия, ради Бога, извините, что я явился непрошеным. Но у моей кобылы слетела подкова, вот я и оставил ее в кузнице, а сам пока решил проведать вас обеих.

Эмили не могла точно сказать, когда вы вернетесь, но я подумал... может, вы не станете возражать, если я немного подожду?

На губах Оливии мелькнула слабая улыбка и тотчас угасла.

– Конечно, Уильям. Хотите чаю?

– Чаю? Ох, с радостью!

– Вот и чудесно. Посидите, я сейчас вернусь.

Оливия захлопотала на кухне. Отсюда ей было слышно, как рокотал в гостиной баритон Уильяма и как смущенно, тихим, застенчивым голосом отвечала ему Эмили. Вернувшись в гостиную, Оливия поставила поднос с чашками на маленький столик поближе к кушетке, на которой сидела сестра, и сама устроилась рядом.

– Эмили, – ласково сказала она, – может, разольешь пока чай?

Эмили быстро обернулась на голос Оливии, и та услышала, как сестра судорожно вздохнула.

– Оливия... – дрожащим голосом начала она.

– Тебе это вполне по силам, милая, – мягко, но твердо проговорила Оливия. – Давай я тебе помогу. – Взяв сестру за руку, она положила ее ладонь поверх ручки большого белого чайника. – Чайник стоит на трех часах, чашки – на двенадцати, шести и девяти.

Пальцы Эмили робко обхватили ручку чайника. Оливия невольно затаила дыхание. В первую минуту она даже испугалась, что сестра отдернет руку. Лицо у нее сморщилось, будто у испуганного ребенка, готового в любую минуту расплакаться. Оливия взмолилась про себя, чтобы этого не случилось. Они с сестрой упражнялись по несколько часов каждый день. Оливия была твердо уверена, что Эмили это вполне по силам. Но она подозревала, что та убедила себя, будто никогда не сможет вернуться к нормальной жизни. Покосившись в сторону Уильяма, она заметила на его лице скептическую усмешку.

Эмили удалось довольно легко найти первую чашку. Нашупав ее, она осторожно подвинула чашку поближе к чайнику. Послышалось слабое звяканье фарфора, и Оливия даже зажмурилась от напряжения. Очень медленно Эмили наклонила носик чайника, осторожно касаясь кончиком паль-

да края чашки. Когда горячая жидкость коснулась пальца, она поняла, что чашка полна до краев.

Из груди Эмили вырвался шумный вздох, губы расплылись в торжествующей улыбке. Оливия едва сдержалась, чтобы не взвизгнуть от радости.

– Уильям, – весело окликнула она, – с чем вы пьете? Со сливками? Или с сахаром?

Судя по выражению лица, Уильям был восхищен ничуть не меньше Оливии.

– Со сливками, – вымолвил он наконец. – Только совсем немного.

К тому времени как Оливия добавила ему сливок, Эмили уже покончила со второй чашкой и потянулась за третьей.

Она ухитрилась не пролить ни капли.

Это была победа! Хоть и крохотная, но победа! Оливию переполняла гордость. Эмили понемногу становилась все более самостоятельной.

Они провели приятные полчаса, попивая чай и непринужденно болтая. Уильям принялся рассказывать о своих приключениях на континенте во время последней военной кампании, и Эмили даже пару раз отважилась рассмеяться. Наконец с чаем было покончено. Оливия поставила чашки на поднос и вернулась на кухню.

Через пару минут кто-то осторожно тронул ее за локоть. Вздвогнув от удивления, она обернулась и увидела Уильяма. Видимо, он спустился вслед за ней.

– Оливия, это, конечно, не мое дело, но я все сидел и удивлялся... Не понимаю, почему вы настояли на том, чтобы чай разливала именно Эм?

– Вы совершенно правильно решили, – непререкаемым тоном отрезала она, упрямо вздернув подбородок, – это и в самом деле не ваше дело!

На лице его появилось смущенное, озадаченное выражение. Наверное, он не рассчитывал получить подобный отпор и сейчас совершенно растерялся.

И тут Оливия наконец сообразила, почему Уильям сразу показался ей странно непохожим на себя. Она помнила знакомого с детства долговязого, худощавого парнишку, на лице которого всегда сияла добродушная улыбка. Теперь он стал серьезнее. Исчезло его неизменное добродушие. После наполеоновских войн Уильям стал совсем другим. Порой, вот как сейчас, в его голосе чувствовалась жесткость, даже суровость. Оливию, еще не забывшую жизнерадостного юношу, каким он был когда-то, это удивляло. Иногда он держался столь высокомерно, что разговаривать с ним было просто невозможно. Тяжело вздохнув, Оливия попыталась объяснить:

– Видите ли, я не могу позволить Эмили день-деньской сидеть в кресле сложа руки. Она должна научиться хотя бы обслуживать себя. Да, сестра слепая, – с горечью добавила она, – но не беспомощная. И должна знать, что есть вещи, которые ей вполне по силам.

– И все-таки не могу сказать, что мне это нравится! – На скулах молодого человека загорелись два ярко-красных пятна. – Господи, ведь она могла легко разбить чашку, пораниться...

Оливия почувствовала, как в ней растет раздражение. Нет, она права, а он просто не хочет или не может признать это. И почему мужчины всегда такие упрямые? Тот Уильям, которого она помнила, никогда бы так не сказал.

– Я вовсе не нуждаюсь в вашем одобрении, Уильям, когда речь идет об Эмили, – стараясь говорить спокойно, объяснила она. – Я ее сестра и лучше знаю, что для нее правильно, а что нет.

– Не могу согласиться с вами, Оливия. Боюсь, я вынужден настаивать на том, что тут вы ошибаетесь... очень ошибаетесь. В конце концов, ваша сестра – инвалид. И почему вы стараетесь обращаться с ней как с полноценным человеком... нет, не понимаю.

– Конечно, вы имеете право на собственное мнение, Уильям, – недовольно поджала губы Оливия, – но ведь такое же право есть и у меня. Да, Эмили слепая. Но не инвалид. Многое она вполне может делать и сейчас, стоит только научиться. А для этого нужно набраться терпения.

– Оливия, но это же нелепо! – воскликнул он, едва сдерживаясь.

– То же самое я могла бы сказать и вам, – отрезала девушка.

– Вы не правы, Оливия. И по правде говоря, я просто не могу понять, что это с вами случилось. Может быть, это из-за того, что вы так рано потеряли мать? Да, наверное, так. Некому было обучить вас светским приличиям, иначе вы бы привыкли попридерживать язычок, потому что леди не спорят.

– Я у себя дома, – невозмутимо ответила она, – так что могу делать все, что считаю нужным! И не собираюсь «придерживать язычок» вам в угоду! А если между нами и возник спор, так только потому, что вы его начали!

– А вы охотно поддержали!

Оливия вздохнула. Она старалась держать себя в руках, но это становилось все труднее.

– Мы давно не виделись, Уильям, Видимо, вы просто забыли, что я отнюдь не мышка.

– Я ничего не забыл, Оливия. Более того, я даже помню время, когда вы меня обожали. – Теперь в голосе Уильяма уже не было и следа надменности, скорее печаль. Он взглянул на нее, и Оливия поняла, что не ошиблась. – Вы очень изменились, Оливия, – тихо проговорил он.

– Да и вы тоже, Уильям. – В ее тоне не было ни укора, ни сожаления. По правде говоря, ей только сейчас стало ясно, насколько это верно.

Какое-то мгновение ей казалось, что Уильям снова ринется спорить и доказывать, что она не права. Но вместо этого он вдруг покраснел и рассеянно взъерошил густые свет-

лые волосы. Этот мальчишеский жест, так напомнивший ей прежнего славного Уильяма, до странности растрогал девушку, вызвав в памяти милые картины прошлого, которое уже нельзя было вернуть.

– Может быть, вы и правы, – пробормотал он. – За эти годы мне довелось повидать такое, что вы и представить не можете... У меня язык не повернется когда-нибудь рассказать вам об этом. – На губах у него появилась легкая улыбка, в которой не было ни капли веселья. – Могу сказать только одно: война сделала меня человеком.

«А жизнь сделала меня взрослой женщиной», – с болью в сердце подумала Оливия. Жизнь, которую ей пришлось вести, когда ушли из жизни ее матушка и отец.

– Оливия, вы помните тот день рождения, когда вам исполнилось восемь лет? – Вскинув голову, Уильям взглянул ей в глаза.

– Да, конечно. Вы преподнесли мне восхитительный букет фиалок. – На губах девушки мелькнула слабая улыбка. – Я помчалась с ним наверх, чтобы похвастаться маме, но она, бедняжка, так расчихалась, что мне пришлось забрать их к себе. А потом и вообще оставить их на улице.

– Вы потом плакали, потому что ночью шел сильный дождь и от букета ничего не осталось, – внезапно охрипшим голосом проговорил Уильям. Опустив голову, он немного помолчал. Когда снова заговорил, в голосе его слышалась нежность: – Вы плакали и в тот вечер, когда я уходил воевать

с Наполеоном.

Да, верно, подумала Оливия. Она и в самом деле плакала тогда. Господи, как же это было давно! Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Война, горе, тысячи миль... все это разлучило их...

– А я ничего не забыл, Оливия. Я помню те счастливые дни, когда... Много изменилось с тех пор, но одно осталось неизменным: мои чувства к вам. – Глаза Уильяма потепле-ли. – Мне очень жаль, что мы с вами чуть не поссорились. Поверьте, меньше всего на свете я хотел огорчить вас. Я ведь и приехал-то затем, чтобы поговорить с вами. – И прежде чем девушка успела догадаться о его намерениях, Уильям уже завладел ее руками. – Оливия!.. – пылко начал он.

Возможно, это было неизбежно, но не успели их руки со-прикоснуться, как Оливия вспомнила о других руках, со-всем недавно сжимавших ее пальцы, – сильных, мускули-стых, смуглых до черноты и таких больших, что ее ладонь просто тонула в них...

– ... Я уже давно хотел вам это сказать. Я понял, что мне нужно, чтобы стать самым счастливым человеком на свете. Лишь бы вы тоже этого хотели, Оливия... – Он замолчал, и в кухне повисла напряженная тишина. – Вы окажете мне честь, дорогая, если согласитесь стать моей женой.

Его женой!

Оливия оцепенела. На мгновение ей показалось, что она ослышалась. В висках у нее застучало. Значит, он хочет, что-

бы она вышла за него замуж, размышляла она, украдкой поглядывая на него. Уильям терпеливо ждал, что она ответит. Прядь спутанных белокурых волос упала ему на глаза.

О, ей следовало догадаться, что рано или поздно это случится! Сколько раз он заводил разговор о том, как был бы рад, если бы их детская дружба со временем переросла в другие отношения. В тот последний день, когда они виделись перед его отъездом, Уильям настолько осмелел, что рискнул ее поцеловать. Но если сам он потом, не зная, куда отвести глаза, стоял багровый от смущения, то Оливия осталась совершенно равнодушной. Его губы были сухими и не зажгли в ее груди ответной искры. Она ожидала огня, жара, страсти – всего того, что так жаждало ее сердце, а вместо этого ощутила пустоту и превыше всего – разочарование.

Замужество... Когда она думала о том, чтобы со временем выйти замуж за Уильяма, то не чувствовала ровно ничего: ни лихорадочного желания, ни волнения. Как же могла она выйти за него замуж?

Разве она его любит? Нет. А жалость ей не нужна.

Конечно, может быть, это был бы для нее легкий выход... но отнюдь не единственный, сердито подумала она. Весь груз забот, лежавший у нее на плечах, бесконечная работа, казалось, никогда не кончавшаяся... В этом ей никто не мог помочь... Но она пока что не дошла до такой черты, чтобы стать женой человека, которого не любит!

– Уильям... не обижайтесь, но сейчас я не имею права да-

же думать о том, чтобы выйти замуж. Я... мне нужно заботиться об Эмили. Этот год... был тяжелым для нас обеих. – Конечно, Оливия лукавила, но у нее не было выбора. – Я молю Бога, чтобы вы меня поняли... ведь прошло так мало времени, с тех пор как...

Уильям замер. Прошло несколько минут, прежде чем он решился заговорить.

– Понимаю, – тихо пробормотал он и добавил, бросив на нее умоляющий взгляд: – Оливия, можно мне прийти завтра вечером?

– Я ведь в это время всегда занимаюсь с деревенскими ребятами, – мягко напомнила ему Оливия. Воскресенье было единственным днем, когда ей не приходилось возвращаться в Рэвенвуд.

Он помнил. Оливия явственно ощутила, как от него сразу повеяло холодом. Уильям всегда неодобрительно относился к тому, что она обучала грамоте деревенскую малышку. Он считал это занятие совершенно бесполезным, а главное – вредным. Каждый должен знать свое место, то и дело повторял он. Они уже не раз до хрипоты спорили по этому поводу, но Оливия не собиралась бросать уроки только потому, что Уильяму это не нравилось.

– Хорошо. Тогда как-нибудь в другой день. – Лицо Уильяма сразу стало замкнутым и отчужденным.

– Конечно, – с облегчением кивнув, вежливо пробормотала Оливия.

Он тут же откланялся, а Оливия безмолвно возблагодарила небеса, что ему не пришло в голову снова попробовать ее поцеловать. Уильям несколько раз повторил, что его чувства к ней не изменились. Но Оливия знала, что это неправда. То, что было между ними, никогда уже не вернется. Да и ей он уже казался совсем другим, почти чужим и незнакомым человеком. Конечно, меньше всего на свете ей хотелось бы его обидеть, но у нее не было иного выхода, кроме как взять на себя заботу об Эмили и продолжать жить так, как они жили. Услышав звук ее шагов, Эмили обернулась.

– Уильям ушел? – спросила она.

– Да, – коротко ответила Оливия и, желая, переменить тему, с любопытством спросила: – Что это у тебя в кулаке, милая?

Эмили упрямо сжала губы.

– О... ничего! Правда... – Но Оливия сразу заметила, что сестра чем-то сильно взволнована. – Просто кусочек кружева.

Испытывая любопытство, Оливия бесшумно опустилась на колени возле кушетки, на которой сидела Эмили.

– Можно мне посмотреть?

– Ну... – нерешительно протянула та, все еще колеблясь, – раз уж тебе интересно...

Осторожно разжав судорожно стиснутые пальцы, Оливия вытащила на свет кусочек смятого кружева и расправила его. Только теперь она разглядела, что на коленях Эмили лежат

спицы, полускрытые среди пышных оборок юбки.

С губ Оливии сорвался удивленный возглас. Кружево было воздушным, почти невесомым... Она просто глазам не верила. Настоящее чудо!

– Эмили, – благоговейно прошептала она, – неужели это ты... сама? Просто глазам поверить не могу... Оно же великолепно!

– Да, только сегодня, – смущенно зардевшись, промолвила Эмили. – Но, Оливия, это так, пустяк... Я просто хотела попробовать, что получится... Вдруг я вспомню...

Оливия, все еще не веря глазам, только покачала головой.

– Я считала петли, – похвасталась Эмили и вдруг, осекшись, замолчала. – Знаешь, как ни странно, потом я все вспомнила. То есть не я, конечно, а мои пальцы. Они будто сами знали, что делать.

– Ты такая же рукодельница, какой была покойная мама! – В глазах Оливии блеснули непрошенные слезы. – Ну надо же! – Она рассмеялась. – А я-то, я-то не могу добиться, чтобы получился хоть один мало-мальски приличный стежок! Теперь ты понимаешь, почему у меня нет ни малейшего желания работать швеей? Ты ведь закончишь салфетку, Эм? Представляешь, как красиво она будет смотреться на столе, на фоне темного дерева?

Бледное личико Эмили вспыхнуло от удовольствия. Она помнила, сколько ей пришлось бороться с собой, прежде чем она решилась взяться за этот кусок кружева. Но по правде

говоря, работая над ним, она наслаждалась... Тем более что руки ее были заняты делом, а мысли блуждали далеко.

Ее слуха коснулся шорох одежды, и Эмили догадалась, что сестра поднялась с колен. Шаги удалялись в сторону кухни. Эмили слышала, как Оливия весело насвистывает что-то.

Осторожно, кончиками пальцев, она дотронулась до своих глаз. Было время, когда она боролась с желанием выцарапать их. Слепые, ненужные, для чего они ей? Эмили и подумать не могла, что привыкнет к своей слепоте. Она ненавидела ее... так же, как и отвратительного цыгана, убившего их отца.

Дрожь ненависти пробежала у нее по спине. Прошлую ночь ей привиделся кошмар. Она снова увидела перед собой то же лицо... ужасное, отвратительное лицо цыгана. Вскинув руку с зажатой в ней дубинкой, он еще раз ударил отца по голове. Эмили задрожала. Она догадывалась, что Оливия, боясь причинить ей ненужную боль, не хочет, чтобы она говорила о том, что видела в ту ужасную ночь. Но куда хуже было то, что ей приходилось раз за разом переживать все это в ночных кошмарах. Сама Эмили врагу бы не пожелала подобной пытки. Что ж, подумала она, может, сестра и права, и самое лучшее не вспоминать об этом.

Эмили дрожащими руками разгладила на коленях кусок смятого кружева. День за днем, сидя здесь, она чувствовала себя такой беспомощной. А сегодня, работая над кружевом, она и не заметила, как быстро промелькнуло время. Просто

чудо, что ее пальцы, казалось, сами все помнят. Внезапно у нее возникла мысль... до того заманчивая, что у Эмили даже голова пошла кругом. Ведь она может плести салфетки и покрывала... А что, если их продавать? О, Оливия была бы так рада! Она так долго несла бремя жизни на своих плечах, и... если Эмили удастся облегчить ей ношу... Господи, какое это было бы счастье! И потом, она уже не будет чувствовать себя такой бесполезной.

Но пусть это станет для сестры сюрпризом. Она не скажет Оливии ни единого словечка, по крайней мере пока. Пусть Оливия думает, что это просто способ убить время. И Эмили поймала себя на том, что весело мурлычет давным-давно забытую песенку в такт слабому поскрипыванию качалки. В первый раз за долгое время на душе у нее было легко...

Глава 4

Воскресное утро выдалось на диво безоблачным и теплым. Солнце играло на поверхности деревенского утинового пруда. В двух шагах от него раскинулась рыночная площадь. Напротив нее возвышалась старинная церквушка в норманнском стиле, насчитывающая уже несколько столетий. Вход был отмечен вырезанным в камне саксонским крестом. Грубо обтесанные каменные стены были увиты виноградом.

Уильям появился возле деревенской лужайки через несколько минут после того, как пришла Оливия. Ей оставалось только гадать, не сделал ли он это намеренно, в надежде, что она прервет свой урок с деревенскими ребятами. Выждав несколько минут, она не вытерпела и спросила его об этом. На простодушном лице Уильяма отразилось недоумение. Он извлек из жилетного кармана часы и бросил на них рассеянный взгляд.

– Надо бежать, – озабоченно пробормотал он. – Мама ждет меня к чаю. – И с этими словами быстро нагнулся и прижался губами к ее рту.

Все произошло так неожиданно, что Оливия растерялась. Но едва Уильям скрылся из виду, как девушка пришла в ярость. Как он посмел так поступить с ней... да еще на виду у всей деревни! В конце концов, они ведь даже не помолвлены. Если бы рядом не стоял маленький Эмори, она бы так

ему и сказала, возмущалась она про себя.

Оливия и понятия не имела, что были и другие глаза, которые отлично видели эту сцену от начала до конца. Глаза, которые ни на минуту не отрывались от них обоих.

Часом позже она сидела на деревенской лужайке, поджав под себя ноги в туфельках. Пышные юбки волной раскинулись вокруг нее. Деревенские ребятишки окружали ее. Был среди них и Колин, сынишка Шарлотты. Сияющие восторгом глаза на слегка смущенном лице мальчика казались огромными, а волосы были такими же огненно-рыжими, как и у его матери. В ответ на вопрос Оливии, хочет ли он научиться читать и писать, он только молча закивал, но с тех пор едва ли решился пробормотать хоть слово, хотя урок уже подходил к концу.

Положив на колени небольшую грифельную доску, Оливия писала букву за буквой, время от времени поднимая доску высоко над головой, чтобы всем было хорошо видно.

– Кто-нибудь может мне сказать, что это за слово?

– «Колин», – храбро ответила Джейн, дочка местного фермера. Джейн уже почти сравнялось тринадцать, и она была самой старшей среди учеников Оливии. Девочка аккуратно являлась на урок каждое воскресенье, приводя с собой трех братьев и двух сестер, которые были младше.

– Замечательно, Джейн. Итак, я написала «Колин». – Оливия, заметив, как просияло лицо малыша при звуке его имени, ласково улыбнулась ему. – Колин, ты видишь, что здесь

написано?

Мальчик снова закивал.

– Видишь, Колин, так пишется твое имя. Скоро ты сам сможешь прочитать его. И написать тоже, не так ли?

Маленькая головенка снова быстро-быстро закивала.

– Очень хорошо. Ну а теперь, если вы все...

Оливия осеклась, заметив, что глаза всех сидевших вокруг нее вдруг дружно уставились на что-то за ее спиной. Маленькая Люсинда испуганно юркнула за спину старшей сестры. Даже Джонни, который вечно шептался и пересмеивался со своим соседом, вдруг замолчал.

По спине у нее побежали мурашки. Даже не оглядываясь, она знала, кто находится у нее за спиной.

«Цыган».

Она не ошиблась. В двух шагах от нее, возвышаясь в седле, молча сидел Доминик Сент-Брайд. Огромный жеребец, черный как ночь, без единого пятнышка, был под стать хозяину. Сидя в седле, граф казался настоящим исполином...

Оливия сделала глубокий вдох, перед тем как поздороваться. У нее не было ни малейшего желания выглядеть испуганной или невоспитанной в глазах деревенской ребятни. Но прежде чем она успела открыть рот, в толпе малышей вдруг зазвенел голосок Джонни Крейвена:

– А я знаю, кто вы такой! Вы «цыган»... цыганский граф.

Оливия с радостью провалилась бы сквозь землю. Джонни не понимал, что иногда бывает лучше придержать язык. Ей

это было известно, и сейчас она лишней раз получила возможность в этом убедиться. Хорошо бы зажать несносному мальчишке рот, пока он не успел ляпнуть что-нибудь еще более ужасное.

К ее величайшему изумлению, Доминик Сент-Брайд, кажется, нисколько не обиделся. И не рассердился. Оливия от удивления приоткрыла рот. Она готова была поклясться, что на его лице не отразилось ничего, кроме легкого удивления.

– Это правда? – послышался еще чей-то голос. – Вы и есть «цыган»?

– Да, это так.

К удивлению Оливии... и, надо сказать, разочарованию... он, судя по всему, не собирался уезжать. Вместо этого он спешил и направился к ним, держа поводья в обтянутой перчаткой руке.

– Но одет-то он вовсе не как цыган, – последовало замечание Люсинды, которая, расхрабрившись, вынырнула из-за спины старшей сестры. Сказано это было достаточно громко, и, заметив, что все ее слышат, девочка смущенно вспыхнула.

– Это потому, что он всего лишь наполовину цыган, – важно заявила старшая, Джейн, погрозив сестренке кулаком. – У старого графа, его отца, не было других сыновей, потому что цыганка наложила на него проклятие. Поэтому он взял этого из цыганского табора, чтобы сделать из него своего наследника и... джентльмена.

Оливия от волнения едва могла дышать. Разумеется, ей

уже не раз приходилось слышать подобные сплетни, но сейчас впервые стало интересно, что он на это ответит. Будет ли все отрицать? Или признает, что это правда?

– Ты прав, малыш. Мой... отец, – выговорил он с некоторым трудом, будто само слово «отец» было ему ненавистно, – и в самом деле забрал меня у цыган. – Голос Доминика звучал тускло, почти безжизненно. – А одеваюсь я так потому, что в Лондоне едва ли поняли, если бы граф Рэвенвуд вдруг появился в свете, одетый как цыган!

– Тогда кто вы такой на самом деле? Граф? Или все-таки цыган?

– И то и другое, серединка на половинку! И граф, и цыган! – громко заявил кто-то из ребятишек.

– А сколько вам было лет, когда отец забрал вас из табора? – Любопытство Томаса, по-видимому, не знало границ.

– Двенадцать, – вежливо ответил Доминик.

– Ух ты! – присвистнул Томас. Почти столько же, сколько мне!

– Не ври, Томас Шелтон, – возмутилась Джейн. – Тебе сравняется двенадцать только осенью!

Томас украдкой показал ей язык. Оливия сердито погрозила им пальцем.

– А почему цыгане вечно кочуют с места на место? – Любопытный Томас, должно быть, решив увести разговор в сторону от опасной темы, снова пустился в расспросы.

– Так им никому не нужно подчиняться. Они свободны,

как ветер, едины с миром и природой, вольны идти, куда хотят, и жить, где хотят. А потом есть такая пословица: «Одному Богу известно, что сулит нам завтра». Вот они и не задумываются о том, что сулит им будущее, делают что хотят и когда хотят.

– А мой папа говорит, что они бродят потому, что их ото всюду гонят. – Склонив голову набок, Томас выжидательно уставился на Доминика.

Легкая тень скользнула по его лицу... скользнула и пропала так быстро, что никто, кроме Оливии, этого не заметил. В конце концов она решила, что ей показалось.

– Так думают многие, не только твой отец. Но они ошибаются, – сказал он, наконец. – Они кочуют потому, что просто не могут по-другому. Так было всегда, поверь мне. Это их жизнь...

– У них и домов-то нет. – Расхрабрившись, Люсинда вынырнула из-за спины сестры и уселась рядом с Джейн. – Они живут в повозках, а ночуют в шатрах.

– Цыгане называют их *vardo*, – поправил ее Доминик, – а у тех, кто победнее, вместо крыши лишь небо над головой.

– А что же они делают, когда идет дождь? – удивился кто-то.

– Мокнут, – просто ответил он.

Ребятишки дружно расхохотались. Доминик опустил на одно колено, чтобы было удобнее разговаривать. Только увидев его так близко от себя, Оливия смогла заметить искорки

смеха в этих невероятно синих глазах.

– Они говорят на каком-то чудном языке, – вступил в разговор еще один мальчик.

– Он просто кажется вам чудным, потому что вы его не знаете. Они говорят между собой по-цыгански.

– А мой папа говорит, что все они язычники!

– Они верят в Господа Бога, как ты и твой отец, – покачал головой Доминик. – Просто у них своя жизнь, вот и все.

Оливия уже извелась. Сыпавшиеся со всех сторон вопросы порой были откровенными до грубости. Но к ее удивлению, Доминик Сент-Брайд терпеливо и доброжелательно удовлетворял любопытство ребят.

– А мой папа говорил, что жил раз в городе, где на улицах висели знаки «Никаких цыган», а цыгане все равно приехали.

– Это просто потому, что они не умеют читать.

– Я тоже не умею читать, – тоненьким голоском пропищал Колин, решившийся наконец включиться в разговор.

– Ну, этой беде можно помочь. Под руководством мисс Шервуд ты научишься, и очень скоро. – Доминик ласково опустил руку на рыжую, как апельсин, голову малыша. Совершенно неожиданный жест, который Оливия нашла необыкновенно трогательным. Впрочем, напомнила она себе, он ведь цыган...

Цыган...

Именно цыган убил ее отца.

Тут он поднял голову и поймал ее взгляд. Как ни силилась Оливия отвести глаза, ей это не удавалось. Она вдруг почувствовала себя неудобно... Ей казалось, он читает ее мысли. Что за чушь, рассердилась она, это просто невозможно!

– Ладно, дети, на сегодня достаточно, – проговорила она, сумев кое-как взять себя в руки и намеренно избегая его взгляда. – Постарайтесь хорошенько запомнить, что я вам сегодня объясняла, и не ленитесь. Пробуйте читать, как только у вас появится возможность. – Кивнув, она разрешила разойтись, и ребяташки, как стая воробьев, разлетелись во все стороны. Оливия поднялась с земли и тщательно оправила юбку.

Рядом оставался только Колин. Подбежав к Доминику, он что-то умоляюще шептал ему на ухо. Выслушав малыша, тот добродушно кивнул и, подхватив паренька под мышки, осторожно усадил его на своего огромного вороного жеребца. А потом, взяв коня под уздцы, медленно повел его вдоль площади.

Колин захлебывался от восторга. Лицо его озарила лучезарная улыбка. Спустя немного времени Доминик бережно вытащил его из седла и так же осторожно поставил на землю.

– Ну вот и все, малыш, – ласково сказал он. – А теперь беги домой, к маме.

Колин во всю прыть припустил к дому. Оливия едва удержалась от смеха: она нисколько не сомневалась, что отныне Колин будет с утра до вечера петь «цыгану» бесчислен-

ные дифирамбы. Господи, она почти что видела разинутый от изумления рот его матери.

Дождавшись, пока они останутся одни, Доминик наконец повернулся к ней.

Повисло неловкое молчание... впрочем, возможно, таким оно казалось лишь Оливии. По ее глубокому убеждению, Доминик Сент-Брайд ничуть не выглядел смущенным.

— Это было... так мило с вашей стороны, — выдавила она с трудом. — Я хочу сказать... позволить Колину проехаться на лошади.

— Мило? — В голосе Доминика явственно слышалась насмешка. Он иронически вздернул вверх черную бровь. — Странно... это как-то даже не приходило мне в голову, мисс Шервуд.

Оливия сделала вид, что ничего не заметила. Оставив то, что он сказал, без комментариев, она слегка пожала плечами.

— Колин ведь сын Шарлотты, знаете ли...

— Шарлотты? — Лицо его было непроницаемо.

— Да, Шарлотты. Одной из горничных в Рэвенвуде. У нее такие же огненно-рыжие волосы, как у Колина. Когда вы увидите ее, то поймете, что я имею в виду.

— Вне всякого сомнения, мисс Шервуд.

— Вы... вам удалось замечательно поладить с Колином, — набрав побольше воздуха, храбро продолжала Оливия. — Поздравляю вас. Мне за целый час не удалось вытянуть из него ни единого слова.

– Ах вот оно что! И вы, стало быть, удивлены, не правда ли, мисс Шервуд? – Строго говоря, это был даже не вопрос, а скорее утверждение.

Румянец разлился по щекам Оливии.

– Честно говоря, да, сэр.

– И почему же, позвольте спросить, мисс Шервуд? – В глазах его сверкнул насмешливый огонек. Оливия поежилась, ей показалось, он раздосадован. – Или вы ожидали, что ваши подопечные съезжатся от страха при виде цыганского графа?

Оливия побледнела. Она не знала, что ответить. По правде говоря, он почти угадал: она и в самом деле думала, что дети перепугаются до смерти. Краем глаза она видела, сколько любопытных следят за ними из-за каждого угла с той минуты, как он появился на площади, готовые при малейшей опасности укрыться за массивными дверями домов. Оливия ломала голову, что же ему ответить.

Спасение пришло от того, кого она меньше всего ожидала увидеть. В ту минуту, когда она уже совсем отчаялась, на площади появился Люцифер и кинулся прямо к ней. Подбежав к Оливии, огромный пес поднял косматую голову и ткнулся носом ей в руки.

Она едва удержалась, чтобы не закричать от страха, и молча смотрела, как пес приветливо машет пушистым хвостом. Мокрый розовый язык мгновенно облизал ей руку. В растерянности Оливия робко коснулась его головы. Воодушевленный лаской, пес, громко сопя от восторга, всей тяжестью

навалился на нее.

Девушка чуть было не свалилась на землю. Но сильные руки, осторожно обхватив ее за талию, помогли ей восстановить равновесие.

– Люцифер! – прогремел у нее над ухом суровый голос Доминика. – Сидеть!

Пес послушно уселся. Блестящие золотисто-карие глаза с обожанием уставились на хозяина.

Прошло немало времени, прежде чем к Оливии вернулся дар речи. Жар, исходивший от его рук, казалось, прожигал ее платье насквозь.

– Господи, – выдохнула она наконец, – да ведь он весит добрых пять стоунов⁴.

– Шесть скорее всего, – суховатым тоном поправил ее Доминик. – Похоже, вы ему понравились.

Оливия заставила себя рассмеяться, но смех вышел довольно жалким.

– Да. Мне тоже так кажется.

Люцифер перевел на нее взгляд. В его глазах светилось нечто похожее на восторг. Оливия нерешительно протянула руку, подзывая его к себе, но Люцифер не тронулся с места. Обернувшись, пес посмотрел на хозяина, словно прося разрешения.

Доминик едва заметно кивнул. Пес радостно вскочил и снова ткнулся огромной головой ей в руки. Оливия покач-

---

⁴ Один стоун составляет около 6,35 кг.

нулась, но на этот раз все же удержалась на ногах.

– Когда я впервые увидела его, – проговорила она, покачивая головой, – то перепугалась до смерти, что он откусит мне руку. Странно, для такого чудовища он слишком ласковый, не так ли? – Она любовно потрепала пса за уши.

– Осторожно, мисс Шервуд. Ему не очень-то нравится, когда его называют чудовищем.

Широко раскрыв глаза, Оливия застыла на месте.

– Не хотите же вы сказать, что он понима...

И заметила насмешливый огонек в темно-синих глазах. Господи, да ведь он просто смеется над ней. Доминик кивком указал на своего жеребца.

– Пойдемте, я отвезу вас домой.

– Что? – не веря ушам, недоуменно переспросила она. – Вы хотите усадить меня в седло?!

– Само собой. – Он говорил так, будто не видел в этом ничего необычного.

Неудержимая дрожь охватила Оливию. При одной мысли о том, что она окажется на лошади, во рту у нее пересохло. Она всегда недолюбливала лошадей. А после смерти матери стала панически бояться их. Она решительно покачала головой:

– Ни за что, милорд.

– Но почему? Никто же не увидит.

Ей пришлось признать, что он прав. Рыночная площадь была совершенно пуста, если не считать нескольких уток,

важно шествующих домой.

Неприятное чувство шевельнулось у нее в душе. Девушка изо всех сил старалась подавить страх. Но при одном взгляде на могучего коня, широкогрудого, с мощными мускулами, перед глазами у нее все помутилось. Она с трудом заставила себя отвести глаза в сторону.

– Не поэтому, – с трудом выговорила она, едва слыша свой голос.

– Тогда почему?

Оливия продолжала молчать. Не могла же она признаться, что просто боится, – это было бы глупо! И о том, что случилось с матерью, рассказать не могла – это было слишком... слишком личное.

– Вы всегда столь упрямы, мисс Шервуд? – Она услышала его раздосадованный вздох. – Если вы поедете со мной, то окажетесь дома вдвое быстрее! Я знаю, что ваш дом довольно далеко отсюда.

Глаза их встретились, и между ними будто проскочила искра.

– Откуда вы знаете?

– Все последние дни вы уходили из Рэвенвуда уже в темноте. Я незаметно для вас провожал вас домой.

Оливия лишилась дара речи... чуть ли не в первый раз за всю свою жизнь. Он провожал ее? Все смешалось у нее в голове. Она была поражена, возмущена донельзя... И все же в глубине души разгорелся огонек любопытства. Что же, гада-

ла она, заставило его провожать до дома горничную?

– Но почему? – дрожащим голосом выдавила она наконец.

– Почему вы это делали?

– Чтобы убедиться, что вы благополучно добрались домой. – Глаза его лукаво блеснули.

– Но по-моему, милорд, это вас несколько не должно касаться.

– Вот тут позвольте с вами не согласиться, мисс Шервуд. Поскольку вы работаете на меня, то ваша безопасность, как и многое другое, – моя забота.

Так вот, значит, почему он отправился вслед за ней? Что ж, выругала она себя, глупо было бы предполагать иное.

– Итак? – Доминик выжидательно смотрел на нее, ласково похлопывая коня по гладкой шее.

– Милорд, это совершенно не нужно, уверяю вас...

– Постарайтесь не спорить со мной слишком уж громко, – дружески посоветовал он. – Иначе желающих посмотреть эту сцену будет хоть отбавляй.

И тут она снова лишилась дара речи. Однако, поразмыслив немного, пришла к выводу, что он прав. Они уже были не одни. Через площадь торопливо шагал мистер Хобсон.

– Что ж, хорошо. К тому же я смогу вернуть ваш платок, который вы так любезно одолжили мне прошлой ночью. Но я пойду пешком. – Оливия постаралась, чтобы ее отказ прозвучал по крайней мере вежливо. Высоко вскинув голову, она круто повернулась и решительно зашагала к дому. До-

миник последовал за ней, ведя лошадь в поводу.

Люцифер не спеша потрусил следом.

Скоро деревня осталась позади. Оливия отчаянно старалась не замечать присутствия графа, но все было напрасно. Он был так близко, что рукавом то и дело задевал ее локоть, отчего Оливию каждый раз бросало в дрожь. Она волновалась, как школьница, и сама не понимала почему.

Наконец, кое-как успокоившись, Оливия собралась с духом и решила нарушить молчание:

– Простите, можно задать вам один вопрос?

– Конечно. – Он с любопытством покосился на нее.

В ярком солнечном свете его глаза отливали такой ослепительной синевой, что больно было смотреть. Еще никогда в жизни она не встречала таких удивительных, таких необыкновенных глаз!

– Вчера вы посчитали странным, что такой женщине, как я, приходится прислуживать в вашем доме... Могу я спросить – почему?

Доминик окинул ее внимательным взглядом. Уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Вы хотите услышать правду, мисс Шервуд?

Что-то в его голосе насторожило Оливию, какая-то загадочная нотка, понять которую она не могла.

– Конечно. Я считаю, что узнать правду всегда полезно.

– И все же не думаю, что вы готовы ее узнать.

– Но, милорд, разве можно возражать против правды?

– Не называйте меня так, – недовольно проворчал он.

– Ч-что? – недоуменно переспросила Оливия.

– Милорд. Не надо меня так называть.

Оливия растерялась. Она никак не могла взять в толк, отчего он злится.

– Тогда как мне вас называть?

– Ну... для начала хотя бы по имени – Доминик.

– Мило... – Поперхнувшись, она спохватилась. – Но, сэр, так нельзя. Как вы сами мне напоминали, я ведь всего лишь прислуга в вашем доме.

К тому времени они подошли к небольшой лужайке, в середине которой стоял домик Оливии. Доминик остановился возле дорожки, ведущей к парадной двери.

– Что ж, очень хорошо, мисс Шервуд. Попытаюсь ответить на ваш вопрос и буду надеяться, что мне удастся удовлетворить ваше любопытство. Честно говоря, я был удивлен, увидев такую очаровательную девушку в этих северных дебрях. И уж совсем удивительно, что вы до сих пор не замужем. Слава Богу, что здесь не Лондон. Иначе какой-нибудь богатый джентльмен тут же заметил бы вашу красоту и похитил бы, сделав своей любовницей.

Он оказался прав. Оливия действительно была не готова услышать такую правду. Мысли ее разбежались. Неужели он и вправду считает ее очаровательной? Не зная, что сказать, она совсем смешалась и только смогла пролепетать:

– Я... я никогда не была в Лондоне.

– Кажется, я шокировал вас, употребив слово «любовница», не так ли, мисс Шервуд? Однако порой, знаете ли, случается и такое.

И снова Доминик угадал: она и вправду была шокирована. Однако быстро пришла в себя.

– О, не сомневаюсь, что как раз об этом вы осведомлены достаточно. – Оливия, как ни старалась, не смогла сдержаться и не уколоть его.

– Замечательно! Теперь, похоже, вы еще и обиделись! Неужели вы столь наивны, мисс Шервуд? – Он выжидательно вскинул брови. – Господи помилуй, можно подумать, что вас до сих пор никогда не целовали!

Оливия совсем запуталась. Ей не понять его: то добрый, внимательный, даже нежный, а через мгновение издевается над ней, и каждое слово его будто сочится ядом. Ее глаза гневно вспыхнули.

– Вы забываетесь, сэръ! Но хотя вас это совершенно не касается, я готова ответить на этот вопрос: вы ошиблись. Меня целовали, и не раз!

– Да что вы? Наверное, вы не поняли... я имел в виду не детский поцелуй в щечку, а настоящий. Такой поцелуй... настоящий поцелуй... от которого душа расстается с телом и кажется, будто весь мир у твоих ног!

Мысли Оливии вновь вернулись к Уильяму. Она невольно припомнила его торопливый поцелуй сегодня утром и тот, когда он целовал ее раньше. Волнующими их трудно было

назвать...

– Целовали! – упрямо повторила она. Но уверенности в ее голосе заметно поубавилось.

– Не стоит лукавить, мисс Шервуд. Выражение вашего лица, ваших глаз говорит само за себя. Меня вам не обмануть.

«Так он смеется надо мной, этот негодник!» – подумала Оливия.

– Оливия! Оливия, это ты?

Оглянувшись через плечо, Оливия заметила Эмили, стоящую у входа в дом. Одной рукой она держалась за ручку двери.

– Я здесь, Эмили! – крикнула она. – Через минуту приду. Это моя сестра, – поспешно объяснила она графу. – Наверное, она гадает, почему я так задержалась. – Повисла неловкая пауза. – Я бы с радостью пригласила вас на чашку чая, но...

Голос Оливии оборвался. Она смущенно потупилась, не зная, что сказать. Да и что тут скажешь? Что она не может этого сделать, потому что сестра ненавидит цыган? Увы, это было бы чистой правдой, с горечью подумала она, лихорадочно подыскивая правдоподобное объяснение. Она никогда не была лицемеркой, и сейчас на душе у нее было гадко.

– Не стоит ничего объяснять, мисс Шервуд. Я все прекрасно понимаю. – И он рассмеялся искренне и добродушно, точь-в-точь как раньше.

Оливия молча смотрела, как Доминик вскочил на своего

огромного вороного жеребца и повернул к лесу. Выехав на тропинку, он тронул его каблуками и галопом поскакал в Рэвенвуд, оставив позади лишь облачко пыли.

Он назвал ее очаровательной. Неужели он и в самом деле так считает?

Только много позже Оливия вспомнила, что так и не отдала Доминику его носовой платок. Спohватившись, она покопалась в комоде и наконец отыскала его. Расправив ткань дрожащими руками, девушка осторожно коснулась кончиком пальца вышитых в уголке инициалов. ДСБ – Доминик Сент-Брайд. Не забыть бы захватить его, когда завтра отправится в Рэвенвуд, подумала она. Но затем засунула в самый дальний ящик комода.

Глава 5

Чей-то холодный мокрый нос ткнулся ей в ладонь.

Оливия, стоя на коленях, мыла огромные, от пола до потолка, французские окна в гостиной Рэвенвуд-Холла. Прикосновение чего-то влажного заставило ее вздрогнуть. Она обернулась и весело рассмеялась.

– Люцифер! – радостно воскликнула девушка. – Что ты здесь делаешь?

Энни, вторая горничная, которая усердно терла другое окно, тоже оглянулась и презрительно фыркнула.

– Господи, опять это кошмарное чудовище! Настоящее исчадие ада, вот кто он такой, этот пес! Нет, ты только глянь, как он на меня смотрит – сейчас сожрет, право слово! Зараза какая! А все из-за того, что я попыталась согнать его с ковра в библиотеке. Этот проклятый зверь зарычал тогда и напугал меня до полусмерти!

Бросив мокрую тряпку в ведро, Оливия вытерла руки о фартук и ласково погладила густую блестящую шерсть. Ей было прекрасно известно, что почти вся остальная прислуга до смерти боится собаку и косо смотрит на то, что Люциферу разрешается бродить по всему дому, что он и делает с видом заправского хозяина.

– Люцифер! – Она ласково потянула пса за ухо. – Это очень дурно с твоей стороны. Так нельзя, дружок. А ну, си-

деть!

Огромный пес послушно шлепнулся на пол. Настороженно подняв уши, он преданно смотрел ей в глаза, словно ожидая следующей команды.

– Лопни мои глаза, вот это да! – Энни изумленно уставилась на них. – Ну ты даешь! Слушай, а может, тебе попробовать и птичек научить есть у тебя с рук? – Шлепнув мокрой тряпкой об пол, она тяжело поднялась с колен. – Закончи тут без меня, ладно, Оливия?

Не дождавшись ответа, она повернулась и поспешно вылетела за дверь. Опустив голову, Оливия с трудом скрыла улыбку.

– Ох, Люцифер, тебе и в самом деле стоит подумать о своем безобразном поведении, – шепнула она псу на ухо. – Вот попадешься миссис Темплтон, она тебе покажет!

Пышный хвост Люцифера тяжело застучал по паркетному полу. Засмеявшись, Оливия стала почесывать его за ушами. Потом, поднявшись на ноги, хорошенько отжала тряпку, аккуратно сложила ее и, подхватив ведро с водой, заторопилась на кухню.

Через полчаса, сняв рабочий фартук, Оливия повесила его на крючок в кладовке. Сегодня она закончила работу довольно рано, оставалось только отпроситься у миссис Темплтон. Весь день она убиралась на самом верхнем этаже и постоянно боялась столкнуться с графом. Этот человек обладал ужасной способностью лишать ее ума: при одной мыс-

ли о нем она начинала чувствовать себя глупой и неловкой. Так что чем меньше они видятся, думала Оливия, тем лучше. Но, слава Богу, уже близился вечер, а он так и не появлялся.

– Оливия! – окликнул ее голос из холла. Она обернулась и увидела направлявшегося к ней дворецкого Франклина. – Оливия, будь хорошей девочкой. Сбегай, отнеси это письмо его милости. Его только что принесли. – С этими словами он сунул ей в руки блестящий серебряный поднос. – Мне кажется, он в кабинете.

Оливия едва успела подхватить поднос, чтобы он не грохнулся на пол. Она не успела даже сообразить, как отвертеться от этого поручения, потому что Франклин тут же исчез. Вероятно, спешил.

Замечательно, уныло подумала она, просто великолепно! Как раз когда она уже решила, что все позади! Потоптавшись на месте, она тяжело вздохнула и зашагала к кабинету графа. Ладно, решила Оливия, она быстренько отдаст ему письмо и тут же уйдет.

Дверь в кабинет была плотно закрыта. Оливия нерешительно постучала, но ответа не последовало. Нахмурившись, она прислушалась и решила на всякий случай постучать еще раз. На этот раз низкий голос графа попросил ее войти. У Оливии екнуло сердце. Ей показалось, что голос был недовольным.

Она осторожно заглянула в кабинет. Устроившись в кресле, Доминик рассеянно смотрел в окно. Он словно не заме-

тил ее появления. На фоне окна его четко очерченный профиль казался суровым, взгляд был устремлен вдаль, на холмы. Сюртука на нем не было. Белоснежная рубашка слегка помята, взъерошенные черные волосы падали на лоб. Вытянув одну длинную ногу перед собой, он лениво растянулся в кресле. Станный острый запах заполнял комнату. На мгновение Оливия была озадачена, но быстро догадалась, чем это так пахнет. Возле локтя графа, на маленьком полированном столике, стоял графинчик с бренди. Он был почти пуст.

Оливия неловко кашлянула. Взяв себя в руки, она на цыпочках приблизилась к Доминику, стараясь, чтобы он не заметил охватившего ее волнения.

– Прошу прощения, что беспокою вас, милорд, но для вас принесли письмо. – Вежливо присев, она протянула ему поднос.

Доминик даже не шелохнулся, чтобы взять его. Он вообще не взглянул на письмо. Можно было подумать, что он не слышал ее слов. Глаза его были прикованы к лицу Оливии.

– Откройте его.

Его невозмутимый голос заставил Оливию очнуться, и она испуганно вздрогнула. Наверное, она ослышалась... не может быть, чтобы он... Девушка растерянно глянула на письмо. На конверте было имя Доминика. Почерк был косой, уверенный, вне всякого сомнения, женский.

– Мне кажется, это личное письмо, милорд.

– Не важно. Сядьте, мисс Шервуд, и прочитайте его мне.

– Кивком он небрежно указал ей на стоявший рядом стул.

Оливия, чувствуя, как дрожат у нее колени, направилась к стулу, опустилась на самый краешек и, неловко выпрямившись, осторожно, кончиком ногтя, сломала печать.

Сделав для храбрости глубокий вдох, Оливия стала читать:

«Дражайший Доминик,

с величайшим сожалением берусь за перо, чтобы написать тебе. Мы оба знали, что в конце концов все кончится именно этим, раз уж ты решил похоронить себя заживо в деревенской глуши. Ты всегда был великолепным любовником, мой дорогой. Я никогда не смогу забыть те восхитительные часы, которые провела в твоей постели, – но, увы, не могу же я и дальше спать одна? А в Лондоне так много мужчин, которые сгорают от желания занять твое место!

С наилучшими воспоминаниями,

Морин».

Когда Оливия закончила, лицо ее пылало. Она знала, от кого это письмо – недаром об этой женщине шептались за каждым углом в Рэвенвуд-Холле! – от Морин Миллер, известной актрисы и его любовницы! Смутившись до слез, Оливия опустила голову, боясь встретиться с ним взглядом. Хорошие манеры, которым ее учили с детства, казалось, под-

готовили ее к тому, чтобы сохранять хладнокровие в любой ситуации, но кто бы мог вообразить что-либо подобное? Что, интересно знать, положено говорить мужчине, только что лишившемуся своей любовницы? Может быть, правила приличия требуют, чтобы она принесла ему свои соболезнования? Господи, откуда же ей знать?!

– Признаться, я потрясен. Вы просто восхитительно восприняли это, мисс Шервуд! Я ведь вижу, что вы шокированы, но чем? Тем, что у меня есть... то есть была... хм... прошу меня извинить... любовница? – с издевкой полюбопытствовал он. – Или же тем прискорбным фактом, что она имела наглость найти мне замену?

– И тем, и другим. – Ответ слетел у нее с языка, прежде чем Оливия успела сообразить, что говорит. Боже милосердный, ну как она может взглянуть ему в глаза?

– Вот даже как? Что ж, похоже, и мне придется подумать о том, чтобы подыскать себе женщину, которая бы грела мою холодную постель. – В кабинете повисло неловкое молчание. – Как насчет вас, мисс Шервуд? Не хотите предложить свою кандидатуру? Вы говорите, что целовались прежде, и не раз, верно? Был ли у вас любовник? Сомневаюсь.

Оливию будто хлестнули по лицу. Щеки ее возмущенно запылали. В широко распахнутых глазах сверкали недоумение и обида. Доминик покосился в ее сторону, и с губ его слетел резкий, неприятный смешок.

– Да, понимаю. И вполне согласен с вами. Вопрос и в са-

мом деле нелепый. По правде говоря, я вообще вам не верю. То есть не верю, что вы когда-либо целовались.

Оливия снова вскинула голову. Странно, но казалось, Доминик не был ни разгневан, ни убит горем, как можно было бы ожидать от мужчины, только что потерявшего возлюбленную. Скорее всего сердечные дела для него ничего не значили. Да, наверное, правду о нем говорят: женщины для него ничто. Бросить любую из них для него все равно что снять сюртук!

– Я не лгу, – чопорно сказала она. – И мне не нравится, что вы меня дразните.

Но он продолжал, не обращая внимания на ее слова:

– И кто же вас целовал, позвольте узнать? Ваш белокурый молодой поклонник, с которым я видел вас вчера на деревенской площади?

– Вы его видели? – Оливия ахнула.

Доминик наконец, к большому ее облегчению, отвел глаза в сторону.

– Видел. Неужели вам понравился его поцелуй?

Оливия невольно вспомнила недавние слова Доминика:

«Наверное, вы не поняли... я имел в виду не детский поцелуй в щечку, а настоящий. Такой поцелуй... настоящий поцелуй... от которого душа растворяется с телом и кажется, будто весь мир у твоих ног!»

Да, невольно подумала она, это не очень похоже на поцелуй Уильяма. А ведь граф повторил именно то, о чем она

мечтала, будто прочел ее собственные мысли.

– Конечно, нет. Вы его не любите. Я угадал?

– Это не совсем то, чего я ожидала, – чуть слышно прошептала она, отводя глаза в сторону. – Я думала, поцелуй... по крайней мере первый... подарит мне восторг и блаженство... экстаз, который навечно останется в моей памяти. – Признание вырвалось у нее раньше, чем она успела сообразить, что говорит. Оливия спохватилась, но было уже поздно. «Господи, – сердито подумала девушка, – наверное, я сошла с ума. С чего мне пришло в голову делиться с этим человеком самым сокровенным?»

– Стало быть, вы разочарованы, не так ли?

Будь он проклят, разозлилась она. Почему у него такой довольный вид? Упрямо расправив плечи, она вызывающе посмотрела ему прямо в глаза.

– Я не хочу больше говорить об этом, милорд! И вынуждена просить вас впредь воздержаться от подобных вопросов, тем более что это вас совершенно не касается.

– Боже, кажется, меня высекли! – Теперь он уже откровенно насмеялся над ней. – Но признайтесь, мисс Шервуд, вы ведь меня осуждаете, не так ли?

Оливия неодобрительно взглянула на полупустой графинчик с бренди, стоявший на столике возле него. Перехватив ее взгляд на лету, Доминик лукаво подмигнул и взял в руки бокал.

– Что такое, мисс Шервуд? Не нравится, когда мужчина

находит подобный способ приободриться?

Бокал был заполнен еще почти на треть. Доминик поднес его к губам и одним глотком осушил темно-рубиновую жидкость. Потом вызывающе глянул на нее, и глаза их вновь встретились.

Оливия возмущенно поджала губы, но предпочла промолчать. Впрочем, она сама не понимала почему – ведь было件нятно, что перед ее глазами сейчас разыгрывается спектакль.

– Ну же, мисс Шервуд, не стесняйтесь. Выскажите, что у вас на уме. И что бы вы ни сказали, клянусь, все будет прощено и забыто.

– Вы ошибаетесь, я вполне терпимо отношусь к спиртному, – возразила Оливия. – Даже мой отец любил порой выпить бокал хорошего эля. Просто мне кажется, что сегодня вы выпили несколько больше, чем нужно.

– Так оно и есть, – неожиданно миролюбиво согласился он, повергнув девушку в изумление. – Впрочем, не важно, – отмахнулся Доминик. – Все равно, мне кажется, вы меня недолюбливаете.

– Нет, сэръ, нисколько! – возмутилась она. – Я думаю... мне кажется, это я вам не нравлюсь. А порой вы смотрите на меня так, будто...

Она ему не нравится! Доминик едва не поперхнулся. Господи, ну надо же! Да, конечно, он смотрит на нее, это так, но куда же прикажете ему смотреть, если, когда она рядом, он попросту не в силах оторвать от нее глаз? Даже сейчас его

взгляд жадно ласкал изящный изгиб ее шеи. Доминик готов был посмеяться, что ни фальшь, ни притворство не знакомы этой девушке. И ведь она даже не подозревает о том, что делает с ним ее красота!

Но от этого он только еще больше желал ее...

В глубине души Доминик просто упивался радостью, оттого что поцелуй худосочного поклонника разочаровал Оливию! Вдруг он сообразил, что она ждет, и медленно покачал головой.

– Нет, – тихо сказал он, – вы ошибаетесь, мисс Шервуд. Все не так, как вы думаете. Нет, – вздохнув, продолжал он, – это я вам не нравлюсь.

Снова принялся за свое, с горечью подумала Оливия. Ей все больше становилось не по себе.

– Не понимаю, с чего вы это взяли.

– Вы старательно прячете глаза, когда я рядом. Не думаю, чтобы в этом был виноват страх... Скорее неприязнь, которую вы, несмотря ни на что, питаете ко мне. – Из-под полуопущенных век он изучающе вглядывался в ее смущенное лицо.

Поежившись, Оливия отвела взгляд в сторону, потом, вспомнив его слова, заставила себя посмотреть ему в глаза и спросила с напускной холодностью, которой вовсе не испытывала:

– Почему вы решили, что я недолюбливаю вас, сэр?
Ведь я едва вас знаю, не так ли?

– Но кажется, вам вполне достаточно и этого.

По-видимому, он не оставит эту тему, будь он проклят!

Оливия со вздохом сцепила пальцы. Что ж, мстительно подумала она, если он добивается от нее честности, он ее получит.

– Я вовсе не собираюсь вам лгать, сэра. Мне не нравятся сплетни, но, вынуждена признать, о вас много говорят...

– О Боже, насколько не сомневаюсь! Давайте, мисс Шервуд, не стесняйтесь! Расскажите же мне все, что вам говорили.

Итак, разговор принял направление, которое было ей весьма не по вкусу. Однако у Оливии не было выбора: если он так хочет, она скажет ему правду.

– Рассказывают, что вы большой любитель женщин, милорд.

– Что ж, это так, отпираться не буду, но, наверное, я не единственный мужчина в Англии, который любит прекрасных дам.

– Это верно, – кивнула она, – и это естественно, иначе у нас в стране остались бы одни старики.

– Рад, что хоть тут мы с вами одного мнения, – дрогнули в усмешке уголки его губ.

– Но говорят также, – неумолимо продолжала она, – будто вы славитесь тем, что растоптали не одно женское сердце, милорд.

– Так, стало быть, вы считаете меня распутным негодяем?

Соблазнителем? – с недоверием переспросил Доминик.

– А вы это отрицаете? – Оливия взмолилась про себя, чтобы назавтра, проспавшись, Доминик не вспомнил ни единого слова из их разговора. Если бы она не знала, что виновные пары затуманили ему голову, ей и в голову не пришло бы вести с ним подобную беседу!

– Позвольте мне кое-что сказать вам, мисс Шервуд. Из-за моего наследства лондонские газеты проявляют ко мне чрезмерный интерес. Когда я увидел вас в Рэвенвуде, то подумал даже, уж не подослал ли вас какой-нибудь бульварный листок. Осмелюсь преподнести вам один урок в понимании нынешнего общества: и половине того, что печатают, нельзя верить.

– И тем не менее, сэр, я не выношу мужчин, которые используют женщин для своих целей.

– Еще один урок, мисс Шервуд. – Запрокинув голову, Доминик коротко хохотнул. – На свете столько же женщин, которые используют мужчин в своих целях. Они идут под венец, чтобы заполучить состояние, занять более высокое положение в свете. Или обрести титул.

Он не убедил Оливию.

– Но почему же джентльмены заводят себе любовниц? Просто не понимаю, почему нельзя удовлетвориться одной женщиной? Я презираю... да, да, презираю!.. мужчин, которые способны отшвырнуть женщину, словно стоптанный башмак!

– И вы верите, что я так поступал?

– А разве нет, милорд? – тоном возмущенной праведницы спросила Оливия.

– Милорд...

Доминик до боли стиснул зубы. В его памяти вдруг возник дрожащий детский голосок: «Так кто же вы, цыган... или граф?». Нет, он не был графом. Графом был его отец... и останется им навсегда. Беда в том, что остальные упорно продолжали считать его, Доминика, графом Рэвенвудом. Господи, он до сих пор не мог без горечи слышать это! А сам он... кем он сам себя считал? Графом? Или же цыганом?

Ни тем, ни другим, признался он себе. Сколько он себя помнил, он всегда разрывался на части между двумя мирами...

Не выдержав тяжести воспоминаний, Доминик вскочил на ноги. Он навис над ней, как грозовая туча. Оливия испуганно съежилась на стуле. Ей показалось, что сейчас разразится буря.

– Так когда-то вышвырнули мою мать, мисс Шервуд. Но я никогда... вы слышите?... никогда не поступлю так ни с одной женщиной! – подчеркнул он. Взгляд его прожигал Оливию насквозь. – О, не стану убеждать вас, что отличаюсь постоянством! Я расставался со многими женщинами, но всегда только по взаимному согласию. Что до Морин, позвольте напомнить вам: не я бросил ее! Это она бросила меня! И вот вам доказательство, что я не лгу! – Он ткнул пальцем в бе-

левшее на столике письмо. – И еще... Что бы вы ни говорили, мисс Шервуд, я могу быть счастлив только с одной женщиной! Просто я пока не нашел ее, – совсем тихо добавил он.

Он замолчал. Оливия была потрясена до глубины души. Сейчас в его голосе чувствовалась искренность, не та, которая бывает вызвана винными парами, а настоящая, подлинная. Может, она ошибалась в этом человеке? Или в сплетнях, которые она слышала, не было ни капли правды?

Доминик широкими шагами подошел к высокому, до самого потолка, окну, выходявшему в розарий. Заложив руки за спину и широко расставив ноги в высоких кожаных сапогах, он задумчиво смотрел вдаль.

Оливия бесшумно поднялась. Затаив дыхание, она вглядывалась в гордый разворот его плеч, на фоне окна казавшихся особенно широкими.

– Простите, – тихо пробормотала она. – Мне совсем не хотелось обидеть вас...

Сначала ей казалось, что он не услышал. Но когда он повернулся к ней лицом, Оливия невольно вздрогнула. Ни тени улыбки не было на этом суровом, словно окаменевшем лице.

– Я не сержусь. И не обижаюсь, – коротко бросил он. – Просто я безумно устал от всех глупых сплетен... Берутся судить меня, а ведь даже не знают и не хотят знать, как было на самом деле!

Он имеет в виду ее! Жгучий стыд охватил девушку. Она багрово покраснела. Какой же ничтожной, жалкой и малень-

кой вдруг показалась она себе! Доминик отвернулся.

– Ступайте домой, мисс Шервуд, – устало сказал он. – Так будет лучше всего. К тому же уже начинает темнеть.

Голос его был суровым... почти надменным. Оливия поспешно присела.

– Доброго вечера, милорд. – Она бесшумно юркнула за дверь и на пороге обернулась. Последнее, что она увидела, была его высокая, словно высеченная из гранита фигура, безмолвно застывшая на фоне окна.

Торопливо пробежав по коридору, Оливия пересекла холл и выскочила наружу. Она даже не заметила, как пустилась бежать. Ей так хотелось оказаться как можно дальше от Рэвенвуда... и его хозяина... что она бежала все быстрее, пока совсем не задохнулась. Только тогда Оливия, опомнившись, перешла на шаг.

И тут же услышала... шорох листьев позади. Оливия испуганно огляделась.

– Кто здесь? – дрожащим голосом крикнула она. Расширившимися от ужаса глазами девушка вглядывалась в темноту леса.

Время, казалось, остановилось. Аипкие пальцы страха стиснули Оливии горло. Вдруг она снова услышала, как под чьей-то ногой хрустнула сухая ветка. Сердце Оливии ушло в пятки, и в это мгновение из кустов вылетел огромный косматый клубок. Господи, подумала она, да ведь это же Люцифер!

– Люцифер!

Собака бросилась к ее ногам. С губ Оливии сорвался дрожащий смешок. Присев на корточки, она обхватила пса за шею и крепко прижала к себе, ощущая исходившее от него тепло и только сейчас понимая, как она перепугалась.

Огромный косматый хвост Люцифера торжествующе развевался в воздухе, словно боевой стяг.

Оливия встала и указала пальцем туда, где за лесом остался Рэвенвуд-Холл.

– Люцифер, – велела она, – ступай домой!

Но тот, будто не слыша, снова замахал хвостом и игриво ткнулся кудлатой головой ей в руку. Оливия тяжело вздохнула и решила попробовать снова:

– Люцифер, домой! Ступай домой, слышишь?

Еще одна попытка, столь же безуспешная, потом еще одна... В конце концов запыхавшаяся Оливия вынуждена была признать, что планы Люцифера, похоже, не совпадают с ее собственными. Махнув на все рукой, она повернулась и зашагала к дому, а пес неторопливо потрусил следом. Прошло несколько минут, и Оливия невольно улыбнулась про себя: хотя Люцифер был всего лишь собакой, сейчас она уже совсем не чувствовала себя одинокой. Даже страх куда-то отступил. Судя по всему, псу она явно понравилась, усмехнувшись, подумала девушка. И тут же смутилась, сразу вспомнив о его хозяине. Оказавшись возле дома, она снова обернулась к Люциферу:

– Сидеть!

Огромный пес послушно плюхнулся на землю.

– А теперь жди. – С этими словами Оливия взбежала на крыльцо.

Захлопнув за собой дверь, она исчезла в доме. Когда через пару минут Оливия вернулась, пес послушно сидел на том же месте. Склонив набок голову и насторожив уши, он терпеливо ждал ее возвращения. Затаив дыхание, она поднесла к его носу раскрытую ладонь, на которой лежал небольшой кусочек сыра.

Люцифер одним махом слизнул его и с любопытством посмотрел на нее. Потом довольно облизнулся, явно рассчитывая на добавку. Оливия рассмеялась.

– Все, Люцифер, хватит. А теперь беги домой. – И она снова указала рукой в направлении Рэвенвуда. К ее удивлению, пес тут же послушался и огромными скачками понесся по тропинке через лес. И только тогда в ее голове молнией сверкнула догадка...

Это Доминик послал собаку! Он приказал Люциферу проводить ее до дома...

Странное чувство охватило Оливию. Несмотря на то что она снова уязвила Доминика, было несомненно, что он позаботился о ней. Столь же несомненно, как и то, что при мысли о нем сердце ее начинало трепетать.

Глава 6

– Цыгане разбили свой табор возле ручья!

Оливия только что вытащила из печки горячий пирог с почками, от которого еще валил пар, и готовилась его разрезать. Нож ее замер в воздухе. Сделав глубокий вдох, она украдкой покосилась на сестру.

– Ты не ошиблась, Эм?

– Я слышала, как говорили, что еще после полудня их повозки проехали через деревню. А потом пришла Эстер и повторила то же. Они стали табором на берегу ручья, рассказала она.

Оливия окинула сестру внимательным взглядом. Странно, подумала она, Эмили выглядит уж чересчур спокойной. Неужели страшные воспоминания о том дне, когда у нее на глазах был зверски убит их отец, больше не преследуют ее? «Господи, – страстно взмолилась она, – прошу тебя, сделай, чтобы это было так!» Но вслух она лишь сказала:

– Может, они здесь просто проездом. Переночуют, а завтра их уже и след простыл. – Хотя цыган, убивший их отца, как потом стало известно, был одиночкой, но в их местах и до того часто останавливались цыгане, гадали на картах и предсказывали судьбу, лудили и паяли старые сковородки, торговали лошаадьми. Оливия никогда не боялась за себя. Но сейчас мысль о том, что их табор неподалеку, заставила ее

почувствовать себя неудобно.

– То же самое сказала и Эстер.

– Что ж, – добродушно засмеялась Оливия, – тогда будем надеяться, что она не ошиблась. – И она положила большой кусок пирога на тарелку Эмили.

– Как ты думаешь, они приехали... из-за него? – Можно было не сомневаться, что Эмили имеет в виду Доминика.

– Послушай, в Англии тысячи цыган, и все они кочуют с места на место, – напомнила сестре Оливия. – Если они встали табором на берегу ручья, так это довольно далеко от Рэвенвуда. – Она задумалась, потом тряхнула головой и засмеялась. – Нет, думаю, это маловероятно.

Занявшись едой, сестры погрузились в молчание. Доев, Оливия уже собиралась встать из-за стола, когда стекло в окне за ее спиной вдруг звякнуло. Раздался гулкий треск, и снова наступила тишина. Оливия нахмурилась.

– Что это?

– Ветер, – лукаво склонив голову набок, ответила Эмили. – Скоро начнется буря, вот увидишь. Я чую ее в воздухе.

На мгновение Оливия закрыла глаза. Она прислушивалась. Подражая Эмили, старалась впитывать каждый звук извне, каждое колебание воздуха. И вот снова началось... Жалобный стон, донесшийся откуда-то снизу, будто из-под земли, сменился пронзительным воем, который становился все сильнее, потом оборвался на самой высокой ноте, и все стихло.

И тогда, в тишине, она снова вспомнила Доминика. Сегодня вечером он открылся ей с другой стороны, и Оливия впервые задумалась, что же должен испытывать такой человек, как он, в чуждом ему мире. Завеса тайны, окружавшая его, чуть-чуть приподнялась, и Оливия увидела мужчину, сурового и неприступного с виду, но с нежной и чувствительной душой, которая так же пела от радости или истекала кровью, как и ее собственная. А когда она, уходя, окинула взглядом его фигуру на фоне окна, ей пришло в голову, как он, вероятно, одинок... так же одинок, как и ветер, что выл и стонал сейчас за дверями их дома. И все же Оливия не хотела лукавить сама с собой: часть ее существа не могла смириться с тем, что в нем текла цыганская кровь.

Меньше всего она ожидала, что на следующий день ее вызовут к нему в кабинет. От страха ей чуть не стало дурно. Поднявшись по лестнице, она осторожно постучала в дверь. Оливия почти не сомневалась, что знает, зачем ее позвали. Прощлым вечером она дала слишком много воли своему языку... И вот сейчас он скажет, что в Рэвенвуде больше не нуждаются в ее услугах.

Когда она вошла, Доминик стоял возле письменного стола. В темно-сером сюртуке и узких панталонах он выглядел на редкость элегантно. Он был чисто выбрит, а черные как смоль волосы, еще влажные после мытья, лежали гладко. Граф был так красив, что у Оливии на мгновение перехватило дыхание.

– Вы хотели видеть меня, милорд? – спросила она, стараясь ничем не выдать терзавших ее дурных предчувствий.

– Ах да, мисс Шервуд! – Словно очнувшись, он указал ей на стул. – Прошу вас, садитесь.

– Если вы не возражаете, сэр, я постою, – нервно облизнув пересохшие губы, произнесла Оливия. Ей пришло в голову, что вряд ли стоит садиться ради того, чтобы услышать приказание немедленно покинуть этот дом.

Взгляды их встретились, и тут, к удивлению Оливии, она заметила, как он смущенно отвел глаза в сторону. Так и есть, с горечью подумала девушка. Стало быть, интуиция ее не подвела!

– Прошу меня извинить, мисс Шервуд, – начал Доминик, неловко покашливая, – но мне так трудно... Думаю, это будет нелегкий разговор... для нас обоих. – Сердце Оливии упало. – Но кажется, этого не избежать...

Оливия с трудом сглотнула вставший в горле комок. На ресницах повисла непрошенная слезинка. Итак, она не ошиблась. Он собирается ее уволить. Боже, в отчаянии подумала она, что же им делать? А Эмили? Да еще на днях нужно заплатить арендную плату за дом...

– Умоляю вас простить мне вчерашнюю безобразную сцену. Хотя, может быть, вы мне и не поверите, но я не так уж часто напиваюсь. Поэтому... – Оливия ошеломленно уставилась на него. В ушах у нее звенело. О чем он?.. Это было совсем не то, что она ожидала услышать. – ... я еще раз умоляю

вас простить меня.

Оливия онемела. Губы отказывались повиноваться, и она только растерянно хлопала глазами. Может, она ослышалась?

– Мисс Шервуд? – Доминик недоумевающе сдвинул брови. – Вы меня слышите?

– С-слышу, – выдохнула она, и непрошеные, глупые слезы вдруг брызнули у нее из глаз.

– Мисс Шервуд... дьявольщина, да что с вами? Вы плачете?

Как будто этого не видно, сердито подумала Оливия.

– Прошу прощения, милорд, – запинаясь, пробормотала она. Ноги уже не держали ее, и она вынуждена была сесть. – Это... это от радости.

– Знаете, мисс Шервуд, иногда вы меня просто удивляете!

– Да, милорд. – Оливия поспешно вытерла слезы. – Просто... видите ли, я решила, что вы позвали меня только для того, чтобы уволить...

– Господи помилуй, да с чего бы я вдруг стал это делать? Разве что вы выкинули нечто из ряда вон выходящее... Может, стащили фамильное серебро?

– Нет, что вы! Ничего подобного! – с трудом выдавив дрожащую улыбку, пролепетала она. – Просто... ну, когда мы с вами разговаривали... вчера вечером... я наговорила вам лишнего... и решила, что вы, должно быть, рассердились.

– Премного вам благодарен, мисс Шервуд. – Лицо его при-

няло мрачное выражение. – Стало быть, вы считаете меня гнусным тираном. Весьма польщен! Приятно знать, что вы столь лестного мнения о моей персоне!

Оливия совсем растерялась. Значит, она снова обидела его... Похоже, это какая-то напасть, не иначе!

– Милорд, вы меня не поняли. Просто... просто я очень боюсь, что потеряю это место... Что мне тогда делать? Ведь вы же знаете: у меня слепая сестра, и других доходов, кроме моего жалованья, у нас нет. – Оставалось надеяться, что он не истолкует ее слова как просьбу о милостыне. – А что до прошлого вечера, умоляю вас, поверьте, я вовсе не думала ничего дурного о вас только лишь потому, что вы... вы... – Оливия запнулась, не зная, как бы поделикатнее выразить свою мысль. – Что вы...

– ... Дурачился? – подсказал он, выразительно вскинув бровь.

– Именно так, – с облегчением кивнула Оливия. – Что ж, все мы порой немножко... забываемся.

– И все-таки, мисс Шервуд, я был бы весьма признателен, если бы содержание этого разговора навсегда осталось между нами.

Оливия наклонила голову, чувствуя, как у нее вспыхнули щеки. Если бы он только мог прочесть ее мысли! Вдруг в памяти всплыли его слова... те, что он сказал вчера: «Что бы вы ни говорили, мисс Шервуд, я могу быть счастлив только с одной женщиной! Просто я пока не нашел ее». В голосе его

была такая горечь... Она готова руку дать на отсечение, что он говорил искренне!

– Конечно, милорд, – прошептала она.

Доминик сел на стул и облокотился на массивный стол красного дерева.

– Итак, с этим все. Но мне нужно еще кое-что с вами обсудить. – Взгляд его остановился на ее побледневшем лице. – Вы, кажется, упоминали, что получили неплохое образование. А как вы управляетесь с цифрами? Вам приходилось вести счета?

– Обычно я помогала отцу вести приходские книги. – Может, это и выглядит достаточно наивно, но тут уж ничего не поделаешь, подумала Оливия. Интересно, к чему он ведет?

– Умеете вы писать письма... ну, и тому подобное?..

– Мне часто доводилось писать письма по просьбе покойного отца.

– В таком случае не будете ли вы столь любезны, чтобы взять на себя некоторые дополнительные обязанности? – Он откинулся на спинку стула. – Мне нужен человек, который мог бы вести домашние счета, следить за расходами, содержать в порядке бухгалтерские книги... Ну и еще, может, время от времени написать по моей просьбе то или иное письмо. Думаю, больше, чем несколько вечеров в неделю, это не займет. – И он назвал жалованье, которое было более чем щедрым.

У девушки на мгновение занялся дух. «То или иное пись-

мо». В душе ее проснулись смутные подозрения. Она припомнила: не далее как вчера вечером Доминик вогнал ее в краску, заставив прочесть вслух письмо от его отставной любовницы. И еще, ей не раз рассказывали, как он то и дело сбегал из школы и прятался в таборе у цыган. Конечно, в этом нет его вины, с жалостью подумала она, но все-таки... Он что же, так и не выучился читать и писать? Мысли, догадки, сомнения вихрем кружились у нее в голове. Впрочем, подумала Оливия, ей-то что за дело? А благодаря лишним деньгам им с Эмили станет полегче.

– Звучит заманчиво, – пробормотала она. – К тому же, когда моя сестра внезапно потеряла зрение, я дала себе слово скопить денег, чтобы отвезти ее в Лондон и показать самому лучшему специалисту. И тогда, может быть, она снова будет видеть.

– Тем более лишние деньги вам не помешают.

– Несомненно, милорд, – призналась она. – Но меня кое-что тревожит. Мне бы не хотелось, чтобы миссис Темплтон решила, что я покушаюсь на ее положение в вашем доме, милорд, а разве не она следит за счетами в Рэвенвуде? – Однако тут Оливия припомнила, что неприязнь, которую прежде питала к ней миссис Темплтон, странным образом смягчилась, особенно это стало заметно в последние дни.

Доминик покачал головой. На губах его мелькнула улыбка.

– По этому поводу можете не волноваться. Миссис Тем-

плтон заверила меня в том, что проверка счетов и расходов на хозяйство никогда не входила в круг ее обязанностей.

Так вот оно что, подумала Оливия. Вот, значит, почему он обратился к ней. Внезапно Оливия ощутила легкое разочарование, хотя сама не понимала почему. Прошло несколько минут, и губы ее дрогнули в улыбке. Судя по всему, из прислуги в доме только у миссис Темплтон хватало мужества противоречить ему. А остальные, насколько она знала, при одном упоминании имени нового хозяина тряслись от суеверного страха. Все это быстро промелькнуло у нее в голове, и Оливия приняла решение.

– Буду рада оказаться вам полезной, милорд.

– Хорошо. Можете приступить завтра вечером, если это вас устроит.

– Я приду, сэр. – Сердце ее пело от радости. Даже если она будет занята не чаще двух вечеров в неделю, и то ее жалованье увеличится больше чем вдвое! Подумать только, а она боялась, что Доминик ее уволит!

Она уже собиралась встать, думая, что разговор окончен, когда голос Доминика вдруг остановил ее:

– И еще одно, мисс Шервуд. Возможно, вам придется работать здесь, когда стемнеет. Я считаю своим долгом предложить вам пользоваться моей каретой.

– О Боже... Но это невозможно! – твердо ответила Оливия.

– Почему, позвольте спросить? – Глаза его сузились.

– Потому что... потому что могут неправильно понять.

Это будет выглядеть некой сомнительной привилегией, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Отказ девушки явно разочаровал его. Это было видно по тому, как он сурово сжал челюсти.

– Я думал, мы с вами согласились что забота о вашей безопасности – моя обязанность.

– Нет, сэр. – Набрав полную грудь воздуха, Оливия покачала головой. – Это вы так решили, но я с вами не согласилась... И не соглашусь никогда, – с нажимом добавила она. Но похоже, упрямства и ему было не занимать.

– До вашего дома довольно далеко, мисс Шервуд.

– Не дальше, чем до дома, где живет Шарлотта, милорд.

– Да, но ей не приходится уходить так поздно, как вам.

Она открыла рот, чтобы возразить, но возражать было нечего. Тут он был совершенно прав.

– Сэр, я вполне в состоянии позаботиться о себе.

– Вы не оставляете мне выбора, мисс Шервуд. Иначе говоря, раз, вы отказываетесь от кареты, придется мне взять на себя труд самолично провожать вас до дома. Отныне, если вы...

– Нет! – вскрикнула она. – Так нельзя!

– Почему? – холодно осведомился он.

– Вы ведь мой хозяин, сэр! Это... это неправильно.

– Но я ведь наполовину цыган! – Губы его раздвинулись в улыбке, но глаза по-прежнему оставались холодными. – Разве не глупо ждать от меня правильных поступков, как вам

кажется?

Встав с кресла, он вышел из-за стола и направился к ней. Доминик взял ее за руку и помог подняться, а она, слишком удивленная, чтобы возражать, молчала.

– Что ж, оставим пока этот разговор. Но не думайте, что я сдался. Очень скоро мы с вами вернемся к этому делу.

Что толку было снова спорить?

– Хорошо, – медленно кивнула Оливия. – Но вначале я хотела бы узнать... Это ведь вы послали за мной Люцифера вчера вечером, не правда ли?

– Люцифер – просто собака, мисс Шервуд. Он бежит, куда ему хочется.

– И куда вы ему прикажете, не так ли?

Его нарочито мягкий голос несколько ее не обманул. Но блеснувший в глазах насмешливый огонек заставил Оливию насторожиться.

Доминик промолчал, не признавшись, но и не отрицая ничего. Казалось, он вообще об этом не думал. Оливия вдруг почувствовала, как он мягко сжал ее пальцы. Перевернув ее руку ладонью кверху, он внимательно вглядывался в тонкие линии, бороздившие кожу. Оливия вспыхнула и попыталась высвободиться, но Доминик только сильнее сжал ей руку. От его прикосновения с ней творилось что-то странное. Она едва сознавала, что с ней происходит. Оливия твердила себе, что он ей неприятен, что она невзлюбила его с первого взгляда... и понимала, что обманывает сама себя. Все было совсем

не так. Подняв на него затуманенные глаза, она только молча смотрела, как он поднес кончики ее пальцев к губам.

– Так, значит, до завтра, мисс Шервуд.

Язык будто присох к гортани, и Оливия лишь молча кивнула. Доминик выпустил ее руку. Торопливо присев, она выскользнула из кабинета и скатилась по лестнице, будто сам дьявол хватал ее за пятки.

А Доминик после ее ухода еще долго сидел в кабинете. Взгляд его был прикован к двери, которая только что захлопнулась за Оливией. Какая же она красавица, вздохнул он. Однако Доминик готов был поклясться, что сама девушка об этом и не подозревает. Уходя, она выглядела испуганной и немного растерянной, хотя обычно, как ему казалось, редко теряла присутствие духа. Но ему нравилось дразнить ее. Доминик искренне наслаждался, когда видел ее такой смущенной, немного растерянной. Разумеется, он догадывался, что она думает о нем: вне всякого сомнения, Оливия по-прежнему считает его негодяем. Бесчестным соблазнителем. Воспоминания о том, что случилось накануне вечером, были почти болезненно четкими. Интересно, что бы она подумала, пришло в голову Доминику, если бы узнала, что все то время, пока она стояла перед ним, он молча любовался тем, как последние солнечные лучи играют в ее волосах, заставляя их переливаться огненными бликами. Он сгорал от желания коснуться их хотя бы кончиками пальцев, проверить, действительно ли они такие мягкие, какими кажутся па первый

взгляд. А стоило Оливии заговорить, как взгляд его упал на ее губы. И он уже не мог думать ни о чем другом. Все его тело мучительно ныло от желания. Он отдал бы все, что имел, лишь бы сжать ее в объятиях, а потом найти ее губы и изведать их душистую сладость.

Доминик нахмурился. Он вел себя глупо и по-мальчишески. Дурак, вот он кто, с горечью подумал Доминик. Проклятый осел! Он приехал в Рэвенвуд по многим причинам, но прежде всего для того, чтобы найти мир в своей душе.

Но все обернулось по-другому. Признаться откровенно, он не знал ни минуты покоя с того дня, как впервые увидел Оливию.

Губы его искривились в горькой усмешке. Она никогда не сможет полюбить его, жди он хоть тысячу лет. И пусть он богат... пусть теперь у него есть титул... пусть сама она всего лишь служанка в его собственном доме – все это ничего не значит. В глазах Оливии он навсегда останется невежественным цыганом.

Он это понимал... Ведь он не раз и не два ловил в ее глазах это выражение... О, конечно, Оливия пыталась и виду не подавать, но он-то знал...

О да, Доминик знал... Недаром он столько раз видел такое выражение и прежде, чтобы безошибочно понимать: Оливия никогда не сможет этого забыть...

И он не сможет.

– О, ты только посмотри, мы как раз рядом с пивной! – воскликнула Эстер. Подхватив Эмили под локоть, она подпела ее к скамейке и усадила. – Посиди-ка здесь, милочка. Я мигом. Заскочу на минутку в пивную да пропущу глоточек горького с моим муженьком. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я вернусь.

– Но, Эстер... – Эмили беспомощно вытянула руку.

Ответа не последовало. Рука Эмили бессильно опустилась на колени. Что ей было делать? Оставалось только набраться терпения и ждать.

Время, казалось, текло бесконечно. То и дело неподалеку слышались шаги, но никто не пытался заговорить с ней. Солнце припекало довольно сильно, и вскоре у Эмили разболелась голова, а шляпка, которую она обычно надевала, на этот раз, как на грех, осталась дома. Эстер заявила, что не собирается за ней возвращаться.

Теперь, когда Оливия почти все дни пропадала в Рэвенвуде, Эмили порой чувствовала себя очень одинокой. Но ей и в голову не приходило жаловаться. Ведь сестра так радовалась тому, что у них наконец появятся лишние деньги, строила планы о том, как они съездят в Лондон, как покажут Эмили хорошему врачу – и все благодаря тем деньгам, которые она зарабатывает, проверяя счета этого «цыгана». И Эмили не хватало духу сказать ей, что все это ни к чему.

Зрение никогда не вернется к ней. Никогда. Вот уже несколько месяцев, как она сама поняла это и смирилась.

Больше всего она мучилась потому, что сестре приходилось работать за двоих. Ломая голову, как ей помочь, Эмили весь день плела кружева, старательно пряча их всякий раз перед возвращением Оливии. Бедняжка мечтала, что в один прекрасный день продаст их, а потом вручит Оливии заработанные ею деньги. Однако пока что она так и не смогла придумать, кому их предложить. Но работу не бросала. По крайней мере теперь дни не казались ей такими длинными.

Эстер все не возвращалась. Эмили смущенно ерзала на скамейке. Ей чудилось, что каждый из проходящих мимо исподтишка разглядывает ее, гадая про себя, что она делает одна посреди рыночной площади, да еще так долго. Мало-помалу стало холодать. Солнце, должно быть, клонилось к закату. Близился вечер, и Эмили вдруг охватил страх. К глазам подступили слезы. Она сердито смахнула их рукой и, выпрямившись, снова принялась ждать. Вдруг кто-то осторожно тронул ее за плечо.

– Мисс, – произнес над ухом у Эмили звучный мужской голос.

– Да? Кто здесь? – резко обернулась она.

Андре давно украдкой наблюдал за очаровательной блондинкой, вот уже несколько часов сидевшей в одиночестве на каменной скамье на углу рыночной площади. За это время он сходил в табор и вернулся, а она все еще сидела на прежнем месте. Но теперь, стоя прямо перед ней, он заметил и другое: взгляд девушки, устремленный вдаль, все объяснил

ему. Она была слепа!

Что ж, пришло ему в голову, может, оно и к лучшему!

– Прошу прощения за беспокойство, мисс, но только я обратил внимание, что вы сидите здесь уже очень давно. Вы одна?

– Да... то есть нет. – Бедняжка чуть не плакала. – О сэр, не могли бы вы помочь мне? Пожалуйста! – Протянув к нему руки, она подняла испуганное, осунувшееся лицо, и сердце Андре преисполнилось жалостью.

Он и сам не заметил, как схватил ее руки и крепко сжал. Как зачарованный, Андре смотрел в ее глаза, голубые, как утреннее небо. Кожа ее была цвета свежих сливок. Пышные волосы, золотые, словно спелая пшеница, перехваченные на затылке лентой, спускались до самых бедер. За всю свою жизнь он не видел девушки красивее.

– Что случилось?

– Я пришла сюда вместе с Эстер. Она сказала, что хочет заглянуть в пивную, пропустить стаканчик-другой вместе с мужем. Я... я никогда не говорила Оливии, но Эстер в последнее время просто жить не может без эля. А теперь вот она не вернулась вообще, и я не знаю, что делать. Не могу же я пойти туда за ней...

Эмили чувствовала, что слова ее бессвязны, но не могла остановиться. Господи, как она ненавидела себя за это! Всю жизнь она была такой беспомощной, вечно всех боялась. Едва ли отдавая себе отчет в том, что делает, Эмили сильнее

стиснула его руку.

– Умоляю вас, сэр! Я... я так долго жду ее... а мне хочется поскорее домой. Не могли бы вы отыскать Эстер?

Ее дрожащий от волнения и страха голос заставил сердце Андре дрогнуть.

– Мисс, я бы с радостью вам услужил, но... боюсь, я не знаю Эстер в лицо. Я... – Андре заколебался. – Видите ли, я не здешний, не из Стоунбриджа. Мой... моя семья только что переехала сюда. – Он снова замялся. – Может, вы скажете, как она выглядит?

Андре слишком поздно понял свою ошибку. Но, как ни странно, его вопрос не обескуражил Эмили. Возможно, она ослепла совсем недавно?

– Знаете, я уже давно ее не видела, но, насколько я помню, у нее тогда были соломенного цвета волосы, и она... хм... довольно толстая. Я знаю точно, потому что она вечно стучается о дверной косяк, когда входит, как будто ей тесновато, понимаете? А со мной или с Оливией такого не бывает. Ах да, Эстер всегда носит розовый чепчик... Оливия постоянно сердится и дразнит ее, потому что этот цвет совсем не подходит к ее волосам.

Андре мягко сжал ей руку.

– Я взгляну, там ли она.

Эмили аккуратно разгладила смятую юбку. Слезы ее высохли. Сейчас она даже сердилась на себя за то, что вела себя так глупо. Интересно, подумала она, кто этот человек?

Приезжие в Стоунбридже бывали довольно редко. По голосу она могла судить, что он еще молод.

Андре очень не хотелось заходить в пивную, но раз уж он пообещал молодой даме, что сделает это, значит, выхода у него нет.

Он не успел переступить порог, а глаза всех, кто был в пивной, устремились на него. Внутри было довольно темно и мрачно, и после яркого солнечного света ему потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть. За столами сидело не менее дюжины завсегдатаев. Воцарилось неловкое молчание, но Андре сделал вид, что ничего не заметил. Другого он и не ожидал. Гаджо никогда не любили его соплеменников. Не глядя по сторонам, он напрямик направился к буфетчику.

– Я ищу женщину по имени Эстер.

– Эстер? Эстер ушла со своим муженьком, и довольно-таки давно, – сухо буркнул тот в ответ.

Андре кивнул и поспешно вышел.

Молодая девушка обернулась, услышав его шаги, и лицо ее просияло.

– Вы нашли ее?

– Мне очень жаль, мисс, но буфетчик сказал, Эстер уже ушла. – Андре присел на скамью возле нее. Помолчав немного, он предложил: – Если хотите, я могу проводить вас до дома. То есть если вы объясните мне, где живете.

Эмили испугались. Этот незнакомец предложил прово-

дить ее до дома. Что же делать? Ведь она понятия не имеет, кто этот человек. Она даже не видела его лица. Наверное, ей следует остерегаться? Это уж точно, подтвердил внутренний голос. И тем не менее она почему-то не боялась его...

– Я постараюсь, – едва слышно прошептала она. – Только, боюсь, я вас совсем не знаю, сэр, и будет странно, если незнакомый человек проводит меня до дома. – Девушка с улыбкой протянула ему руку. – Я Эмили, Эмили Шервуд.

Андре, с трудом оторвав взгляд от ее руки, посмотрел ей в лицо, и от ее улыбки у него перехватило дыхание. Прошло несколько минут, прежде чем до него дошло, что она имеет в виду.

Взяв ее руку, он осторожно сжал ее, чувствуя себя по-дурачки. Этот обычай гаджо ему никогда не нравился.

– А я Андре, – наконец выдавил он.

– Очень рада познакомиться, Андре. – Ее улыбка, казалось, стала еще ярче. – Что ж, теперь вы уже не незнакомец, верно? – Девушка встала и, все еще улыбаясь, повернулась к нему. – Можно, я обопрюсь о вашу руку?

Опомнившись, Андре подскочил к ней и предложил руку. Сейчас он был даже рад, что девушка не может видеть улыбки, которая скользнула по его лицу, когда он накрыл ее пальцы своей ладонью. Ему было приятно чувствовать, что теперь они уже больше не дрожат.

– Ну а теперь, сэр, мы должны прежде всего повернуться

так, чтобы стать лицом к церкви, потом обойти ее с восточной стороны, а там уже будет тропинка, которая сворачивает налево...

Незнакомец был очень высок – Эмили поняла это почти сразу. Когда она подняла голову, ее щека коснулась его плеча. Рука, которой он бережно поддерживал ее, казалась сильной и мускулистой. Эмили сразу почувствовала себя спокойнее. Ей понравилось его имя – Андре. Конечно, немного необычное, подумала она, но зато куда красивее, чем вечные Джон или Пол.

Он спросил, кто такая Оливия, и Эмили охотно принялась рассказывать. Оливия – ее сестра, теперь она служит у нового графа, объяснила Эмили. Ах да, конечно, бросил Андре, кажется, он видел неподалеку господский дом.

Они добрались до дома так быстро, что Эмили удивилась. И даже поймала себя на том, что слегка раздосадована... о, совсем чуть-чуть.

– Огромное спасибо! Без вашей помощи я бы никогда не добралась до дому. – Поколебавшись, она набралась смелости и добавила: – Надеюсь, вы как-нибудь зайдете к нам. Когда Оливии нет дома, я... я порой чувствую себя такой одинокой. – Конечно, может быть, нескромно с ее стороны приглашать незнакомого мужчину в гости. Ну и пусть! Возможно, потом она и пожалеет, но сейчас ей не хотелось об этом думать.

– Рад был оказаться вам полезным, мисс, – услышала она

его звучный низкий голос. Наступило молчание, потом он снова заговорил: – До свидания, Эмили.

– До свидания, – прошептала она, жалея, что не может увидеть его лицо.

Кончики его пальцев легко, едва касаясь, скользнули по ее щеке... Или, может, ей это только почудилось?

Она ни за что не расскажет Оливии о том, что случилось сегодня, поклялась себе Эмили... о том, что незнакомый молодой человек проводил ее до дома. По крайней мере пока не расскажет...

Глава 7

Прошло несколько дней. Оливия чувствовала себя так, словно попала в ловушку, которая захлопнулась у нее за спиной. Теперь, едва открыв глаза, она ловила себя на том, что думает о Доминике. Каждый раз, когда она оглядывается, он тут как тут. То позади нее в коридоре. То возвращается с верховой прогулки. То заглядывает через плечо, когда она делает записи в бухгалтерских книгах. Оливия чувствовала его дыхание у себя на затылке и знала, что, подняв глаза, встретится с ним взглядом.

О, если б только она могла возненавидеть его! Ведь в нем текла цыганская кровь! Хотя, вынуждена была признаться Оливия, не знай она об этом, никогда бы не догадалась.

Но и джентльменом в полном смысле этого слова его тоже трудно было назвать. Очень часто его одежду составляли бриджи для верховой езды, рубашка и сапоги. И при каждом удобном случае он закатывал рукава рубашки или расстегивал ворот, под которым ничего не было. Галстуков он, судя по всему, вообще не признавал. И оставалось лишь отводить глаза в сторону, что порой давалось ей с трудом, тем более что мысли девушки были прикованы к нему почти постоянно.

Она невольно ловила себя на том, что сравнивает его с Уильямом. И вынуждена была признать, что ничего похоже-

го прежде не испытывала.

И по-прежнему каждый вечер Люцифер провожал ее до самого дома. Когда это случилось во второй раз, Оливия даже накричала на пса, пытаясь заставить его повернуть обратно. Тщетно... Дружелюбно помахивая хвостом, пес упорно бежал за ней. А на следующий вечер вообще отказался уйти: как ни гнала она его прочь, преспокойно свернулся на пороге дома и мирно проспал до утра. Утром он с тем же терпеливым упорством проводил ее в Рэвенвуд. По правде говоря, Оливия была даже рада этому: в присутствии огромного пса она чувствовала себя в безопасности. К тому же девушка постепенно привязалась к нему. А Эмили он просто обожал. С тех пор так и повелось, что вечера они проводили втроем, и Оливия решила больше не обсуждать это с Домиником.

К тому же она подозревала, что он отлично знает, где проводит ночи Люцифер.

Однако она и представить не могла, что сам Доминик терзается не меньше ее.

Даже если неотложные дела призывали его, он задерживался в доме, мечтая хоть одним глазком увидеть девушку. А в те вечера, когда она, сидя в его кабинете, проверяла Счета, он то и дело находил предлог, чтобы заглянуть туда. И сам проклинал себя за это.

Господи, он вел себя, как животное в брачный период! Но ничего не мог с собой поделать. Стоило ей оказаться рядом, и у него в жилах вскипала кровь. «Почему? – думал он в от-

чаянии. – Ну почему?» Она нисколько не напоминала тех женщин, которые ему нравились до сих пор, – элегантных светских львиц, весьма искушенных в сердечных делах. Оливия же была невинна и неопытна, как ребенок... и это сбивало его с толку. Доминик всегда предпочитал более зрелых женщин – по крайней мере не надо было тратить время на ухаживания!

Но Оливия... Порой ему приходило в голову, что она даже не догадывается о том, в какой трепет приводит его одно ее присутствие. Доминик мечтал о том, что когда-нибудь возьмет в ладони ее лицо и долгим поцелуем приникнет к губам. Он поцелует ее... и тогда она поймет, каким он бывает, настоящий поцелуй! И забудет этого глупого мальчишку на площади. Доминик мечтал о том, как разбудит в ней дремлющие до сих пор чувства... сделает то, что оказалось не под силу другому мужчине.

Улыбка презрения к себе скользнула у него по губам. Нет, ему нужно больше, чем один поцелуй. И одной этой мысли оказалось достаточно, чтобы в чреслах его возникла знакомая тянущая боль. Уже не раз и не два, когда Оливия оказывалась рядом, Доминик боялся, что взорвется, как неопытный юнец. Он даже боялся встать, чтобы не поставить в неловкое положение их обоих. В голове мутилось, стоило ему только подумать о том, как он подхватит ее на руки и уложит в постель, а потом, сорвав с нее одежду, насладится скрытыми под ней сокровищами красоты. Он жаждал разру-

шить ее чопорные манеры и обнаружить под ними женщину...

Он хотел обладать ею. Доминик мечтал, что в один прекрасный день она будет принадлежать ему, принадлежать всецело, как никогда еще не принадлежала ни одному мужчине.

Но не только ее тело сводило Доминика с ума. Оливия была идеальной женщиной, и он ловил себя на том, что любит ее. Ее искренность и наивность, ее спокойное упорство и мягкая грация движений сводили его с ума.

И в то же время он догадывался, что она, вольно или невольно, старается избежать его прикосновений. В тот вечер, впервые взяв ее за руки, он ощутил легкое сопротивление и, разумеется, понял, что за ним стоит. Еще бы! Ведь она леди, а он наполовину цыган, полукровка. Несомненно, она не хочет запачкаться, мрачно подумал он. Ее чопорные приличные манеры одновременно и злили его, и вызывали уважение. При нем она всегда держалась так холодно, так сдержанно... Но он не мог забыть, как Оливия смеялась и шутила, окруженная деревенской ребятней. Да, над этим стоило поломать голову. Доминик был заинтригован. Может быть, год, проведенный в Лондоне, добавил ему надменности, но сейчас... сейчас он хотел эту девушку. Что ж, когда-нибудь наступит день, и он получит ее.

В тот вечер Оливия проверяла счета за прошлую неде-

лю. По распоряжению графа миссис Темплтон и дворецкий Франклин закупали все необходимое, а потом приносили счета в кабинет и складывали их на столе.

Сгущались сумерки. В комнате постепенно стало темно, так что Оливии пришлось зажечь лампу, иначе она с трудом разбирала цифры. В углу кабинета стоял небольшой рабочий столик. Именно за ним она и решила устроиться. Шло время. Оторвавшись от счетов, Оливия глянула в окно и заметила, что все небо затянуто низкими, грозowymi облаками. Она вздохнула, и в то же мгновение первая тяжелая капля дождя со звоном ударила о подоконник.

Услышав приближающиеся шаги, Оливия едва успела снова уткнуться в бухгалтерскую книгу, когда на пороге выросла высокая фигура Доминика. Сердце ее оборвалось. Скорее всего он только что вернулся с верховой прогулки. Желтовато-коричневые бриджи туго облегли сильные ноги, подчеркивая мощные мускулы икр. Украдкой покосившись в его сторону, Оливия заметила, что он сбросил сюртук и швырнул его на спинку обитого бархатом кресла, стоявшего возле камина.

– Добрый вечер, мисс Шервуд.

Подняв голову от книги, Оливия с неудовольствием заметила, как задрожала ее рука, когда она переворачивала страницу. Сейчас он выглядел совсем молодым – особенно с этими взлохмаченными ветром волосами, спутанными прядями падавшими на высокий лоб. И в то же время она чувство-

вала, что перед ней настоящий мужчина. Неуловимая аура мужественности исходила от него – та аура, которая делает женщину беззащитной в присутствии мужчины.

– Добрый вечер, – пробормотала она.

Скрестив руки на груди, Доминик повернулся к ней. Как обычно, он первым делом закатал до локтей рукава рубашки. Руки его были покрыты темными шелковистыми волосками. И как всегда, стоило ей увидеть его таким, внутри у нее все сжалось.

– Можно попросить вас об услуге, Оливия?

Сердце девушки екнуло. Оливия! Он назвал ее по имени, и то, как он произнес его, пронзило ее душу. До сих пор он неизменно обращался к ней официально: «мисс Шервуд», – а теперь назвал по имени, будто они были... Нет! – одернула она себя. Что она вообразила, в самом деле! В конце концов, это ничего не значит.

– Конечно. – Отложив счета в сторону, Оливия приготовилась слушать.

– Мне не раз приходило в голову, что вы слишком молоды, чтобы взвалить на свои плечи заботы о слепой сестре. Неужели у вас нет никаких родственников?

– Мне уже двадцать два, сэр, так что, сами видите, я не так молода, как вам кажется. – На губах Оливии мелькнула слабая улыбка. – И боюсь, родственников у нас действительно нет. Разве что тетя... вдова моего дяди, но она живет в Корнуэлле. Однако у нее своих забот хватает.

– А ваши родители... они умерли?

– Мама умерла, когда мне было всего двенадцать, – кивнула Оливия. – А папа... – Она едва не проговорила, что отец был убит. – ... Папа – чуть больше года назад. – Оливия сморгнула набежавшую на глаза слезу и попыталась перевести разговор на другое: – А ваша матушка, милорд? Она до сих пор с цыганами?

– Моя мать умерла, – резко бросил он, и лицо его окаменело.

Смущенно облизнув пересохшие губы, Оливия наконец решила задать ему вопрос, который уже давно мучил ее – с того самого дня, когда она узнала о его возвращении:

– Именно поэтому ваш отец и забрал вас?..

– Нет, – оборвал он, не дослушав. – Скажите, неужели вы не знаете, что у цыган считается дурной приметой говорить о тех, кого уже нет в живых?.. Примерно такой же, как увидеть лису или волка... Это значит накликать на себя беду.

– А я только утром видела лису... – Дрожь страха пробежала у нее по спине.

– Тогда ждите беды. – Он улыбнулся, но глаза его по-прежнему оставались холодными. – А о проклятии вы тоже слышали? И что из-за него у Джеймса Сент-Брайда больше никогда не было детей?

Оливия догадалась, что Доминик говорит о проклятии, которое его мать когда-то наложила на его отца.

– Да-а, – смущенно пробормотала девушка.

– И что вы об этом думаете?

– Я не верю в это.

– Пусть так. Но как вы тогда это назовете? Судьба? Рука провидения?

– Ну... хотя бы.

– Значит, вы не верите, что существуют некие силы, которые нам не подвластны? А в Бога вы верите?

– Конечно!

– В таком случае не кажется ли вам, что именно судьба свела нас с вами в тот день, когда вы чуть было не попали под колеса моей кареты? – С этими словами Доминик присел на краешек стола, вытянув перед собой длинную, обутую в сапог для верховой езды ногу. В руках он небрежно вертел нож с рукояткой слоновой кости для разрезания писем. Оливия нахмурилась, не в силах отвести взгляд от его руки, до самых пальцев поросшей короткими черными волосками. Тонкие, сильные пальцы Доминика были такими же смуглыми, как и лицо.

Его близость лишала ее разума. Она подозревала, что он нарочно уселся так близко от нее, прекрасно понимая, как это на нее действует.

Оливия и сама не сознавала, что с ней происходит, чувствовала только, что в его присутствии сердце ее начинало трепетать.

– Наверное... Не знаю... – Слова застревали у нее в горле.

– А я знаю. Я верю, что это судьба. Или перст провидения,

если вам угодно.

Прежде чем Оливия решилась ответить, в дверь постучали, и на пороге появилась внушительная фигура Франклина.

– Прошу прощения, милорд, но приехал мистер Гилмор. Он спрашивает, не согласитесь ли вы принять его.

Мистер Гилмор – адвокат из Стоунбриджа.

Одним пружинистым движением вскочив на ноги, Доминик повернулся к дворецкому.

– Конечно, Франклин. Проводите его наверх.

Он еще не успел договорить, как чья-то нетерпеливая рука распахнула дверь.

– Так он здесь? Ну-ка пустите меня!

– Эй, послушайте, вы... – Франклин попытался заступить дорогу нетерпеливому посетителю.

– Все в порядке, Франклин, – остановил его Доминик, махнув рукой. – Пожалуйста, оставьте нас.

Франклин бесшумно исчез, осторожно прикрыв за собой дверь.

Доминик гостеприимно указал на два кресла возле камина, в котором ярко пылал огонь.

– Мистер Гилмор, прошу вас, – приветливо сказал он.

Роберт Гилмор прошествовал к ближайшему из кресел и опустил в него свое крупное тело.

– Я пришел не для того, чтобы приятно поболтать у камина. Причина моего визита – цыгане!

– Ну, разумеется, – холодно кивнул Доминик, усаживаясь

напротив.

Оливия низко опустила голову, стараясь стать незаметной. Роберт Гилмор, единственный адвокат в Стоунбридже, ей никогда не нравился. Она считала его чванливым, напыщенным ничтожеством. Вот и сейчас она с радостью заткнула бы уши, лишь бы не слышать, о чем пойдет речь.

– Они приехали сюда из-за вас? – грозно осведомился Гилмор.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, – приятно улыбаясь, как и положено гостеприимному хозяину, проговорил Доминик. Но глаза его сверкнули, и Оливия заподозрила, что он просто издевается над адвокатом.

– О, уверен, что прекрасно понимаете! – Руки Гилмора, лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

– Мистер Гилмор, позвольте напомнить вам, что по Англии кочуют сотни цыганских таборов. Уверяю вас, я тут совершенно ни при чем. А если даже эти цыгане явились сюда действительно из-за меня, то, ей-богу, не понимаю, вам-то что за дело?

Гилмор презрительно скривился.

В комнате повисло молчание. Нарушил его Доминик:

– Может быть, мистер Гилмор, вы будете настолько любезны, что объясните цель вашего прихода... Что вам угодно от меня?

– Какого дьявола! Вы что, сами не понимаете?! – взревел взбешенный Гилмор. Я хочу, чтобы вы велели им убраться

отсюда, и поскорее!

– Убраться? – В низком голосе Доминика прорезалась угрожающая нотка. Это было похоже на еще отдаленный рокот грома, предвещающий приближение грозы.

Но Гилмор либо был слишком толстокож, чтобы почувствовать это, либо ему было наплевать. У Оливии перехватило дыхание. Казалось, оба собеседника совсем про нее забыли.

– Эти грязные, вороватые... – Гилмор свирепо выругался.

– Они что-нибудь украли у вас? Или у кого-нибудь еще?

Оливия украдкой бросила взгляд на обоих мужчин. Лицо Доминика застыло как каменное. Он холодно смотрел на собеседника. Тучный адвокат побагровел от ярости.

– Нет, но...

Глаза Доминика сузились, и Оливия догадалась, что буря вот-вот грянет. Она чувствовала это всем своим существом.

– Стало быть, вы не имеете права называть их ворами, не так ли?

– Нет, послушайте...

– Нет уж, Гилмор, это вы послушайте! Даже вам не удалось вспомнить ни одного случая, когда бы здешние цыгане нарушили закон. Так что у вас нет ни малейших оснований требовать, чтобы они убирались. И пока они никому не мешают, я очень советую вам последовать их примеру и заниматься своими делами.

– Ну еще бы, как это я сразу не догадался! – Гилмор вско-

чил на ноги. – Что ж, придется говорить напрямик, и учтите: от имени всех жителей нашего Стоунбриджа. Нам здесь не нужны ни эти проклятые цыгане, ни вы!

Доминик тоже встал. На губах его появилась улыбка, от которой Оливию бросило в дрожь.

– Право, жаль. Как вы, может быть, заметили, я решил поселиться в Рэвенвуде... и надолго.

– Вы еще очень пожалеете, что явились сюда. Уж я постараюсь!

– Это угроза, мистер Гилмор? – вскинул брови Доминик. – Хочу вас предупредить: не выношу, когда мне угрожают. – Он широкими шагами направился к двери и демонстративно распахнул ее перед опешившим адвокатом. – Прощайте, Гилмор.

Тот яростно нахлобучил на голову шляпу и прошагал к двери.

– Это не угроза, а обещание, – прошипел он в лицо Доминику. – Вы не увидите и конца лета! Господом Богом клянусь, я об этом позабочусь! – И он тихо прикрыл за собой дверь.

В комнате наконец наступила тишина. Так бывает после отгремевшей грозы, когда вся природа, будто приходя в себя, ненадолго затихает. Оливия смущенно поерзала на стуле, потом, не зная, как ей быть, направилась через комнату туда, где на крючке висела ее шаль.

– А вы, Оливия? Вы думаете так же? Этот надутый адво-

катишка говорил и от вашего лица?

Этот голос, тихий, как ночь, прозвучал за ее спиной. Перепугавшись от неожиданности, Оливия замерла, потом медленно обернулась, но предпочла сделать вид, что не слышит.

– Если не возражаете, милорд, – невозмутимо сказала она, – я закончу завтра. Сейчас уже слишком поздно.

Неуклюжее объяснение не убедило Доминика, однако он холодно усмехнулся и произнес:

– Вы правы. Бегите домой, мисс Шервуд. Но хочу предупредить: это вам не поможет. Не забывайте, я ведь тоже пробовал когда-то сбежать из школы.

Он угадал, она и в самом деле пыталась сбежать. Но лишь потому, что сейчас он внушал ей страх.

– Не уверена, будто понимаю, что вы имеете в виду, – пробормотала она, храбро вскинув голову.

– А я уверен, что понимаете. – Глаза его вдруг засверкали, как у хищника. – Честно говоря, я до сих пор изумляюсь, как это у вас хватает мужества служить в моем доме? Неужели вас не бросает в дрожь при мысли о том, что в моих жилах течет проклятая цыганская кровь? А знаете ли вы, что, когда я прохожу через вашу деревню, кое-кто из лавочников задерживает занавески? А женщины прячут детей за юбками и торопятся по домам?

Мурашки побежали у Оливии по спине. Раньше ей и в голову не приходило бояться его, но сейчас она ощутила настоящий страх. Он навис над ней, как грозовая туча, гото-

вая поразить ее молнией. А душивший Доминика гнев делал его еще страшнее. Испуганная Оливия сжалась, чувствуя себя особенно беспомощной и жалкой рядом с разгневанным графом.

Впрочем, он наверняка все понимал. Оливия видела это по его лицу. Неужели он нарочно пытается запугать ее?

– Зачем вы это делаете? – слабым голосом пролепетала она. – Зачем?

– Вы не ответили на мой вопрос, мисс Шервуд. – Его взгляд вонзился в нее будто лезвие кинжала.

Оливия чувствовала, как ее самообладание тает, словно воск под жаркими лучами солнца.

– Прошу вас, отпустите меня, – взмолилась она.

– Я только прошу ответить на мой вопрос. Мне казалось, что вы превыше всего цените честность, ведь, в конце концов, вы дочка священника – по крайней мере мне так говорили. Вот и ответьте мне: вы тоже презираете цыган? И будете только счастливы, если они уберутся отсюда?

Вдруг все возмутилось в ее душе. Оливия прямо взглянула ему в глаза.

– Да! – яростно выпалила она. – Да, если хотите знать! И мечтаю о том, чтобы и духу их никогда здесь не было... слышите?.. никогда! И была бы счастлива, если бы и вы никогда не появлялись в наших краях!

Едва эти слова слетели с ее губ, Оливия осознала свою ужасную ошибку. Она не могла произнести ничего подобно-

го, не могла... Низость и подлость всегда были чужды ей.

Доминик окаменел.

– Предельно откровенно, – холодно произнес он. – Что ж, теперь понятно, как вы на самом деле относитесь ко мне, мисс Шервуд. В конце концов, я ведь полукровка, верно? В моих жилах течет цыганская кровь, и отрицать это было бы глупо! Но только вот что я вам скажу, мисс Шервуд: я безмерно устал, устал от узколобых, ограниченных людишек вроде вас... Тех, кто всегда непоколебимо верит в собственную правоту и считает, что только они достойны уважения. Так-то, мисс Шервуд. А теперь... думаю, вы правы, и вам лучше уйти. Уходите! Иначе я могу сказать то, о чем мы оба пожалеем. Ах да, можете не беспокоиться насчет вашей бесценной должности в Рэвенвуде: вы ее сохраните! Можете думать обо мне все, что вам угодно, однако я вовсе не такой бессердечный ублюдок, каким вы меня считаете!

Оливия, дрожа всем телом, низко опустила голову. Она видела, как Доминик подошел к окну и, распахнув его, уставился в темноту. И застыл – суровый и неподвижный, как языческий бог ночи.

Жгучие слезы подступили к глазам девушки. Ни разу в жизни она не чувствовала себя так отвратительно! Господи, что она натворила? Оливия готова была откусить себе язык. Она уже открыла рот, чтобы извиниться, но не знала, что сказать.

– Прошу вас, – наконец едва слышно пролепетала она и

запнулась. – Вы не пони...

– Дьявольщина, вы что, не слышали?! – Доминик резко обернулся, и голос его хлестнул Оливию, словно удар кнута. – Уходите, мисс Шервуд! Вон отсюда!

Оливия, не помня себя, выскочила из кабинета.

С глухим стоном она сорвала с крючка свою старенькую шаль и бросилась вниз по лестнице, услышав, как захлопнулась закрывшаяся за ней дверь. Прочь... прочь отсюда! Прочь из этого дома... куда угодно. Она забыла, что вот-вот должна начаться гроза, забыла обо всем. Она не знала, куда бежит, лишь бы оказаться как можно дальше отсюда...

Как можно дальше от него.

* * *

Доминик зажмурился. Весь мир сейчас кружился перед ним в кроваво-красном вихре. Гнев, какого он не испытывал за всю свою жизнь, душил его. «Будь она проклята! – твердил он про себя. – Будь она проклята!» Он и раньше догадывался, что они думают о нем... Все они... Гилмор... Жители Стоунбриджа... Он знал, что и она думает то же самое... Она... Оливия.

И с этим ничего нельзя было поделать. Волна бешенства снова обрушилась на него. Он чувствовал себя преданным. Обманутым. Господи, как он мечтал о ней... Долгими одиночными ночами он грезил об этой девушке... И все лишь для

того, чтобы увидеть, как его мечты разлетелись в прах.

Он открыл глаза, и ноги сами понесли его... Он знал куда. Доминик остановился перед портретом отца, Джеймса Сент-Брайда.

Мысли унеслись в прошлое. Память вновь вернула его в тот день, много лет назад, когда он был двенадцатилетним юнцом – уже не мальчишка, но еще не мужчина, – в тот самый день, когда в его родной табор приехал Джеймс Сент-Брайд.

Большинство цыган отправились в город, на рынок. В таборе оставались немногие – он с матерью да еще несколько ребят его возраста. Доминику достаточно было одного взгляда на помертвевшее, бледное до синевы лицо матери, чтобы сообразить, кто этот высокий, худощавый незнакомец с красновато-каштановыми волосами, прискакавший на черном как ночь мускулистом жеребце. Неясное предчувствие подсказало мальчику, кто перед ним.

Маделейн сидела у огня. Увидев незнакомца, она с трудом поднялась. Рука ее метнулась к горлу, и Доминик увидел, что матушка изо всех сил старается не показать, как она испугана.

– Зачем ты здесь? – едва слышным низким голосом прошептала Маделейн. Она говорила по-английски, и сидевшие вокруг костра мальчишки не поняли ни единого слова. Но Доминик понял. Мать учила его английскому с тех пор, как он начал говорить.

Джеймс Сент-Брайд спешился. Доминик заметил, что он держится с надменностью и высокомерием человека, привыкшего отдавать приказы, нисколько не сомневаясь, что они будут исполнены. Притом исполнены немедленно.

Именно тогда пламя ненависти к этому человеку стало разгораться в его душе.

– Приехал увидеть собственными глазами, правду ли ты сказала. Увидеть, действительно ли ублюдок, которого ты выносила, мой собственный.

Маделейн ничего не ответила.

Взгляд Джеймса Сент-Брайда, тяжелый и надменный, быстро обежал толпившихся вокруг костра чумазных ребятишек, удивленно тарачивших на него глаза. Сжимая в руке хлыст, он похлопывал им по высоким, выше колен, сапогам.

– Он здесь, Маделейн. Я знаю, что он здесь. Мне не раз приходилось слышать о нем. О цыганенке с синими глазами.

Доминик чуть было не бросился бежать. Он всегда догадывался, что был не таким, как все. Цыгане из других таборов шептались между собой о парнишке с глазами цвета бледного сапфира, гаджо в изумлении качали головами. Однажды во время ярмарки любопытство одолело и его самого. Заприметив на прилавке одной из лавчонок зеркало, он зашел туда и долго смотрел на свое отражение. Смотрел... и не мог насмотреться... глаза цвета небесной лазури заморозили его.

А потом одним ударом кулака разбил проклятое стекло.

И вот теперь Доминик снова ощутил стыд, горький стыд своего незаконного происхождения... стыд, оттого что в венах его текла кровь гаджо.

Он отвернулся.

Но взгляд Джеймса Сент-Брайда уже отыскал его. Шагнув к нему, он схватил мальчика за плечо, одним рывком повернул к себе и заставил поднять голову.

Доминик знал, что никогда в жизни не забудет эту минуту. Именно тогда в его жизнь вошло нечто новое... непонятная темная сила, которой веяло от Джеймса Сент-Брайда. Господи, как ему хотелось тогда закричать, что этот страшный, загадочный человек не может быть его отцом... Наверное, не менее сильно, чем самому графу хотелось бы отказаться от того, что этот побледневший мальчишка с затравленным взглядом – его единственный сын. Но оба они стояли молча, глядя друг другу в глаза и зная: правда в том, что Доминик – плоть от плоти Джеймса Сент-Брайда.

Доминик, обезумев от страха и ярости, плюнул в лицо графу.

Жестокая усмешка искривила тонкие губы Сент-Брайда. Не отрывая глаз от лица мальчишки, он молча стер со щеки плевок.

– Мальчишка дурно воспитан, Маделейн. Что ж, пришло время заняться им.

Маделейн облизнула пересохшие губы.

– Что?! Ты... ты хочешь забрать его с собой?

Граф наконец разжал руки и оттолкнул мальчика. С потемневшим от гнева лицом он обернулся к Маделейн.

– Наверное, ты будешь счастлива узнать, Маделейн, что твое проклятие исполнилось в точности?

Глаза у нее расширились.

– Делаешь вид, что ни о чем не знала? – Лицо Сент-Брайда почернело от злобы. – Так вот, у меня нет детей! Ни одного... кроме этого! И теперь уже не важно, хочу я того или нет, но он – мой сын. И мой единственный наследник!

Маделейн гордо вскинула подбородок. Лицо ее по-прежнему было белым, как простыня, но ей удалось взять себя в руки.

– Мне нужно сказать тебе пару слов наедине, – только и проговорила она. Доминик рванулся к ней, но она отстранила его. – Нет, Доминик, не надо! – крикнула она по-цыгански. – Оставь нас!

Сопровождаемые подозрительным взглядом мальчика, они вдвоем спустились по берегу к реке, где была небольшая полянка. Доминик ни на мгновение не выпускал их из виду. Он видел, как матушка долго, не поднимая головы, слушала, что говорил ей Сент-Брайд, потом взглянула на него и чуть заметно кивнула.

Они повернулись и пошли назад, к костру. Доминик молча ждал. Его не покидало тоскливое предчувствие, что разговор шел о нем. Страшнее всего было, что мама, избегая встретиться с ним взглядом, отвернулась и вошла в шатер.

Через несколько минут она появилась с небольшим узелком. В узелке были все его вещи.

Сразу догадавшись, Доминик рухнул на колени в грязь, размазывая по лицу слезы.

– Мама, нет! Не отдавай меня ему!

– Ты сделаешь, как я скажу! – неожиданно резко проговорила Маделейн. – Ты поедешь с ним и будешь учиться жить, как живут гаджо.

Взгляд женщины остановился на лице Джеймса Сент-Брайда. И Доминик понял: она любила этого человека... все эти годы любила его одного.

– Он твой отец. Ты всегда жил со мной, Доминик. Теперь пришел его черед.

Его охватила ярость.

– Но я не хочу...

– Так должно быть, – твердо сказала она, – и так будет. А теперь встань и будь сильным, сын мой.

Он мог бы сделать то, о чем она просила. Он мог бы переломить себя... мог бы, если бы голос ее не дрожал так, что у него разрывалось сердце. Мог бы, если бы не видел, как пелена слез заволокла ее черные бархатные глаза.

Потребовалось вмешательство двух дюжих лакеев Сент-Брайда, чтобы оторвать его от матери.

Наконец он выдохся и молча застыл между двух высоченных молодцов. Грудь Доминика, казалось, разорвется от боли. Перед глазами все плыло. Но он не плакал. До крови за-

кусив губу, он поклялся себе, что не унижится до слез. Во всяком случае, в присутствии Джеймса Сент-Брайда.

Маделейн подошла и поцеловала его в обе щеки.

– Иди и учись, сынок. Но никогда не забывай, что в твоих венах течет и цыганская кровь, и кровь гаджо. Будь верным зову своей крови. И будь самим собой.

Но это оказалось невозможным. Он не мог быть и цыганом, и гаджо одновременно.

Сколько раз он пытался убежать, вернуться назад, к цыганам, к своему народу. Но понимал, что все уже изменилось. И никогда не станет прежним. А потом мама умерла... и ему уже незачем было возвращаться.

Но Доминик всегда помнил то, что она сказала ему в тот последний день: «Никогда не забывай, что в твоих венах течет и цыганская кровь, и кровь гаджо. Будь верным зову своей крови. И будь самим собой».

Прошло несколько лет, и Доминик понял, что никогда больше не сможет вернуться в табор. Он наслаждался тем, что могли дать ему деньги – крышей над головой, спасавшей от дождя и снега, мягкой, удобной постелью. Нет, ему никогда не возвратиться к прежней жизни... и никогда не стать свободным. Разрываясь между двумя мирами, Доминик знал, что свободу потерял навсегда.

Тот день он запомнил навсегда. Тот день... и многое, многое другое.

Внезапно он вспомнил о ней... об Оливии.

Горечь и разочарование с новой силой охватили его. Доминик надеялся, что она окажется другой, не похожей на остальных, но, увы, он ошибся. Она такая же, как все. Ничего не зная о цыганах, она все-таки ненавидела их всей душой...

Неужели она ненавидит и его, Доминика?

Мало-помалу гнев его улегся. Сейчас он и сам не понимал, что за бес вселился в него. Доминик выругался. Казалось, он потерял рассудок. Этот напыщенный осел Гилмор вывел его из себя, но заплатить за все пришлось Оливии. А спровоцировал ее он, Доминик. Ему вообще не следовало задавать ей этот вопрос.

Отвращение к самому себе судорогой сдавило горло. Вспомнились боль и ужас, написанные на лице девушки, когда она выбежала из кабинета. Казалось, она испытывала те же чувства, что терзали и его самого... Будто мир, в котором она жила, разлетелся на куски.

Желваки тяжело заходили на скулах Доминика. Нужно найти ее, подумал он. Выбора у него не было. Он не мог позволить ей уйти после того, что произошло между ними.

Не прошло и минуты, как он уже бежал к конюшне, где стоял Шторм, его жеребец. Вскочив в седло, Доминик вылетел на дорогу.

А вокруг уже царил ад. Небо было затянуто тучами, дождь лил как из ведра. Ураганный ветер яростно тряс ветви деревьев, рвал с плеч плащ Доминика. Надвинутая на глаза

шляпа немного защищала от потоков воды, лившихся с неба. Прищурившись, он вглядывался в темноту. Копыта коня с грохотом выбивали дробь. Прошло совсем немного времени, когда он увидел перед собой крохотную фигурку. Хлестнув коня, он поравнялся с ней и позвал:

– Оливия!

Даже не оглянувшись, девушка продолжала идти, ничего не видя перед собой. И угодила в лужу. Доминик услышал громкий плеск воды, но с губ Оливии не сорвалось ни слова. Она лишь ускорила шаг. Неожиданная улыбка появилась на губах Доминика. Упрямая, подумал он. Упрямая и гордая.

– Оливия, прошу вас, остановитесь.

Она зашагала еще быстрее.

Решив не тратить времени на уговоры, Доминик слегка сжал коленями лоснящиеся от влаги бока Шторма. Терпение его было на исходе. Громадный жеребец рванулся вперед и перегородил дорогу Оливии. Доминик свесился с седла. Вытянув мускулистую руку, он схватил ее за плечи так, чтобы она не смогла проскользнуть мимо него.

– Вы забыли взять с собой Люцифера, – пробормотал он. И едва удержался, чтобы не выругаться: он совсем не это хотел сказать.

Оливия отвернулась, не желая встречаться с ним взглядом. Под его руками тело ее окаменело.

– Мне не нужен ваш пес, – буркнула она.

На лице ее было упрямое выражение, но внимательный

взгляд Доминика успел заметить бледность, разлившуюся по щекам, и мокрые потеки на них. Его сердце дрогнуло. Что это? Дождь... или слезы? И прежде чем она успела остановить его, он приподнял ее подбородок и заставил взглянуть ему в глаза.

– Оставьте меня! – крикнула она. – Уйдите, прошу вас! Оставьте меня в покое!

Голос ее предательски дрожал, и все внутри его вдруг перевернулось. Чертыхнувшись, он проклял себя за то, что сделал. Кровь Христова, она плачет, и это его вина!

Уже ни о чем не думая, он подхватил девушку на руки и усадил перед собой в седло. Ахнув от неожиданности, она широко раскрыла глаза и рванулась, пытаясь соскочить на землю, но Доминик уже был в седле и крепко держал ее. Сильная рука кольцом обхватила ее талию и прижала к широкой груди так, что она не могла шевельнуться. Губы коснулись ее уха.

– Умоляю, не спорьте, Оливия. Я отвезу вас домой, и хватит об этом. Я устал от ваших возражений.

К его удивлению, она перестала сопротивляться. Ему вдруг показалось, что она дрожит, и он напрягся. Да, сильная дрожь сотрясала все ее тело. Но больше всего его поразило, что пальцы Оливии вцепились в его рубашку. Надменно усмехнувшись, Доминик принял это как немую благодарность. Ему даже в голову не пришло, что виновато здесь совсем иное чувство...

Могучий жеребец в несколько минут донес их обоих до дома, где жила Оливия. Доминик опустил голову и почти уткнулся губами в затылок девушки, спрятавшей лицо у него на плече.

– Мы приехали, Оливия, – прошептал он.

Не дожидаясь ответа, он спрыгнул на землю. Потом повернулся и, протянув руки, снял ее с седла.

Только тогда она подняла голову. И он испугался. Глаза Оливии затуманились, приоткрытые губы дрожали. Руки Доминика сомкнулись на ее плечах. Господи, ее трясло так, что она едва стояла на ногах!

Оглушительный удар грома расколол небо над их головами.

– Проклятие, почему вы дрожите? Боитесь? Вы боитесь меня? Из-за моей цыганской крови? Или вы боитесь другого?

Сильные руки сомкнулись вокруг нее, и он вдруг оказался совсем близко. Слишком близко, подумала она... И в эту минуту его губы нашли ее рот.

Глава 8

Мир вокруг них, казалось, шел к своему концу. Оглушительно грохотал гром, огненные зигзаги молний то и дело распарывали небо над головами.

Но Оливия не слышала ничего, кроме стука собственного сердца, эхом отдававшегося у нее в ушах. Нет, нет, повторяла она про себя. Она не могла поверить в то, что происходит. Этого не должно было случиться. Не могло...

И все же это случилось. Цыганский граф целовал ее. Боже милостивый, чуть не застонала она, цыганский граф!

Но не это смущало ее больше всего, бросало в растерянность, сбивало с толку... Его поцелуй не имел ничего общего с поцелуем Уильяма. Он не был ни торопливым, ни почтительным, ни робким. Чуть только губы Доминика коснулись ее губ, словно огненный вихрь, подхватив девушку, унес с собой. И пусть в уголке ее сознания внутренний голос упорно твердил ей, что нужно оттолкнуть его... Напрасно! Оливия чувствовала, что это свыше ее сил! Словно он завладел ее телом, ее душой... перенес в мир, где не существовало ничего, кроме обжигающего жара его губ.

Дрожь сотрясала все ее тело, но виноваты в этом были не страх и не холод. Ей казалось, будто ее медленно уносит течением куда-то вдаль, в темноту. Забыв обо всем, Оливия теснее прижалась к Доминику. Губы его были горячими,

жадными и... и невероятно настойчивыми.

Внезапно в ее памяти снова всплыл тот день, когда он, непонятно почему, поинтересовался, целовал ли ее кто-нибудь. Как он тогда сказал? «Наверное, вы не поняли... я имел в виду не детский поцелуй в щечку, а настоящий. Такой поцелуй... настоящий поцелуй... от которого душа растает с телом и кажется, будто весь мир у твоих ног!»

А он все целовал ее... и не мог оторваться. Под сплошными потоками дождя... в темноте ночи... Боже, помоги ей, это было в точности как он и говорил... Душа ее словно навеки расставалась с телом, и казалось, весь мир сейчас лежал у ног Оливии. Его поцелуй заставлял таять от блаженства. Забыть обо всем. А поцелуй Уильяма...

И будто услышав ее мысли, Доминик поднял голову. Руки его беспомощно повисли.

– Вот, – грубо сказал он. – Вот и все. Ничего хуже я вам не сделаю...

Чудесный сон кончился, и Оливия почувствовала себя так, будто с небес ее безжалостно швырнули на землю. Сердце стучало так, словно готово было разорваться. Смысл сказанного дошел до ее сознания, и она вздрогнула, точно проснувшись. Отчего он рассердился? Неужели... неужели он мог подумать, что она боится его?

– Господи! – слабо ахнула она. – Так вы решили, что я боюсь... вас? – И едва слышно рассмеялась. – Нет, я до смерти боюсь его! – кивнула она через плечо в ту сторону, где, по-

нуро свесив голову, стоял жеребец.

– Вы боитесь Шторма? – Доминик чуть было не выругался сквозь зубы. Проклятый идиот! Ему следовало бы догадаться! Он должен был понять это еще в тот день, когда застал ее на площади, где она учила грамоте деревенских детей. Он тогда уговаривал ее вернуться верхом на Шторме. А она наотрез отказалась.

Оливия кивнула. И расхохоталась. Она смеялась и плакала одновременно, слезы ручьем текли по ее щекам, смешиваясь с потоками дождя. Вихрь самых разнообразных чувств захлестнул ее. Пелена слез застилала глаза. И сквозь эту серую пелену Оливия вдруг увидела, как он протягивает к ней руки.

– Оливия...

– Уходите! – выкрикнула она. – Прошу вас, уйдите!

Больше она ничего не сказала... просто не было сил.

Если бы она осталась... Если бы он остался... Оливии казалось, что она сойдет с ума. Весь ее мир будто разлетелся на куски. Подхватив промокшие насквозь юбки, она повернулась и, взбежав на крыльцо, скрылась за дверью. Эмили, как всегда, сидела в гостинной.

– Оливия? Это ты?

– Да, милая. Я вернулась. – Оливия бессильно прислонилась спиной к двери, приложив холодные как лед руки к пылающим щекам. Оставалось только молить Бога, чтобы сестра ничего не заметила. Каким-то чудом ей удалось ответить

почти спокойно. По крайней мере она на это надеялась.

– С тобой все в порядке? – спросила Эмили, слегка склонив голову набок. – Мне кажется, я слышала, как начался дождь. А тут еще гром...

– Все в порядке, милая. Все хорошо. Я просто немного запыхалась. И боюсь, промокла до костей. Пойду сниму с себя все мокрое. – Из груди Оливии вырвался долгий вздох. – Такой выдался длинный, тяжелый день. Послушай, Эм, ты... ты не обидишься, если я сразу отправлюсь в постель?

– Нет, ну что ты! Конечно, нет. – Эмили нахмурилась. Необычный тон не давал ей покоя. В груди шевельнулось тревожное чувство. С Оливией наверняка что-то произошло. – Неужели опять эта ужасная миссис Темплтон? – сочувственно спросила она.

– Да нет... В последнее время она не слишком меня допекает.

Шелест мокрых юбок подсказал Эмили, что Оливия прощмыгнула в спальню. Ей оставалось лишь проглотить обиду. Если сестра вернулась не в духе, а она явно чем-то расстроена, но утверждает, что экономка здесь ни при чем, значит... значит, все дело в нем – в «цыгане». Судя по всему, сестра не желает говорить об этом. Что ж, не стоит расстраивать ее еще больше, подумала Эмили, хотя порой ей так хотелось, чтобы Оливия позволила разделить с ней ее бремя.

– Спи спокойно, Оливия, – мягко сказала она.

– Спасибо, Эмили.

Добравшись до спальни, Оливия поспешно сбросила с себя насквозь промокшие юбки и накинула ночную сорочку. Скользнув под одеяло, она прижалась горячей щекой к подушке. Одна мысль не давала ей покоя: там ли он еще? «Неужели он все еще стоит под дождем?» – подумала она. Чувствуя, что не уснет, Оливия отбросила одеяло и подбежала к окну. Осторожно раздвинув рукой шторы, она прильнула к оконному стеклу.

Темнота со всех сторон, подобно густому туману, обступила дом. Оливия ничего не увидела.

Но непонятная дрожь пробежала у нее по спине. Она так ясно ощутила, что Доминик все еще стоит во тьме ночи, будто он сам сказал ей об этом. Она знала: он там...

Словно для того, чтобы заставить всех забыть о разразившейся ночью буре, к утру небо очистилось от туч, и солнце ласково согрело землю. А к полудню стало так тепло, что Эмили настезь распахнула окно.

Когда она, повернувшись, уже собиралась отойти от окна, то услышала голос Эстер:

– Эмили! Эмили, дорогая, открой дверь. Это я, Эстер!

Девушка послушно направилась к двери и распахнула ее.

– Добрый день, Эстер, – пробормотала она, но та, не слушая, вихрем ворвалась в дом.

– Я принесла тебе хлеб – смотри, какой свежий. Совсем теплый, только что из печи! А мягкий какой – точь-в-точь

как ты любишь!

– Спасибо, Эстер, так мило с твоей стороны. Только я лучше оставлю его на ужин. У Оливии теперь совсем не хватает времени, чтобы что-нибудь испечь.

Эмили стоило немало труда скрыть улыбку. На следующий день после того как Эстер, отправившись в пивную, попросту забыла о ней, она примчалась к Эмили, шумно рассказывая и рассыпаясь в извинениях за то, что оставила ее совсем одну. Но Эмили догадывалась, что все это пустая болтовня. Теперь Эстер из кожи вон лезла, лишь бы загладить свою вину: вчера принесла оладьи с вишнями, а перед этим – дюжину булочек. Сегодня она явилась с только что выпеченным хлебом под мышкой.

– Я вот подумала, не сводить ли мне тебя прогуляться? – лучезарно улыбаясь, спросила Эстер. – Что скажешь, Эмили?

– Извини, Эстер. – Покачав головой, девушка улыбнулась в ответ. – Я сегодня немного устала. Может, в другой раз.

– Конечно, конечно, – закивала Эстер. Судя по всему, она нисколько не расстроилась. – Что ж, тогда побегу домой. Ох, ну и жарница же сегодня, право слово! В горле-то у меня совсем пересохло, даже и не знаю, как домой доберусь!

Все понятно, усмехнулась про себя Эмили. Можно нисколько не сомневаться, что и сегодня ноги сами собой понесут истомившуюся от жажды Эстер прямо к дверям пивной. Закрывая за ней дверь, Эмили едва удерживалась от смеха.

Она не держала зла на Эстер. Несмотря на маленькие слабости, Эстер всегда была великодушна и добра. Сердце у нее было золотое. И к тому же, подумала Эмили, если бы не забывчивость Эстер, ей бы никогда не удалось познакомиться с Андре.

С губ ее сорвался тяжелый вздох: ведь прошло уже четыре дня с тех пор, как она встретила молодого человека.

Глупо, конечно, было приглашать его в гости, и еще глупее рассчитывать на то, что он как-нибудь зайдет, уныло подумала Эмили. Странно, однако, почему-то ей казалось, что он не из тех людей, которые боятся переступить границы чужой собственности.

Словно в ответ на ее мысли Эмили услышала, как под чьими-то ногами на дорожке захрустел гравий. Она насторожилась. Шаги явно приближались к дому.

– Э-эй! – окликнул снаружи мужской голос.

Сердце Эмили подпрыгнуло. Девушка едва сдержалась, чтобы не закружиться от радости. Это был он... он! Эмили еще не успела сообразить, что делает, а ноги уже сами несли ее к двери. Протянув руку, она нащупала задвижку, отодвинула ее и широко распахнула дверь.

– Андре? – окликнула она.

– Да, это я! – Взбежав на крыльцо, он шагнул внутрь и прикрыл за собой дверь. При виде девушки сердце его забило сильнее. «Господи, какая красавица!» – благоговейно подумал он. Волосы Эмили сверкающим золотым водопадом

окутывали ее плечи и спускались на спину. Судя по сияющему лицу, она и в самом деле была рада его приходу.

Андре едва мог поверить в то, что ему привалило такое счастье, хотя прошло почти два месяца с тех пор, как Ирина нагадала ему, что очень скоро на его пути появится женщина, которая навсегда завладеет его сердцем. Тогда, услышав это, он только беззаботно рассмеялся, а потом громогласно заявил, что не родилась еще на свет женщина, способная на подобный подвиг.

И вот она перед ним – та самая женщина. Андре знал это так же твердо, как то, что завтра снова взойдет солнце. На лице ее сияла улыбка. Тонкие пальцы тронули его за рукав.

– Входите, Андре. Проходите в гостиную и усаживайтесь поудобнее.

Эмили провела его в гостиную. Она легко отыскала стул, на котором сидела всегда, а Андре усадила на маленький диванчик – там, где обычно сидела Оливия. Нервничая, как школьница, которую застигли врасплох, она поспешно спрятала под подушку кусок кружева, который плела перед его приходом.

– Надеюсь, ваша сестра не очень рассердилась на меня за то, что я тогда проводил вас до дому.

– Нет-нет, нисколько. – Эмили поежилась: она-то знала, что это неправда. Вернее, не совсем правда. А может, заколебалась девушка, она не так уж и покривила душой. Ведь Оливия и вправду не сердилась... И с чего бы ей сердиться,

раз она ничего не знала! К тому же Эмили благоразумно промолчала о том, что Эстер, отправившись в пивную, оставила ее одну, а потом и вовсе забыла про нее. Да и зачем говорить – ведь бедняжка клялась и божилась, что такое никогда не повторится. Эмили с радостью простила ее, заверив, что все забыто, и, чтобы избежать дальнейших расспросов, скороговоркой объяснила, что один человек помог ей добраться до дому.

Что же тут плохого, убеждала себя Эмили. Просто она не стала объяснять, кто этот человек, вот и все!

Вдруг ей почудилось какое-то неясное движение. Девушка насторожилась. И в то же мгновение что-то слегка коснулось ее рук.

– Что вы делаете? – тихо спросила она. И опять что-то мягкое защекотало ее запястье. Эмили не понимала, что происходит. Он осторожно потянул за кончик смятого кружева, которое она плела перед его приходом.

– Неужели это вы сами?..

Эмили почувствовала, как загорелись ее щеки.

– Да. Я... я считала петли.

– Но это же просто восхитительно!

– Да? Вот и Оливия так говорит, – чуть смущенно призналась Эмили. – Знаете, я занялась этим просто потому, что надеялась: вдруг кто-нибудь купит? – Признание это сорвалось с ее губ прежде, чем она успела подумать. – Оливия нанялась в Рэвенвуд горничной и трудится, бедняжка, от зари

до зари. А я просто сижу здесь и ничего не делаю. Вот я и подумала, может, если у меня получится, я тоже смогу заработать немножко денег. И тогда Оливии станет полегче... – С губ девушки сорвался невеселый смешок. – Но, конечно, это была просто глупая затея. Как я смогу продать... если я и до рыночной-то площади никогда одна не доберусь!

Андре долго молчал. Потом решился:

– Хотите, я попробую продать его для вас? У вас ведь, наверное, есть еще?

– О... да, конечно, целая корзинка! – обрадовалась Эмили. Но улыбка ее быстро увяла, и на лице появилось сомнение. – Но... как же вы его продадите? – склонив голову, спросила она.

– Попробую во время ярмарки. Мой... – начал он и тут же спохватился, – ... мне довольно часто приходится бывать в таких местах. Работа, сами понимаете.

Эмили закусила губу. Надеяться на такую удачу было или просто глупо... но все-таки...

– Я, право, боюсь вас затруднять...

– Ничего страшного! – с жаром перебил Андре, жадно взглядываясь в ее лицо. Господи, благоговейно подумал он, да он бы с радостью отправился на край света и обратно, если б только она попросила! – Давайте я попробую, Эмили. Если ничего не получится, вы ведь ничего не потеряете, верно?

– Ладно. – Эмили глубоко вздохнула. – Знаете, я... и вправду очень благодарна, что вы это предложили. Только

вы должны мне пообещать, что часть денег возьмете себе... за труды.

– Ни за что!

– А иначе я не соглашусь! Ну, договорились? – вкрадчиво спросила она и протянула ему руку.

Андре осторожно сжал ее пальчики. Он не смел и надеяться на это, но куда больше мечтал о том, чтобы поднести ее руку к губам, а потом обнять девушку и поцеловать в приоткрытые нежные губы. Неимоверным усилием воли он заставил себя очнуться. Может быть, когда-нибудь потом...

– Ладно, договорились, – слегка охрипшим голосом произнес он и кивнул.

Мягкая улыбка, похожая на солнечный луч, скользнула по ее лицу, и у Андре перехватило дыхание, будто кто-то с размаху ударил его под дых.

– Знаете, просто передать не могу, как я счастлива, что мы познакомились, – тихо сказала она. – Я надеюсь, вы еще не скоро уедете из Рэвенвуда.

– Не знаю... – Улыбка сбежала с лица Андре. – До конца лета, вероятно, не уеду. – В душе он взмолился, чтобы так и вышло, но тут многое зависело от гаджо. Если кому-то из них не понравится, что цыганский табор расположился у деревни...

– Простите, если я задам вам нескромный вопрос, Андре, но... но я вдруг почувствовала, что от вас пахнет кожей. Вы, случайно, не кожевник?

– Нет, вернее, не совсем. – Андре запнулся, но быстро отыскал подходящий ответ: – Видите ли, моя работа связана с лошадьми. – Собственно говоря, это была чистая правда. Андре не понимал, в чем дело, но какое-то подсознательное чувство подсказывало ему не упоминать о том, что он цыган.

Эмили ничего не заметила. Она молча кивнула, довольная, что угадала. Значит, ему приходится работать.

– Вы покупаете и продаете?

– Д-да, вроде того. Так, торгуем помаленьку. А потом я иногда приучаю их к седлу. Говорят, что... – Он опять спохватился и вовремя прикусил язык, чтобы не сболтнуть лишнего. – Говорят, у меня к этому делу талант.

Все то время, пока он говорил, Эмили, склонив голову к плечу, внимательно прислушивалась. Андре беспокойно кружил по гостиной, не находя себе места.

– Может, хотите выйти в сад? – предложила она. – Мне кажется, день сегодня такой чудесный! И...

Эмили не успела договорить, как вдруг сильные мужские руки подхватили ее и, как пушинку оторвав от пола, подняли высоко в воздух. Она еще не кончила ахать, когда он бережно опустил ее на землю.

Руки его медленно разжались, и Андре неохотно выпустил девушку из объятий. Эмили совсем задохнулась. Все плыло у нее перед глазами. И вдруг она поймала себя на том, что с радостью бы вновь почувствовала, как эти крепкие руки обвиваются вокруг нее.

– Принцесса, – галантно прошептал он, – ваш трон!

Под собой Эмили почувствовала пышный ковер свежей зелени. Она попыталась притвориться рассерженной, но тщетно: губы ее сами собой расползались в улыбке.

– Ах, добрый сэр, – пропела она, – как вы дерзки!

– А вы так прекрасны, моя принцесса!

Томительная дрожь пробежала у нее по спине. Андре улыбался! О, конечно, она не могла это видеть, но слышала улыбку в его голосе. Казалось, будто сам воздух вокруг них напоен счастливым смехом.

Мысли кружились у нее в голове. Сколько ему лет? – гадала Эмили. Молодой он или старый? А если молодой, вдруг он женат? Или помолвлен? Нет, чуть было не вскрикнула она, Боже сохрани, нет!

Лицо Эмили потемнело. Как она сейчас ненавидела свою слепоту, ненавидела всем сердцем, потому что какой мужчина в здравом уме захочет связать свою жизнь со слепой женщиной? Да что толку мечтать, если и так ясно: жестокая судьба обрекла ее на вечное одиночество. Пройдут годы, она так и состарится, сидя в своем кресле у окна. И бедная Оливия тоже состарится рядом с ней – слишком хорошо она знала сестру, чтобы подумать, что та оставит ее одну. Нет, Оливия никогда ее не бросит. И вся ее жизнь будет разрушена. Бедная Оливия! Она никогда не узнает счастья, и все из-за нее, Эмили!

Никогда она еще не ненавидела свою слепоту так, как в

эту минуту.

– Эмили, – окликнул ее низкий мужской голос, – о чем вы думаете? – И она почувствовала, что он тоже больше не улыбается.

– Знаете, я чувствую на своем лице тепло и знаю, что это солнце. Но кажется, прошли века с тех пор, как я видела его в последний раз. – Губы ее слегка дрогнули. Эмили запнулась, понимая, что не в силах рассказать ему правду.

– Вы ведь не всегда были слепой? – спросил он, взяв ладонь Эмили в свои руки и нежно сжимая ее пальцы.

Пожатие его руки было таким ласковым, таким успокаивающим, что она... Господи, прости ей эту мысль... На мгновение Эмили взмолилась в душе, чтобы он остался в Стоунбридже навсегда!

Девушка молча кивнула.

– Как же это случилось?

Эмили прерывисто вздохнула. Горло ее стиснула судорога. Воспоминания теснились в мозгу, сменяя друг друга. Она снова падала головой вниз со спины старушки Белль, снова видела отца, ничком лежащего на земле, и тоненькую струйку крови, стекающую у него по подбородку... И этого страшного цыгана над ним... с окровавленной дубинкой в руке... Эмили содрогнулась всем телом.

– Нет-нет, не надо говорить об этом! – Руки Андре обхватили ее плечи. – Не отвечайте, если не хотите!

– Я бы с радостью рассказала вам... но не могу, – еле ше-

веля побелевшими губами, прошептала Эмили.

– Мне совсем не хотелось причинять вам боль, – пробор-мотал он. Его загрубевшие ладони нежно гладили дрожащие пальцы. – Сегодня такой чудесный день, слишком чудесный, чтобы вспоминать о плохом.

Эмили глубоко вздохнула всей грудью, почувствовав нежный аромат цветов. Прохладный ветерок ласково коснулся ее разгоряченного лица, и неожиданно ей стало легче. Конечно, жизнь не слишком баловала ее, но и за то небольшое, что ей осталось, она должна быть благодарна. Слава Богу, она еще молода и полна сил и... и может чувствовать себя счастливой просто потому, что рядом с ней он.

– Вы правы, – мягко сказала она, отважно пытаясь улыбнуться. – Давайте поговорим о чем-либо другом.

– С удовольствием, – с готовностью отозвался Андре. – Эмили, вы любите розы?

– Обожаю. Моя покойная матушка часто повторяла, что в целом мире нет цветов прекраснее, чем наши английские розы.

Разговор незаметно перешел на другие темы. Они говорили обо всем, шутили, смеялись. И Эмили чувствовала себя совершенно счастливой просто потому, что он смог заставить ее улыбаться.

Когда наконец он встал и помог ей подняться на ноги, девушка с изумлением поняла, что день уже близится к вечеру.

– Вы придете еще? – вырвалось у Эмили. У нее даже слезы навернулись на глаза, слезы обиды, что время пролетело так быстро.

– Завтра, если хотите... Вам это удобно? – с тихим смехом спросил Андре.

– Чудесно. Пусть будет завтра, – ответила она.

Он снова усмехнулся и поднес ее руку к губам, скользнув по ней торопливым поцелуем. Эмили тихонько ахнула, ей показалось, что сердце ее сейчас остановится. Когда его шаги стихли вдали, она поднесла руку к лицу и, улыбаясь, прижалась губами к тому месту, которого только что коснулись его губы. Эмили чувствовала, что счастлива...

Так счастлива она не была уже много, много дней...

После того, что случилось накануне, вернуться в Рэвенвуд как ни в чем не бывало казалось Оливии задачей почти невыполнимой. До самого рассвета она не сомкнула глаз, провоочавшись всю ночь в постели. Перед глазами ее стоял Доминик. Она перебирала в памяти то, что он говорил, что делал... что заставил ее пережить. Это было так не похоже на нее! Даже крепко закрыв глаза, она все равно видела его: смуглый, как ангел ночи, он стоял перед ее мысленным взором, такой красивый, что у нее перехватывало дыхание... Как в то мгновение, когда его губы прижались к ее рту.

Странно, однако при мысли, что утром она снова увидит его, ей становилось не по себе. Оливия вернулась в Рэвен-

вуд, но день, казалось, тянулся бесконечно. Миссис Темплтон послала их вместе с Шарлоттой убирать в комнатах наверху. Оливия то и дело вздрагивала и оборачивалась. Ей чудилось, что Доминик стоит за ее спиной. Заметив это, Шарлотта не упустила случая ехидно заметить:

– Да что за дьявол в тебя вселился, Оливия? Подпрыгиваешь при каждом шорохе, словно в тебя воткнули булавку. – Она уперлась руками в бедра и придирчиво оглядела подругу с головы до ног.

– Глупости! – натянуто рассмеялась Оливия. – Тебе просто показалось.

Шарлотта подошла ближе и внимательно всмотрелась в ее смущенное лицо.

– Слушай, да ты и правда что-то бледненькая! Никак, приболела?

– Я прекрасно себя чувствую, Шарлотта. Ей-богу!

По лицу Шарлотты было ясно, что Оливия ее не убедила. Но на время она оставила приятельницу в покое. Позже Оливия, случайно услышав, как дворецкий Франклин упомянул, что Доминик уехал в Йорк на весь день и вернется только вечером, сразу приободрилась.

Как только стало смеркаться, она переоделась и поднялась в кабинет Доминика. Весь день Оливия спешила закончить работу и побыстрее заняться счетами. Накануне вечером из-за появления адвоката Гилмора она так и не успела с ними разобраться.

Оливия не обратила особого внимания на то, что одна створка дверей, ведущих в кабинет Доминика, слегка приоткрыта, хотя про себя и отметила это. Взявшись за ручку, она собиралась приоткрыть ее пошире и войти, как вдруг ее ушей достиг мужской голос.

Ноги Оливии вросли в землю. Этот голос она узнала бы где угодно. Доминик. Но он был не один.

– Надеюсь, вы простите мою навязчивость, милорд.

– Ничего страшного, миссис Данбери. Что же привело вас в Рэвенвуд?

– Произошло нечто ужасное, милорд. Чарлз, мой муж... это он послал меня к вам... видите ли, сэр, он пришел бы и сам, да только на прошлой неделе он упал, и так неудачно, что сломал себе ногу. И доктор говорит, что он пролежит в постели аж до начала августа. Вот я и пришла... пришла сказать, что мы никак не сможем заплатить вам за аренду в этом месяце... а может, и в следующем тоже. Сами понимаете, милорд, – пока не снимем урожай, да пока Чарлз не встанет на ноги, чтобы отогнать овец на рынок...

Оливия заморгала. Теперь она догадалась, кто эта женщина... Селеста Данбери. Чета Данбери жила на ферме к востоку от Рэвенвуда.

– Насколько я понимаю, пока ваш муж не встанет на ноги, вам некого послать на рынок продать овец?

– В точности так, милорд. Сыновья у нас есть, только им не так давно сравнялось девять и десять, а девчонки и того

меньше.

Оливия закусила губу. Ей вдруг стало стыдно. Надо бы уйти, а вместо этого она стояла и слушала.

– Понятно. Значит, вас беспокоит, что вы не сможете вовремя внести арендную плату?

– Да, милорд. – Голос Селесты задрожал. Она казалась до смерти напуганной. Оливия представила, как бедная женщина стоит возле камина с трясущимися руками, не зная, чего ей ждать. Ведь сейчас там, за дверью, решалась ее судьба.

– Скажите, миссис Данбери, а гусей у вас на ферме, случайно, нет? – с удивлением услышала Оливия его вкрадчивый вопрос.

– А как же, милорд! – В голосе миссис Данбери угадывалось неприкрытое удивление. – Есть, как не быть!

– Вот и чудесно. Тогда попросите кого-нибудь из ваших сыновей завтра утром принести одного ко мне на кухню. Дело в том, что я безумно люблю жареных гусей. Будем считать, что это и будет плата за этот месяц... и за следующий тоже. А к тому времени, надеюсь, ваш муж уже встанет на ноги.

– Да, милорд. Я... я надеюсь. – Голос Селесты снова дрогнул. Казалось, женщина не может прийти в себя от удивления. – Завтра же, как рассветет, велю кому-нибудь из ребят принести гуся. Ох, сэр, просто и сказать не могу, как я вам благодарна! Чарлз и я... мы так боялись, что вы прикажете нам убираться вон...

– Только бездушный тиран способен на такую подлость, миссис Данбери. Лыщу себя надеждой, что вы меня таким не считаете. Да, кстати, чуть не забыл, я прослежу, чтобы кого-нибудь из Рэвенвуда прислали помочь вам на ферме.

Голоса приблизились к двери.

– О милорд, вы настоящий святой!

– Боюсь, вы мне льстите, миссис Данбери, – сухо сказал Доминик. – Что ж, до свидания. И передайте от меня привет вашему мужу.

Оливия едва успела спрятаться, как дверь распахнулась настежь. Она не видела лица Селесты, но слышала эхо ее шагов. Затаив дыхание, она взмолилась про себя, чтобы Доминик вернулся в кабинет, не заметив ее.

– Можете выходить, Оливия.

Черт, выругалась она про себя. Интересно, давно ли он догадался, что она подслушивает? Съежившись от стыда, Оливия выбралась из своего укрытия.

Доминик в просторной белоснежной рубашке, замшевых бриджах и сапогах стоял на пороге. Окинув ее внимательным взглядом с головы до ног, он без улыбки кивнул:

– Рад видеть, что ваше вчерашнее пребывание под дождем осталось без последствий.

Оливия невольно позавидовала его спокойствию. Сама она буквально сгорала на медленном огне.

– Я понятия не имела, что вы вернулись, – слабым голосом проговорила она. – Вот и решила поработать со счетами...

Поверьте, я вовсе не собиралась вам мешать.

Доминик ничего не ответил – просто стоял молча, заложив руки за спину, и разглядывал ее. Лицо его было холодно и непроницаемо. Трудно было поверить, что только накануне он держал ее в объятиях. Глядя на него сейчас, нельзя было даже на мгновение вообразить, что тот единственный поцелуй... невозможный, невероятный поцелуй... был на самом деле!

Оливия озадаченно сдвинула брови. Слегка кивнув в сторону лестницы, по которой только что сбежала счастливая Селеста, она взглянула ему в глаза и прошептала:

– Как замечательно то, что вы сделали.

– Вот как? Вы, кажется, удивлены? – Черные брови Доминика взлетели вверх. – Неужели вы решили, что меня несколько не тронут мольбы этой несчастной женщины? Может быть, в моих жилах и течет нечистая цыганская кровь, но у меня тоже есть сердце, которое способно сострадать несчастьем других.

Оливия коротко вздохнула. В его словах звучала неприкрытая горечь. Взгляды их встретились. Казалось, между ними проскочил электрический разряд. Оба замерли, не зная, что сказать. Оливия, не выдержав, первой отвела глаза в сторону.

– Милорд, – еле слышно прошептала она, – я хочу извиниться... за то, что сказала вчера вечером.

– Что вы имеете в виду, мисс Шервуд? Прошу простить,

но у меня неважно с памятью.

Оливия ощутила, как в ней волной поднимается гнев. Значит, он желает насладиться ее унижением...

– Мои слова о том, что я хотела бы, чтобы цыгане никогда не появлялись в наших местах... и... – Она собралась с духом и выпалила: – Чтобы и вы никогда сюда не приезжали!

Доминик стиснул зубы. На скулах тяжело заходили желваки.

– Вы и в самом деле имели это в виду, мисс Шервуд?

Она набрала полную грудь воздуха.

– Да, но...

– Тогда ваши извинения мне ни к чему. Оставьте их себе.

В голосе его звучали гнев и боль. Ей не следовало бы обращаться на это внимание, но... она не могла. Бог свидетель, не могла!

– Я... у меня есть на то причины. – Надменно вздернув подбородок, Оливия приготовилась защищаться.

– О, несколько в этом не сомневаюсь. У вас, у всей Англии... да что там... у всего мира, коли уж на то пошло. Все вы ненавидите цыган просто за то, что они существуют! Для вашей ненависти этого вполне достаточно. – Его слова хлестали ее, словно удары кнутом.

– Это не так, – стараясь держать себя в руках, проговорила она. – Я уже сказала вам и повторяю снова: у меня была причина сказать все это!

– Да что вы? – издевательским тоном проговорил он. –

Неужели была... или есть?

На мгновение в комнате повисла тишина.

– Да... есть, – тихо произнесла Оливия. – Видите ли, моего отца убил цыган.

Глава 9

Доминик замер. Он был потрясен не меньше, чем если бы в него ударила молния и под ногами внезапно разверзлась пропасть. Впрочем, он, пожалуй, и сам не знал, что ожидал услышать, но о таком... о таком он и подумать не мог. С самого первого дня, когда они познакомились, он ощущал в Оливии какое-то внутреннее сопротивление, но несколько не сомневался, что это обычная неприязнь, которую люди питают к цыганам и к которой он давно привык. И вот теперь он знал... и не понимал, как она вообще могла согласиться служить в его доме. Бережно подхватив ее под руку, Доминик заставил Оливию войти в кабинет. Дверь мягко захлопнулась за ними.

– Как это произошло? – тихо спросил он. Выражение его лица стало мрачным.

– Это случилось чуть больше года назад, – вздохнув, ответила Оливия, не поднимая глаз. – Отец поехал проведать женщину, которая накануне тяжело заболела. Сестра отправилась с ним. Они уже возвращались в Стоунбридж, когда это... это произошло. Скорее всего цыгану понравилась папина лошадь, и он решил украсть ее. Началась драка... Эмили упала с лошади, сильно ударилась головой... а отец был тяжело избит. Соседский фермер рассказывал, что слышал крики. Но к тому времени, как он прибежал на помощь...

было уже слишком поздно.

– Он умер? – осторожно спросил Доминик, заранее зная, какой будет ответ. Оливия заметила, что голос его смягчился.

– Да. – Она поежилась и зябко передернула плечами, ответив так тихо, что Доминик едва разобрал слова. Скорее всего, мрачно подумал он, рана была еще настолько свежа, что девушка просто не могла спокойно говорить об этом.

Он молчал, украдкой поглядывая на ее побледневшее лицо. Сейчас он уже почти жалел, что заставил ее рассказать о трагедии. Лучше бы ему ни о чем не знать. Но тут же он одернул себя. Нет, он не смог бы не обращать внимания на ее отношение, не смог бы проклинать ее за чувства, которые она испытывает. И еще один мучительный вопрос не давал ему покоя. Доминик знал, что не успокоится, пока не получит ответа.

– Что случилось с этим цыганом?

– Через пару дней его поймали. Нет-нет, не в таборе. Он... – Оливия сдвинула брови, мучительно подыскивая подходящее слово. – Он был одиночкой. Всегда бродил один.

– Изгой.

– Да, да... – Наконец Оливия решилась поднять голову. Взгляды их встретились, но она поспешно отвела глаза в сторону. – Потом был суд, – еле слышно прошептала она. – Его... его повесили.

Доминик промолчал. Конечно, этот негодяй заслужил

столь суровое наказание, тем более что отнял жизнь у другого человека. И все-таки его не оставляла навязчивая мысль: если бы этот человек, убийца, не был цыганом, скорее всего его жизнь не оборвалась бы под рукой палача. Вероятнее всего, его бы упрятали за решетку на долгие годы, может быть, навсегда, но он остался бы жив. Очень осторожно, взвешивая каждое слово, Доминик проговорил:

– Мне очень жаль, что так получилось с вашим отцом, Оливия, и теперь я, кажется, понимаю, что вы испытываете по отношению к нам. Но нельзя ненавидеть всех из-за того, что один оказался негодяем! Разве во всем виноваты цыгане? Нет! Обитатели ваших английских тюрем – лучшее тому подтверждение! Так справедливо ли заставлять цыган расплачиваться за все преступления, совершенные в этом мире?

Конечно, Доминик прав, и в глубине души она была с ним согласна. Но сейчас логика, даже самая убедительная, была бессильна. В конце концов, убили-то не его отца, подумала Оливия.

– Посмотрите на меня, прошу вас. – Оливия упорно смотрела в пол. Внезапно он быстро протянул руку и, приподняв ей подбородок, заставил взглянуть ему в глаза. – Ну и что же вы видите? – В голосе его была мягкая настойчивость. – Кто перед вами? Цыган? Или... или кто-то другой?

– Я... я вижу... – Неровное, прерывистое дыхание вырывалось у нее из груди. Она снова замолчала. Да и что ей было сказать? Признаться, что стоящий перед ней человек так

красив, что она теряет голову? Что при одном лишь взгляде на него ее сердце готово выпрыгнуть из груди? Что за один его взгляд она готова продать душу дьяволу? Все это было правдой, но признаться в этом было выше ее сил.

– Неужели в вас нет ни капли сострадания, Оливия? Вы не можете простить?..

Синие глаза лишали ее последних остатков мужества. Оливия трепетала, как птичка, попавшая в силок. Губы ее слегка приоткрылись. Она качнула головой и еле слышно прошептала:

– Это не так легко.

Рука его упала. Доминик заглянул ей в глаза, и этот долгий взгляд, казалось, проник в ее душу.

– Да, похоже, что так. Ну что ж, у каждого из нас есть свои демоны, с которыми приходится сражаться, не так ли? – Он повернулся и двинулся к выходу. Только у двери он обернулся и посмотрел на нее. Лицо его было непроницаемым, словно маска. – Что ж... не стану вам мешать.

Сердце Оливии пронзила острая боль. Она совсем растерялась, не понимая, что с ней происходит. Оставшись в одиночестве, она перебирала в памяти их разговор... и наконец решила, что разочаровала Доминика. Это подозрение мучило ее последующие несколько дней, не давая покоя. Она никак не могла разобраться в своих чувствах.

Всю жизнь она не просто с неприязнью относилась к цыганам, которые иногда останавливались в окрестностях Сто-

унбриджа... Нет, Оливия до смерти боялась их. И не только она, но и все жители деревни, насколько ей было известно. И сейчас ей не так просто было отказаться от всего, во что она привыкла верить!

Андре пришел на следующий день. И на следующий... И так каждый день.

Он собирал цветы и приносил Эмили огромные охапки. Теперь весь ее дом, от подвала до чердака, был насквозь пропитан их нежным ароматом. Эмили это трогало до слез. Правда, радость ее отравляло то, что она не могла собственными глазами видеть их нежную красоту.

Эмили чуть не сошла с ума от счастья, когда Андре сказал ей, что продал все ее кружево, все, до последнего кусочка. Старательно припрятав деньги, она решила пока ни словечка не говорить Оливии, а устроить ей сюрприз, когда наступит подходящий момент. К тому же Эмили до сих пор ни словом не обмолвилась сестре о визитах Андре. Она все гадала, как Оливия отнесется к происходящему, когда все узнает. Конечно, самой познакомиться с мужчиной считалось верхом неприличия, но Эмили это мало заботило. Проснувшись на следующее утро после убийства отца, она в ужасе убедилась, что ничего не видит. Вся ее жизнь изменилась и больше никогда не станет прежней. И вот вдруг в ее жизни появился Андре. Стоило ей услышать его шаги, как ее бросало в жар. Эмили знала, что никогда не была сильной и мужественной

натурой, как Оливия. Так что же дурного в том, что благодаря Андре ей достанется хоть немного обычного человеческого счастья, робко думала она.

Как-то вечером она решила напоить Андре чаем, и он кинулся ей помогать. Эмили как раз возвращалась в гостиную, когда на пороге с размаху налетела на него, почувствовав сильное мужское тело.

– Ради Бога, простите! – извинился он. – Я такой неуклюжий, право! И что меня дернуло стоять на дороге?

На следующий день это случилось снова, только теперь Андре уже был начеку и успел вовремя подхватить Эмили.

Девушка, решительно отстранившись, скрестила руки на груди и обернулась к нему. Она изо всех сил старалась напустить на себя суровый вид, хотя, признаться, это плохо ей удавалось. Губы Эмили сами собой расплывались в улыбке.

– Почему-то у меня такое чувство, что вы нарочно это подстроили, – подозрительно пробормотала она. – Вам что, и в самом деле нравится, когда я вот так налетаю на вас?

– А если и так, вам это не по душе?

Судя по голосу, он улыбался и, видимо, был страшно доволен собой. Даже отодвинувшись от него, Эмили чувствовала, что Андре смеется, чувствовала каждой клеточкой своего тела.

– Конечно, – возмутилась она, – а вы чего ожидали?

В ответ он расхохотался. Судя по всему, ее притворное возмущение нисколько его не обмануло. Они вернулись в го-

стиную и уютно устроились на диване.

– Андре, – вдруг окликнула его Эмили.

– Да, принцесса?

Дрожь возбуждения охватила Эмили. Он опять поддразнивал ее. Это было трудно считать настоящей лаской, однако Эмили страшно нравилось, когда он так ее называл.

– Скорее всего вы подумаете, что с моей стороны это просто смешно...

– Никогда в жизни, – торжественно поклялся он, хотя на самом деле ему было и смешно, и страшно.

– Я... бы хотела... хотела... узнать, какой вы на самом деле... как вы выглядите, – выпалила девушка, испугавшись, что не решится сказать до конца то, что мучило ее уже несколько дней. – Вы... вы красивы?

– Ну, если не считать, что у меня не хватает двух передних зубов, был бы красавец хоть куда! – гордо заявил он, несколько не смущаясь.

– Не может быть! Вы меня дурачите! – Эмили изо всех сил старалась не рассмеяться.

– Можете убедиться сами.

Ее улыбка мгновенно погасла.

– Вы же сами понимаете, что не могу...

– Можете, принцесса.

– Как? – Эмили была не в силах скрыть свою горечь.

– А вот смотрите, – ответил он чуть хрипловатым, низким, чувственным голосом. Сильные пальцы сжали запястье

девушки, и он осторожно поднес ее пальцы к своей щеке.

Ее дыхание стало прерывистым. Неужели он хочет?.. Нет, это невозможно. Рука ее двигалась очень осторожно, словно она боялась причинить ему боль. Едва осмеливаясь дышать, она коснулась его лица кончиками пальцев.

Сердце девушки бешено застучало. Подушечками пальцев она мягко провела по его чуть впалым щекам и ощутила шероховатость его кожи. Ему нужно побриться, отрешенно подумала она. Пальцы ее скользнули ниже, и она затрепетала, прикоснувшись к гладкой коже губ. Какой у него красивый рот... Эмили была уверена в этом. Губы его слегка дрогнули под ее пальцами, и она поняла, что он улыбается. Нижняя губа была заметно полнее. Эмили отчаянно хотелось потрогать их еще, но она не осмелилась. Пальчики ее пробежали по его бровям, и она удивилась, какие они густые: брови Андре почти сходились на переносице. Кончик пальца двинулся вниз, к носу, и замер, коснувшись легкой впадины у переносицы.

– Как это случилось? – с замиранием сердца спросила она.

– Драка! – честно признался он и насмешливо фыркнул.

– Драка?

– Да. Вроде пари. Кстати, я тогда выиграл.

– О Господи! Что ж, тогда я могу поверить, что вам и впрямь выбили два зуба! – Эмили замялась. – А ваши глаза... они голубые?

– Жаль, не хотелось вас разочаровывать, принцесса, – по-

качал он головой, – но они карие.

– А волосы? Наверное, каштановые?

– Д-да. – Теперь и у Андре перехватило дыхание.

– Темные или посветлее?

– Темные. – Хотя это нельзя было назвать откровенной ложью, его вдруг охватило неясное чувство вины. Волосы его были черными, как вороново крыло, но ведь они же и в самом деле темнее, чем просто каштановые, успокаивал он себя.

В горле у Эмили неожиданно пересохло. Она невольно нахмурилась.

– Вы высокого роста?

– Судите сами, принцесса. – Он помог ей подняться на ноги. – Видите, ваша макушка мне как раз под подбородок, – тихо проговорил он.

Его ладони мягко обхватили ее запястья. Прикосновение было теплым и неожиданно сладостным. Теперь они стояли так близко, что она слышала каждый его вдох, чувствовала исходящее от него тепло. Сама Эмили едва могла дышать.

– Я... я думаю, что вы очень высокий!

– Просто потому, что вы такая крошечная!

Еще никогда она не чувствовала так сильно близость мужчины... не знала о нем так много, как об Андре. Она ощущала исходящую от него силу. А что испытывает он? Жар его сильного тела обжигал ее. Эмили задрожала. Если бы сейчас она могла заглянуть в его глаза, что бы она увидела в них?

– гадала девушка. И смущенно опустила ресницы, испугавшись того, что он мог прочесть в ее взгляде.

– Эмили, – тихо окликнул он.

– Да? – еле слышно выдохнула она.

– Если бы вы сейчас могли загадать одно-единственное желание, что бы вы захотели?

«Увидеть тебя!» – чуть было не крикнула она.

– Видеть, – прошептала она, и в голосе у нее была такая печаль, что у него защемило сердце.

Шершавые, мозолистые кончики его пальцев нежно коснулись ее подбородка. Приподняв ей голову, Андре заглянул в незрячие глаза Эмили. Они долго молчали.

– А я, – вдруг заговорил Андре, – если бы мог загадать любое желание, просил бы лишь о том, чтобы вы могли увидеть меня.

Губы Андре притронулись к ее губам так же мимолетно, как бабочка касается лепестков цветка. И он исчез.

Утром в воскресенье Оливия, по обыкновению, явилась на деревенскую площадь на урок. Дети уже нетерпеливо поджидали ее. За последние две недели Колин добился значительных успехов, и Оливия была довольна. Шарлотта же была счастлива вдвойне: и тем, что учеба давалась ему легко, и особенно тем, что мальчик буквально рвался на каждый урок.

Последние несколько дней Оливия нарадоваться не мог-

ла на Эмили: сестра пребывала в приподнятом настроении, просто расцветала на глазах. Она снова стала веселой, шутила и поддразнивала старшую сестру – точь-в-точь как прежняя беспечная Эмили. Оливия даже стала подумывать о том, чтобы отказаться от услуг Эстер. Оставалось лишь гадать, что так благотворно повлияло на Эмили. Но что бы это ни было, Оливия могла только радоваться за сестру.

Урок закончился, и дети стали понемногу расходиться, когда Оливия, подняв голову, заметила стоявшего возле нее Уильяма.

– Я просто зашел попрощаться с вами. Ведь я уезжаю.

– И куда же вы едете? – поинтересовалась она, охотно позволив ему помочь ей подняться.

– В Лондон, по делам. Меня не будет около недели. Да, думаю, что так. Собирался уехать с утра пораньше, но моя лошадь потеряла подкову.

Он все еще не выпускал ее руку. Оливия попыталась незаметно, так, чтобы он не обиделся, высвободить ее. Наконец это удалось.

– Пару дней назад я заглянул к вам... хотел повидаться. Но вас не было. Эмили объяснила, что вы еще не вернулись из Рэвенвуда. – В голосе Уильяма звучало неприкрытое разочарование.

– Видите ли, теперь по приказу графа я проверяю его счета, – пробормотала Оливия.

– Судя по всему, он вас не жалеет. Заставляет работать до

седьмого пота.

– Я ведь сама сделала этот выбор, Уильям, – запротестовала она, чувствуя, что просто обязана защитить себя... и Доминика.

Но Уильям будто ничего не слышал. Губы его скривились в презрительной ухмылке, отчего по-мальчишески привлекательное лицо вдруг стало отталкивающим.

– Лучше бы этот ублюдок поскорее убрался назад в Лондон, пока не поздно! И этих своих черномазых прихватил с собой! Слыханное ли дело, какой-то грязный цыган корчит из себя джентльмена! – В голосе его прорезалась неприкрытая злоба. – Меня, просто бесит, что вы вынуждены там работать. Ну да ладно, я быстро положу этому конец. Как только мы обвенчаемся, ноги вашей больше не будет в Рэвенвуд-Холле. Да, впрочем, вам это будет и не нужно.

Оливия оцепенела. Ей очень хотелось напомнить этому напыщенному ослу, что она никогда не давала согласия стать его женой. Оливия уже открыла рот, как вдруг кто-то осторожно тронул ее за локоть.

Она резко обернулась и увидела немолодую цыганку, стоящую возле нее с полной корзиной лука. Женщина была невысокой и плотной, смуглая ее кожа, испещренная многочисленными морщинами, походила на кору старого дуба. Голова цыганки была повязана ярким платком, из-под которого выбивалась прядь черных как смоль волос, сильно подернутых сединой. На ладони у нее лежала большая золотистая

луковица. Она протянула ее Оливии, и висевшие на запястье цыганки браслеты громко звякнули.

– Лука надо, да? – на ломаном английском спросила цыганка.

Оливия не успела ответить. Уильям поспешно отстранил ее в сторону и шагнул к женщине.

– Нет! – рывкнул он и сильным толчком отшвырнул ее.

Застигнутая врасплох, та не удержалась на ногах и с размаху упала на землю. Тяжелая корзина, выскользнув у нее из рук, отлетела в сторону, и луковицы, забарабанив по земле, будто град, раскатились в разные стороны.

– Господи помилуй, когда же мы наконец избавимся от этой нечисти! – выругался сквозь зубы Уильям. – Грязные попрошайки, чтоб они сквозь землю провалились!

Ахнув, Оливия кинулась к упавшей женщине. Чуть не плача от жалости, она помогла ей подняться на ноги, потом принялась собирать рассыпавшиеся луковицы, стараясь не слышать, как за ее спиной невнятно чертыхался Уильям.

– Господи, Оливия, пойдем! Оставьте это, сама пусть собирает!

Оскорбленно поджав губы, Оливия сделала вид, что не слышит.

Наконец она собрала весь лук и отдала женщине корзину. Безмолвно поблагодарив ее кивком, старая цыганка повернулась к Уильяму, и темные глаза ее гневно вспыхнули. Она погрозила ему скрюченным пальцем, сопроводив этот жест

потоком быстрой цыганской речи. Потом, плюнув на землю, повернулась и зашагала прочь.

– Боже правый, она, наверное, прокляла меня! – Глаза Уильяма от ужаса полезли на лоб.

Оливия с удовольствием сделала бы то же самое. Кто бы ни была эта женщина, пусть даже она принадлежит к этому вечно гонимому племени, Уильям не имел права так обращаться с ней. Грубое животное! Не ответив, она надменно вздернула подбородок.

– Вы, кажется, говорили, что торопитесь в Лондон, или я не так поняла?

– Ради всего святого, Оливия, почему вы злитесь? – озадаченно нахмурясь, спросил он. – Из-за чего весь этот шум? Из-за какой-то грязной ведьмы?

Слишком разозлившись, чтобы спорить с ним, Оливия молча смерила его с ног до головы возмущенным взглядом.

– Надеюсь, к тому времени, как я вернусь, вы об этом забудете! – раздраженно пожав плечами, фыркнул Уильям. – Что ж, счастливо оставаться, Оливия. – Склонившись, он обхватил ее за плечи и, прежде чем она успела вырваться, поцеловал быстрым поцелуем.

Внутри у Оливии все кипело от возмущения. Она едва удержалась, чтобы не стереть с губ его поцелуй.

Отряхнув от пыли юбку и кое-как приведя платье в порядок, она подняла голову и огляделась. И застыла, будто пригвожденная к земле: неподалеку, держа в руках поводья, сто-

ял Доминик. Непоседа Колин лучился радостью, сидя верхом на Штурме. На губах Доминика играла насмешливая улыбка. Подхватив мальчика под мышки, он осторожно снял его с седла и поставил на землю. Ухмыляясь во весь рот, мальчишка что-то прошептал, и Доминик рассмеялся, потом ласково взъерошил рыжие волосы паренька, и тот с восторженным визгом понесся домой.

Доминик обернулся.

Сердце Оливии испуганно сжалось. Господи помилуй, да ведь он направляется в ее сторону! Неужели он видел их с Уильямом?

Что ж, сейчас она это узнает.

– Приятный парень этот ваш приятель. Настоящий джентльмен, сразу видно, – добродушно проговорил он, остановившись в двух шагах от нее. Оливия заметила, что глаза его потемнели от гнева. – Только вот манер ему не хватает, вы согласны?

Сердце Оливии болезненно заныло. Значит, он заметил, как грубо Уильям обошелся с несчастной старухой! Только этого не хватало, со вздохом подумала она.

– Мне показалось, он слишком вольно вел себя с вами, – продолжал Доминик. – Если мне не изменяет память, по моему, я уже второй раз вижу, как он целует вас на рыночной площади, прямо посреди деревни!

Оливия почувствовала, что у нее загорелись щеки, и смущенно опустила голову.

– Судя по всему, он явно воображает, что влюблен в вас.

– А что, в это так трудно поверить? – съязвила Оливия, вскинув подбородок.

– Ничуть, – любезно ответил Доминик, – просто я полюбопытствовал. А вы тоже влюблены в него?

– Нет! – воскликнула она, прежде чем успела пожалеть о своей несдержанности. Смутившись, Оливия прикусила язык.

– Значит, вы отказались выйти за него замуж?

– Да. То есть он сделал мне предложение, но...

– Но вы сказали «нет», я угадал?

В ответ Оливия смерила его возмущенным взглядом. Будь он проклят! Да какое ему дело! И что за самодовольство в голосе! Ведь он совсем ее не знает, разозлилась она, но тут же поправилась: нет, этот человек знал ее как никто!

– Не совсем, – пропела она ехидно, не в силах отказать себе в маленьком удовольствии сообщить ему, что он не прав.

– Я всего лишь сказала, что сейчас даже думать не могу о том, чтобы выйти замуж, – продолжила она, удивляясь про себя, почему вообще отвечает ему.

– Он не тот человек, что вам нужен, Оливия, – тихо сказал Доминик, и лицо его смягчилось.

Опять «Оливия». Сердце ее встрепенулось. Доминик все чаще и чаще называл ее по имени. Ей казалось, что теперь он обращался к ней официально «мисс Шервуд», только когда сердился или был недоволен.

– Как я понимаю, вы уверены, что знаете, кто мне нужен?
– Оливия надменно подняла тонкие брови. Его медленная ленивая усмешка сводила ее с ума.

– Еще бы.

– Ну конечно! – насмешливо фыркнула она. – И кто же, по-вашему?

– С этим человеком вы никогда не будете счастливы, Оливия. – Теперь он откровенно смеялся ей в лицо. Она уже приготовилась возразить, но Доминик не дал ей произнести ни слова. – Уверен, вы найдете счастье только с тем мужчиной, который станет целовать вас так, что вы позабудете обо всем... Вам покажется, что весь мир у ваших ног!

«Как это было с тобой!» – пронеслось у нее в голове. О Боже, если б он еще не был так уверен в себе, с досадой подумала она. Но мысль о том, что они когда-нибудь смогут быть вместе, показалась ей чудовищной. И все же... когда он так говорил, Оливия чувствовала себя совершенно беспомощной.

– Может быть, я просто еще не встретила такого человека, – с вызовом бросила она.

Он рассмеялся низким, чуть хриловатым, чувственным смехом. И Оливии пришло в голову, что она впервые слышит, как он смеется – искренне, от души.

И вдруг произошло что-то странное... непостижимое. Словно какая-то тень прошла рядом. Оливия не могла бы ее коснуться. Она ее просто ощутила. Эта тень, казалось, потя-

нулась и сжала ее сердце.

В сиянии солнечных лучей глаза Доминика были ослепительно синими. Белоснежные зубы сверкали на фоне бронзовой от загара кожи. И Оливия поймала себя на том, что тоже невольно улыбается, хотя вовсе не была расположена к веселью.

Он снова заговорил, и Оливия изумилась: она совсем не то ожидала услышать.

– Сегодня вечером цыгане пригласили меня в свой табор. Не хотите составить мне компанию?

– Я? Зачем? – Улыбка мгновенно слетела с ее лица.

Он тоже не улыбался. Лицо Доминика стало неожиданно серьезным, почти суровым.

– Я хочу, чтобы вы убедились, что среди цыган не больше воров и убийц, нищих и попрошаек, чем в любом другом народе.

Он замолк, ожидая, что она скажет. Но Оливия колебалась. Она все еще не могла решиться. Сомнения раздирали ее, она не знала, что делать. Какая-то часть ее готова была с жаром ухватиться за его предложение... только ради того, чтобы быть с ним. Но отправиться в цыганский табор...

– Конечно, не стану отрицать, что некоторые из цыган и в самом деле промышляют воровством, – поспешно добавил Доминик, видя, что она колеблется. Он благоразумно умолчал о том, что у цыган обмануть и обобрать до нитки какого-нибудь простака вовсе не считалось зазорным. Это было

своего рода доблестью. – Но мне бы не хотелось, чтобы вы обвиняли их в жадности. Нет, это не жадность и не зависть; в большинстве случаев их толкает на воровство обычная нужда: нужно сено, чтобы накормить лошадей, дрова, чтобы согреться зимней ночью, еда, чтобы не плакали голодные дети. А что до нищенства... Что ж, многие из них настолько грязны и оборванны, что люди подают им только для того, чтобы они поскорее убрались с глаз долой. – Он немного помолчал. – Ну, Оливия, что скажете? Пойдете со мной?

Но она все еще колебалась.

– Скажите, вы дорожите своим местом в Рэвенвуде? – вкрадчиво спросил он, и глаза его сверкнули.

Смысл сказанного не сразу дошел до ее сознания...

– Но это же нечестно! – возмутилась она.

– Да, – не стал он спорить.

– Значит, вы выгоните меня, если я откажусь? – В глазах ее отразилось отчаяние.

– Ну, скажем так: готовы вы к такому исходу дела? Вас это не пугает?

– Вы же сами знаете, что я скажу! – воскликнула она.

– Тогда, думаю, вы сами догадаетесь, как вам следует поступить. – Легкая улыбка заиграла у него на губах. – Так вы пойдете?

– Похоже, вы не оставили мне выбора, – сердито проворчала она. – Может, и пойду. – Как она была бы счастлива стереть эту самодовольную ухмылку с его лица!

– Ну и чудесно. Как стемнеет, я буду ждать вас у вашего дома.

Глава 10

Больше всего на свете в тот вечер Оливии хотелось сказатьсь больной и остаться дома. Только страх, что Доминик и в самом деле может разозлиться и привести в исполнение свою угрозу, заставил ее отказаться от этой мысли.

Она извлекла из шкафа бледно-голубое муслиновое платье, которое оставляло открытыми шею и руки до самых плеч, потому что день выдался на редкость жарким. Распустив волосы, она долго расчесывала их щеткой, пока они не заблестели, а потом перехватила их лентой, чтобы они не падали на лоб. Разгладив юбки, девушка окинула критическим взглядом свое отражение в большом зеркале.

Ее одолевали сомнения. А что, если Доминик вдруг сочтет ее платье вышедшим из моды или даже смешным? Вне всякого сомнения, те леди, за которыми он ухаживал в Лондоне, всегда одевались по самой последней моде, с неожиданной завистью подумала она. Вероятно, все они были красивы, элегантны и изысканны, умели легко поддерживать беседу на любую тему... словом, были светскими дамами. А она чувствовала себя наивной деревенской простушкой. Светской она не была, как не была и изысканной. И вообще была слишком практичной. Позволить себе новое платье при их стесненных средствах казалось ей непозволительной роскошью. А деньги требовались постоянно – на еду, к примеру.

И потом, напомнила себе Оливия, она ведь поклялась скопить денег, чтобы отвезти Эмили в Лондон. Что толку расстраиваться, мысленно прикрикнула она на себя. С чего это ей вздумалось переживать по поводу того, как она выглядит? Ради Уильяма она бы и не подумала прихорашиваться!

Но ведь он – не Уильям. Он – Доминик, Доминик, в присутствии которого она чувствует себя совсем другой женщиной, незнакомкой...

В дверь постучали, и Оливии стоило немалого труда сдержаться и не броситься к двери бегом. «Господи, – недовольно подумала она, – да что это со мной?» Взяв себя в руки, Оливия неторопливо направилась к дверям и распахнула их. Он стоял на пороге, и она позавидовала в душе тому, как непринужденно он держался. Доминик был, по своему обыкновению, одет в свободную белую рубашку и бриджи, которые подчеркивали талию и почти бесстыдно облегали узкие бедра. Сверкающие черные сапоги завершали картину. Сердце Оливии часто-часто застучало. Черные, как вороново крыло, волосы Доминика слегка отливали синевой. Выглядел он таким свежим, словно только что вылез из ванны. Щеки были чисто выбриты, и от него исходил явственный аромат легкого одеколона. Заставив себя наконец отвести глаза от его лица, Оливия вдруг с удивлением обнаружила, что и он разглядывает ее не менее внимательно.

Доминик, несколько не стесняясь, рассматривал ее с головы до ног. Понравилось ли ему то, что он увидел, она не зна-

ла. Во всяком случае, в ответ на ее вопросительный взгляд он ограничился всего лишь одной – небрежной фразой:

– Как приятно хоть сегодня видеть вас без унылого черного платья!

Она поймала себя на том, что слегка раздосадована. Неужели это все?

– На вашем месте я бы предупредил сестру, что сегодня вы вернетесь довольно поздно, – заметил он.

– Я... я уже предупредила. – Сказать по правде, Оливия ни словом не обмолвилась Эмили, что собирается в цыганский табор. Просто предупредила, что сегодня ей придется вернуться ненадолго в Рэвенвуд, отговорившись срочной работой. Оливия не привыкла обманывать сестру и сейчас чувствовала себя виноватой. Но сказать правду она не смогла. Можно представить, как бы восприняла это Эмили! Оливия крикнула Эмили, что уходит. Потом повернулась к нему.

– Ну что, едем? – спросила она.

Доминик подал ей руку. Поколебавшись немного, Оливия положила пальцы на его локоть.

Было тепло, хотя на землю уже спустились сумерки. Слабый прохладный ветерок донес до них нежный аромат роз. Вдруг Оливия остановилась как вкопанная. Под деревом она заметила лошадь, запряженную в легкий экипаж.

– Не надо заранее пугаться, Оливия. Обещаю, что буду ехать очень осторожно.

Ее взгляд испуганно метнулся к его лицу. Оливия ожи-

дала увидеть привычный насмешливый огонек в глазах, но оказалось, что он смотрит на нее без тени улыбки. Выражение его лица было спокойным, даже немного суровым.

Оливия глубоко вдохнула. Затем она без малейшего колебания подала ему руку. Доминик осторожно подсадил ее, чувствуя, как в душе поднимается волна ликования. Неужели она не догадывается, какой великолепный, какой бесценный подарок только что сделала ему, недоумевал Доминик. Драгоценнейший из всех даров – доверие...

Она доверяет ему...

Когда он вслед за ней вскочил в коляску и, взяв в руки вожжи, уселся возле Оливии, ему хотелось кричать от радости.

Он слегка хлестнул вожжами лошадь, и экипаж тронулся. Сиденье было маленьким и узким, места на нем едва хватало для двоих. Оливия попыталась расслабиться, но тут же убедилась, что это невозможно. И вовсе не из-за привычного страха перед лошадей. Нет, причина была совсем в другом. Несмотря на пышную юбку, она чувствовала прикосновение его мускулистого бедра, жар его сильного тела, и это приводило ее в трепет. Взгляд Оливии снова и снова помимо воли устремлялся на руки Доминика. Она не могла не восхищаться ими, так они были прекрасны: длинные смуглые пальцы, такие, изящные и в то же время мужественные. Во рту у нее пересохло. Не в силах совладать с воображением, она вдруг представила, как его руки скользят по ее телу, лаская глад-

кую кожу...

Оливия вздрогнула, словно проснувшись. Господи, слава Богу, что он не может читать ее мысли! Девушка настолько смутилась, что не сразу услышала вопрос Доминика:

– Скажите, Оливия, ваша сестра слепа от рождения?

– Нет, – грустно покачала головой Оливия, – она ослепла только недавно... всего год с небольшим.

– Год с небольшим? Но ведь это значит, что когда ваш отец... Подождите-ка, Оливия, кажется, вы говорили, что тогда она упала с лошади и сильно ударилась головой?

– Да. И я почти уверена, что в этом-то все дело. – Глаза Оливии потемнели.

– Именно поэтому вы и боитесь лошадей?

– Нет, – наконец ответила она со вздохом, и острая боль пронзила ее сердце. – В общем-то я их никогда не любила. А вот моя мама была всегда без ума от лошадей. Она их просто обожала, так что в один прекрасный день папа подарил ей кобылу, кстати, довольно немолодую. Ее назвали Бонни. Мне тогда едва исполнилось двенадцать. Как-то раз мама решила доказать мне, что в лошадях нет ничего страшного, и посадила меня в седло перед собой. А под седлом, само собой, была старушка Бонни. – Оливия слабо улыбнулась, но в глазах ее была печаль. – Мама пустила ее легким галопом вдоль поля. Все шло отлично. Я понемногу убедила себя, что мама была права, и в конце концов мне даже понравилось. И вдруг... Бонни встала как вкопанная. Может быть, что-то

напугало ее. Мы так никогда этого и не узнали.

– И что же случилось? – Глаза Доминика были прикованы к ее лицу.

– Я, разумеется, свалилась на землю, – тяжело вздохнув, продолжила Оливия. – Испугалась до смерти, но отделалась несколькими синяками, только и всего. А мама перелетела через голову Бонни...

– Она сильно пострадала? – нахмурился Доминик.

– Она была мертва, – очень тихо произнесла Оливия. – Мама сломала шею.

Так вот почему она так боялась... Доминик не мог винить ее... ни в коем случае. Бедная девочка, значит, ей пришлось пережить не только убийство отца, но и трагическую, нелепую смерть матери! Как только судьба... или Бог... могут быть так жестоки к одним, осыпая милостями других.

Ответа у него не было. Доминик украдкой покосился на нее. Оливия казалась спокойной, но под этим спокойствием он угадывал неутрахающую боль утраты, преследовавшую ее до сих пор. Внезапно его осенило: она потеряла мать в том же возрасте, что и он... Правда, Маделейн тогда еще оставалась жива, но ушла из его жизни навсегда...

Судьба. Та же судьба, что теперь свела их обоих. Он был совершенно уверен в этом.

– Мне очень жаль, – пробормотал он, не зная, что сказать. Оливия чуть заметно склонила голову, но промолчала.

Они еще долго молча ехали по равнине. Вечернее солнце

щедро заливало золотом гряды невысоких холмов, встававших на западе у самого горизонта.

– А вы знали этих цыган... из табора, прежде чем они приехали сюда? – нарушила наконец молчание Оливия.

– Нет, – отозвался Доминик. – Правда, как-то раз я разговорился с Николасом, их вожаком, и он сказал, что когда-то, давным-давно, знал мою мать и еще кое-кого из тех цыган.

– Где же табор? – с беспокойством спросила Оливия.

– Уже недалеко, – успокоил ее Доминик. – Цыгане никогда не останавливаются далеко от лугов, им нужны пастбища для лошадей. Они стараются ставить шатры вблизи воды – около реки или хотя бы ручья, но неподалеку от города или деревни: ведь они зарабатывают на жизнь тем, что лудят котлы и сковородки и торгуют лошадьми. Обычно они становятся табором вдали от проезжих дорог и не особенно любят открытые места. Предпочитают ночевать не на виду у людей, чтобы не мозолить глаза местным жителям, особенно властям.

Или чтобы иметь возможность вовремя ускользнуть от властей, подумала Оливия. И тут же виновато потупилась, будто он мог прочесть ее мысли.

Видя, что девушка упорно молчит, Доминик покосился в ее сторону.

– Вам не приходило в голову, что я для вас более опасен, чем какие-то цыгане? – добродушно спросил он. – И в самом деле, молоденькой невинной девушке вряд ли пристало в та-

кой час находиться наедине с мужчиной. Тем более если он опасный человек.

– Меня трудно назвать молоденькой девушкой, – строптиво возразила Оливия.

– Пусть так. Но ведь вы невинны, не так ли?

– А вот это, сэръ, вас совершенно не касается! – вспыхнув, бросила она.

– Называйте меня Домиником, – попросил он, тяжело вздохнув.

– Не могу.

– Почему? – быстро спросил он.

– Это неправильно.

– А вы всегда делаете только то, что правильно, Оливия Шервуд? Ну конечно, как же я мог забыть: вы ведь дочка священника!

Только мягкий насмешливый тон Доминика, в котором не было ничего обидного, заставил Оливию безропотно проглотить его слова.

– А как насчет вас, милорд? Я недавно слышала, как вы рассказывали деревенской ребятне, что цыгане – свободный, вольнолюбивый народ, над которым никто не властен, – напомнила Оливия. – И вы тоже такой, сэръ?

Улыбка сбежала с лица Доминика. В глазах его неожиданно мелькнула грусть. Он долго молчал, прежде чем ответить:

– Я ведь уже больше не цыган... И одним из вас я тоже не стал...

Слова его прозвучали загадочно. Оливия не совсем поняла, что он имеет в виду. Но ей вдруг захотелось еще хотя бы раз увидеть, как он улыбается!

– Ах, – беспечно проговорила она, – неужели вы опасны?

Опасен ли он? Нет, уныло подумал Доминик. Это Оливия... это она опасна... не девушка, а женщина, восхитительная, прекрасная женщина, при одном только взгляде на которую крозь начинала бешено кипеть в его венах, а в душе просыпались безумные страсти. Он украдкой окинул ее взглядом. Нежные губы напомнили Доминику прелестную полураспустившуюся розу, еще осыпанную серебристыми каплями утренней росы. Глаза Оливии были зеленее весенней травы на лесной поляне. Доминик знал, что ему достаточно протянуть руку и коснуться ее щеки, чтобы почувствовать, как нежна ее кожа – словно прогретый солнцем атлас. Взгляд его украдкой скользнул вниз, туда, где чуть заметно вздымалась молодая упругая грудь, туго натянувшая тонкую ткань платья. И хотя Оливия была тоненькой и изящной, тело ее напоминало восхитительный зрелый плод. Полузакрыв глаза, Доминик представил, как накроет рукой ее грудь и она заполнит его ладонь. Он принялся гадать, какие у нее соски – розовые или нежно-коричневатые, крохотные или большие, кокетливо торчащие вверх или...

Доминик боялся потерять самообладание. Мысли, мелькавшие у него в голове, горячечные видения, встававшие перед его внутренним взором, мучили его. Слава Богу, Оли-

вия, кажется, совершенно не подозревала о том, какое направление приняли его мысли. Может, это и к лучшему, угрюмо подумал Доминик. Он сознавал, что игра его воображения пронзила бы до глубины ее невинное сердце.

Коляска въехала на вершину невысокого холма, и они увидели цыганский табор. Несколько ярких шатров раскинулись в неглубокой лощине, уютно устроившись под прикрытием леса.

Оливия заметила их почти одновременно с Домиником. И сразу же ощутила, как тело ее наливается свинцовым страхом.

Доминик натянул вожжи. Будто почувствовав ее состояние, он негромко сказал:

– Не надо бояться, Оливия. – Голос его звучал мягко, успокоительно. – Тут совсем другой мир, и вы должны это понять. Не враждебный... просто другой. Постарайтесь запомнить.

Понимая, что сейчас уже поздно отказываться, Оливия глубоко вздохнула и молча кивнула в ответ.

Столб дыма поднимался от костра. Сразу за костром стояло несколько расписанных фургонов: ярко-зеленые с желтым, багрово-красные с золотом. Тут и там между ними раскинулись шатры. Увидев гостей, от костра отошли двое и неторопливо двинулись им навстречу. По дороге к ним присоединились еще несколько человек. Один из них, немолодой кражистый мужчина с огромным животом, узнав Доми-

ника, что-то приветственно крикнул и поднял вверх руку.

Доминик легко спрыгнул на землю. Потом подошел к цыгану, они обнялись, и тот хлопнул Доминика по плечу. Оливия услышала, как цыган, окинув ее взглядом, что-то спросил по-своему. Доминик, кивнув, ответил на том же языке. Он повернулся к Оливии. Взгляды их встретились, и она с удивлением заметила, что в его глазах мерцает насмешливый огонек. Потом, не сказав ни слова, Доминик подошел к ней.

Оливия встала, не чувствуя под собой ног. К ее изумлению, оказалось, что она вся дрожит. Доминик заглянул ей в глаза, и, прежде чем она успела произнести хоть слово, две сильные руки обхватили ее талию. Через мгновение она уже стояла на земле.

Доминик привлек ее к себе. Оливия и не думала протестовать. Теперь, когда они были так близко друг от друга, почти вплотную, она впервые заметила, что ее макушка едва достает ему до плеча... И тут же, смутившись до слез, выкинула из головы эту мысль.

– Николас, – с улыбкой сказал Доминик, – это Оливия Шервуд. Оливия, это Николас, предводитель табора.

Изборожденное морщинами, исхлестанное ветрами лицо пожилого цыгана было загорелым до черноты. Из-под черных густых усов вдруг блеснула улыбка. На фоне кожи, напоминавшей кору старого дуба, зубы его казались особенно белыми.

– Добро пожаловать, – приветливо сказал он по-англий-

ски. В улыбке его было столько искренности и теплоты, что Оливия не смогла не улыбнуться в ответ.

Он повел их по табору, и очень скоро в голове Оливии все смешалось от обилия новых лиц и незнакомых имен. Она остолбенела от изумления при виде старухи цыганки с трубкой в зубах и несколько раз обернулась, а та еще долго провожала их взглядом из-под тяжелых, набрякших век. Как ни странно, страха она не испытывала, скорее интерес. Ей даже удалось заставить себя приветливо улыбаться в ответ на приветствия.

Откуда-то из толпы вынырнула полногрудая цыганка и заступила им дорогу. Протянув руку, она поманила их к себе, и ее многочисленные браслеты мелодично зазвенели. В ушах цыганки раскачивались огромные серьги.

– Tu serte, – пробормотала она, кивая и улыбаясь. – Tu serte.

– Что она хочет? – вопросительно взглянув на Доминика, поинтересовалась Оливия.

– Погадать вам, вот и все! – ответил он и постарался спрятать снисходительную усмешку.

Оливия сделала глубокий вдох. Прежний ледящий страх перед цыганами исчез, растворился без следа, сменившись жгучим любопытством. К ее удивлению, в этих людях не было ничего пугающего. Наоборот, они, судя по всему, с искренней радостью приветствовали Доминика и его спутницу. Конечно, в основном это относилось к Доминику, но

Оливии было все равно. Ей вдруг стало на редкость беззаботно и весело.

– Ладно, – согласилась она без малейшего колебания, – погадать так погадать.

Полное смуглое лицо женщины просияло.

– Хорошо, это хорошо! Всю жизнь будешь помнить, что тебе сегодня расскажет бедная Катриана! – Она бережно взяла в руки протянутую Оливией ладонь.

Долгое время цыганка, хмурясь, вглядывалась в ладонь девушки, потом смуглым корявым пальцем провела по слабой линии, заканчивающейся у самого запястья Оливии.

– В твоей жизни, девушка, было горе... много горя, ведь так?

Оливия заколебалась. Это верно, последние десять лет ее жизни трудно было бы назвать счастливыми. Сначала умерла мама, потом отец. Катриана, будто прочитав ее мысли, ласково погладила девушку по плечу.

– Не надо ничего говорить. Я и так вижу. И мне не нужно даже смотреть на твою ладонь – все написано у тебя на лице. Ох, много горя было у тебя, девушка! Много ты слез пролила! Но очень скоро все переменится.

Оливия слабо улыбнулась. Если бы только это оказалось правдой! Катриана снова закивала. И улыбнулась шерботой улыбкой.

– Да, да! – торжествующе бормотала она. – Верь мне, девушка. Я все вижу. Твое счастье, прекрасная леди, написано

у тебя на ладони. Ты выйдешь замуж за красивого мужчину и будешь жить долго и счастливо!

Доминик нагнулся так низко, что его горячее дыхание коснулось уха Оливии.

– И конечно, мы оба знаем, что это не Уильям, – с ухмылкой пробормотал он.

Оливия едва сдержалась, чтобы не ткнуть его локтем в грудь.

– Должна сказать, что и он о вас столь же лестного мнения, – со сладкой улыбкой промурлыкала она.

– Да, но только я не...

– Ш-ш! – свирепо шикнула Катриана, бросив в сторону Доминика испепеляющий взгляд. – Я предсказываю будущее леди, а не вам!

Ошеломленный вид Доминика так позабавил Оливию, что она не смогла сдержать лукавый смешок. Но окрик подействовал: он притих и молчал до тех пор, пока Катриана не закончила. Оливия слушала затаив дыхание. Она была совсем сбита с толку: откуда эта женщина узнала, что ее родители умерли и у нее осталась лишь сестра?

К тому времени, когда цыганка замолчала, голова у Оливии шла кругом. Скорее всего все это не более чем совпадение, решила она. Цыганка просто догадалась. Дождавшись конца гадания, Доминик бросил Катриане мелочь, и та, пробормотав несколько слов, благодарности, вернулась в свой шатер.

Итак, она еще найдет свое счастье, с иронией думала Оливия. Что ж, может, так и будет, а может, нет... Невольная грусть закралась в ее душу. А что будет с Эмили? В сердце вернулась привычная боль. Глаза наполнились слезами. Оливия поспешно смахнула их, но Доминик успел заметить прозрачную слезинку, повисшую на ресницах.

– Ну почему слезы? – тихо спросил он. – Почему?..

– Простите... вы тут ни при чем, – с печальной улыбкой отозвалась Оливия. – Просто я вдруг подумала...

– О сестре?

– Это несправедливо, ведь Эмили еще так молода! – горько проговорила Оливия, и глаза ее потемнели. – И уже обречена провести всю жизнь в непроглядном мраке... Нет, просто не могу себе представить! А я... Разве я смогу когда-нибудь быть счастлива, если моя сестра...

– Гоните прочь мрачные мысли, Оливия. Разве вы не помните, что нагадала вам Катриана? Конечно, я понимаю, все это кажется странным, даже диким, но цыгане обладают необыкновенной способностью предвидеть будущее. А порой и делают так, что сбывается самое невероятное. И не спрашивайте меня, как это у них получается. Я и сам этого не знаю. Но если Катриана сказала, что вы будете счастливы – можете ей верить. – Он помолчал, а затем тихо добавил: – Знаете, как говорила моя мать: «Раз ты в это веришь, так тому и быть».

Оливия подумала, что никогда не позволит себе поверить

словам гадалки. Ведь потом разочарование может оказаться слишком сильным. Однако она благоразумно предпочла промолчать. У нее не было ни малейшего желания портить настроение Доминику. Сейчас, среди цыган, он выглядел по-мальчишески беззаботным и счастливым, каким она никогда прежде не видела его.

Они уже собирались уйти, как вдруг путь им преградила еще одна цыганка. Это была, как выяснилось, Ирина, жена Николаса. В руках ее сверкнуло золотом прелестное ожерелье, в середине которого Оливия заметила что-то круглое, похожее на медальон. Амулет! Оливия была заинтригована и восхищена. Крохотный круглый амулет сверкал и переливался, будто солнечный зайчик на воде. Казалось, он жил своей собственной жизнью. Ахнув, Оливия благоговеино приоткрыла рот. Произнеся несколько слов по-цыгански, Ирина протянула ей драгоценную безделушку.

– Она дарит вам это ожерелье, – объяснил Доминик.

Энергично закивав, Ирина подошла вплотную и надела через голову ожерелье на шею притихшей Оливии.

– Ой, какая прелесть! – восхищенно ахнула Оливия и с умоляющим видом повернулась к Доминику. – Но... я не могу его принять. Это неудобно!

– Это подарок от чистого сердца, Оливия. Если откажетесь, обидите ее насмерть.

Поколебавшись, Оливия решилась. Пальцы ее коснулись прелестной безделушки, сверкавшей у нее на шее, будто кро-

хотное солнышко.

– Скажите ей, что я буду хранить его, как бесценное сокровище. – Едва ли сознавая, что делает, повинувшись лишь безотчетному импульсу, девушка потянулась к Ирине и порывисто обняла ее. – Спасибо вам. Большое спасибо.

Отступив от Ирины, она с удивлением заметила, как та лукаво подмигнула Доминику. Оливия нахмурилась, не понимая, что это значит. И тут же забыла об этом.

Сумерки сгустились. Незаметно наступила ночь. На горизонте, величаво появившись из-за занавеси облаков, взошла полная луна. Воздух был напоен приятным, немного пряным ароматом. Жара спадала, но ночь выдалась на редкость теплой, даже душной. Отыскав небольшую полянку, они уселись на траву. Через пару минут появилась молодая девушка и, застенчиво улыбаясь, предложила им необыкновенно вкусное тушеное мясо. Оно просто таяло во рту, и Оливия, сама себе удивляясь, съела все до последнего кусочка. Поев, она принялась расспрашивать Доминика.

– Почему у девушки, которая принесла мясо, – любопытствовала она, – волосы прикрыты платком, а у других нет?

– Платки у цыган носят только замужние женщины. Таков обычай. Выйдя замуж, цыганская женщина никогда не показывается без платка.

Оливия бросила любопытный взгляд на цыганку. По виду ей никак нельзя было дать больше четырнадцати-пятнадцати

лет.

– Она замужем? – изумилась Оливия. С губ Доминика сорвался низкий, чуть хрипловатый смешок. – Но ведь она же еще ребенок! Господи, да я рядом с ней почти старуха!

Доминик расхохотался. Оливия отодвинула от себя грубо выструганную из дерева тарелку.

– А почему в их одежде так много красного? – с интересом спросила она. Еще раньше она заметила, что многие женщины в таборе щеголяли в ярко-алых пышных юбках и блузках, а многие цыгане были в красных рубашках.

Сказать по правде, Доминик был даже польщен неумемным любопытством Оливии. Глаза Оливии горели жадным интересом. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что от бывшего страха не осталось и следа.

– По цыганскому поверью, красный цвет приносит удачу и сулит счастье и радость, – ответил он. – Зато на похоронах они одеваются во все белое.

– Понятно... – протянула Оливия. Обычай этот неприятно поразил девушку – ведь для нее самой белое всегда символизировало невинность и чистоту. Ей пришли на память слова Доминика, сказанные им, когда они подъехали к табору: «Тут совсем другой мир... Не враждебный... просто другой».

– Гляньте-ка туда. – Доминик указал ей в сторону табора. Двое молодых цыган, сжав кулаки, стояли друг против друга. Судя по всему, они собирались драться. Обступившая толпа подбадривала их одобрительными возгласами. Тот, что по-

выше ростом – кажется, его звали Андре, припомнила Оливия, – явно брал верх над более щуплым соперником. Вот он нанес ему сильный удар и легко, будто танцуя, отскочил в сторону.

– Нужно их разнять! – ахнув, взволнованно воскликнула Оливия и попыталась броситься к дерущимся.

– Это всего лишь игра, – пожал плечами Доминик. – Ничего страшного не произойдет, поверьте.

Он оказался прав. Удары сыпались один за другим, но ни один, по-видимому, не наносил соперникам особого вреда. Оливия смущенно покачала головой:

– Уму непостижимо, почему мужчины так это любят.

– У цыган женщины рассуждают точно так же. Посмотрите, они ругают их почем зря.

Оливия догадалась, что имел в виду Доминик. Он пытался объяснить ей, что все люди вовсе не так уж непохожи, как кажется с первого взгляда. Не зная, что ответить, Оливия предпочла промолчать.

Глаза Доминика скользнули по ее лицу. Они сидели так близко, что их плечи соприкасались. Казалось, она этого не замечала. Глаза Оливии были опущены, но она едва заметно кивала, и шелковистые пряди ее волос то и дело задевали его рукав. Доминик резко втянул в себя воздух. Какое было бы наслаждение, представил он, зарыться лицом в эту ароматную копну волос, почувствовать, как их шелковистый теплый дождь накрывает его с головой, касается обнаженной ко-

жи... мягко щекочет грудь... спускается ниже, к бедрам, а затем...

Кровь Христова, содрогнулся он, вообразив эту картину. И тут же эта горячая мысль вызвала безумный отклик во всем его теле. В его мужском естестве запульсировала кровь. Сверхчеловеческим усилием воли он прогнал эти мысли прочь... что далось ему нелегко – ведь девушка сидела так близко, что он чувствовал аромат ее кожи. Он поднял глаза вверх, где на бархате неба, словно бриллиантовая россыпь, сверкали бесчисленные мириады звезд.

– А вы знаете, Оливия, – глухим негромким голосом заговорил он, – что на континенте есть такие места, где цыгане с наступлением сумерек закрываются в своих шатрах и не осмеливаются выходить до рассвета?

– Почему?

– Боятся.

– Боятся? – Меж бровей у нее залегла легкая морщинка. – Но почему? – Оливия вопросительно вскинула на него глаза.

– Да-да, боятся, – торжественно подтвердил он. – И так уже много веков подряд. В тех местах ночь несет в себе страшную опасность.

– Опасность? – Невольная дрожь пробежала по спине Оливии. Ей вдруг захотелось вернуться домой.

– Они боятся тех, кто под покровом ночи превращается в жутких тварей.

Оливия облизнула пересохшие губы. Заметив скользнув-

ший по губам розовый язычок, Доминик еле сдержал стон, представив, что мог бы испытать сладость ее губ. Тряхнув головой, он попытался придать себе невозмутимый вид.

– Но ведь сова – тоже порождение ночи, – храбро проговорила Оливия. – Разве она опасна? Или мыши?

Доминик покачал головой:

– Я не их имел в виду. Я говорил о демонах в образе человека, с зубами длиной с палец и острыми, как кинжалы.

Полуоткрыв от страха и любопытства рот, девушка порывисто вздохнула.

– Нет, – неуверенно пробормотала она. – Этого не может быть.

– Я не шучу, Оливия, поверьте. Это и вправду демоны, полулюди-получудовища.

Глаза Оливии стали огромными. Вздвогнув, она неосознанно прижалась к нему.

Доминик незаметно подвинулся, чтобы ей было удобнее, потом легко коснулся ее обнаженной руки.

Со сдавленным криком она припала к нему, спрятав голову у него на груди. Доминик разразился смехом.

– Осторожнее, Оливия. Не то я могу вообразить, что в вас пробудились нежные чувства ко мне.

Оливия возмущенно уставилась в его искрящиеся веселым сапфировые глаза.

– Так вы меня дурачили! Все ваши рассказы о чудовищах – не более чем хитрая уловка, чтобы...

– Чтобы завлечь вас в мои объятия? – ухмыльнувшись, подсказал он.

– Вы и есть самое настоящее чудовище! – сердито бросила Оливия, отодвигаясь от него.

Доминик в душе проклинал собственную глупость. Не следовало так торопиться. Но от ее близости у него голова шла кругом.

– Вы нарочно пытались меня напугать, – обвиняюще проговорила Оливия.

– Не совсем так, – с покаянным видом произнес он. – Каждое сказанное мной слово – чистая правда. Могу поклясться могилой матери. А рассказы об этих чудовищах я слышал не раз даже здесь, в Англии.

Оливия украдкой бросила взгляд туда, где ночная тьма подступала, казалось, к самому табору. Где-то в глубине леса таилась невидимая опасность. Ей стало не по себе. И тут же она просияла. Пальцы Оливии крепко ухватили амулет, который только что подарила ей Ирина.

– Если это правда, – весело сказала она, – тогда он защитит меня от этих тварей.

– Нет. И не надейтесь, – покачал головой Доминик.

– Нет? – Улыбка ее мгновенно увяла, а в голосе прозвучало такое разочарование, что Доминик едва не расхохотался. Оливия была похожа на обиженную девочку.

– Нет, – с дьявольской ухмылкой покачал он головой.

– А он приносит удачу?

– Вряд ли. – Губы его расплзлись в улыбке. Оливия подозрительно покосилась на него.

– Тогда для чего он?

– Не уверен, что вы и в самом деле хотели бы это услышать, – снова усмехнулся он.

– Еще как хочу!

– Вы рассердитесь.

– Нет. Я обещаю.

– Точно?

– Даю вам слово. А теперь рассказывайте. Почему этот амулет не сможет меня защитить?

– Потому что это любовный амулет, – все еще улыбаясь, пояснил Доминик.

– О-о! – обескураженно выдохнула Оливия. – Вы хотите сказать, он существует для того, чтобы...

– Все верно. Он подарит вам любовь. Так что пока вы его носите, над вами все время будет висеть угроза влюбиться. И держу пари, это опаснее, чем все полуночные твари с континента!

– Так вот почему она подмигнула вам! – выпалила Оливия, и глаза ее вспыхнули от возмущения. – А вы... вы просто сияли от удовольствия!

– Вы ведь обещали, что не рассердитесь, – напомнил Доминик. – Да, кстати, вернуть вы его тоже не можете. Ирина...

– Да-да, я помню. Она будет оскорблена. Тогда какого дьявола мне с ним сегодня делать, если я даже не имею права

снять эту штуку?

– Что ж, думаю, особого выбора у вас нет. Придется с этим смириться.

Она озадаченно уставилась на Доминика. Не может же он в самом деле верить в подобную чушь. Однако услужливая память тут же напомнила ей его собственные слова: «Цыгане обладают необыкновенной способностью предвидеть будущее. А порой и делают так, что сбывается самое невероятное». И ведь сбылось же проклятие его матери, подумала она. Или это просто совпадение? Должно быть... Глупо было бы думать иначе!

Она бросила неосторожный взгляд на затылок Доминика, на его отливающие синевой непокорные волосы, и горло ее пересохло. Она едва справилась с желанием запустить пальцы в эту густую гриву, ласково взъерошить непокорные кудри, почувствовать под руками их шелковистость.

Узкоплечий худощавый цыган вдруг выскочил как из-под земли и замер перед ними. Восхищенно уставившись на Оливию, он долго разглядывал ее, словно заморскую диковинку, потом, обратившись к Доминику, проговорил что-то по-цыгански.

Доминик обернулся к девушке и посмотрел на нее долгим взглядом, от которого она затрепетала. Взгляд Доминика будто вбирал ее в себя. Не отрывая от Оливии глаз, он бросил через плечо несколько слов по-цыгански. Сердце девушки бешено заколотилось: выходит, они говорят о ней. Она дога-

далась об этом инстинктивно. Доминик сказал что-то еще, и на губах его мелькнула усмешка. Худощавый цыган расхохотался, сверкнули белоснежные зубы.

– Что он сказал?

– Сказал, что моя женщина очень красива.

– Но я не ваша же...

Она осеклась. Загадочная томительная дрожь охватила Оливию. Да, она и в самом деле была его женщиной, пусть даже всего на одну ночь. Сердце вдруг заняло. Всего лишь один-единственный раз она попробует обмануть и себя, и его, притвориться не той, кто она на самом деле...

– А вы что сказали? – вздрогнув, едва слышно пролепетала она.

– Сказал, что он прав, – услышала она его низкий чувственный голос. Помолчав, он добавил: – Вы действительно очень красивы.

Неужели он и вправду так думает? Оливия не могла заставить себя посмотреть на него, просто не могла, и все! Увы, она не обладала искусством поддерживать непринужденную кокетливую беседу, не то что женщины, которых он знал.

– А еще он сказал, что если мне немного повезет, то моя постель сегодня не останется холодной.

Судя по голосу, его это забавляло. Оливия отчаянно пожалела, что не умеет кокетничать. Иначе вместо того, чтобы глупо краснеть, она постаралась бы ответить бойкой, остроумной фразой, как это принято у светских дам и кавалеров,

когда они играют в вечную, как мир, игру обольщения.

Но ведь не может же быть, чтобы он пытался ее соблазнить... Или может? Ошеломленная Оливия терялась в догадках.

Но в тот момент, когда она решила, что ничего хуже уже быть не может, напротив них остановилась молодая пара. К растерянности и изумлению Оливии, они кинулись друг другу и объятия, не обращая никакого внимания на то, что их могут увидеть. Молодой человек запрокинул девушке голову и прильнул к ее губам в страстном поцелуе. Из груди ее вырвался слабый стон.

Оливия поспешно отвернулась. Посмотрела в одну сторону, потом в другую... Куда угодно, лишь бы не видеть юных любовников. За ее спиной тихонько посмеивался Доминик.

– Господи, как же вы невинны, Оливия.

Наконец, к немалому ее облегчению, парочка удалилась.

– А вы, сэр, вы, видимо, изрядно пресытились!

Прошло немало времени, прежде чем он ответил:

– Нет, вы ошиблись. Если бы это на самом деле было так, я бы видел мир лишь в мрачных тонах... Мне он казался бы местом, где одни из нас лишь используют других в собственных целях. – Он замялся. – Хотел бы я знать, где же мое место в этом мире?

Оливия украдкой покосилась на него. В голосе Доминика уже не было и следа прежней веселости: он звучал глухо, безрадостно. Губы еще улыбались, но в глубоких, бездон-

ных глазах скрывалась грусть. Она хотела его спросить, но не успела. Высокий плачущий голос одинокой скрипки разорвал тишину.

– Праздник начался, – пробормотал ей на ухо Доминик.

Он не ошибся. От огромного костра, разожженного в центре табора, летели искры. Языки пламени жадно слизывали темноту. Человек десять цыган уже плясали вокруг костра. Остальные, обступив их плотным кольцом, хлопали и ладоши и подпевали.

– И что же это за праздник?

Она ждала, что он скажет «свадьба» или «помолвка», но он ответил просто:

– Праздник жизни.

В круг вступила юная красавица по имени Иветта. Темные вьющиеся волосы роскошным плащом спадали ей на спину. Гибкая, высокая, с изумительной фигурой, она то мелко-мелко трясла обнаженными плечами, то вихрем летела по кругу, и ее цветастые юбки взвивались в воздух, позволяя любоваться крепкими стройными лодыжками и упругими загорелыми бедрами, когда она кружилась под дикий цыганский напев. Иссиня-черная грива волос взлетала в воздух, придавая мистическое очарование темным огненным глазам молодой цыганки и пухлым, чувственным ярко-алым губам. Она танцевала одна.

Однако это продолжалось недолго. Грациозная и неверо-

ятно соблазнительная, она вдруг оказалась прямо напротив Доминика. Танец продолжался: она искушала его так, как только женщина может искушать мужчину. Освещенная багровыми отсветами пламени, высоко подняв вверх трепещущие руки, Иветта то величаво плыла по кругу, то с диким криком неслась в бешеной пляске, то низко склонялась к его ногам, словно показывая себя... давая ему понять, сколько наслаждения и безумной страсти сулит ему ее тело. Ничем не стесненные груди, полные и упругие, соблазнительно вздрагивали.

Доминик с ленивой усмешкой наблюдал весь этот спектакль. А Оливия кипела. Что-то очень похожее на жгучую ревность вдруг проснулось в ее сердце.

Музыка внезапно оборвалась. Иветта, выпрямившись, обратилась к Доминику по-цыгански. Все еще улыбаясь, он коротко бросил что-то в ответ. Иветта недовольно передернула плечами и исчезла в толпе. Оливия наклонилась к Доминику.

– Дайте-ка я попробую угадать... Наверное, ваша постель сегодня не останется холодной, – вызывающе прошептала она, втайне ужасаясь тому, что осмелилась сказать подобное мужчине.

– Она достаточно привлекательна, не так ли? – По губам его скользнула ленивая усмешка.

– Конечно, – без тени смущения заявила Оливия, – даже очень. Впрочем, и этот молодой человек... как его? Андре, кажется... он тоже очень красив. – Глаза ее, будто и поисках

кого-то, обежали толпу цыган. К сожалению, Андре нигде не было видно.

Но ее нехитрая уловка сработала. Улыбка сразу слетела с лица Доминика. Оливия возликовала. Так ему и надо, коварно думала она. Его невыносимая уверенность в собственной неотразимости стала изрядно действовать ей на нервы. Однако она торжествовала недолго. Не успела Оливия вдоволь насладиться своей победой, как он вскочил и, потянув ее за руку, увлек за собой в толпу танцующих.

Все произошло настолько быстро, что Оливия даже не успела запротестовать... а вскоре у нее пропала малейшая охота это делать. Казалось, тело перестало ей принадлежать. Дикий странный напев, подхватив, унес Оливию за собой. Ноги сами несли ее в бешеной пляске. Сильные руки Доминика стиснули ее талию, сверкающие темно-синие глаза заглядывали в самую душу. Вдруг, не зная почему, Оливия расхохоталась. Запрокинув назад голову, она смеялась, и в отблесках костра кожа ее светилась молочной белизной. Лента, которой она перевязала волосы, распустилась, и длинные вьющиеся пряди рассыпались по плечам, подобно золотому дождю.

Последний звенящий аккорд, и Доминик, подхватив Оливию, поднял ее высоко в воздух. Время, казалось, остановилось. Наконец он медленно поставил ее на землю, так и не выпустив из объятий. В другое время, в другом месте она была бы потрясена, даже шокирована интимностью их позы,

по здесь, в цыганском таборе, это казалось ей совершенно неестественным.

Рука об руку они вышли из круга танцующих. Подхватив с земли широкое лоскутное одеяло, Доминик перекинул его через плечо и, взяв Оливию за руку, легко увлек за собой к небольшому холму, чуть возвышавшемуся над цыганскими шатрами. Он разостлал на земле одеяло, и Оливия, смеясь, опустилась на него.

– Скажите, – вдруг тихо спросил он, – вам не кажется, что это судьба привела вас сюда сегодня вместе со мной?

– Нет, – быстро ответила она, и глаза ее блеснули в темноте.

– Почему вы не верите в судьбу, Оливия? – смеясь, спросил Доминик.

Меж ее бровей залегла легкая морщинка. Улыбка сбежала с лица, и оно стало задумчивым.

– Может быть, потому, что я дочь священника... Только я верю, что наша судьба в руках Божьих. И ничего не случается с нами без Его соизволения.

Лицо Доминика снова стало суровым, каким она и привыкла его видеть.

– И вы видите Божий промысел даже в том, что случилось с вашим отцом? С вашей сестрой?

– Да, – еле слышно ответила Оливия. – Господь в милости своей испытывает нас, и, конечно, не мне судить об этом. И не верить в это – значит не верить в Бога.

– Так вы считаете, что невозможно верить и в Господа Бога, и в судьбу одновременно?

– Не знаю, – поколебавшись, произнесла она. – А вы? Вы верите?

– Верю. Честно говоря, порой я думаю, что судьба – это как раз то, что вы называете Божьим промыслом.

– Возможно, – прошептала она.

– Вот видите! Значит, и вы верите в судьбу! – В голосе его звучало нескрываемое торжество.

И вновь Оливия почувствовала себя такой веселой и беззаботной, какой не чувствовала уже давно. И не смогла устоять перед искушением поддразнить Доминика.

– Ах, – беспечно объявила она, – стало быть, нечего ломать себе голову из-за любовного амулета, будто он заставит меня влюбиться, верно? – Она игриво коснулась безделушки кончиками пальцев.

– На вашем месте, Оливия, – лукаво подмигнул ей Доминик, – я бы не стал столь легкомысленно относиться к таким вещам. К тому же судьбе иной раз не грех и помочь.

Оливия возмущенно фыркнула, а Доминик, закинув назад голову, снова захохотал. В горле девушки сразу пересохло. Господи, простонала она про себя, как же он красив! Л она... она почти что влюблена в него! И не одна она, напомнила себе Оливия. Сколько женщин до нее теряли голову из-за Доминика Сент-Брайда?

– Нет, вы просто неисправимы! – накинулась она на него.

– Ну зачем вы так? Просто нельзя же верить всему, что слышишь, вот и все.

– Это уж точно. А вот, кстати... я слышала, что у вас было много романов.

– И любовниц тоже, не так ли? – Он скорчил гримасу.

– Вы любили хоть одну из них? – решила задать вопрос Оливия. – Или вы любили их всех?

– Разве были бы у меня романы, если бы я любил хоть одну из них? – насмешливо ответил он. – Если любишь женщину, на что тебе любовницы?

– Да ладно вам, – возмутилась Оливия, – я ведь серьезно. Скажите честно, вы были когда-нибудь влюблены? – Затаив дыхание, она ждала, что он скажет. Может, позже она станет гадать, что на нее нашло – задавать такие вопросы... но это потом.

– Нет, – после долгого молчания тихо проговорил он наконец, – нет, я никогда не был влюблен. Как странно... Вы спросили, и я вдруг подумал: у меня и вправду было много женщин... конечно, не столько, сколько вы вообразили, но немало... И ни одну из них я по-настоящему не любил.

Теперь, дождавшись ответа, Оливия и сама не знала, радоваться ей или плакать. Тогда, много дней назад, получив письмо от Морин Миллер, Доминик поклялся, что ни за что в жизни не бросил бы женщину просто так. И признался, что мог бы быть счастлив всю жизнь с одной женщиной, если бы отыскал ее... И она поверила ему. Наверное, это было глупо.

– Но ведь теперь вы граф. Неужели вам никогда не приходилось задумываться о том, чтобы жениться, завести детей... Ведь в конце концов должен же кто-то наследовать титул?

– Ах да, долг и все такое! Это все мне известно, однако, как ни странно, пока что я не участвую в брачной охоте. К тому же я еще не настолько стар, – сухо подчеркнул Доминик, – чтобы торопиться. Думаю, у меня есть в запасе еще пара лет, чтобы жениться и обзавестись наследником. – И тут же он перевел разговор на нее: – А как насчет вас, Оливия? Почему вы отвергли Уильяма?

– Потому что я его не люблю! – выпалила она, не подумав.

– Стало быть, вы предпочтете провести жизнь в одиночестве, чем выйти за нелюбимого?

– Д-да, предпочту, – запинаясь, пролепетала Оливия. – Да и потом, у меня ведь на руках Эмили. А в Стоунбридже не так уж много подходящих мужчин. И среди них вряд ли кто согласится заботиться обо мне и моей сестре.

Погрузившись в печальные мысли, Оливия не замечала голодного взгляда Доминика, который не отрывался от ее лица.

– О, тут вы ошибаетесь, – мягко возразил он. – Попади вы в Лондон, уверяю вас, от желающих не было бы отбоя. Нет, Оливия, одинокой вы не останетесь. Не беспокойтесь об этом.

– Не забывайте, – покраснела Оливия, – я выйду замуж только по любви. И никогда не соглашусь на меньшее.

– Редкая вы женщина, мисс Шервуд, – забавляясь, заметил Доминик. – Не верите в судьбу, зато верите в любовь. Или вы не знаете, что браки редко заключаются по любви?

– Может быть, и так, сэр, но меня это не касается! – В глазах Оливии сверкнул огонек. – И у меня не укладывается в голове, как может женщина спокойно смотреть на то, что ее муж развлекается на стороне!

– То есть, иначе говоря, в другом месте? – На губах Доминика мелькнула хищная усмешка.

– Вот именно! – вспыхнула Оливия. – Будь я на месте этой женщины, уверяю вас, сэр, у меня нашлось бы, что сказать по этому поводу!

– Однако вы же не станете отрицать, что очень многие жены поступают точно так же?

Губы Оливии презрительно сжались. По ее лицу было понятно, что она думает о подобных женщинах. Доминик от души расхохотался.

– Знаете, я подумал... наверное, вам все-таки лучше не ездить в Лондон. Уверен, вы и там возьметесь исправлять пороки всех повес, и высший свет никогда уже не будет тем, что прежде.

– Нисколько не сомневаюсь, что это только пошло бы ему на пользу! – фыркнула она, не собираясь сдаваться.

– Вне всякого сомнения, – поспешно сделав невозмутимое лицо, поторопился согласиться Доминик.

– Опять вы надо мной смеетесь, – вздохнула она.

– Нисколько! Честно говоря, все, что вы говорите, так забавно... Просто и не помню, когда я в последний раз был так увлечен беседой.

Оливия с досадой закусил губу. Украдкой покосившись на Доминика, она заметила, что в его глазах пляшут веселые чертики, а уголки губ подергиваются, будто он с трудом удерживается от улыбки.

Чтобы переменить разговор, она кивком указала на Иветту, все еще плясавшую у костра. Молодая цыганка то и дело украдкой поглядывала на небольшой холм, где сидели Оливия и Доминик.

– Раз уж мы заговорили о романах, милорд... Сдается мне, красавица Иветта будет польщена, если вы обратите на нее внимание.

– Вероятно, вы правы, – мельком глянув на темноволосую и темноглазую красавицу, лениво протянул он.

– Ах, какая необыкновенная скромность! – старательно разыгрывая равнодушие, усмехнулась Оливия.

– Что это... Неужели ревнуете, мисс Шервуд? – Легкая улыбка скользнула по губам Доминика.

– Конечно, нет! – буркнула она. И с ужасом поняла, что он прав. Вспомнив, как он целовал ее, Оливия чуть не застонала. Не мудрено, что женщины кидались ему на шею... Достаточно одного такого поцелуя, чтобы совершенно потерять голову!

– Чудесно! – мягко рассмеялся он. – Всегда приятно, когда женщина на твоей стороне. Особенно сегодня. – Вдруг в голосе его появились хрипловатые нотки. Доминик накрыл ее руку своей. Пальцы их переплелись. Ее глаза встретились с его глазами и потонули в них. Смех замер у Оливии в горле, и она невольно вздрогнула.

Это мгновение потрясло и Доминика. Сжимая в своей ладони ее хрупкие пальчики, он чувствовал, что теряет голову. Стараясь отвлечься, он опустил взгляд на руку Оливии. И подумал, что, если не считать натруженных пальцев, рука эта могла принадлежать только настоящей леди.

Однако сам он едва ли вел себя как истинный джентльмен. В голове у него шумело, перед глазами все плыло. Кровь стучала в висках с такой силой, что он едва не оглох. Его мужское естество, болезненно пульсируя, причиняло нестерпимую боль. И все это лишь от одного взгляда на нее. Доминик вдруг вспомнил тех женщин, которые побывали в его объятиях: всех их завораживал исходивший от него терпкий аромат опасности, та первобытная дикость, которую они чувствовали в нем. Но Оливия была совсем другая. Она была невинна и чиста...

Господи, поморщился он, это безумие! Глядя на нежный овал лица Оливии, он поймал себя на том, что мечтает прильнуть губами к бархатистому местечку у нее за ухом. Он сгорал от желания почувствовать, как ее руки обвиваются вокруг его шеи. Целовать ее, сгорая от страсти, а потом, на-

бью обо всем, уложить на спину и раз за разом вонзаться и нее так глубоко, чтобы заполнить ее всю.

Чуть приоткрыв губы, Оливия подняла к нему лицо. От нее исходил чуть заметный дразнящий аромат роз. При одной мысли о том, как он накроет ее рот своими губами, Доминик ощутил, как все сжалось у него внутри, и невольно замер. И вспомнил тот первый и единственный поцелуй. Господи, мелькнуло у него в голове, он безумец, что привел ее сюда...

Потому что готов был поцеловать ее снова.

Глава 11

Оливии достаточно было слегка повернуть голову, чтобы ощутить окружающую его ауру мужественности. «О Боже, – беспомощно подумала она, – что это со мной происходит?»

Взгляд Доминика был прикован к ее губам. Внутри ее все сладостно сжалось. Теперь Оливия уже несколько не сомневалась, что он намерен поцеловать ее.

И никогда в жизни она еще ничего так не хотела.

На темно-синем бархате неба сияла полная луна, бросая на землю призрачный свет. Все вокруг казалось нереальным – словно звездная пыль, отделив их своим серебристым покрывалом, унесла обоих в волшебную страну грез.

Притянув Оливию к себе, Доминик осторожно обнял ее, и сердца их забились в унисон. Они оказались лицом друг к другу, и когда губы Доминика медленно накрыли ее рот, Оливия едва не вскрикнула: ей показалось, что жгучее наслаждение заставит сердце разорваться. И в дальнем уголке ее существа проснулось желание, чтобы этот поцелуй никогда не кончался.

Доминик будто услышал ее мысли.

Казалось, поцелуй будет длиться бесконечно. Губы его были жаркими и настойчивыми, требовательными и упоительно нежными. Руки Оливии обвились вокруг шеи Доминика, запутавшись в его волосах, потом нежно скользнули по

спине, и легкая дрожь охватила ее, когда она почувствовала, как под ее ладонью заходили тяжелые бугры великолепных мускулов. Доносившаяся издали музыка изменилась: дикий огненный напев сменился сладостной мелодией, нежной и печальной. Это была настоящая серенада ночи. Время остановилось для них. Забыв обо всем, Оливия трепетала, мечтая о том, чтобы это волшебство длилось вечно.

Стук сердца эхом отдавался у нее в ушах. Вдруг кончик его языка игриво скользнул в ее рот, и восхитительная дрожь пронизала ее. Доминик словно пробовал ее на вкус. Затерявшись в океане страсти, она плыла по волнам наслаждения, не чувствуя прикосновения его жадных пальцев, нетерпеливо теребивших застежку корсажа. Она даже не заметила, как он стянул платье с ее плеч.

Только тогда Доминик наконец оторвался от ее губ и взглянул Оливии в глаза. В глубине его темно-синих, словно мерцающие сапфиры, глаз бушевало пламя – то самое пламя, которое пожирало его. Оливия, смущенно опустив глаза, вдруг осознала, что ее платье спустилось до талии и обнаженная грудь мерцает в темноте нежными переливами перламутра. Сдавленный крик замер у нее в горле. Оцепенев, она могла только молча смотреть, как Доминик жадно пожирает глазами то, что еще никогда не доводилось видеть ни одному мужчине.

С ее задрожавших губ слетел неясный звук. Она так никогда и не узнала, что хотела сказать, потому что в это мгно-

вание Доминик снова властно завладел ее губами. Сильные мужские руки сомкнулись на тонкой талии девушки. Горячие пальцы огнем опалили ей кожу. Когда ладони его медленно скользнули вверх, мир завертелся перед глазами Оливии.

Он обвел кончиками пальцев изящные полушария упругой груди, и они, точно спелые плоды, казалось, сами опустились в его ладони. Соски мгновенно затвердели. Снова и снова умелые пальцы Доминика скользили вокруг напрягшихся бутонов, и Оливии казалось, будто уже не кровь, а жидкий огонь струится по ее жилам.

Сильная мужская рука легла ей на плечи, и девушка почувствовала, как какая-то неведомая сила мягко опустила ее в прохладную траву. Где-то в самой глубине ее существа проснулась тревога, предупреждающая о близкой опасности... и утихла в волнах наслаждения. Но внутренний голос настойчиво зашептал ей на ухо, что этого не должно быть... Доминик опустился на нее, и Оливия чуть слышно сдавленно ахнула, ощутив непривычную для нее тяжесть его сильного тела. Нечто твердое и горячее настойчиво вжималось ей в живот, и это почему-то особенно вселяло в нее тревогу. Конечно, Оливия была невинна и чиста, но наивной ее нельзя было назвать. Внезапно она будто проснулась. Их поза, объятия – все говорило о том, что они чуть было не стали близки. Обезумев при мысли о том, что могло произойти, она отвернулась и прерывисто вздохнула.

– Остановитесь! – крикнула она куда-то ему в плечо. –
Прошу вас, остановитесь! Не надо!

И сразу почувствовала, как напряглось его тело. Одно мгновение ей казалось, что он не слышит ее. Губы Доминика жадно искали ее рот. Он снова склонился к ней, и Оливия содрогнулась при виде голодной страсти, написанной на его лице. Руки его крепко обвивались вокруг нее. Но вот Доминик глубоко вздохнул, и тело его немного расслабилось.

Он скатился с нее и, приподнявшись на локте, склонился к Оливии. А та дрожащими пальцами старалась привести в порядок платье, беззвучно благословляя небеса за то, что в темноте не видно, как пылает ее лицо. Лицо Доминика было в тени. Впрочем, сейчас Оливия старалась на него не смотреть.

– Простите, я не хотел вас напугать, – тихо проговорил он.

– Вы меня не напугали. – Она даже заставила себя улыбнуться. Как ни странно, ее слова были чистейшей правдой. И не его она испугалась, а того, что испытала сама... того, что он заставил ее испытать... неведомым способом пробудив в ней чувства, о которых она и не подозревала.

Доминик с тяжелым вздохом взъерошил волосы. Потом вскочил на ноги и помог подняться Оливии.

– Пойдемте, я отвезу вас домой, – глухо пробормотал он.

По дороге оба молчали, но, как ни странно, это несколько их не тяготило. Остановив коляску, Доминик легко опустил Оливию на землю, и она невольно затрепетала, когда

горячая, шершавая ладонь снова коснулась ее руки. Доминик проводил Оливию до самых дверей. Остановившись, он вдруг заглянул ей в глаза.

– Оливия, есть кое-что, о чем мне хотелось, бы с вами поговорить... – начал он.

На его суровом, как обычно, лице не было и тени улыбки. Ястребиный профиль, твердая линия мужественного рта, темные сверкающие глаза... Оливия невольно с тревогой мглядывалась в его лицо.

– О чем?

– Вы как-то обмолвились, что хотели бы отвезти сестру в Лондон и показать ее хорошему врачу.

– Да. Я так и сделаю, как только накоплю достаточно денег.

– Я бы мог вам в этом помочь.

– Спасибо, сэр, – нерешительно отозвалась Оливия. – И в самом деле благодарна вам... вы и так были слишком щедры ко мне. Но с этим... с этим мы должны справиться сами.

Ей показалось, что он начнет спорить. Но он лишь молча кивнул. Может, она не в меру упряма, тоскливо думал Доминик, может, гордость мешает ей согласиться принять то, что она считает милостыней, но, как бы там ни было, ему ничего не остается, как примириться. Все будет так, как она решила... и тут он не в силах ей помочь.

Его взгляд остановился на ее губах. И девушка почувствовала, как внутри ее вновь поднимается сладостная боль.

Сердце заколотилось, и в голове молнией мелькнула мысль о том, что она опять сгорает от желания почувствовать его губы на своих.

– Спокойной ночи, Оливия. – Доминик резко повернулся и исчез в темноте.

Он так и не поцеловал ее на прощание... но, Господи, как же она этого хотела!

Андре незаметно пробрался между шатрами и выскользнул из табора. Если он поедет верхом, то добраться до дома Эмили будет делом нескольких минут. Конечно, он сильно рисковал, но ему было все равно. Сейчас он был не в состоянии думать ни о ком, кроме Эмили. Его табор мог сняться с места в любой день. И тогда он потеряет ее навсегда.

При одной мысли об этом он сходил с ума.

Она была так очаровательна... словно весенний цветок. При виде ее милой робости у Андре щемило сердце. Теперь она вела себя с ним более непринужденно, чем он смел надеяться, когда впервые увидел ее. К тому же она была такой хрупкой, почти воздушной... Иной раз Андре боялся даже дотронуться до нее.

Когда он подъехал к ее дому, света в окнах не было. Он нахмурился, потом догадался: к чему ей зажигать свет, ведь Эмили жила в царстве вечной ночи. Внезапно душераздирающий женский крик разорвал воздух. Он донесся из дома.

Андре не раздумывал ни минуты, ведь его любимая была

в опасности. Вихрем слетев на землю, он судорожно стал искать ключ от дома, который, как когда-то сказала ему Эмили, всегда прятали под ступенькой крыльца. Нашупав ключ, он вставил его и распахнул дверь.

Крики неслись из спальни. Андре бросился туда. В три прыжка он пересек коридор и, сжав кулаки, ворвался внутрь.

Сейчас он готов был растерзать обидчика голыми руками. Влетев в комнату, он дико огляделся по сторонам.

Насильника не было. В комнате вообще не было никого... кроме Эмили. Она скорчилась на кровати. Слезы текли по ее лицу. Из горла вырывались сдавленные крики.

– Не трогайте его! – всхлипывала она. – Прошу вас, не трогайте его! – Вдруг руки ее взметнулись в воздух. – Папа! – Полузадушенный отчаянный крик разорвал воздух. – Папа, нет! – снова зарыдала она. – Вставай же, папа! Вставай!

Андре трясущимися руками поспешно зажег стоявшую у постели свечу, потом опустился на колени возле Эмили и, обняв ее за плечи, осторожно встряхнул.

– Эмили, проснись. Проснись, любимая. Пожалуйста, принцесса, открой глаза. Ну же, давай!

Под его ласковыми руками она сразу затихла. Глаза Эмили широко распахнулись. Взгляд ее был устремлен вдаль, она часто и тяжело дышала, все еще всхлипывая, точно испуганный ребенок. В глазах ее мелькнуло что-то дикое, и Андре стало не по себе. У него возникло странное чувство... будто кошмар, напугавший Эмили, все еще держит ее в сво-

ИХ КОГТЯХ.

– Эмили, Эмили, проснитесь! Все в порядке. Все хорошо, любовь моя.

– Андре, это вы? – повернув к нему голову, спросила она слабым, почти детским голосом.

– Да, принцесса, это я. – Сильные смуглые пальцы ласково убрали с ее виска мокрую от пота прядь волос.

Всхлипывая, она неосознанным движением потянулась к нему, и Андре крепко прижал ее к груди. Руки Эмили обхватили его талию. Она прильнула к нему, и он почувствовал, что все ее худенькое тело дрожит. Он еще теснее прижал ее к себе.

– Что случилось?

– Ничего. Просто страшный сон. – Эмили уткнулась ему в плечо, так что он едва смог разобрать, что она сказала.

– Расскажите мне о нем, – прошептал он, и губы его, словно невзначай, скользнули по ее виску.

– Зачем? – пролепетала Эмили, и Андре почувствовал, что она оцепенела.

– Не знаю. – Поглаживая ее по спине, Андре пожал плечами. – Может быть, если вы расскажете о том, что вас мучает, все окажется не таким уж страшным.

– Это... это один и тот же кошмар.

– То есть... он мучил вас и прежде?

Эмили молча кивнула. Вначале, охваченная диким ужасом, она уже готова была все ему рассказать. Но потом...

Нет, решила она. Хотя теперь кошмары мучили ее не каждую ночь, память о пережитом была еще слишком свежа... Эмили не могла заставить себя вновь воскресить в памяти то, что произошло в тот ужасный день... Нет, не могла.

– Вы кричали, Эмили... умоляли кого-то пощадить вашего отца. А потом вы просили его встать...

– Не надо! – крикнула она так, что у него все похолодело в груди. Ее ладонь зажала ему рот. – Не произносите этого! Я не могу! Я не выдержу, если мне снова придется через это пройти! Неужели вы не понимаете, я... я не могу!

Андре немного отстранился, чтобы видеть ее лицо. Эмили вдруг забилась в его руках, но он только крепче стиснул ее.

– Эмили...

– Андре, прошу вас... – Губы ее дрожали. – Я не могу об этом говорить. Просто не могу!

Голос ее оборвался на истерической ноте. Андре молча взглядывался в ее лицо. Мысли у него разбежались. Его не покидала уверенность, что ее ночной кошмар – продолжение ужаса, который ей пришлось пережить. И что бы это ни было, он прятался в тайниках ее памяти... по крайней мере пока.

– Если не хотите, можете ничего не говорить, – ласково сказал он и снова мягко опустил ее голову к себе на плечо.

– Вы... вы меня не заставите?

Она всхлипнула... точь-в-точь как перепуганный насмерть ребенок. И, несмотря на жалость, разрывавшую его сердце,

Андре едва не рассмеялся.

– Как я могу вас заставить, пока вы сами не захотите? – невозмутимо спросил он. Его сильные ладони ласково поглаживали Эмили по спине, и он заметил, что она понемногу успокаивается.

Из груди Эмили вырвался хриплый вздох. Уткнувшись носом ему в плечо, она вдруг глухо пробормотала:

– Вы добры ко мне... как Оливия. Она тоже никогда не заставляет меня рассказывать.

Андре решил поразмышлять на досуге. Вырвавшиеся у Эмили слова только подтвердили его подозрения, что все привидевшееся Эмили она когда-то пережила наяву.

– Господи, я совсем забыл... У меня кое-что для вас есть, принцесса. – Осторожно отстранившись, Андре сунул руку за пазуху, потом взял ее руку и что-то положил ей на ладонь.

– Что это? – с любопытством спросила она, знакомым жестом склоняя голову к плечу. Кончиками пальцев она чувствовала прохладную гладкую поверхность.

– Это кристалл. Среди моих... – Он вовремя спохватился. – ... Среди членов моей семьи существует поверье, что такие кристаллы обладают магической целебной силой. Тетушка, к примеру, всегда носила один в кармане.

– Правда? Ой, а я думала, такое водится только у цыган! – Головка Эмили опять склонилась к плечу. – Наверное, ваша тетушка была очень суеверной.

– Да, возможно, так оно и есть. – Андре готов был нада-

вать себе пощечин. С чего он взял, что она об этом не знает? А может... Стараясь не выдать волнения, он впился взглядом в лицо Эмили. Догадалась ли она? Судя по всему, нет. Облегченно вздохнув, Андре продолжал: – Он на редкость красив. А если поднять его к солнцу, то можно увидеть внутри маленькую радугу.

– Прошло столько времени с тех пор, как я в последний раз видела радугу... – слабо улыбнулась Эмили, – что я даже с трудом могу ее представить.

– Простите, принцесса. – Андре выругался про себя. – Я подумал, кристалл может вам понравиться... Мне вовсе не хотелось вас огорчать.

– А я и не огорчилась, – поспешно возразила она. Пальчики Эмили ласково коснулись его руки. – Спасибо вам, Андре. Он всегда будет со мной, обещаю. Положите его на столик возле кровати. – Он сделал, как она просила, и снова повернулся к ней. – Вы сегодня так поздно... Я вас уже не ждала.

– Если честно, я заметил вашу сестру. Она шла в Рэвенвуд, – схитрил Андре. Острое чувство вины вдруг захлестнуло его. Но не мог же он признаться, что видел Оливию в таборе.

– Да... – Уголки прелестного рта чуть заметно опустились. – Ей пришлось вернуться... Надо было поработать вечером. Этот цыганский граф платит ей за то, что она ведет его счета.

– Ну, вот так я и догадался, что вы одни. Мне и в голову

не пришло, что вы уже спите.

– Я... я ведь не знала, что вы придете. – Эмили чуть заметно порозовела, рука ее метнулась к груди. Девушка только сейчас сообразила, что на ней нет ничего, кроме ночной сорочки.

– Завтра в Гринборо открывается ярмарка, – поспешил Андре отвлечь ее внимание. – Я хотел спросить, не пойдете ли вы со мной?

Глаза ее широко распахнулись от удивления.

– Но... я не могу, – тихо сказала она и тут же поправилась: – Не то чтобы я не хотела, но... просто я не могу.

– Почему? – спросил он с прямой, которая составляла главное его очарование. Взгляд Андре не отрывался от растерянного лица.

– Мне неприятно, когда все вокруг тарашатся на меня. Я это чувствую, – объяснила Эмили.

– Если и так, то это только потому, что вы очаровательны.

– А вы? Вы тоже так думаете? – вырвалось у нее.

– На свете нет никого красивее вас, принцесса, – ответил он, кончиками пальцев приподнимая ей подбородок.

– Тогда почему же вы ни разу не пытались меня поцеловать?

– Я... я старался вести себя... – Он растерянно запнулся в поисках подходящего слова. – ... Как джентльмен.

– Да? Жаль. Я бы предпочла, чтобы вы не так старались, а лучше бы поцеловали меня. – Эмили сжалась от жгучего

стыда. Господи, дикость какая! Что она мелет?

– Принцесса... – Голос Андре дрогнул, будто он промочил смешок. – Вам стоит лишь приказать...

Эмили не заставила себя просить. Приподняв ей подбородок, Андре склонился к ее лицу. Губы его накрыли ее рот, и он увидел, как она закрыла глаза. Поцелуй Андре был нежным и сладостным. На глаза Эмили навернулись слезы.

Оторвавшись от ее губ, Андре прижал ее к себе и чуть слышно засмеялся.

– Теперь мне будет труднее уйти от тебя, принцесса.

– Так не уходи, – беззаботно прошептала Эмили, словно паря в облаках, – Хотя, мне кажется, это не совсем прилично. – Она почувствовала, что он улыбается.

– А тебе это так важно?

– Нисколько, – прозвучало достаточно твердо.

– И мне тоже.

– А если вернется Оливия?

– Тогда придется выскочить в окно... Надеюсь, твоя сестра не носит с собой пистолет?

– Испугался? – неожиданно для себя хихикнула Эмили. – Нет, не носит. – Но улыбка ее вдруг увяла. Его присутствие не давало ночному кошмару вновь вернуться, и Эмили судорожно вцепилась в его руку. – Ты не уйдешь, пока я не засну?

– Нет, принцесса, – пообещал Андре, и сердце его перевернулось от жалости.

Вытянувшись на постели, он крепко прижал Эмили к се-

бе. И в эту минуту для него не было чести выше, чем держать ее в своих объятиях.

– Скажи, тебя когда-нибудь целовали?

Оливия в немом изумлении уставилась на младшую сестру. Вопрос возник будто из ниоткуда. Перед этим они увлеченно обсуждали, что нужно сделать в саду.

– Целовали? – протянула Оливия, не веря собственным ушам.

– Да, – кивнула Эмили. – Тебя когда-нибудь целовал мужчина?

Оливию бросило в жар. Мысли ее мгновенно перенеслись к Доминику. Да, ее целовали... Этот поцелуй она будет помнить вечно, но рассказать об этом сестре у нее не поворачивался язык. Об этом будут знать только он и она. Она попыталась выдавить из себя смешок.

– Эмили, ради всего святого, почему тебя это интересует?

– Не надо относиться к этому так легко, Оливия. – Эмили отставила в сторону чашку. – Я знаю, что Уильям без ума от тебя. И подумала... может, вы с ним целовались. И мне захотелось расспросить, что это для тебя значит. То есть... я хотела спросить, как ты себя при этом чувствовала... Ой, я совсем запуталась!

– Будто весь мир у моих ног, – слетело с губ Оливии, прежде чем она успела сообразить, что говорит.

– Да-а? Неужели правда?

Господи, помоги ей! Именно так. Только не с Уильямом...
Печальная улыбка тронула губы Оливии.

– Эмили, – мягко сказала она, – не знаю, как тебе об этом сказать, поэтому, видно, лучше говорить все как есть. Видишь ли, я не люблю Уильяма. И может быть, это глупо, но замуж я выйду только за человека, которого полюблю.

– И вовсе это не глупо! – В глазах Эмили вдруг появилась тоска. – Я могу только молиться, чтобы так оно и было.

– И я тоже, родная, я всей душой буду молиться, чтобы и ты нашла свою любовь. – Оливия ласково сжала ее руку.

К ее ужасу, слезы вдруг брызнули из глаз Эмили. Оливия бросилась к сестре.

– Эмили! – Она обхватила ее за плечи. – Милая, что произошло?

– А я никогда, наверное, не выйду замуж. – Одинокая слезинка повисла на ресницах Эмили.

– Эмили, о чем ты говоришь? Ты еще так молода... так хороша собой и...

– И слепа.

От этих слов сердце Оливии чуть не разорвалось.

– Для того, кто тебя полюбит, это не будет иметь никакого значения.

– Я буду для него обузой! – Опустив голову, Эмили стиснула руки.

– Но ведь для меня же ты не обуза, – возразила Оливия.
– Значит, не будешь обузой и для человека, который тебя

полюбит.

– Ты не понимаешь, – прошептала Эмили, покачав головой. – Это так ужасно... полюбить человека... и знать, что никогда не увидишь его лица.

Острая боль полоснула Оливию по сердцу. В горле встал комок. Вместо ответа она только крепко прижала Эмили к себе. У нее возникло странное ощущение, что сестра чего-то недоговаривает. Оливия решила не спрашивать. Если Эмили захочет, она сама расскажет.

– Конечно, я не могу судить, – мягко сказала она. – Я могу только молить Бога о том, что когда ты встретишь того, кто тебя полюбит, то это ничего не будет значить.

Эмили, как испуганный ребенок, прижалась к ней крепче. Улыбнувшись сквозь слезы, она решительно смахнула их с ресниц.

– Ты точь-в-точь как мама, Оливия: всегда знаешь, что нужно сказать, чтобы утешить. – Какое-то время, погружившись в свои мысли, Эмили молчала. Потом снова решилась заговорить: – Знаешь, что я думаю? – На лице ее появилось задумчивое выражение. – Если женщина, когда ее целуют, чувствует себя так, как ты говоришь... словно весь мир у ее ног... значит...

– И что тогда? – нахмурилась Оливия.

– Тогда, значит, она влюблена! – тихо закончила Эмили.

Улыбка на лице Оливии застыла. Сердце глухо заколотилось. Нет, в ужасе подумала она, нет, этого не может быть!

Она не могла влюбиться в Доминика...

А может, она ошибается?

Глава 12

Доминику не давала покоя мысль о том, что он напугал Оливию... злоупотребил ее доверием, а этого делать было нельзя. В своем нетерпении он переступил черту, заходить за которую не следовало. Стоило только закрыть глаза, и он видел ее как наяву: нежное пленительное тело цвета драгоценной слоновой кости, так доверчиво открытое его взгляду... его прикосновениям. Ладони его продолжали ощущать тяжесть ее груди, трепещущей при каждом вдохе. Доминик хрипло застонал: желание испробовать на вкус розоватые соски сводило его с ума. Но безошибочный инстинкт подсказывал ему, что Оливия потрясена до глубины души. И все-таки он был счастлив... счастлив оттого, что до сих пор ни один мужчина никогда не прикасался к ней. Однако эта уверенность лишь подливала масла в огонь бушевавшего в нем желания.

Доминик проклинал себя за глупость. Будь у него хоть капля разума, он давно бы отыскал горячую, покладистую девку и торопливо и жадно удовлетворил бы с ней терзавшую его страсть. Господи, да все что угодно – лишь бы выбросить из головы Оливию!..

Но он не мог думать ни о ком, кроме нее. И не хотел никого, кроме нее.

Она сводила его с ума так же верно, как если бы нало-

жила на него заклятие. И при этом была так близко – в его собственном доме! Еще никогда в жизни ни одна женщина не пробуждала в нем такого неутолимого желания! Он чувствовал себя как умирающий от жажды, которую могла утолить только она... Присутствие Оливии лишало его разума. Он понимал, что надо избавиться от этого наваждения, но все острее ощущал, что это чувство сильнее его.

И как не раз уже бывало прежде, он словно разрывался между двумя мирами, готовый проклинать цыганскую кровь, которая текла в его жилах... Проклинать потому, что именно в ней видел единственную причину холодности Оливии. Снова и снова Доминик вынужден был напоминать себе: пусть Оливия всего лишь служанка в его доме, это ничего не меняет; она все равно леди... леди, которая никогда не опустится до того, чтобы разделить ложе с цыганом.

Доминику казалось, будто он сгорает на медленном огне.

Прошло несколько дней, прежде чем он снова собрался в Стоунбридж. Шторм потерял подкову на правой ноге, нужно было его подковать. Конечно, и в Рэвенвуде было кому это сделать, но Доминик считал, что пришла пора преодолеть упорное предубеждение, которое испытывали по отношению к нему жители деревни. Он даст им работу... сделает все, чтобы жизнь их стала лучше, а это, надеялся он, понемногу заставит смягчиться даже самые ожесточенные сердца.

Звон молота о наковальню все еще эхом отдавался в его

ушах, когда он вышел из кузницы. День выдался на редкость жарким, даже душным, и Доминик не отказался бы от кружки ледяного эля. В горле у него пересохло. Оглянувшись, он заметил трактир, направился к нему и по дороге чуть не столкнулся с какой-то женщиной. Держа за руку маленькую девочку, она выходила из лавки. Доминик приветливо кивнул.

– Добрый день, мистрис.

Испуганно ойкнув, женщина прикрыла девочке лицо.

– Не смотри на него, – прошипела она, – не то, чего доброго, еще сглазит!

Доминик стиснул зубы. «Это уж слишком», – подумал он.

Ни одна живая душа не осмелилась заговорить с ним, хотя для того, чтобы добраться до трактира, ему пришлось пересечь Стоунбридж из конца в конец. Если бы взгляды могли убивать, то он бы не прожил и пяти минут, криво усмехнувшись, признал Доминик.

Войдя в трактир, он выбрал столик в самом углу и сел. Хозяин принес ему эль и поспешно удалился, не проронив ни слова. Доминика внезапно охватило уныние. Мысли его были черны как ночь, и таким же темным вдруг стало его лицо. Для чего он вообще приехал сюда? Эти люди вокруг... ненависть и презрение, которые они испытывали к нему, – все это безжалостно напоминало ему об отце, о том, что так терзало его все эти годы, и о том, что он мечтал забыть. Но тут Доминик снова вспомнил о ней... И тогда понял, почему

остался.

Хлопнула дверь, возвещал о приходе других посетителей. Они уселись за соседний столик, но Доминик лишь скользнул по их лицам равнодушным взглядом. Да и чего ради стал бы он разглядывать их? Поднеся к губам стакан, наполненный янтарной жидкостью, он сделал большой глоток.

– Попомни мои слова, Уильям, надвигается гроза. И недели не пройдет, как она разразится, или я не Джон Арнольд.

Доминик старался не прислушиваться к разговору. Повернувшись к ним спиной, он погрузился в свои невеселые думы и очнулся, только услышав одно имя.

Оливия!

Упоминание о ней заставило Доминика поднять голову и незаметно покоситься через плечо. Сузив глаза, он разглядывал сидевшего за столом худощавого, слегка полысевшего мужчину. Второй, намного моложе, был весьма хорош собой...

Уильям Данспорт.

Губы Доминика сжались, превратившись в тонкую прямую линию. Уильям был как раз тем человеком, видеть которого он хотел меньше всего. Особенно сейчас.

– ... Что верно, то верно, Уильям, – она прехорошенькая!

– Это ты точно сказал, Джонас, – расхохотался Данспорт.

– И однако, помяни мое слово: еще до конца года она будет носить мое имя!

– Вот оно что! Стало быть, ты сделал ей предложение?

– А то как же! – Его самоуверенность была просто невыносима. – Правда, мы с ней пока что решили держать помолвку в тайне, так что, как друга, прошу тебя: не проболтайся, ладно? Вскоре мы об этом объявим. А когда поженимся, я намерен построить собственный дом.

Доминик задохнулся. Ему показалось, что он получил удар в солнечное сплетение. Маленькая лгунья! Лживая предательница! Черная злоба застилала ему глаза.

– А как насчет ее сестрицы Эмили? Моя тетушка немного знакома с Оливией. Когда-то она была очень дружна с ее матерью. – Арнольд задумчиво покачал головой. – Знаешь, старина, боюсь, одну без другой тебе вряд ли удастся заполнить!

Самодовольная усмешка скользнула по губам Данспорта. Он пожал плечами:

– Ну и что? Держу пари, дело того стоит! Лишь бы Оливия оказалась в моей постели, а все остальное не важно!

Конец фразы потонул во взрыве пьяного хохота.

Доминик сам не заметил, как поднялся из-за стола и обернулся. В комнате воцарилась гробовая тишина. Он коснулся пальцами шляпы, неприятно усмехаясь.

– Надеюсь получить приглашение на свадьбу, – произнес он и вышел за дверь.

Следующие несколько дней Оливии казалось, что Доминик намеренно избегает ее. Несмотря на некоторое разоча-

рование, она ловила себя на том, что испытывает облегчение. Словно гора свалилась с ее плеч... Тем не менее память вновь и вновь возвращалась назад, к той ночи. Перед ее мысленным взором возникали губы Доминика, осыпающие поцелуями ее шею... припавшие к ее груди... его руки в таких местах, о которых она даже не осмеливалась упоминать...

Доминик будто приоткрыл дверь в комнату, куда до него никто не входил. Конечно, Оливия отнюдь не была наивным ребенком, не имеющим понятия о мужской любви: ее мать всегда считала, что девушке полезно знать о физической стороне отношений между мужчиной и женщиной. Но сейчас ночи для нее превратились в пытку. Только сегодня Оливии приснился сон, воспоминание о котором преследовало ее до сих пор. Она видела их с Домиником, слившихся и любовном объятии... Только, к стыду и ужасу Оливии, она почему-то была сверху... причем не лежала, а сидела на нем верхом! Ее передернуло. Господи, подумала она, неужели такое возможно! Увы, ей некого было спросить, не с кем было посоветоваться. Шарлотта? Нет, ни за что! Оливия никогда не решилась бы спросить ее о таком! Сколько Оливия ни ломала себе голову, так и не вспомнила никого, к кому могла бы пойти за советом.

Никого, кроме... кроме Доминика.

Как назло, как раз сегодня Эмили вспомнила о нем. Люцифер, пробравшись в дом, чуть было не вскарабкался ей на колени. Огромная собака оказалась на редкость ласковой.

Оливии не было дома, а Люцифер решительно отказывался слезть. Эмили смеялась до изнеможения. Прошло немало времени, прежде чем девушке удалось столкнуть его на пол. Именно из-за этого Эмили и пришло в голову поинтересоваться:

– Как странно, что Люцифер каждый раз провожает тебя до дому... С чего бы это?

– Что же тут странного? – замялась Оливия, стараясь казаться непринужденной. – Пес делает так, как ему велели.

– Кто? Его хозяин?

– Д-да.

– Что-то я не помню, чтобы ты мне говорила, чья это собака. Кто его хозяин? Кто-нибудь из прислуги этого «цыгана»? Наверное, дворецкий?

– Н-нет... я не говорила...

– Тогда кто же?

Тут уж ничего не поделаешь, вздохнула про себя Оливия и чуть слышно пробормотала:

– Его хозяин – сам «цыган».

– С чего же ему взбрело в голову приказывать Люциферу провожать тебя до дому? – спросила Эмили, перестав улыбаться.

– Боюсь, тебе вряд ли понравится то, что ты услышишь, милая.

– Все равно, – заупрямилась Эмили, – я хотела бы знать.

– Чтобы я не боялась, когда возвращаюсь поздно, – тихо

проговорила Оливия, – и чтобы чувствовала себя в безопасности.

Эмили долго переваривала то, что услышала от сестры, и наконец сказала:

– Тогда, наверное, он все-таки не такой ужасный, как я думала вначале. В самом деле, Оливия, знаешь, если мы когда-нибудь встретимся, думаю... думаю, мне следует его поблагодарить.

Как ни странно, Оливия вдруг почувствовала себя счастливой. Гордость за младшую сестренку охватила ее с такой силой, что она задохнулась.

– Интересно, – продолжала Эмили, – какой он?

– Самый красивый мужчина из всех, кого я видела, – выпалила Оливия с такой скоростью, что обе расхохотались. Но улыбка на лице младшей сестры тут же увяла.

– Скажи, а он... он сильно похож на цыгана? – чуть слышно спросила она.

– Да... – замялась Оливия, – и в то же время нет. Он высокий, очень высокий, с темными, почти черными волосами. А глаза... представляешь, глаза у него синие! Как у отца, сказал он. Всегда очень элегантно одет – наверное, заказывает одежду у хороших портных, – но больше всего ему идут простая белая рубашка, бриджи и сапоги для верховой езды.

Оливия спохватилась, не выдала ли себя, и украдкой покосилась на сестру. Но Эмили, похоже, уже утратила интерес к разговору.

В тот день Оливии удалось закончить довольно рано. Дворецкий Франклин сообщил, что Доминик собирается устроить бал и пригласить все местное дворянство. И поручил ей написать приглашения и проследить, чтобы их отослали. Чувствуя, как от волнения у нее подгибаются ноги, Оливия заторопилась в кабинет. Конечно, ей было не по себе от того, что Эмили опять прождет ее до глубокой ночи, но Оливия успокаивала себя тем, что постарается покончить с делами побыстрее, а потом сразу помчится домой.

Список, кому надо было послать приглашения, лежал на столе. Оливия уже собиралась приняться за работу, как вдруг в одном из кресел перед камином шевельнулась темная фигура.

– Так-так, кто тут у нас? Ба, неужели мисс Шервуд?

Доминик! Сердце Оливии неистово забилося. Но легкая насмешка в его голосе сразу же заставила ее насторожиться. Впрочем, как и обращение «мисс Шервуд». «Что случилось?» – с тревогой подумала она. Что-то очень неприятное... Оливия слегка кашлянула.

– Простите, я... я не знала, что тут кто-то есть.

Доминик вместо ответа бесшумно шагнул к двери и демонстративно закрыл ее. Скрестив руки на груди, он окинул Оливию ледяным взглядом. Она и представить не могла, что под этой холодной маской бурлит настоящий вулкан.

Оливия растерянно заморгала. Лицо Доминика было

мрачным, глаза напоминали сверкающие синие льдинки. Ей казалось, что перед ней совсем незнакомый человек. Сейчас, когда он возвышался над ней подобно ангелу мести, она вспомнила другого Доминика, того самого, что несколько дней назад с такой страстью и нежностью целовал ее в цыганском таборе. От того Доминика в этом не осталось ничего.

– Похоже, я должен принести вам свои поздравления.

– Простите?.. – окончательно растерялась Оливия.

– Да будет вам, Оливия! Стоит ли притворяться и дальше? Ваш нареченный вчера выразился достаточно определенно.

Оливия гордо вскинула голову и расправила плечи. Она даже не пыталась скрыть гнев. В чем она провинилась, что он позволяет себе так ее оскорблять?

– Я не понимаю, о чем вы, – твердо произнесла она.

Доминик шагнул к ней. Оливия заставила себя остаться на месте, хотя внутренний голос напоминал ей об опасности. А потом... потом было уже поздно: тяжелые руки Доминика легли ей на плечи, и он привлек ее к себе. Глаза его упали на выступающие из корсажа упругие полушария груди.

Оливия похолодела, ей казалось, что Доминик раздевает ее глазами. Звучавшая в его голосе мрачная насмешка больно задела ее, куда больнее, чем несколько дней назад, потому что сейчас в нем сквозило еще и презрение. Оливия чувствовала себя маленькой и жалкой. Улыбка Доминика стала неприятной.

– Предусмотрительная, практичная, благопристойная и

чопорная... Я вот думаю, Оливия, будете ли вы чопорны с человеком, которого вы любите... с этим Уильямом?

– Уильям?! – воскликнула Оливия вне себя от изумления. Господи, о чем он? – Но это же глупо! – возмутилась она. – При чем тут Уильям?

– Мне любопытно, – продолжал он, словно не слыша ее, – вы рассказывали ему?.. Рассказывали, как я целовал вас? Как я ласкал вашу грудь?

Доминик протянул руку и провел кончиком пальца по ее груди. Оливия испуганно ахнула. И вдруг, к ее стыду и ужасу, по всему телу пробежала волна наслаждения. Соски сразу напряглись и стали твердыми.

– Значит, вы рассказывали ему, как лежали обнаженной перед моими глазами? Рассказывали, что позволили мне ласкать вас? Вы хотели меня, Оливия. Посмейте только сказать, что это не так!

Оливия до боли вонзила ногти в ладони. Его потемневшее от ярости лицо, сверкающие холодные глаза притягивали ее. Казалось, он едва сдерживается.

– Или это была просто игра? Вы дразнили меня? Решили поиграть с бедным цыганом... чтобы потом напомнить ему о том, кто он такой! – На скулах его тяжело заходили желваки. – Вы сами это придумали или на пару с Уильямом?

– Вы говорите загадками! – в отчаянии воскликнула она. – Уильям... при чем тут он? Я ничего не понимаю!

– Почему же он сказал Джону Арнольду, что уже к Рожде-

ству вы станете носить его имя? Почему хвастался, что очень скоро вы будете в его постели?

– Нет... – Голос почти не повиновался Оливии. – Нет, он не мог...

– Как видите, мог. Я сам слышал, как он рассказывал об этом в трактире. По его словам, вы договорились пока держать все в секрете, но очень скоро объявите о помолвке.

Оливия ошеломленно уставилась на него, не веря собственным ушам.

– Для чего же вы лгали мне? – продолжал допытываться Доминик. – Ведь вы мне сказали, что он делал вам предложение, но вы ответили отказом!

– Так оно и было!

– Неужели? А я-то боялся, уж не рассердились ли вы на меня за то, что я позволил себе ласкать вас. – Губы его насмешливо скривились. – Но теперь, похоже, я готов признать, что вы выставили меня полным идиотом! Ну еще бы! Мне казалось, что вы так чисты и невинны... а сейчас я готов голову отдать на отсечение, что уж невинной вас вряд ли можно назвать!

Оливия ахнула. Гнев охватил ее с такой силой, что она, не успев подумать, размахнулась, и в комнате послышался звук пощечины.

Она слишком поздно поняла, что наделала. Слишком поздно до нее дошло, что это было ошибкой. Лицо его потемнело. И прежде чем Оливия успела произнести хоть сло-

во, он рывком притянул ее к себе.

Пальцы Доминика запутались в ее волосах, тяжело легли ей на затылок. Он заставил ее поднять лицо. Губы его впились в ее рот, и она поняла, что попала в ловушку. Его поцелуй был грубым, почти варварским. Доминик и не думал щадить ее. Язык его с силой раздвинул ее губы, проник в рот, терзая, возбуждая, исследуя на вкус каждый уголок. Оливия чувствовала бушевавшую в нем ярость. Она ощущала каменную твердость его бедер... И что-то еще более твердое, тяжелое, пульсирующее, прижалось к ее животу. Руки его стальным обручем обвили ее вокруг нее. Ей ничего не оставалось, как только прижаться к нему всем телом.

Ему стоило немало труда справиться с бушевавшими в нем страстями. Наконец Доминик, слегка придя в себя, отодринулся и заглянул ей в глаза. Оба молчали. На щеке его все еще виднелся багровый след пощечины.

– Нет! – бросил он вдруг низким гневным голосом. – Нет!

Кого он проклинал... Ее? Себя? Оливия не знала. Завороженная огнем, пылавшим в его глазах, она стояла, не в силах сдвинуться с места. Руки и ноги не повиновались ей. Оливия чувствовала, что весь ее мир разваливается на куски.

Она услышала, как он с шумом втянул в себя воздух. На скулах Доминика вздулись желваки, губы сомкнулись. Потом у него вырвалось:

– Уходи и будь проклята! Убирайся!

Оливию будто хлестнули по лицу. Слезы навернулись ей

на глаза. Ей вспомнилось, как только сегодня утром она рассказывала о нем Эмили. Не дожидаясь, пока он снова прикажет ей убираться, Оливия повернулась и выбежала из комнаты. На губах ее все еще горел его поцелуй.

Глава 13

Оливия не сразу пошла домой. Дойдя до деревни, она всернула и спустилась по тропинке к дороге, которая вела в город. Там, на окраине, стоял уютный старый дом, принадлежавший Данспортам.

Дом был двухэтажным, раза в два выше того крохотного коттеджа, в котором сейчас приходилось ютиться им с Эмили.

Семья Данспортов жила здесь вот уже более века. Темно-зеленый плющ карабкался вверх по серым каменным стенам.

Оливия остановилась перед дверью, слегка смущенная тем, что бежавший за ней Люцифер решительно отказывался вернуться домой.

– Люцифер, уходи! – строго сказала она. – Иди домой!

Но пес, высунув язык и преданно глядя ей в глаза, лишь завилял хвостом, а потом, взобравшись на крыльцо, разлегся на верхней ступеньке. Хвост его застучал по полу, и Оливия поняла, что Люцифер твердо намерен дожидаться ее возвращения. Махнув на него рукой, она подошла к парадной двери. Взяв бронзовый молоток, Оливия несколько раз постучала. Послышались шаги, и дверь распахнулась. На пороге стоял Уильям.

– Оливия! – Похоже, он обрадовался. – Как чудесно, что

вы пришли! Входите же, входите! – Закрыв за ней дверь, он провел девушку через прихожую в изящную гостиную. Все в ней было выдержано в коричневых и золотистых тонах.

– Хотите чаю? Нет? Вы уверены? – Как всегда безупречный джентльмен, он заботливо усадил ее в стоявшее у камина кресло.

Оливия была так зла на Уильяма, что меньше всего ей хотелось бы коротать вечерок у камина в его компании. Но она не успела и слова сказать, как Уильям вдруг решительно привлек ее к себе.

– Любимая, вы не заболели? Ваши щеки пылают... О конечно, как это я не догадался! Этот жар, что пылает в крови... – Он попытался взять ее руки в свои.

Но Оливия сердито отдернула их. Ни о каком жаре в крови не было и речи. А если щеки ее пылали, так только от возмущения беспардонностью Уильяма.

– Мне надо вам кое-что сказать, Уильям, – решительно оборвала она его. – Я была бы вам крайне признательна, если бы вы перестали вести себя так, будто мы помолвлены.

– Что? – изумился он, и в глазах его вспыхнул огонек. – Бог с вами, Оливия, я просто не могу взять в толк, о чем...

– Бросьте притворяться, Уильям, – не дала она ему закончить. – Мне все известно.

– Оливия, мне не нравится ваш тон. – Он высокомерно вскинул брови.

– А мне не нравится ваша самонадеянность.

Он кинул в ее сторону свирепый взгляд, но заставил себя успокоиться. На губах его появилась улыбка.

– Ну, извините. Вынужден признаться, я вел себя несколько... э-э... неосторожно.

– Охотно могу в это поверить.

– Да ладно вам дуться, Оливия, – небрежно отмахнулся Уильям. – Почему вас так волнует, что мы не сделали официального объявления о помолвке?

– Нет никакой помолвки, Уильям! И не было! У меня просто нет слов! Что вообще заставило вас сказать такую глупость?

– Что? И вы еще спрашиваете? Разве я не просил пашей руки?

– А разве вы забыли, что я не дала своего согласия?

Лицо у него вытянулось.

– Послушайте, извините, если я неправильно понял ваши слова...

– Так оно и есть, – резко сказала она. – Если вы помните, я никогда не говорила, что согласна выйти за вас замуж!

– Вы говорили, что сейчас не время думать об этом. Поэтому я и решил, что когда-нибудь...

– Никогда, – твердо заявила Оливия. – Думаю, будет лучше, если между нами не останется никаких недомолвок. – Подняв голову, она посмотрела ему в глаза. – Я никогда не давала вам слова стать вашей женой, Уильям! Более того, я, кажется, ясно дала понять, что не хочу этого!

– Откуда вы узнали об этом разговоре? – резко спросил Уильям. Руки его упали. В глазах появился холод. – Кто передал вам мои слова? – В голосе звучала неприкрытая злоба. Прежде чем она успела ответить, он обо всем догадался, и с губ его сорвалось проклятие: – Этот ублюдок! Это ведь он, не так ли? Проклятый «цыган»! – С презрительной усмешкой отстранившись, он поинтересовался: – Поэтому вы так разозлились? Из-за него? Что за дьявол в вас вселился, Оливия? Нам не важно, что он думает.

Нет, важно, прошептал тихий внутренний голос. И когда Уильям протянул к ней руку, Оливия, надменно вскинув голову, отодвинулась.

– Что толку кричать направо и налево, что мы скоро поженимся, если этого никогда не будет? Я ни за что не стану вашей женой, Уильям! Ни за что и никогда! А если вы по-прежнему будете распускать слухи о нашей несуществующей помолвке, то мне ничего не останется, как объявить во всеуслышание, что это неправда и правдой никогда не было! И поверьте, если вы вынудите меня пойти на это, то будете выглядеть полным ослом!

– Вы еще пожалеете об этом! – глухо пробормотал он. Его лицо перекосилось от злобы и стало отталкивающим. – И вернетесь ко мне, Оливия. Приползете на коленях и будете валяться у меня в ногах, умоляя жениться на вас, и вот тогда посмотрим, кто из нас свалил дурака! – На губах его появилась мерзкая ухмылка. – Лучше бы подумали о том, кто еще,

кроме меня, согласится взять вас замуж, когда у вас на руках сестра-калека!

– Спокойной ночи, Уильям, – бросила она через плечо. Подобрав юбки, Оливия направилась к двери. Прошуршали юбки, и дверь захлопнулась.

Руки Уильяма сжались в кулаки. С губ его сорвалось грязное ругательство.

– Клянусь Богом, она мне за это заплатит, – прошипел он, – и заплатит сполна! И не только она, но и он! Проклятый «цыган»!

Эмили никогда еще не приходилось так нелегко. То небольшое время, которое ей удавалось проводить с Андре, она ценила на вес золота: никто до сих пор не берег и не лелеял ее так, как он. Но порой она испытывала почти невыносимую боль. Ведь именно в эти короткие минуты Эмили понимала, чего она лишена... Восхитительный мир света и красок был закрыт для нее навсегда. Она то гадала, не изменилась ли сама за это время, то пыталась представить, как выглядит он.

Острая боль вновь и вновь пронзала ей сердце. Она уж было смирилась с тем, что ей суждено остаться слепой до конца ее дней. Но так было лишь до встречи с Андре. Едва она свыклась с болью, как эта встреча вернула ее.

Только глубоко в душе слабо теплился лучик надежды. Когда Андре подарил ей кристалл, он сказал, что тот облада-

ет волшебной силой. Эмили не расставалась с ним ни днем, ни ночью. Днем носила его в кармане, ночью прятала под подушку. Она часто дотрагивалась до гладкой поверхности и молилась... молилась, как никогда в жизни. Неужели она надеется напрасно?

Как-то раз она проснулась уже после того, как Оливия ушла. Эмили догадалась, что проспала и что уже наступило позднее утро: теплые лучи солнца, пробравшись к ней в комнату, упали на лицо. Эмили открыла глаза и улыбнулась. Ей показалось, что она еще спит: где-то в отдалении слабо мерцал свет. У Эмили захватило дух.

Снова слабое, неяркое мерцание света...

Девушка задохнулась от страха. Крепко зажмурившись, она принялась считать про себя: раз, два, три... Но когда на счет «три» она снова осмелилась приоткрыть глаза, вокруг царил непроглядный мрак.

Ничего, кроме ненавистной, до боли привычной темноты.

Эмили слышала собственные рыдания. Ей так отчаянно хотелось поверить, что в один прекрасный день зрение вновь вернется к ней. Что же случилось? – гадала она. Неужели ей только показалось?..

Свернувшись клубочком на краю постели, Эмили лежала тихо, не в силах заставить себя сдвинуться с места. Должно быть, вскоре она задремала, потому что опять увидела тот страшный сон, в котором раз за разом переживала смерть отца. И этот ужасный цыган с его усмешкой и жуткими черны-

ми, как адская сажа, глазами! Он снова занес дубинку над головой отца, а бедный папа умоляет о пощаде... И вот снова наступает тишина. Страшная тишина, от которой кровь стынет в жилах. Ужас заставляет оледенеть сердце Эмили, ведь она понимает, что отец уже мертв.

Вздрогнув, она проснулась. В комнате было тепло, но ладони Эмили были холодны как лед. Отбросив одеяло, она встала с постели. Даже умывшись и одевшись, Эмили все еще не могла избавиться от дрожи, которая то и дело пробегала у нее по спине.

Оливия позаботилась оставить ей сыр и хлеб, но Эмили не хотелось есть. И когда в дверь постучали и она услышала веселый голос Андре, то полетела к дверям, распахнула их и оказалась в его объятиях.

– Вот уж чего никак не ожидал, – с чуть хриловатым смешком сказал он, нежно убирая с ее лица упавший на лоб золотистый локон. – Чему я обязан... – И вдруг, поспешно приподняв ее лицо, с беспокойством заглянул в незрячие глаза. – Эмили, в чем дело? Вы плакали?

Эмили храбро попыталась улыбнуться. Но, увы, у нее ничего не вышло.

Обхватив за плечи, Андре провел ее в гостиную и осторожно усадил на кушетку.

– Эмили, умоляю вас, расскажите, что случилось? Что-нибудь с Оливией?

– Нет-нет, с Оливией все в порядке. – Эмили очень старалась, чтобы он не заметил, как предательски дрогнул ее голос, но чуткое ухо Андре трудно было обмануть. Он промолчал, но Эмили почувствовала на себе его внимательный взгляд.

– Опять тот же кошмар? Я ведь не ошибся, Эмили? Вам опять привиделся тот сон?

Что толку было отрицать? Эмили устало кивнула.

С губ Андре сорвалось проклятие.

К стыду Эмили, слезы вновь навернулись ей на глаза. И хотя в душе она презирала себя за слабость, но ничего не могла поделать.

– Прошу вас, не сердитесь на меня, Андре! Пожалуйста... Умоляю вас, я этого не вынесу!

– Эмили, Бог с вами! Я вовсе не сержусь! – Голос его внезапно смягчился, и, взяв ее руки в свои, он нежно сжал маленькие ладони. – Но этот кошмар... В последнее время он все чаще преследует вас по ночам, и я это вижу. Да вспомните сами, хотя бы на этой неделе... Он приснился вам... сколько раз? Трижды?

– Четырежды, – тихонько пробормотала она.

– Но этого нельзя допускать! – вырвалось у него нетерпеливое восклицание. – Нельзя же все держать в себе, принцесса! Не знаю... может, вам станет легче, если вы кому-нибудь все расскажете... Мне, например.

Эмили заколебалась. Снова пережить тот ужасный день,

когда на глазах погиб отец? Все в ее душе восставало против этого! Но может быть, он прав? О, если бы она только знала! Но ей было известно лишь одно: теперь она боялась... боялась приближения ночи... боялась сомкнуть глаза и снова увидеть все тот же сон! У нее вырвался долгий прерывистый вздох.

– Это так... так трудно, – призналась она. – Я никому не рассказывала об этом, даже Оливии.

Он сжал ее руки.

– Не думаю, что будет хуже, чем сейчас. Иногда воспоминания тоже лечат, – тихо и серьезно сказал Андре. – Просто попробуйте, хорошо? А если вам станет тяжело, вы всегда сможете остановиться, я обещаю.

– Андре, вы не понимаете. – Губы Эмили задрожали. – Этот кошмар... это не просто сон. Это все случилось на самом деле.

Взгляд Андре остановился на ее лице.

– Так я и думал, – прошептал он. Сделав глубокий вдох, он молил только о том, чтобы не совершить ошибку. – Прошлой ночью... вы умоляли кого-то не причинять вред вашему отцу.

Плечи Эмили поникли. Да, воспоминания о том, что случилось в тот страшный день, терзали ее до сих пор, причиняя невыносимую боль. Может, Андре прав? И, рассказав об этом, она и в самом деле сможет наконец забыть? Она не знала. Впрочем, в одном он был точно прав: хуже действительно не будет. Это и заставило ее решиться.

– Хорошо, – бесцветным, лишенным жизни голосом произнесла она. – В тот день мы с папой ехали через лес. Возвращались домой от миссис Чайлдресс, которая была тяжело больна. И вдруг прямо перед нами на дороге появился человек. Он помахал, чтобы мы остановились. Конечно, папа так и сделал, наверное, решил, что бедняга болен или ранен. Но этот человек... – Она содрогнулась. – ... Он потребовал, чтобы папа отдал ему лошадь. Папа отказался и хотел проехать мимо. Но тот схватил лошадь под уздцы и попытался столкнуть нас обоих на землю... Я упала... и ударилась головой. Не помню, обо что – наверное, это был придорожный камень. – Эмили затрясла головой. Помолчав, она снова заговорила, но так тихо, что он едва разбирал слова: – Дальше я плохо помню... голова болела невыносимо. Мне... мне показалось, что папа старался помешать ему увести лошадь. А потом я услышала, как папа зовет на помощь... просит пощадить нас. Все плыло у меня перед глазами... Я почти ничего не видела.

– Именно тогда вы и потеряли зрение?

– Нет. Это случилось на следующий день. Я проснулась... вокруг была темнота.

– Как странно, – прошептал Андре, хмурясь. – А потом?

– Мне показалось, между ними завязалась драка, – сделав усилие, продолжила Эмили. – Папа упал на землю. А этот человек поднял над головой дубинку... – Голос ее задрожал. – Он ударил его, Андре! Раз, другой... Я даже не помню, сколько раз! Он просто бил и бил!

Андре оцепенел. Кровь Христова! Она все это видела! Отца убили у нее на глазах! Что ж тут удивляться, что бедную девочку по ночам преследуют кошмары!

– Я пыталась помешать ему, но... не могла двинуться! У папы вся голова была в крови... – Эмили беззвучно заплакала, содрогаясь всем телом. – А он все бил и бил... пока папа уже не мог кричать!

Андре больше не колебался. Он крепко обнял ее и прижимал к себе, пока не почувствовал, что она перестала дрожать.

– А тот, кто это сделал, Эмили... Его схватили?

– Его повесили, – кивнула она, и пушистый светлый локон коснулся его подбородка.

– Только негодяй мог совершить такое! – воскликнул Андре, ласково баюкая ее, словно испуганного ребенка.

– Я знаю, Андре. Это был цыган.

– Цыган?! – Андре застыл.

– Да. Все они попрошайки и воры. Я... я ненавижу их! Всех ненавижу, всех! – вырвался у нее крик.

В этом он и не сомневался.

Андре казалось, будто у него под ногами разверзлась земля. Слова Эмили словно отравленный кинжал пронзили ему сердце. И некого было винить, кроме себя. Он сам уговорил ее рассказать о том, что не давало ей покоя.

«Вот и получай!» – с горечью подумал он. Боже, чего бы он только не дал, чтобы этого не было!

Он все еще держал ее в объятиях, рассеянно поглаживая по голове, но глаза Андре были полны горечи. Сердце его ныло. Эмили так отчаянно мечтала о том, чтобы зрение вернулось к ней... и он тоже хотел этого всей душой. Как можно скорее... Еще до того, как его табор снимется с места. Но если это случится...

Тогда она возненавидит его... возненавидит навсегда!

Глава 14

Тягостная сцена с Домиником сделала свое дело – Оливия почти лишилась сна. Но прошло несколько дней, прежде чем она осознала, как ужасно поступила.

Она никогда бы не решилась дать Доминику пощечину, если бы могла предположить, что за этим последует... А теперь воспоминание о его поцелуе не давало ей покоя. Она ли во всем виновата? Или он? Может, сама того не желая, она спровоцировала его? Но ведь и оскорбление было жестоким... Впрочем, Оливия до сих пор не находила себе места, вспоминая, что осмелилась ударить его. Если бы она не вышла из себя... но ведь это совсем на нее не похоже. Просто Оливия никогда в жизни еще не была так зла... Кажется, и Доминик тоже.

Как странно... Почему он так рассердился? Не все ли ему равно? Наверное, нет. Или да?.. Нет, не похоже, чтобы он питал к ней нежные чувства. Должно быть, он давно уже утешился в объятиях какой-нибудь цыганки... Иветты, например. «Да ты слепая, моя дорогая, – тихо шепнул внутренний голос, – ведь он приревновал тебя к Уильяму!» Да, подумала Оливия, если бы не это, ничего вообще не случилось бы. И не было бы этого досадного происшествия. «Досадного? – хихикнул снова тот же голос. – Стоит ли лицемерить? Ведь ты просто наслаждалась, когда его горячие губы прижались

к твоим губам!»

Снова и снова Оливия вела этот нескончаемый спор. И все это время она старательно избегала Доминика. Не зная, как держать себя с ним, она была счастлива уже оттого, что он не указал ей на дверь. Увы, Оливия не могла позволить себе роскошь уйти из его дома. Конечно, благодаря его щедрости ей удалось отложить немного денег на поездку в Лондон, но их едва ли хватило бы, чтобы продержаться вдвоем с Эмили достаточно долго. И все-таки у нее были все основания предполагать, что он недоволен. Когда пару раз они случайно столкнулись в коридоре, он даже не попытался заговорить с ней. Взгляд его потемневших глаз пугал ее. Она чувствовала его постоянно, хотя и не находила в себе мужества поднять на него глаза. По правде говоря, Оливия ощущала взгляд этих похожих на льдинки синих глаз, даже когда не видела его. А холодное презрение Доминика, будто колючий, пронизывающий ветер, заставляло ее покрываться мурашками.

Даже погода, казалось, способствовала этому. Угрюмые серые облака затянули небо, и холодный дождь вот уже третий день подряд поливал всю округу.

Вся прислуга в доме сбилась с ног, готовясь к предстоящему балу. Миссис Темплтон, казалось, была вездесуща: как хлопотливый муравей, она сновала по всему дому. Даже Франклин, обычно такой невозмутимый, суетился изо всех сил. У Оливии всю неделю не доходили руки проверить сче-

та Доминика. Именно Франклин, вспомнив об этом, попросил ее заняться ими. Острое чувство вины охватило Оливию. Она смущенно пробормотала какие-то извинения. Но если откровенно, не только масса свалившихся на нее дел была тому причиной. Она просто-напросто боялась столкнуться с Домиником. Но сегодня по крайней мере можно было этого не бояться. Оливия случайно услышала, как Франклин упомянул, что хозяин приглашен на обед к Бомонтам – соседям, жившим в нескольких милях от Рэвенвуда.

Всю неделю напролет слуги наперебой сплетничали по поводу приглашений, которые рассылал граф. Все в округе знали, что Джон Бомонт подыскивает жениха для своей дочери – белокурой красавицы Элизабет. Слуги были убеждены, что именно их граф станет мишенью для преследования старого Бомонта. Цыган или нет, но граф был самым завидным женихом в округе. А с приданым Элизабет, да если она еще станет графиней, можно было не сомневаться, что молодая чета займет блестящее место в лондонском свете.

Слухи докатились и до Оливии, и она ощутила боль в сердце. Все валилось у нее из рук. Да и могло ли быть иначе, если ее мысли были прикованы к Доминику... и Элизабет Бомонт? Оливия ничего не могла с собой поделать. Что, если белокурая красавица очарует Доминика? Ей казалось, что она сходит с ума.

В доме все стихло, когда наконец Оливия проскользнула к кабинету. Большинство слуг уже отправились на покой. Свет

в кабинете не горел. Оливия на цыпочках подошла к столу зажечь лампу, потом повернулась, чтобы закрыть дверь.

Хриплое проклятие прозвучало неожиданно.

Оливия оцепенела. Она едва сдержала крик, когда перед ней вдруг возникла мужская фигура.

Доминик!.. Оливия невольно схватилась за грудь, где отчаянно билось сердце.

– Господи... а я думала, вы уехали к Бомонтам.

– Именно поэтому вы и пришли... рассчитывали, что меня нет. Как это лестно, мисс Шервуд! Простите, если разочаровал вас, но Джон Бомонт предупредил, что жена его внезапно заболела. Так что обед отменили.

Оливия украдкой бросила на него взгляд из-под опущенных ресниц. На Доминике были бриджи и покрытые пылью сапоги для верховой езды. Простая белая рубашка расстегнута почти до пояса, открывая широкую, поросшую полосами грудь. Безошибочный инстинкт подсказал ей, что следует быть настороже: во всем облике Доминика было что-то странное.

Впрочем, ничего удивительного. В руке он сжимал хрустальный бокал, а графин, в котором обычно подавали бренди, стоял пустой на столике возле обитого бархатом кресла.

Доминик, без сомнения, заметил выразительный взгляд, который Оливия бросила на пустой графин, и губы его скрипились в язвительной усмешке. Глаза его были воспалены.

– Вы пьяны, – пробормотала она и тут же запнулась.

Доминик повернулся, и взгляд Оливии упал на портрет его отца.

Холст был изрезан в клочья, словно нож снова и снова вонзался в него.

– Боже милостивый! – пролепетала она. – Кто... – И запнулась: ответ был очевиден. Об этом говорил гнев, горевший в глазах графа. Она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, потрясенная тем, что он способен на такую свирепую ярость. – Вы пьяны, – гневно повторила она, – иначе вы никогда бы так не поступили...

– Да, вы правы. Выпил я немало. Однако, уверяю вас, даже протрезвев, я вряд ли пожалею о том, что сделал. Честно говоря, я счастлив, что наконец решился на это, по крайней мере теперь не придется все время чувствовать на себе взгляд этого ублюдка. – Оборвав себя, он с притворным смирением добавил: – Ах, прошу прощения! Совсем забыл, что ублюдок именно я!

«Нет, он просто невыносим!» – разозлилась Оливия.

– Как вы могли это сделать? Вы... вы никого не уважаете! Не уважаете и не любите! Вам ни до чего и ни до кого нет дела!

– Ах, вот вы как считаете? Да неужели? – Доминик с размаху швырнул бокал в камин, и тот со звоном рассыпался хрустальным дождем. Он шагнул к ней. Сейчас Доминик был так близко, что глаза его жгли Оливию. – Вы ошибаетесь! – хрипло сказал он с каким-то непонятным ожесточением. –

Мне есть дело... до вас!

Оливия растерянно заморгала.

– Что, не верите? – Он закусил губу. – Однако это правда. И черт меня подери, если я не жалею об этом!

– Что вы хотите этим сказать?.. – едва смогла выговорить Оливия, у которой внезапно пересохло во рту.

– Сами знаете, – сдавленным голосом произнес он. Жаркий взгляд впился в ее губы. На мгновение она перенеслась мыслями в прошлое, вспомнив его поцелуй, и вся затрепетала. Но грубая реальность заставила ее очнуться.

– Не могу поверить в это, – покачала она головой. – Откровенно говоря, я вообще не верю, что вы способны на какие-либо чувства, кроме ненависти к собственному отцу.

– Поверьте в это, Оливия, клянусь вам! Разумеется, нам трудно понять, но именно он никогда не дал бы мне забыть, что я... цыган!

Сердце Оливии сжалось. Он весь дрожал, как туго натянутая струна. Даже воздух вокруг них, казалось, сгустился, будто перед грозой. Все негодование Оливии вдруг исчезло.

– Вы говорите об этом так, будто цыганская кровь – это проклятие, – медленно проговорила она. И, замявшись, продолжала: – Почему вы так ненавидите его? Почему? Ведь в конце концов он же ваш отец!

– А, так теперь вы на его стороне? Против... против меня? – Лицо Доминика исказилось от ярости. – Вы смеете осуждать меня... хотя вам ничего не известно. Ну так я расска-

жу вам! Расскажу о человеке, которого вы называете моим отцом. О Джеймсе Сент-Брайде... Еще мальчишкой я узнал о том, как он выгнал мою мать, узнав, что она носит под сердцем ребенка, его ребенка! И когда он наконец пришел за мной, она, моя мать, сказала мне, что пришло время вернуться к нему... к Джеймсу Сент-Брайду!

В отдаленном уголке сознания Оливии промелькнула мысль о том, что он никогда не называет старого графа «отец»... только «Джеймс Сент-Брайд».

– Он отправил меня в Йоркшир, в закрытую школу, куда состоятельные люди вроде него посылали своих незаконно-рожденных отпрысков.

– Но ведь он сделал вас своим наследником...

– Просто у него не было выбора. Три жены – и ни одного ребенка! Только когда он умер, я узнал, что он узаконил меня еще до того, как приехал в табор. Он не удосужился даже намекнуть на это матери... лишь потому, что это обрадовало бы ее. Он думал о титуле... о своем состоянии... да о чем угодно!.. только не обо мне! Сколько раз я убежал из школы! И каждый раз он привозил меня обратно. В конце концов, во избежание очередного скандала он был вынужден вернуть меня домой и приставить ко мне учителя, поскольку намеревался сделать из меня образованного человека. Такого же, как он, истинного джентльмена. Своего наследника! – В голосе его звучала неприкрытая горечь. – И ни разу за все эти долгие годы... слышите, ни разу... он даже не дотро-

нулся до меня! И никогда не упустил случая тем или иным способом дать мне понять, что я никогда не стану таким, как мои сверстники, – гаджо! Он был суров и жесток, а я... я вечно бунтовал против него! Сколько раз мой несчастный наставник жаловался ему, что я отказываюсь заниматься, что я глуп и упрям и даже не умею читать. Господи, наверное, мне надо радоваться, что он по крайней мере меня не бил! Впрочем, у него были другие, не менее жестокие способы наказания: слова его хлестали меня куда сильнее, чем кнут! В его глазах я был всего лишь мерзким крысенком... цыганским отродьем. Бог свидетель, сколько раз он так меня называл!

Оливия слушала, холодея от ужаса. Господи, в отчаянии думала она, как можно быть таким жестоким к собственному сыну... своей плоти и крови... к ребенку?

– Он никогда не привозил меня сюда, в Рэвенвуд, в дом своих предков. Конечно, я понимал почему: привезти сюда значило признать меня, признать, что я плоть от плоти его сын... Но я никогда не был его сыном! Во всяком случае, в его глазах. Я попытался вернуться назад, в табор, но обнаружил, что все изменилось. Я уже не мог отказаться от многого из того, чего не было у цыган. И мне казалось, что и предал... предал свой народ!

Лицо Доминика потемнело, исказилось, словно от нестерпимой боли.

– Когда мне исполнилось пятнадцать, – продолжал он, – я получил весточку от матери. Она была тяжело больна. Но он

не разрешил мне повидаться с ней. Он запер меня в комнате. А потом... потом я узнал, что она умерла. Умерла совсем одна... Цыгане верят, что никто не должен умирать в одиночестве. И за этот поступок я ненавижу его больше всего!

Слезы подступили к глазам Оливии, слезы, которые она едва могла сдерживать. Доминик, несомненно, обожал свою мать. Теперь ей стали понятны глубина и причина его жгучей ненависти к отцу. Сердце ее разрывалось от боли. «Ни разу за все эти долгие годы... ни разу он даже не прикоснулся ко мне» – вспомнила она слова Доминика. Безжалостный отец обрек сына на жизнь, полную страданий. Впервые она сумела разглядеть в Доминике обиженного и одинокого ребенка.

– Когда он умер, я хотел... видит Бог, как я этого хотел!.. плюнуть на все, отказаться от проклятого наследства, сбросить личину, которую он навязал мне! Но к тому времени было ясно, что назад пути нет. Мне пришлось сделать выбор. Тот адвокат из Стоунбриджа, Роберт Гилмор, возненавидел меня просто за то, что в моих жилах течет кровь цыган. Но и цыгане не принимали меня потому, что во мне есть кровь ненавистных им гаджо. Меня проклинали и те и другие. Как-то раз я попросил вас, Оливия, взглянуть на меня, сказать, кого вы видите. Но вы не ответили мне. Впрочем, я бы и сам не мог ответить на этот вопрос. Кто же я? Цыган, отбившийся от своего племени? – Горький смех слетел с его губ. – Или гаджо, так и не нашедший свой народ? Изгой... – Кивком он указал на изрезанный портрет. – Вы такая же, как

он, Джеймс Сент-Брайд. Он никогда не давал мне забыть о том, кто я есть. Как и вы.

Дыхание у нее пресеклось. «Нет! – хотелось ей крикнуть. – Нет!» Вместо этого, сдержав себя, она попыталась объяснить:

– Вы не понимаете. Это не так...

– Неужели? Будьте честны со мной, Оливия. Признайтесь, вы же презираете меня! Презираете только за то, что я цыган! Так скажите это! – Лицо его окаменело. – Скажите!

Оливия слегка покачала головой. Да, ей пришлось пережить страшную трагедию, смерть отца и беду Эмили, но детство ее было счастливым. Она помнила дни, до краев наполненные смехом и любовью. А детство Доминика было одной долгой чередой горя.

– Я не могу... – Сердце ее болезненно сжалось. – Потому что я так не думаю.

Доминик молчал. Губы его сурово сжались, превратившись в тонкую прямую линию. «О чем он думает?» – гадала она, украдкой поглядывая на его гордый чеканный профиль, твердую линию широких плеч. Не сознавая, что делает, она вдруг потянулась к нему.

Железные пальцы сомкнулись на запястье, удерживая ее. Оливия подняла к нему лицо, и он увидел слезы, блестевшие в ее глазах. Суровое лицо Доминика потемнело.

– Не надо, – прохрипел он, – не смейте меня жалеть! Слышите?

Сердце Оливии пронзила острая боль. Господи, ну почему он так смотрит на нее... будто не верит ни единому ее слову?

Комок встал у нее в горле. Странная неуверенность овладела ею. Инстинкт, редко обманывавший ее, подсказывал, что ей лучше уйти. Но более сильное, неудержимое чувство, названия которому она не могла найти, удерживало ее на месте. Оливия вдруг поняла, что не может оставить его. Особенно сейчас. Во рту у нее снова пересохло.

– То, что я испытываю к вам, не жалость, – с трудом выговорила она.

Глаза Доминика вспыхнули.

– Зачем вы явились сюда? – звенящим голосом спросил он. – Отправляйтесь домой, к вашему возлюбленному Уильяму!

Сердце Оливии заныло. Может, он вправду добивается, чтобы она ушла? Но ей лишь сегодня впервые удалось заглянуть в его душу и понять, как страшно он одинок. Сильный, высокомерный, гордый... и в то же время такой уязвимый. Теперь она готова была проклясть Джеймса Сент-Брайда за ту рану, которую он нанес своему сыну, рану, перед которой время было бессильно и которая скорее всего никогда не затянется. А если это и случится, то очень не скоро.

– Я не люблю Уильяма, – прошептала Оливия, слегка склонив голову.

В его глазах вспыхнул огонек. Одним быстрым, звериным движением Доминик метнулся к ней. Оливия и ахнуть не

успела, как он сжал ее в объятиях.

– Поклянитесь! Поклянитесь, что это так!

Время, казалось, остановилось. Оливия, как замороженная, не могла оторвать глаз от шеи Доминика, видневшейся в распахнутом вороте рубашки. Вдруг она поймала себя на том, что умирает от желания вновь почувствовать его губы на своих. Она с трудом проглотила вставший в горле комок.

– Клянусь! – воскликнула она, а затем решительно добавила: – Я никогда не любила Уильяма! И никогда не полюблю!

Ее пылкая речь словно выпустила на волю его чувства. Доминик, склонив голову, взглянул ей в глаза. В его глазах горел такой огонь, что по спине Оливии пробежала дрожь. Все вокруг мгновенно изменилось.

Его руки с неистовой силой сжались вокруг нее. Оливия вскрикнула, но губы Доминика приникли к ее губам, словно скрепляя печатью молчаливую клятву. Поцелуй был болезненным, почти яростным. Он как будто старался наказать ее, но наказал самого себя. Разум Доминика тонул в навеянном парами бренди тумане. В последний раз в глубине сознания вдруг мелькнула мысль о том, что надо заставить ее уйти, но тут же исчезла. «Негодяй! – еще успел он с отвращением подумать про себя. – Как ты смеешь так поступать с ней?! Прогони же ее, пока это еще возможно». Оливия едва сдерживала подступавшие к глазам слезы. Накричи он на нее, скажи какую-нибудь грубость, и она убежит, как это уже

случилось однажды! Но тогда она возненавидит его, а одна эта мысль приводила Доминика в бешенство. Нет, пусть все летит к черту! Страсть сжигала его, сводила с ума. Доминик хотел ее. Он хотел ее с той минуты, когда нагнулся над ней, лежавшей у дороги и перепуганной до смерти при виде Люцифера. Неутоленное желание доводило его до неистовства. Нет, будь что будет, но в эту ночь он примет все, что она захочет ему дать.

Так и случилось. Доминик почувствовал, как, отвечая на его призыв, дрогнули ее губы, и понял, что пропал. Оливия приоткрыла рот, будто приглашая его, и Доминик обезумел. Языки их жадно сплелись, и дрожь пробежала у него по спине. С хриплым стоном он обхватил ладонями ее лицо, и волосы Оливии шелковистым дождем заструились меж его пальцев, окутав ей спину плащом.

Невероятным усилием воли он заставил себя оторваться от ее губ и, отстранившись, посмотрел на нее. Губы Оливии, чуть припухшие и влажные от его поцелуев, нежно розовели. Она подняла на него глаза, и длинные темные ресницы, еще влажные от слез, затрепетали. В ее взгляде он прочел неприкрытое желание и едва сдержал стон. Неужели она не понимает, о чем просит? Нет, скорее всего нет. Но зато он хорошо понимает.

– Поцелуй меня, – прошептал он хриплым от едва сдерживаемого желания голосом. И она послушалась, покорно прильнув губами к его губам. Доминик с трудом сглотнул:

это было больше, чем он мог выдержать. Такого не вынес бы ни один мужчина. Его дыхание обожгло губы Оливии, а руки тяжело легли ей на плечи и поползли вниз, стягивая платье до талии. Затем настала очередь рубашки, и Доминик услышал сдавленный вскрик Оливии и ее прерывистое дыхание. Взгляд Доминика упал на ее обнаженную грудь, и глаза его потемнели от страсти. В свете лампы кожа ее отливала перламутром. Полные, восхитительно округлые груди были увенчаны тугими розовыми бутонами. Краем глаза он заметил, как Оливия стыдливо отвела глаза в сторону. Не ускользнула от его взгляда и краска, которая вдруг бросилась ей в лицо.

Доминик потянулся к ее соскам, и Оливия чуть слышно ахнула, когда они мгновенно напряглись и, казалось, сами прыгнули ему в руки. Стиснув зубы, Доминик еще пытался справиться с безумным желанием, но знал, что проиграет. Сжав руками ее плечи, он опустился на пол, потянув ее за собой.

Дыхание его стало тяжелым и хриплым, в жилах кипела кровь. Он кое-как расстегнул бриджи, и его копье тяжело легло ему на ладонь. Пальцы Доминика сомкнулись вокруг напряженной плоти, коснулись пылающей головки, и он чуть не закричал от терзавшей его дикой боли. Близость Оливии лишала его разума. Он сгорал от желания овладеть ею, глубоко вонзить свое копье в ее тугую плоть. Сегодня, твердо решил он, сегодня он найдет исцеление, избавится наконец от своих мук и в нежном лоне Оливии найдет долгожданный

рай. Казалось, и она понимала это.

Оливия почувствовала, как рука Доминика, пробравшись под платье, нетерпеливо скользнула вверх по ее бедру, поднимая юбки до талии. Ее сердце, гулко застучав, ухнуло вниз. Девушка просунула ладони в вырез его рубашки и ощутила под рукой гладкую кожу, под которой перекачивались упругие мышцы. Она вся дрожала. Томительное желание стать еще ближе к нему... слиться с ним воедино стало неодолимым.

Доминик коленом раздвинул ей ноги, и Оливия почувствовала, как что-то горячее, бархатисто-твердое коснулось самого сокровенного места. Она вздрогнула, когда пальцы Доминика осторожно развели нежные лепестки, прикрывавшие узкую щель, и бедра ее конвульсивно сжались. Должно быть, он почувствовал это. Губы Доминика нежно прижались к ее шее, где лихорадочно бился пульс.

– Я не сделаю тебе больно, Оливия, поверь мне... – услышала она его задыхающийся шепот.

Доминик поднял голову, и она увидела его горящие страстью глаза. Оливия с бессознательной нежностью коснулась кончиком пальца твердых очертаний красивого рта. Бедра ее раздвинулись будто сами собой.

Он закрыл глаза и слегка сжал пальцами ее соски.

Оливию словно опалило огнем. Жаркая волна накрыла ее с головой.

Она судорожно вздохнула и хрипло застонала. Пальцы ее

с силой впились в обнаженные плечи Доминика и скользнули вниз, царапая его спину.

Услышав, как она вскрикнула, Доминик оцепенел. Короткое мгновение он лежал совершенно неподвижно... но было уже слишком поздно. Плоть его тяжело и жарко вдавилась в ее тело, и он понял, что не сможет остановиться. «Господи, прости меня!» – взмолился он. Тугая плоть Оливии уже сжалась вокруг его напряженного копья, унося остатки его самообладания, и Доминику ничего не оставалось, как подчиниться зову страсти. Забыв обо всем, он глубоко вонзился в нее, погрузив свое копье в ее жаркую нежную плоть, и страсть, закружив, понесла его туда, где ждало наслаждение.

Закрыв глаза, Оливия молилась о том, чтобы терзавшая ее нестерпимая боль исчезла... и почти не удивилась, когда это вдруг произошло. Доминик все глубже и глубже вонзался в нее, губы, горячие и требовательные, терзали ее рот. Дыхание его чуть заметно отдавало бренди. Казалось, он совсем обезумел, и Оливия крепко прижалась к нему, подчиняясь бешеному порыву страсти, который уносил их обоих.

В отдаленном уголке сознания Доминика еще мелькнула мысль о том, что он должен остановиться. Господи, чуть не застонал он, если бы он мог! Но она была такой сладкой! Доминик чувствовал, что освобождение близко. Его движения становились все более яростными. Тяжелыми, короткими толчками он все глубже проникал в ее лоно.

И когда это случилось, Доминику показалось, что его те-

ло взорвалось. Волна за волной слепящее, невысказанное наслаждение накатывало на него, и, запрокинув голову, он закричал.

Дрожь пробежала по всему его телу, затем оно расслабилось. Только когда пальцы Оливии заскользили по его груди, путаясь в черных курчавых волосках, Доминик очнулся и снова потянулся к ее рту. И вдруг почувствовал на губах что-то соленое. Слезы...

Это было последнее, о чем он подумал, прежде чем провалиться в сон.

Глава 15

Очнулся Доминик в своей спальне. Он лежал ничком на постели. Наверное, был уже день, поскольку из-за портьер пробивался слабый свет. Он слегка пошевелил головой и тут же горько пожалел об этом. Боль железным кольцом сдавила ему виски. Доминик затих и закрыл глаза, надеясь снова уснуть.

Но его попытка не увенчалась успехом. Боль в висках сделалась нестерпимой. Но еще ужаснее было смутное сознание, что вчера он сделал что-то страшное, непоправимое, о чем будет долго жалеть. С хриплым стоном Доминик перевернулся на спину, уставившись мутным взглядом на пурпурный балдахин над кроватью.

Он не помнил, как добрался до постели. Последнее, что осталось в его памяти, это смутное воспоминание, как он сидел в кабинете, а дальше пустота... Только неосознанное чувство вины и дикого, сверхъестественного наслаждения... ощущение нежных губ под его губами... потом мрак. Господи, подумал он, что за сон!

Застонав, он с трудом заставил себя сесть. Пробуждение было ужасным, и Доминик, спуская ноги с постели, в приступе раскаяния дал себе слово никогда так не напиваться, как прошлой ночью. Если бы еще не этот сон! Подхватив валявшуюся рядом одежду, он мрачно прошлепал к умываль-

ному тазу.

Там на стене висело большое овальное зеркало. Доминик мутным взором уставился на свое отражение и замер: пять красных царапин отчетливо протянулись вдоль его плеча. Только тогда он, холодея от ужаса, заставил себя опустить глаза вниз. На его мужской плоти следы крови – неопровержимые свидетельства того, что случилось ночью.

Эта кровь могла означать только одно...

Голова его дернулась, сдавленный стон ударом молота отдался в затуманенном мозгу. Оливия, вдруг понял он. Боже милостивый, Оливия! Это был не сон! Все случилось на самом деле.

Доминика захлестнули воспоминания. Маленькие руки, впившиеся в его плечи... Нежное тело, сладостно трепетавшее в его руках... Соленая влага под его губами. Его вдруг охватил панический ужас. Она плакала!

Липкие пальцы страха стиснули ему горло. Господи, неужели он причинил ей боль?! Она ведь такая крошечная. Губы Доминика скривились от отвращения к самому себе. Он вдруг вспомнил, как, обезумев, раз за разом вонзался в нее, и хрипло застонал.

Какого дьявола она позволила ему?.. Почему не остановила?.. «Идиот! – яростно пробормотал он про себя. – Это ты во всем виноват! Ты был пьян, как последняя скотина!» К горлу подступила тошнота. Она была девственницей, а он!.. Ни ласки, ни нежности... Пьяное животное, он грубо овладел

ею, не думая ни о чем, кроме удовлетворения собственной страсти!

Какой дьявол вселился в него? Господи, да ведь он взял ее прямо на полу... как последнюю шлюху!

Мысли вихрем закружились у него в голове. Жгучий стыд, раскаяние... И тут новая волна ослепляющего желания, несмотря на ужас от содеянного, захлестнула его. Холодный страх стиснул сердце Доминика. Что, если теперь она возненавидит его? Неужели отныне он будет читать в ее глазах только отвращение, смешанное со стыдом и страхом? Одна мысль об этом была невыносима.

Затем в его сознании всплыло воспоминание о маленьких пальцах, нежно ласкавших его затылок, когда он, опустошенный, без сил, упал на нее и затих, уткнувшись лицом и нежную ямку у ее шеи.

Этого он не мог понять.

Помотав головой и вздрогнув от накатившей боли, Доминик крикнул, чтобы принесли горячей воды. Сегодня у Оливии выходной. Значит, она будет, как обычно, учить грамоте деревенских детей. Если он поторопится, то сможет увидеть ее...

Господи, простонал он, а даже если так, что ему сказать?

Когда он наконец появился в деревне, время уже близилось к обеду. Небо впервые за последние несколько дней прояснилось, лишь легкие облачка плыли к горизонту. Было тепло.

Подковы Шторма тяжело зацокали по деревянному настилу моста через реку. И Доминик машинально отметил про себя, что до воды всего несколько футов.

Он был уже на окраине Стоунбриджа, когда вдруг тишину разорвал дикий вопль. Бросив взгляд через плечо, он заметил людей, опрометью бежавших к реке. Какой-то мужчина, выскочив из лавки, присоединился к возбужденно жестикулировавшим у дверей женщинам. Они указывали в том направлении, куда бежали люди. Там, где река разделяла деревню надвое, было нечто вроде тихой заводи. Но теперь, вздувшись и выйдя из берегов после недавних дождей, мутные, коричневатые от грязи воды свирепо бурлили.

Снова послышался крик... Вне всякого сомнения, кричал ребенок. Что за дьявол? – озадаченно подумал Доминик. Нахмурившись, он привстал в седле...

То, что он увидел, заставило его оцепенеть от ужаса. Две крохотные головки то появлялись, то пропадали среди волн. Он заметил, как мелькнула рука.

Выругавшись сквозь зубы, Доминик понял, что ждать больше нельзя, и, спешившись, ринулся к берегу. Забыв обо всем, он бросился в воду.

* * *

В то время как Доминик, мучительно продираясь сквозь лихорадочные обрывки памяти, пытался припомнить, что же

произошло, Оливия изо всех сил старалась забыть... Однако, как она вскоре убедилась, легче было хотеть этого, чем сделать.

Ей так и не удалось забыть его слова: «Кто же я? Цыган, отбившийся от своего племени? Или гаджо, так и не нашедший свой народ?» Сердце ее болезненно сжалось. Джеймс Сент-Брайд, ни разу не поднявший руку на сына, тем не менее был жестоким чудовищем. Его слова причиняли куда более жгучую боль, чем кулаки, они оставили незаживающие раны в чувствительной детской душе. Теперь мальчик стал мужчиной... Но он все равно страдал.

Он не был ни цыганом, ни гаджо. Он был человеком, потерявшимся между двух миров.

Оливия уже не удивлялась тому, что он испытывает такую черную ненависть к собственному отцу. Эта ненависть, словно злое язва, разъедала его. И если он не сможет избавиться от нее сейчас, жизнь его будет отравлена навсегда.

Ей до сих пор не удалось разобраться в тех чувствах, что нахлынули на нее прошлой ночью. Она испытала нестерпимую боль при виде того, как страдает Доминик. Но сейчас ей казалось, что было бы лучше, если бы он и не вспомнил о том, что произошло.

Такое не должно повториться, твердила Оливия. Тогда она сможет забыть... Мучительная боль стиснула ее грудь. Если бы она только знала, как это сделать!

Мысли ее витали далеко. И когда Джейн дважды задала

ей один и тот же вопрос, Оливия окончательно в этом убедилась. Закрыв книгу, которую читала вслух, она с трудом заставила себя улыбнуться.

– Боюсь, дети, у меня разболелась голова. Закончим сегодня пораньше, хорошо? А кроме того... – Она обвела взглядом полдюжины детских лиц. – ... Кстати, а где остальные?

– У Гвинетт заболела мать, и она ухаживает за ней, – поспешно объяснила Джейн. – А Томас с отцом уехал в Йорк.

– А Генри с Джонни строят плот, – вмешался Колин. – Я им тоже помогал, – горделиво добавил он.

Массируя затылок, Оливия поднялась. За последние несколько дней Колин явно избавился от своей постоянной стеснительности. И хотя Оливия сомневалась, что он когда-нибудь станет таким же неудержимо болтливым, как его мать, Колин ей нравился. Это был славный, неглупый мальчуган, от щербатой улыбки которого на сердце у нее становилось теплее.

– Неужели? Ну тогда, должно быть, плот вышел на славу!

– Точно, – с энтузиазмом заявил он. – Джонни сказал, что доплывет до Китая и обратно!

– Ну еще бы, – заставив себя улыбнуться, проговорила Оливия. – Только, надеюсь, они опробуют его здесь, прежде чем пускаться в настоящее плавание.

– Само собой, – важно кивнул Колин и, обернувшись, ткнул пальцем в сторону реки: – Вон они!

Оливия, прикрыв глаза рукой, взглянула на реку. Так и

есть, Джонни и Генри уже оттолкнулись от берега и теперь балансировали посреди неуклюжего сооружения из веток и грубо обтесанных бревен. Крик застрял в горле Оливии: река, обычно такая спокойная, сейчас предательски бурлила. Прямо у нее на глазах бушующий поток потащил плот за собой.

– О святое небо! – вырвалось у Оливии.

Как сквозь пелену, она услышала крик о помощи. Детские головки то появлялись, то исчезали из виду. На полпути к противоположному берегу из воды торчал огромный камень – скорее всего туда они и направлялись. Каким-то чудом им удалось доплыть до него и ухватиться за выступавший над водой корень дерева, но вода то и дело захлестывала их. Оливия представила, в каком они были ужасе, когда река, превратившись в дикого зверя, с ревом потащила их за собой, в мутные глубины.

На лицах обоих мальчиков был написан страх. Это было видно даже с того места, где она стояла. Вокруг нее испуганной толпой сгрудились дети. Вдруг краем глаза она заметила какое-то движение и, обернувшись, увидела, как в воду бросился человек. Доминик!

С бешено заколотившимся сердцем Оливия смотрела, как он, с силой работая руками, плыл к скалам. И вот наконец он был уже возле них. Мощным рывком он приподнял Джонни, вытолкнул его на камень, и пока тот, мокрый и дрожащий от ужаса, скорчился на скале, Доминик подхватил Генри. Оли-

вия слышала, как Доминик что-то крикнул мальчику. Потом он повернулся, а Генри обхватил руками его за шею. И Доминик пустился в обратный путь.

Даже когда они оба уже были на твердой земле, пальцы мальчика все еще судорожно цеплялись за его шею. Подбежавшим к ним людям пришлось разжимать их силой.

А Доминик опять бросился в воду, теперь уже за Джонни. Снова началась безумная игра со смертью. Когда они наконец двинулись к берегу, прибежал отец Джонни, Джеймс. С помертвевшим, перекошенным от страха лицом он тоже бросился в воду и потянулся за сыном.

Вдруг поднявшийся из воды массивный сук с размаху ударил Доминика в висок. Ревущий поток в мгновение ока поглотил его и повлек за собой.

– Помогите! – закричала Оливия. – Кто-нибудь... помогите же ему! – Но никто не шелохнулся. Перед ней была стена безмолвных лиц. На губах Роберта Гилмора кривилась злобная ухмылка. Джеральд, хозяин трактира, скрестив на груди руки, молча ждал. Даже Уильям не двинулся с места. Оливия метнулась к нему. – Прошу тебя, Уильям, спаси его!

Но Уильям продолжал хранить презрительное молчание.

Оливия не стала больше ждать. Стараясь не выпускать Доминика из виду, она бросилась вниз по течению реки.

Голова Доминика показалась над водой. Рот его был открыт в отчаянной попытке сделать глоток воздуха. Он боролся с потоком... боролся за свою жизнь. Внезапно сильное

течение повлекло его к берегу. Внутри у Оливии все оборвалось, когда она увидела, как он гребет... Но Доминик был слишком слаб, силы его таяли с каждой минутой. И все-таки ему удалось выбраться. Но коснувшись руками берега, он вдруг потерял сознание, и его бесчувственное тело распростерлось на земле, наполовину покрытое водой.

Он лежал на берегу, уцепившись за кусты. Оливия со стоном упала возле него на колени. Сердце его билось глухими неровными толчками, и каждый удар болью отзывался в груди.

Доминик лежал неподвижно, на виске его кровоточила свежая рана. На помертвевшем лице кровь казалась особенно яркой. Мокрые ресницы слиплись. И Оливия принялась молиться так, как никогда не молилась раньше:

– Доминик! Доминик, очнись! Прошу тебя! – Рыдая, она обхватила ладонями его голову. – Ты меня слышишь? Доминик, прошу тебя, не умирай!

Ресницы его вдруг дрогнули, и он открыл глаза. Взгляды их встретились, и губы его слабо шевельнулись в улыбке.

– А я и не догадывался... Нужно было утонуть, чтобы услышать, как ты зовешь меня по имени.

Оливия чуть не рухнула в обморок, услышав в его голосе едва сдерживаемый смех.

Уронив голову, она разрыдалась.

Именно Джеймс принес Доминику сухую одежду. Оли-

вия, все еще вне себя от злости, оттого что никто не пришел ему на помощь, отвезла Доминика к себе. Если бы он не был так силен, лежать бы ему на дне реки! Только сейчас она поняла, до какой степени его ненавидят в деревне!

Когда они приехали, Эмили, как обычно, сидела в гостиной. Оливия поспешила представить их друг другу.

– Эмили, я привезла графа Рэвенвуда. Милорд, это моя сестра Эмили.

Доминик все еще прижимал к виску окровавленный носовой платок. Свободной рукой он коснулся пальцев Эмили.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, мисс Шервуд.

Эмили что-то растерянно пролепетала, но Оливия не слышала: ее внимание было приковано к Доминику. Наконец она с радостью отметила, что на его лицо понемногу вернулись краски. Поспешно усадив его на стул, она бросилась в спальню за одеждой. Эмили заторопилась за ней.

– Оливия, – неодобрительно произнесла она шепотом, – что он здесь делает?

Оливия повернулась на каблуках. Только презрения в голосе сестры ей в ее нынешнем настроении как раз и не хватало!

– Он ранен! – отрезала она. – Так что, мисс Эмили Шервуд, будь добра не пилить меня за то, что я привезла его сюда! – В двух словах она рассказала обескураженной сестре о том, что произошло в деревне. – И никто... никто не помог

ему, Эмили! – воскликнула она. Голос ее дрогнул. – Ни один человек! Просто стояли и смотрели! Как они могли?! Просто не понимаю! Разве он чудовище? Обычный человек, как ты, как я... Нет, мне просто стыдно, что я живу в Стоунбридже!

Лицо у Эмили вытянулось. Должно быть, почувствовав, как расстроена сестра, она осторожно тронула ее за плечо.

– С ним все в порядке?

– Если не считать сильного удара по голове. Прости, Эмили, мне сейчас некогда.

– Я побуду в саду, – кивнула Эмили.

Оливия глубоко вздохнула и побежала на кухню.

На пороге ее встретил взгляд Доминика. Не обращая на него внимания, Оливия захлопотала, обрабатывая рану, из которой все еще сочилась кровь.

– Вас нужно показать врачу.

– Нет, – буркнул он. – В этом нет нужды.

– Вы уверены? – покосилась она на него, прикусив губу.

– Абсолютно! И к тому же гораздо приятнее, когда вокруг меня суетитесь вы, а не какой-нибудь лысый пузан!

Ее щеки порозовели. И Доминика осенило: да ведь она смущается! А сам он, чувствуя прикосновение ее маленьких нежных рук, просто таял от наслаждения. Закрыв глаза, он представил, как они скользнут у него по спине, потом спустятся ниже...

Ее близость, свежий чистый аромат ее тела сводили его с ума. Волосы Оливии были закручены строгим узлом на за-

тылке, только несколько шаловливых локонов спускались на шею. Ему вдруг захотелось прижаться к этому месту губами, испробовать, какова на вкус ее кожа. И когда она, встав на цыпочки, склонилась над его головой, руки Доминика тут же сомкнулись вокруг ее талии – чтобы поддержать, если девушка вдруг потеряет равновесие. Так, во всяком случае, считал он сам. Но сказать по правде, это был лишь предлог лишний раз притронуться к ней. Глаза Доминика скользнули по мягким округлостям ее груди.

Вдруг воспоминание о том, что случилось ночью, яркой вспышкой мелькнуло в мозгу, и Доминик оцепенел. Он вспомнил, как отвердели ее соски, когда он обвел их языком, как покорно раскрылись ее губы, чтобы пустить его внутрь как раз в ту минуту, когда он взорвался наслаждением. И ему показалось, что он горит на медленном огне.

Доминику пришлось отвести глаза в сторону, иначе собственное тело выдало бы его. Чтобы разрядить молчание, он сказал первое, что пришло ему в голову:

– Какая милая у вас сестра, почти такая же хорошенькая, как и вы.

Оливия вспыхнула, рука ее замерла в воздухе.

– Нельзя так говорить, – пролепетала она, чувствуя, как ее щеки запылали огнем.

Доминик сделал вид, что не слышит. Взгляд его остановился на губах Оливии – ярких, будто сочные летние ягоды, и таких же сладких. Он сгорал от желания испробовать их

снова. Но вместо этого он вдруг услышал собственный юлос:

– Почему вы это делаете?

– Потому что у вас на виске рана. – Оливия окунула полотенце в тазик.

– Я не это имел в виду.

Что-то в его голосе заставило Оливию вспыхнуть. Покосившись в сторону Доминика, она заметила, что его глаза потемнели.

– А что вы имели в виду? – вырвалось у нее.

– Честно говоря, мне вообще непонятно, с чего вы вдруг бросились мне помогать... Почему не оставили валяться на берегу? Почему просто не ушли?

– Не могла. – Глаза ее сузились. – Как я могла вас оставить? – Признание сорвалось с ее губ, прежде чем Оливия успела спохватиться.

– Я бы не смел вас винить... – низким, гортанным голосом пробормотал он, хмурясь, – ... особенно после того, что я сделал с вами прошлой ночью! – В комнате наступила гробовая тишина, и он вдруг решил: – Оливия... с вами все в порядке?

Внутри у нее все сжалось. Ей не хотелось говорить об этом, и она, промолчав, аккуратно стянула пластырем края раны.

– Вот и все.

Оливия попятилась, но руки Доминика только крепче сомкнулись у нее на талии. Поднявшись, он отодвинул в сто-

рону стул, а потом привлек ее к себе. Дрожь пробежала у нее по спине. В этой грубой крестьянской одежде, в рубашке, которая едва сходилась у него на груди, мужская сила Доминика особенно бросалась в глаза. Ветхое домотканое полотенно слегка трещало под напором литых мускулов. В вырезе виднелась бронзовая от загара кожа.

– Скажи мне, Оливия. Ты... ты хорошо себя чувствуешь?

Ей показалось, она услышала, как он заскрежетал зубами. Глаза их встретились. Оливия, не выдержав его взгляда, опустила голову.

– Я... да-а, хорошо.

Руки Доминика крепче сжали ее талию. Он вспомнил, какой маленькой и нежной лежала она в его объятиях и каким горячим и бархатистым было ее лоно. Брови его сошлись на переносице.

– Я не... – казалось, слова даются ему с трудом, – ... я не причинил тебе боли?

Оливию обдало жаром. Она закрыла глаза и вдруг с обжигающим наслаждением будто вновь ощутила его глубоко в себе. То, что произошло прошлой ночью, было странным, ужасным и... восхитительным. При воспоминании об этом Оливия смущенно подняла глаза.

– Немного, – чуть слышно пролепетала она.

– Прости... – прошептал Доминик. Сердце у него упало.
– Тебе стыдно? Да?

– Д-да... нет... – растерялась Оливия. – Ох, и сама не знаю!

Доминик оцепенел. Он попытался отстраниться, но Оливия, догадавшись, о чем он думает, вцепилась в него.

– Это не то, что вы думаете! – воскликнула она. – Не потому, что вы...

– Цыган? – онемевшими губами подсказал он.

– Да. – Оливия провела языком по пересохшим губам, чувствуя, как окаменело его тело. Моля Бога о том, чтобы найти подходящие слова, она попыталась поймать его взгляд. – Просто... все это случилось так неожиданно!

– Для меня тоже.

– Я так надеялась, что утром вы ни о чем не вспомните...

– На ее губах затрепетала робкая улыбка.

Доминик перевел дыхание, ему стало немного легче.

– А я, когда утром открыл глаза, решил, что видел сон... чудесный, упоительный сон. – Его пылающий взгляд погрузился в ее глаза. – Я не хотел причинить тебе боль, – низким, рокочущим голосом произнес он.

– Конечно, я понимаю. – Оливия не кривила душой. Ей и вправду ничуть не было стыдно, оттого что все это случилось у нее именно с ним. А если уж быть совершенно откровенной, она просто не могла себе представить, чтобы па его месте оказался кто-то другой. Вот и сейчас, достаточно было только мыслями вернуться к прошлой ночи, и сердце ее вновь заколотилось. – Доминик, – беспомощно пролепетала она, – разве так уж необходимо говорить о том, что произошло?

– Но ничего ведь не изменится, верно? Не можем же мы сделать вид, будто ничего не произошло?

Он прав, подумала Оливия. Но она не знала и не могла знать о том, что Доминик меньше всего на свете хотел бы забыть то, что произошло. Больше того, он мечтал о том, чтобы это повторилось. Только уж в этот раз он не позволит себе уснуть, он будет ласкать ее снова и снова, наслаждаясь восхитительными округлостями гибкого тела. Он будет пить эти минуты, как драгоценное вино!

– И потом, – прибавил он, – разве я могу забыть?..

Оливия затрепетала. Она тоже не сможет забыть... никогда.

– Этот бал, который я намерен устроить... – Доминик неожиданно сменил тему. – Он очень важен для меня, Оливия. Всю жизнь я боролся за то, чтобы меня признали... приняли как равного. – Он замолчал, и Оливия видела, что он пытается подыскать подходящие слова. – И пусть я не цыган и не гаджо, но я – граф Рэвенвуд! И если уж я достаточно хорош для лондонского света, то местному обществу тем более не пристало брезговать мной! Меня должны признать и здесь.

– И в деревне тоже? – догадалась Оливия.

– Да, да! Рэвенвуд – мой дом, и я намерен остаться здесь навсегда!

Оливия молча кивнула. Она вспомнила, сколько приглашений ей пришлось разослать, а ответные письма с благодар-

ностями и обещанием приехать на бал все продолжали прибывать. Однако после сегодняшнего происшествия на реке она стала сомневаться, что местные жители признают Доминика своим... по крайней мере в ближайшее время. Гнев и возмущение вновь охватили ее. Почему они не видят, что он не тот человек, которого надо бояться и которому не следует доверять?

– И я хочу, чтобы вы тоже были там, Оливия. На балу. Рядом со мной.

– Доминик... я... это такая честь, правда! – бессвязно пролепетала Оливия. Она этого не ожидала. – Но я... я не могу.

– Почему? – Глаза его сузились.

– Вы забыли, – с достоинством сказала она, – что я всего лишь горничная, а вы... вы мой хозяин.

– К дьяволу все это! – Лицо Доминика потемнело, как грозовая туча.

– Вам легко говорить. О, с какой радостью я приехала бы на бал как ваша гостья! Но так... так было бы неприлично! Да и потом, что я скажу остальным? Франклину? Шарлотте? Или миссис Темплтон?..

– А вы и не обязаны ничего говорить. Это вообще вас не должно касаться. – И снова перед ней был не любовник, а надменный лорд.

Оливия вздохнула. Как бы ей хотелось побывать на балу! Одета в восхитительное платье, она бы танцевала, пила бы маленькими глоточками шампанское... Но этого никогда

не будет. Достаточно вспомнить, кто она... и кто он. Улыбка сползла с ее лица.

– Это невозможно, – непререкаемым тоном заявила она. – Вы не должны выказывать мне предпочтение. И прошу вас, не настаивайте... и не говорите, что уволите меня, иначе у меня возникнет сильное искушение уйти самой.

Он бросил на нее взгляд. Оливия могла бы побиться об заклад, что в нем сквозила досада, как у ребенка, который не получил желанную игрушку.

– Вы не передумаете?

– Нет, – просто сказала она.

– Вы упрямы. – Доминик недовольно поджал губы.

– Ну а вы – настоящий лорд, привыкший, чтобы все его желания исполнялись, – насмешливо пропела она.

– Вы отказались прийти на бал. Неужели вы откажете мне и в прощальном поцелуе... прежде чем я уйду?

С этими словами он привлек ее к себе. Глаза их встретились, и Оливию охватило возбуждение.

– Никогда, милорд! – прошептала она за мгновение до того, как его губы завладели ее ртом.

Он целовал ее долго, с той требовательной и страстной нежностью, которая говорила о еле сдерживаемом желании, а когда отстранился, Оливия едва держалась на ногах. Испуганная и в то же время восхищенная, она поймала себя на том, что мечтает о новом поцелуе.

Роберт Гилмор распахнул дверь и вошел. Дом его стоял на самой окраине Стоунбриджа. Дверь с таким грохотом захлопнулась за его спиной, что по всему дому жалобно зазвенели стекла.

Он направился к шкафчику, где обычно держал бренди. Вне себя от злобы, он и не вспомнил о бокале. Гилмор поднес бутылку к губам и сделал большой глоток. Тонкая струйка потекла у него по подбородку. Бренди обожгло ему желудок таким же пламенем, какое сейчас полыхало в его душе.

Не прошло и часа, как бутылка почти опустела. Бренди немного притупило его чувства, но только не гнев, сжигавший его изнутри.

– Шлюхи и воры, – пробормотал он. – Все они шлюхи и воры, вот так-то!

Конечно, он думал о той цыганской девке, которая носила под сердцем Доминика Сент-Брайда. Но вспомнил и о другой... О той, которая много лет назад околдовала его отца.

Губы Гилмора скривились. Грязное ругательство сорвалось с них. Он проклинал их всех, но в первую очередь Доминика Сент-Брайда... Гилмор ненавидел его всеми фибрами души, как и всех цыган, одним своим присутствием осквернявших землю. При мысли о таборе, по-прежнему стоявшем неподалеку от деревни, его просто трясло от злости. Уж конечно, эти воры явились сюда из-за Сент-Брайда!

Подойдя к окну, он ухватился за подоконник и уставился в ту сторону, где был Рэвенвуд-Холл. Время от времени он

подносил бутылку к губам, делая большой глоток и утирая ладонью рот.

Рэвенвуд-Холл... Подумать только, этот выскочка, этот надменный «цыган» обнаглел настолько, что позволил себе вышвырнуть из дома его, Роберта Гилмора! И наверное, считает, что это сойдет ему с рук! Ну что ж, этот ублюдок убедится, что совершил непоправимую ошибку. Очень скоро высокомерный лорд будет валяться в грязи у его ног, умоляя о пощаде!

Уж он позаботится об этом! В округе ему будут благодарны, а для Доминика Сент-Брайда это станет концом.

Ухмыльнувшись, он опрокинул в горло остатки бренди.

Глава 16

До бала оставались считанные дни, а сделать еще предстояло многое. Бальной залой, той, что в восточном крыле, не пользовались уже очень давно. Она была в плачевном состоянии. Если верить словам Франклина, то последний раз бал был устроен здесь по поводу третьей – и последней – женитьбы старого графа. Залу следовало отмыть и отскрести от пола до потолка, поскольку везде толстым слоем лежала пыль. Сняли даже портьеры, чтобы выстирать их и отгладить. Два дня с утра до ночи Оливия с Шарлоттой и еще одной горничной без устали мыли в зале окна. Каждый вечер Оливия падала в постель почти без сил, и все-таки она нисколько не жалела о том, что дни ее заполнены до поздней ночи: по крайней мере теперь у нее почти не оставалось времени, чтобы думать о Доминике.

И о том, что связывало их...

С того дня у них почти не было случая поговорить. Как-то раз после спасения мальчиков Оливия случайно увидела Доминика в деревне. К ее величайшему изумлению, двое или трое мужчин при виде его почтительно сняли шляпы. Оливия остолбенела. Навстречу ему по улице шли женщины с детьми. Но на этот раз никому из них и в голову не пришло прятать детей от его взгляда. Более того, похоже, одна из них осмелилась даже заговорить с Домиником! Наверное, он от-

ветил шуткой, потому что женщины рассмеялись. «Неужели то, что он бросился спасать мальчиков, помогло растопить лед в сердцах местных жителей?» – гадала Оливия. Хоть бы это было так, взмолилась она про себя.

Вскоре после этого он на неделю уехал в Лондон. Возможно, повидать Морин Миллер, свою бывшую возлюбленную. Или обзавестись новой. Оливия ненавидела себя за подобные мысли. А вдруг он вообще больше не вернется?

С каждым днем тревога ее все росла...

Доминик вернулся в Рэвенвуд лишь накануне бала. Она увидела его в дверях, как только он вошел в дом, и сердце Оливии радостно встрепенулось. Усталый после долгой поездки, с головы до ног покрытый пылью, – для нее он все равно был самым красивым мужчиной в мире. Но Доминик прошел прямо к себе, не проронив ни единого слова, даже не кивнув ей.

Его холодность была для нее оскорбительнее, чем пощечина. Радость Оливии мгновенно угасла. Боже мой, ведь еще недавно он целовал ее... Неужели же теперь она ничего для него не значит? «А ты забыла, – шепнул внутренний голос, – что сама просила его не оказывать тебе никакого предпочтения?»

И вот наконец все было готово. Даже суровая миссис Темплтон не нашла, к чему придраться. Бальная зала сверкала. На натертый до зеркального блеска паркет страшно было ступить. В воздухе разливался нежный аромат свежих цве-

тов, которыми были заполнены стоявшие вдоль стен на полу огромные золоченые вазы.

Большинству горничных, и ей в том числе, велели помочь накрывать на стол. А позже, когда в бальной зале раздались первые звуки музыки, они должны были бесшумно обходить гостей, предлагая им шампанское и закуски. Предполагалось, что бал продлится до глубокой ночи. Те из слуг, кто обычно на ночь возвращался домой, в Стоун-бридж, на этот раз должны были остаться в Рэвенвуде до утра. Оливии не хотелось оставлять Эмили одну на всю ночь, поэтому она договорилась с Эстер, что та побудет с сестрой.

На бал явились почти все, кому были посланы приглашения. Большинство из приехавших Оливия никогда не видела прежде. В основном это были знатные и богатые люди, поместья которых находились по соседству с Рэвенвудом. Оливия слышала, как прислуга перешептывалась между собой, что среди гостей был сам граф Ренфорд, а также какой-то виконт из Лондона. Глория, вторая горничная, даже показала их Оливии. Граф оказался высоким светловолосым, довольно привлекательным мужчиной с приятной улыбкой и немного экстравагантными манерами. Чуть позже он взял с ее подноса бокал с шампанским. Окинув ее взглядом с головы до ног, он лукаво подмигнул, а потом украдкой притянул девушку к себе. Оливия, покраснев до корней волос, вывернулась из его рук, воспользовавшись тем, что кто-то захотел шампанского.

И все это время она ощущала на себе взгляд Доминика. Но когда она, набравшись храбрости, решилась, в свою очередь, посмотреть на него, оказалось, что она ошибается. Оливия с трудом подавила вздох разочарования. Казалось, он уделяет ей не больше внимания, чем всем остальным горничным.

Оливия внезапно размечталась. Как чудесно было бы, думала она, быть приглашенной на бал! Сбросить наконец это опостылевшее черное форменное платье и надеть великолепный наряд! Из груди у нее вырвался вздох. Если бы Эмили могла увидеть этот бал, подумала она. Ведь Эмили всегда так любила цветы! Сердце Оливии заныло. Если бы Эмили могла увидеть...

– Смотри, – возбужденно зашептала Шарлотта, поманив ее к себе, – вон она, Элизабет Бомонт, танцует с графом. Правда, восхитительная пара?

Оливия чуть не задохнулась и обреченно перевела взгляд туда, куда указывала Шарлотта.

Сердце ее болезненно сжалось. Никогда прежде Оливии не доводилось видеть Доминика в вечернем костюме. Господи, как он был хорош! Она не могла винить Элизабет Бомонт в том, что леди решила сделать его своим. Оливия не могла оторвать глаз от этой пары, а они кружились в танце, будто в зале не было никого, кроме них двоих. Оливии пришлось признать, что Элизабет и вправду хороша собой: тоненькая и изящная, но весьма соблазнительная фигурка, а роскошное

платье из белого атласа с низким вырезом выгодно подчеркивало восхитительно пышную грудь. Светлые волосы Элизабет, завитые в локоны, были уложены на затылке высокой короной.

Оливия не могла оторвать глаз от этой пары, хотя сердце ее разрывалось от боли. Той ночью, когда они ездили в табор, Доминик говорил, что у него, как у графа Рэвенвуда, есть обязанности: он должен продолжить род и произвести на свет наследника... А для этого необходима жена.

Что ж, Элизабет Бомонт как нельзя более подходила для этой роли.

И к тому же с первого взгляда было видно, что она от него без ума. Неужели и Доминик поддался чарам светловолосой красавицы? Наконец музыка стихла, и они остановились у самой стены. Элизабет улыбалась, кокетливо играя шелковым веером. Оливия украдкой бросила взгляд на Доминика. И этот негодяй тоже улыбался в ответ! Элизабет положила на его локоть обтянутые белой атласной перчаткой пальчики и кивнула в сторону террасы.

Жгучая ревность кольнула Оливию в сердце. Ей хотелось броситься за ними, чтобы выплеснуть шампанское прямо в это очаровательное кукольное личико!

Но в следующее мгновение, взяв себя в руки, она уже сурово корила себя за то, что осмелилась даже думать о подобных вещах. Это было так не похоже на нее.

С этой минуты Оливия избегала смотреть в их сторону.

Она даже постаралась не заметить, долго ли они пробыли на террасе. Пусть хоть до утра, ей-то что!

Когда последний из гостей, распрощавшись с хозяином, уехал, было уже далеко за полночь. Они с Франклином наводили в бальной зале порядок, когда там появился Доминик. Оливия, сметавшая пыль в углу, замерла. Но Доминик, не обратив на нее никакого внимания, обратился к дворецкому:

– На сегодня все, Франклин. Утром будет достаточно времени, чтобы привести все в порядок. Ах да, примите мою благодарность, вы и все остальные. Все было замечательно.

– Благодарю, милорд. – Франклин с довольным видом поклонился и исчез за дверью.

Опустив голову, Оливия сделала вид, что ничего не слышала.

– К вам это тоже относится, Оливия.

Метелочка, которой она сметала пыль, застыла в воздухе. Подняв голову, Оливия взглянула на него. Доминик выглядел на редкость довольным собой. Кстати, почему он так улыбается? Боже, какой у него рот... с твердыми, мужественными губами... А когда он улыбается такой улыбкой, как сейчас, что в общем-то бывает нечасто, то выглядит соблазнительным, как сам дьявол. Сделав несколько шагов, он оказался рядом с ней.

– Ты избегаешь меня, – вместо приветствия с упреком бросил он.

– Вовсе нет. – Оливия похвалила себя в душе за то, что

умудрилась произнести эти слова с легкомысленной веселостью, которой, впрочем, не испытывала. – Да и потом, мне показалось, что вы заняты своими гостями. Разве нет?

«Особенно одной», – подумала она.

– Всего нет, – передразнил он ее. – Я думал о тебе весь вечер, каждую секунду.

– Неужели? – протянула недоверчиво Оливия. – Даже когда танцевали с Элизабет Бомонт?

– Господи помилуй, Оливия, да ты никак ревнуешь? – С губ Доминика сорвался смешок.

Оливия надменно выпрямилась. Негодяй, он слишком близко подобрался к правде. Хватит валять дурака, одернула себя Оливия. Но ведь так и было! Увы, у нее тоже есть гордость! Она никогда не признается в этом, ни за что! К тому же ее признание лишь потешит его гордость.

– Вы с ней прекрасная пара, – заявила она невозмутимым светским тоном. По крайней мере самой Оливии хотелось в это верить.

– А я заметил, что граф Ренфорд чуть ли не весь вечер не сводил с тебя глаз. – Стало быть, не так уж он был увлечен своей прелестной дамой, как показалось Оливии.

Она улыбнулась.

– Да неужели? – беспечно воскликнула она. – Жаль! А я и не заметила!

– Хорошо, что ты здесь, а не в Лондоне. – Опять этот низкий, гортанный смешок. – Я начинаю верить, что ты по нату-

ре завзятая кокетка, Оливия. Уверен, будь мы в столице, мне пришлось бы продираться сквозь толпу поклонников, лишь бы удостоиться твоего благосклонного взгляда.

Их взгляды встретились: ее глаза сияли радостью, в глазах Доминика таилась легкая насмешка.

– Ну а если серьезно... как тебе кажется, бал удался? Или полный провал?

И хотя он по-прежнему улыбался и сказано все это было весьма прозаическим тоном, за бесстрашием Оливия уловила тревогу. Конечно, в глазах общества он всегда казался надменным, холодно невозмутимым, абсолютно равнодушным к тому, что о нем думают другие. Но Оливия знала правду: в глубине души он страстно желал стать своим в том мире, в котором ему выпало жить. И этот бал тоже был средством оповестить мир о себе и о желании навсегда остаться в доме своих предков, в Рэвенвуде. Она понимающе улыбнулась:

– По-моему, он имел успех... настоящий успех.

– Правда?

– Ну еще бы! – Теперь был ее черед хихикнуть.

Однако Оливии хотелось знать наверняка.

– Так, значит, вы не намерены вернуться обратно в Лондон? – отважилась спросить она. И, затаив дыхание, ожидала ответа.

– Только в том случае, если это будет необходимо.

Значит, он не собирается уезжать! Он останется здесь, в

Рэвенвуде! Оливия была до смешного счастлива!

Поймав ее руку, Доминик поднес ее к губам. Вспомнив, какая у нее натруженная рука, со стертymi в кровь пальцами, Оливия вспыхнула от смущения. Но Доминик, казалось, ничего не замечал. Глядя ей в глаза, он целовал один пальчик за другим, и сердце Оливии, перестав биться, куда-то провалилось. Губы его были теплыми, и она невольно затрепетала.

– Мне так хотелось, чтобы ты сегодня была со мной, – проворкотал он. – Но раз уж ты считаешь, что это невозможно... точнее, нехорошо...

Олизиа испуганно ахнула, когда он рывком прижал ее к груди. А потом, не слушая возражений, круто повернулся и потащил ее за собой.

– Доминик! Куда вы?... Что вы делаете?!

Он почти бегом бросился вверх по мраморной лестнице.

– По-моему, ты и сама могла бы догадаться... а впрочем, куда тебе! Я совсем забыл о том, что ты у меня чопорная, благопристойная мисс!

– И вовсе я не чопорная, и не благопристойная, и...

– Во всяком случае, после сегодняшнего ты точно ею не останешься. Это я тебе обещаю! – Остановившись, он взглянул на ее ошеломленное лицо. – В чем дело, мисс Шервуд? Что, никогда не слышали о подобных вещах? Могу объяснить: я вас, так сказать, соблазняю. И собираюсь заниматься с вами любовью всю ночь!

Доминик произнес эту тираду легкомысленным, почти

шутливым тоном. Сейчас он был похож на озорного мальчишку. Но Оливии это было по душе... определенно по душе.

– Это звучит... восхитительно запретно. – Легкая улыбка скользнула по ее губам.

– Восхитительно? Нисколько не сомневаюсь. Запретно? Опять-таки совершенно с тобой согласен! Одно я обещаю тебе твердо: эту ночь тебе не удастся забыть!

Легкая чувственная хрипотца в его голосе заставила ее адрожать. Оливия кончиками пальцев осторожно коснулась его бронзовой от загара шеи, потом робко подняла на Него глаза.

– А что я скажу Шарлотте? Она будет ждать меня...

– Не будет. И нечего беспокоиться – никто ничего не узнает. Я сам предупредил Франклина, что ты предпочитаешь вернуться домой, а не ночевать здесь. И к тому же мне отлично известно, что ты позаботилась, чтобы какая-то женщина из деревни переночевала с Эмили.

У Оливии екнуло сердце. Возможно, у них никогда больше не будет шанса... провести вместе целую ночь. Конечно, может быть, это неправильно, но ей уже было все равно. Что бы ни принесла эта ночь, Оливия никогда не забудет ее.

Важно лишь то, что они вместе.

Оливия лукаво склонила голову к плечу. Они стояли так близко, что губы их почти соприкасались.

– Тогда позвольте спросить, сэр, чего же вы ждете?

Большого ему и не требовалось. Подхватив Оливию на

руки, Доминик в три прыжка преодолел остаток лестницы, а потом, вихрем пронесшись по коридору, распахнул тяжелую двустворчатую дверь в спальню. Ударом ноги Доминик захлопнул ее за собой, и она со слабым щелчком затворилась. Доминик отпустил Оливию, позволив ей медленно проскользнуть по его телу вниз. Оливия удивленно оглядела комнату. Ей и до этого случалось заглядывать сюда, но лишь на мгновение, поскольку двери в спальню хозяина почти всегда были закрыты. Единственные, кому оказывалась высокая месть прибираться здесь, были Глория и вторая горничная.

Мебель в спальне была из вишневого дерева, глубокого винно-красного цвета. Было очевидно, что это спальня мужчины. Такого же темно-вишневого оттенка были и огромный роскошный балдахин над постелью, и портьеры из великолепной узорчатой камки. Но Оливия лишь мимоходом окинула взглядом мебель. Ее поразило, как светло было в спальне. Несколько дюжин свечей заливали ее ослепительным светом. Свечи, казалось, стояли везде – на бюро, на маленьких столиках у постели, возле кресел, заботливо придвинутых к камину, в котором весело пылал огонь. Дрожащие огоньки свечей, отражаясь в оконных стеклах, бросали блики на ковер, заливая всю комнату золотистым светом. У Оливии от восторга перехватило дыхание. Она даже не заметила, что Доминик с любопытством наблюдает за ней.

Как он сказал? Соблазнить ее? Пульс Оливии участился. Она подняла на него глаза.

– Вы все это придумали заранее. Я угадала?

Он стоял, скрестив руки на мощной груди, и даже не пытался скрыть, насколько доволен собой. Впрочем, как она подозревала, он не особенно и старался.

– Неужели вы возражаете, мисс Шервуд? – Уголки рта Доминика приподнялись в ленивой усмешке.

Но по правде сказать, Оливии только польстило, что Доминик так старался ей угодить, что даже заранее продумал каждую мелочь.

– Я? О Боже, Доминик... Господи, я в жизни не видела ничего прекраснее!

Лицо Доминика просветлело. Ничего не сказав, он направился к огромной кровати, занимавшей почти половину спальни. Посреди нее на покрывале стояла большая коробочка, которую Оливия до сих пор не заметила. Доминик поманил Оливию к себе и коротко произнес:

– Это для тебя.

– А что это? – растерялась Оливия.

– Открой и посмотри.

Затаив дыхание, она сдвинула крышку и заглянула в коробочку. Сначала она не увидела ничего, кроме нескольких слоев шелковистой бумаги... Потом что-то слабо замерцало в темноте. Оливия вскрикнула... В глаза ей словно ударил сноп зеленоватых лучей. Голова у нее закружилась. Забыв обо всем, Оливия погрузила руки в ворох шелковистой ткани. На лице у нее было выражение блаженства, как у ребен-

ка, который Бог знает сколько времени не получал новых игрушек.

Переливчатый шелк цвета китайского нефрита с мягким шелестом опустился ей на руки. Это было платье, бальное платье! Оливия сразу догадалась! Восхитительная, гладкая, сияющая материя, казалось, жила собственной жизнью. У Оливии от восторга захватило дух. Ей было боязно даже коснуться ее. Едва осмеливаясь дышать, она потянула платье из коробки. Мелкие складки струились от ленты, подхватывающей грудь. Рукава были плотно облегающими. Кроме платья, в коробке лежали длинные белоснежные перчатки, крохотная бальная сумочка и даже пара туфельек в тон платью.

– Я купил его в Лондоне, – послышался из-за спины низкий голос Доминика. – Мне показалось, что зеленый цвет должен очень пойти к твоим глазам.

Онемевшая от восторга и неожиданности Оливия покачала головой.

– Доминик, я... я очень тронута, но... Видите ли, я не могу принять такой роскошный подарок. Это платье слишком дорогое. Да и подумайте сами... куда я смогу его надеть?

– Надень его для меня, – тихо сказал он, и глаза его потемнели.

Во рту у Оливии пересохло. Сапфировые глаза околдовывали ее, и она поймала себя на том, что ей и самой безумно хочется надеть это платье. Ничего похожего с ней никогда не случалось. Она попыталась заговорить, но обнаружила, что

потеряла дар речи, и смогла только пролепетать охрипшим голосом:

– Сейчас?

Доминик молча кивнул. Глаза его, казалось, прожигали ее насквозь.

– Не могли бы вы ненадолго отвернуться? – нахмурилась она.

Взгляд Доминика смягчился. Что-то неуловимое промелькнуло между ними... и оба почувствовали, что стали ближе и понятнее друг другу. Отвернувшись, он отошел к окну, оперся о подоконник и стал смотреть в ночь.

Поспешно стянув с себя опостылевшее простое черное платье, в каких ходила прислуга в Рэвенвуде, и скинув старенькие туфельки, она надела шуршащий шелк. Платье было почти невесомым, и Оливия едва дышала, боясь случайно порвать его. Вырез платья был таким низким, что Оливия оцепенела. Ее сорочка, несомненно, не годилась для этого платья. Секунду поколебавшись, Оливия решительно стянула ее с себя, беззвучно молясь, чтобы небеса простили ее за это.

– Ну вот, – наконец сказала она, – теперь можете смотреть.

Доминик обернулся. Оливия затаила дыхание. Ей так хотелось быть красивой! Желанной... Господи, как ей хотелось стать неотразимой в его глазах! И никогда она еще так не волновалась.

Доминик не отрываясь смотрел на нее. Его взгляд медлен-

но переместился вниз, к низко вырезанному декольте, задержавшись на упругих полушариях груди, подхваченной лентой.

Поймав его, Оливия чуть заметно задрожала. Жаркая волна нахлынула на нее, опалив огнем. Увидев восторг в глазах Доминика, она от радости и облегчения чуть не заплакала.

Все так же молча он протянул к ней руку. Пошатываясь на подгибающихся от волнения ногах, Оливия подошла к нему. Доминик осторожно взял ее за плечи и подтолкнул к стоявшему в углу зеркалу.

– Посмотри, – тихо сказал он.

Оливия медленно подняла голову и взглянула на свое отражение. Низко вырезанная линия декольте позволяла видеть плечи и длинную, изящную шею. Вырез в глазах Оливии был почти неприличным. Мягкая ткань, плотно, будто вторая кожа, прилегая к телу, выгодно подчеркивала пышность наполовину открытых грудей. Никогда Оливии не доводилось надевать что-либо подобное.

Несколько минут она могла только молча разглядывать свое отражение в зеркале. Она ощущала себя восхитительно греховной. И это было так заманчиво и притягательно.

Сзади к ней бесшумно приблизился Доминик. Он уже успел сбросить сюртук, развязать галстук и расстегнуть несколько пуговиц на рубашке. Оливии бросились в глаза темные волоски на его груди на фоне ослепительно белого полотна.

– Великолепно, прямо по тебе, – сказал он. – Кстати, это немаловажно: ведь размер мне пришлось прикинуть на глазок.

Оливия облизнула пересохшие губы. Привстав на цыпочках, она осторожно повернулась сначала в одну сторону, потом в другую.

– Вам не кажется, что корсаж немножко тесноват? – Спросила она, озабоченно покосившись туда, где стиснутые корсажем груди, казалось, готовы были в любую минуту порвать тонкую ткань платья.

Взгляд Доминика был прикован к ее груди.

– Прямо по тебе, – тихо повторил он, и медленная, ленивая усмешка скользнула по его губам.

Оливия вспыхнула – больше от гордости, чем от смущения, как ей пришлось признать. Отвернувшись от нее, Доминик наполнил вином узкий бокал и протянул ей. Она взяла его, дрожащими губами сделала маленький глоток и тут внезапно обнаружила, что язык не повинуется ей.

Отобрав у нее бокал, Доминик прижался губами к тому месту, где только что были ее губы, жадно отпил и снова вернулся, глядя ей в глаза. Оливия рассмеялась звенящим смехом.

– Кажется, вы пытаетесь меня соблазнить?

– И как, мне это удастся? – вопросом на вопрос ответил Доминик.

– Боюсь, что да, – беспомощно выдохнула Оливия, не в силах оторвать от него глаз.

Он забрал у нее бокал. Сильные горячие руки легли на ее обнаженные плечи.

– Не бойся, Оливия, – шепнул он. – Все будет по-другому, я обещаю... – Он немного замялся. – Ты так красива, – вдруг мягко добавил он.

– И вы тоже... – На губах ее распустилась очаровательная улыбка.

– К мужчинам это не относится, – насмешливо хмыкнул он.

– А к вам относится, – ни минуты не колеблясь, возразила она. И сама удивилась не меньше Доминика, когда вдруг нежно обвела кончиками пальцев скульптурные очертания его рта.

Улыбка замерла у него на губах. Оливия ощутила, как они затвердели под ее пальцами.

– Ты жалеешь, что это случилось? – целуя кончики ее пальцев, чуть слышно прошептал Доминик.

Сердце Оливии упало. Они оба хорошо понимали, что он имеет в виду. Покачав головой, Оливия положила руки ему на грудь. Ладони ее скользнули в вырез рубашки, ощутив шелковистую твердость упругих мышц. Дрожь пробежала по ее телу. Набравшись храбрости, она подняла на него глаза и прошептала:

– А вы?

– Господи... конечно, нет. – Глаза Доминика потемнели.

Его ладонь, запутавшись в ее волосах, легла на затылок

Оливии. Доминик запрокинул ей голову, жадно взгляделся в смущенное лицо и потянулся к ее губам. Оливия поняла, что он хочет ее поцеловать, и подумала, что ей этого хочется больше всего на свете.

Губы их слились, дыхание смешалось. Прикосновение губ Доминика, нежное и настойчивое, всколыхнуло в груди Оливии ураган чувств. Страсть... Желание... Ненасытный голод... Кончик его языка, как будто вопрошая, коснулся ее губ, и Оливия с готовностью откликнулась на призыв, в свою очередь проведя языком по его губам и ощутив прохладную твердость зубов. Руки Оливии обхватили его за шею, и в глубине горла Доминика родился низкий, страстный стон. Оливия чувствовала, как твердеет и наливается силой его тело. Что-то горячее тяжело вжималось в ее мягкий живот.

Ее податливость воспламенила Доминика. Мускулистая рука, крепко обхватив ее талию, с такой силой прижала Оливию к нему, что она, чуть слышно ахнув, распласталась на его груди. Стук их сердец слился воедино. Поцелуй его стал жадным и требовательным. Пальцы Доминика, погружившись в ее волосы, одну за другой вынули шпильки, и шелковистая масса волос водопадом хлынула по спине Оливии.

Бальное платье соскользнуло с ее плеч, чуть слышно шурша, сползло вниз и ослепительной лужицей растеклось у ее ног. Высоко подняв Оливию, Доминик осторожно опустил ее на постель.

Все еще немного стесняясь своей наготы, Оливия скольз-

нула под одеяло, стремясь скрыться от голодного взгляда Доминика. Но он, казалось, нисколько не был смущен. Не отрывая глаз от нее, он резким движением сдернул с себя рубашку, оставшись обнаженным до пояса. Одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы у Оливии пересохло в горле. В свете свечей его могучий торс отливал золотом. Сейчас он напоминал ей великолепную статую древнего языческого божества. Сжав кулаки, Оливия вонзила ногти в ладони, чтобы не поддаться томительному соблазну провести ладонями по его спине, вновь ощутить сильные мускулы его плеч и рук, насладиться прикосновением шелковистых курчавых волос.

Руки Доминика ухватились за пояс бриджей. Оливия, по-прежнему не в силах отвести от него глаза, смотрела, как он резко стянул их вниз и медленно выпрямился.

В ту ночь, в его кабинете, она так и не увидела его обнаженным. А сейчас она наконец видела то, что тогда могла лишь осязать... Оливия оцепенела, замороженная зрелищем его великолепной плоти, во всей мужественной наготе горделиво восставшей между его мускулистых бедер. Она нервно сглотнула. Ничего удивительного, мелькнуло у нее в голове, что в ту ночь ей показалось, будто он вот-вот пронзит ее насквозь.

Отшвырнув в сторону одеяло и оставив ее обнаженной, Доминик вытянулся поверх Оливии. И все ее смущение исчезло, как по мановению волшебной палочки. Под его обжи-

гающим взглядом она затрепетала. И вздрогнула, когда его чуть шероховатые горячие ладони скользнули вниз с ее плеч и коснулись бедер. Желание коснуться его тела сводило Оливию с ума. И, сдавшись наконец, она позволила себе обхватить Доминика за плечи.

Но ей казалось, что этого мало, ничтожно мало. Оливия сама толком не понимала, что ей нужно. Она провела руками по его затылку, пригладив спутанные волосы, потом ладони ее скользнули к груди, и тут она впервые заметила изящное золотое кольцо, висевшее на тонкой цепочке у него на шее. Робкими, неуверенными движениями она погладила выпуклые мышцы у него на груди, потом, все более смелея, спустилась вниз, ощутив мускулистые твердые ягодицы.

Но на этом она не остановилась. Рука Оливии пробралась ниже и легла на его восставшую плоть. Затаив дыхание, она упивалась ее шелковистой твердостью. Сердце ее вдруг бешено заколотилось, и, точно обжегшись, Оливия испуганно отдернула руку. Доминик уткнулся головой ей в плечо.

– Дотронься до меня, – хрипло прошептал он. Голос его, низкий и страстный, дрожал от едва сдерживаемого желания.

Взгляды их встретились. Он поймал ее руки и твердо направил вниз, смыкая их вокруг своей пульсирующей плоти.

– О Боже, – чуть слышно выдохнула она. Однако не решилась убрать свою руку. Ее пальцы со сводящей с ума медлительностью спустились вниз, к самому основанию его копья,

потом так же медленно двинулись вверх. Бедро Доминика содрогнулись от наслаждения, и Оливия поняла, что все делает правильно. Это было как раз то, чего он хотел.

Теперь уже ее пальцы двигались сами собой, уверенно, будто она поняла, что от нее требуется. Прикосновение ее маленькой нежной ладони заставляло его испытывать мучительную и сладостную боль. Стиснув зубы, Доминик стонал, едва сдерживая почти ослепляющее наслаждение, волнами окатывавшее его тело. Подрагивая от этой изысканной пытки, он с трудом подавлял в себе жгучее желание, чтобы дать ей возможность познакомиться с его телом. И она будто слышала его. Ее рука все быстрее двигалась то вверх, то вниз, вознося его к вершинам наслаждения тем самым движением, о котором он мечтал...

Сердце Оливии гулко стучало. Глаза Доминика были закрыты, голова запрокинута, жилы на шее напряжены. Она понимала, что он сгорает от желания, и таяла от наслаждения и странной гордости, чувствуя на себе содрогания его мощного тела. Его напрягшаяся мужская плоть стала огромной. Твердая, как сталь, она была в то же время шелковистой, и горячей, и живой...

Вдруг глаза Доминика широко распахнулись.

– Боже милостивый, – прохрипел он, – прекрати, или я ни за что не отвечаю! Боюсь, все кончится здесь и сейчас!

Рука Оливии замерла в воздухе. Между бровями появилась легкая морщинка.

– О чем вы?..

Из его груди вырвался низкий стон.

– Я хочу сказать, что изольюсь прямо здесь. И тогда, боюсь, ты не получишь никакого удовольствия.

– О, – робко протянула она и вдруг улыбнулась. – Стало быть, вы находите это приятным?

Доминик, как-то странно взглянув на нее, выразительно хмыкнул. Что ж, подумал он весело, очень скоро он покажет ей, какой властью обладает женщина и насколько легко ей бывает подчинить себе мужчину.

Его губы, горячие, требовательные, с голодной жадностью впились в ее рот, и настало его время торжествовать. Ладони Доминика, словно чаши, обхватили ее груди, наслаждаясь их тяжестью. Слегка сдавив кончиками пальцев упругие розовые соски, он принялся легонько ласкать их до тех пор, пока они не превратились в тугие дрожащие камешки. Дыхание Оливии участилось, стало тяжелым, и Доминик даже зажмурился от удовольствия. Его язык скользнул вдоль изящного изгиба ее шеи вниз, голова его опускалась все ниже, пока губы не накрыли твердый коралловый бутон. Доминик нежно посасывал его до тех пор, пока голова Оливии не запрокинулась. Потом он передвинулся и взял в рот другой сосок. Прикосновения его языка, вначале будто ищущего чего-то, потом нашедшего и глядящего, скользящего, ласкающего, сводили ее с ума. С легким стоном Оливия бесстыдно выгнулась дугой, отдаваясь его настойчивым ласкам.

Горячая ладонь Доминика опустилась на ее мягкий живот, потом скользнула вниз, нежно погладила внутреннюю поверхность бедер, наслаждаясь их бархатистой мягкостью, и, снова поднявшись, накрыла поросший волосками холмик между ног. С губ Оливии сорвался слабый стон. Здесь, в этом месте, вдруг возникла тягучая, ноющая боль. Она будто пульсировала, толчками распространяясь по всему телу.

Но все еще только начиналось.

Приподнявшись на локтях, Доминик спустился ниже. Оливия смущенно зарделась, почувствовав на своих бедрах его ладони. Но то, что произошло дальше, ошеломило ее: Внезапно подхватив ее ноги, он быстрым, резким движением накинул их себе на плечи, оставив открытой самую сокровенную часть ее тела. Оливия беспомощно дернулась, оторвав голову от подушки, и взглянула вниз. Соски ее, еще влажные от прикосновений его языка, дерзко устремлялись вверх, поблескивая в свете свечей. А меж своих согнутых колен она увидела темноволосую голову Доминика. Ее сердце на мгновение, казалось, перестало биться.

– Доминик, – задохнувшись от ужаса, пролепетала она, – что?..

Но было уже поздно. Оливия не успела закончить, как его голова опустилась ниже, и она почувствовала, как горячие губы заскользили по внутренней поверхности ее бедер. Потом он нашел средоточие ее женственности, большим паль-

цем осторожно раздвинул нежно розовеющие створки раковины, где внутри влажных потаенных складок истекала соком крохотная жемчужина – самое сердце ее желаний. Прерывистое дыхание вырвалось из груди Оливии. Но и это было только начало...

Язык Доминика, словно змеиное жало, быстро скользнул в заветную щель, раздражающе нежно, быстрыми, дразнящими движениями сводя Оливию с ума. И когда он жадно втянул в себя слегка припухшую от желания дрожащую плоть, Оливия вскрикнула: ей показалось, будто молния пронзила ее с головы до ног.

Пальцы и язык Доминика творили настоящее волшебство. Снова и снова он пробовал ее на вкус, заставляя Оливию все выше и выше возноситься к вершинам блаженства. Содрогаясь в судорогах наслаждения, ее тело словно уже не принадлежало ей. Пальцы Оливии впились в его плечи, будто стараясь удержать. Где-то в самой глубине ее нарастала томительная, сладкая боль. Тело Оливии жадно требовало чего-то... она сама не знала чего. И вдруг она почувствовала его... твердый, горячий источник наслаждения. Одно быстрое движение, и Оливия представила, что возносится к небесам. Тишину разорвал сдавленный крик.

Оливии показалось, что она медленно, как пушинка, опускается на землю. С трудом приоткрыв затуманенные глаза, она взглянула вниз. Стоя на коленях между ее бедер, Доминик не сводил с нее глаз.

Лицо его напряглось, черты заострились, на лбу выступил пот, безмолвно свидетельствуя о его железном самообладании.

– Впусти меня, – звенящим от напряжения голосом попросил он, – прямо сейчас! Я больше не могу... – Слона с трудом срывались с его губ.

Молча Оливия протянула руку и помогла ему, дрожащему от нетерпения, войти в себя.

На этот раз не было ни боли, ни неудобства. Она словно стала с ним единым целым. Руки ее обвили вокруг его шеи, все крепче и крепче прижимая к себе, безмолвно умоляя об одном – чтобы он все глубже и глубже вонзался в нее. Грудь Доминика тяжело и часто вздымалась. Торопливо поцеловав Оливию дрожащими губами, он опустился на нее и начал двигаться... очень медленно, будто стараясь продлить наслаждение.

Но все было напрасно. Доминик слишком долго сдерживал свою страсть и сейчас понял, что силы его на пределе. Он вдруг задвигался тяжелыми, неровными толчками, все глубже и глубже проникая в нее. Оливии показалось, что кровь в ее жилах превратилась в пламя. Она глубоко вонзила ногти в его плечи, будто умоляя не останавливаться. Где-то в самой глубине ее существа словно бушевала буря, раскручиваясь с каждым ударом его копья.

А Доминик терял голову, чувствуя, как ее шелковистая, горячая плоть, нежная и податливая, туго охватывает его ко-

пье. И вот наконец он ощутил приближение пика наслаждения. И с восторгом понял, что Оливия тоже близка к этому. По телу ее пробежали короткие судороги, она слегка стонала. Накрыв губами ее рот, он пил ее стоны, будто вино. Вдруг тело его напряглось, и хриплый торжествующий крик вырвался из груди. Горячая, обжигающая струя ударила в лоно Оливии.

Прошло немало времени, прежде чем бешеный стук его сердца немного успокоился. Откатившись в сторону, он погрузил руку в спутанную копну волос, облаком окутавших их обоих, и крепко прижал ее к себе. А потом, слегка приподняв ей подбородок, нежно поцеловал в губы.

– Останься на всю ночь, – прошептал он. И губами почувствовал, как она улыбнулась в ответ. Опустив голову ему на плечо, Оливия закрыла глаза.

Скоро ее дыхание стало спокойным и ровным. Он смотрел, как она спит, и мощная волна еще не вполне понятного чувства вдруг захлестнула Доминика. Она принадлежит ему, подумал он. Именно он стал ее первым мужчиной.

Крепче обняв ее, Доминик дал себе клятву, что у нее никогда никого не будет, кроме него.

Внезапно он услышал... тихое уханье совы за окном. Мороз пробежал у него по спине от страха...

Цыгане считали, что этот звук предвещает смерть...

Глава 17

Эстер, как и обещала, в тот вечер пришла на час раньше, но Эмили объяснила ей, что нет никакой нужды оставаться с ней на ночь: ведь Оливия вернется домой. Может быть, позднее, чем обычно, но вернется обязательно. Наверное, произошло досадное недоразумение, извинилась она, и Оливия просто забыла предупредить. Оставалось только молить Бога, чтобы Эстер не усомнилась в ее словах. Эмили было стыдно. Но ведь это не ложь, успокаивала она себя, она лишь чуть-чуть покривила душой. Оливия и в самом деле вернется домой... утром. И к тому же Эмили будет не одна...

Скоро придет Андре.

Андре. Поерзав в постели, она обхватила себя руками и улыбнулась. Все ее тело, казалось, пело в предвкушении их скорой встречи.

Она любила его, любила всей душой и почти не сомневалась в том, что и он полюбил ее. Он был так добр, так чуток к ней... Эмили не представляла себе жизни без него! Все чаще она начала мечтать о будущем, и Андре был его частью. Если все пойдет так, как она надеется, очень скоро он захочет, чтобы она стала его женой. У них будет свой дом – не важно, большой или маленький, и самое главное, они будут вместе. А потом появятся дети – маленький темноволосый

мальчик... или крошечная девочка. О, их жизнь будет полна безоблачного счастья!

Правда, ее немного тревожило, как к этому браку отнесется его семья. Понравится ли она им? Согласятся ли они принять ее? Сомнения не давали Эмили покоя. Внезапно ей пришло в голову, что она почти ничего не знает о его семье, не знает даже, живы ли его родители, есть ли у него братья или сестры.

Эмили нахмурилась, вспоминая... Несколько раз она уже пыталась расспрашивать Андре о его семье, но он всегда старался уклониться от ответов. У нее почему-то сложилось впечатление, что семья Андре то и дело переезжала с места на место. Для Эмили, которая практически никогда не выезжала за пределы их графства, такая жизнь представлялась необыкновенным приключением, и она с любопытством расспрашивала его о тех местах, где он бывал. Однако сейчас ей пришло на ум, что, как только речь заходила о его родных, он всегда отвечал скупой и неохотной. Она тут же сурово прикрикнула на себя: Андре не тот человек, в жизни которого могут быть темные пятна, она чувствовала это всей душой, всем сердцем. Как только она могла подумать об этом? Андре, всегда такой открытый, такой благородный и чистый, разве он может солгать ей? Нет, это невозможно!

Что до Оливии, то Эмили не сомневалась, что сестра будет только рада, если она найдет свое счастье. А Андре как раз и был тем человеком, который сделал ее счастливой. Конечно,

она обязательно расскажет о нем Оливии, и очень скоро...

Эмили так погрузилась в свои мечты, что даже не сразу услышала, как внизу отворилась дверь. Вдруг что-то гладкое и нежное легко коснулось кончика ее носа, покружилось по щеке и наконец пощекотало полуоткрытые губы.

– Ты принес мне розу, – улыбнулась Эмили.

– Угадала! – Над ее головой раздался низкий мужской смех.

Матрас скрипнул. Андре присел на краешек кровати рядом с ней.

– А какого она цвета?

– Темно-красная.

– Я всегда любила такие больше всего... – Ее улыбка стала мечтательной и немного грустной.

Отложив розу в сторону, Андре потянулся к ней, и Эмили, будто почувствовав это, бросилась в его объятия, уютно устроившись головой на широком плече. Потом покорно подставила ему губы, и волна чисто мужского тщеславия охватила Андре. «Боже, как же она красива!» – с привычным восхищением подумал он.

Прошло немало времени, прежде чем она отстранилась. Шторы на окнах были раздвинуты, и лунный свет лился в комнату. Было светло как днем. Он шутливо пригладил кружевную оборку на вырезе ее ночного одеяния.

– А я надеялся, что ты меня ждешь!

– Так и есть, – затрепетав, смущенно призналась Эмили.

Закинув руки ему за плечи, она притянула его к себе и, собрав все свое мужество, прошептала, не поднимая глаз: – Останься со мной...

Все поплыло у него перед глазами, и мир завертелся в безумной пляске, Андре оцепенел, не веря своим ушам. Нет, ошарашенно мелькнуло у него в голове, он ошибся. Она не могла иметь в виду то же, что и он... Он напрягся.

– А ты уверена, что Оливия не вернется?

– Только завтра утром, – кивнула Эмили. – Цыганский граф устраивает бал, и она предупредила, что проведет нею ночь в Рэвенвуде.

Краешком сознания он отметил, с каким нескрываемым презрением Эмили произнесла слово «цыганский», и снова проклял себя за то, что обманывал ее. На душе у Андре было тяжело.

Но если бы он сказал ей правду, его бы здесь не было.

Время, казалось, остановилось. Андре колебался.

Легкая морщинка прорезала гладкий лоб Эмили, и она неуверенно окликнула его:

– Андре?

Раздираемый противоречивыми чувствами, Андре взглянул на нее. Губы ее, мягкие и манящие, были совсем близко от его губ. Сердце Андре глухо заколотилось в груди. Желание, жаркое и ослепляющее, воспламенило кровь в его жилах, ударило в голову, однако в глубине души он все еще колебался, помня об осторожности. Он должен отказаться. От-

казаться, а потом немедленно уйти. Но она была такой теплой, такой соблазнительной...

Эмили умоляюще коснулась его губами, словно напоминая о себе.

Андре с трудом успел подавить стон, уже готовый сорваться с его губ. Ладонь его, подхватив сверкающий золотом водопад волос, легла на затылок Эмили, и Андре с исступлением голодающего припал к ее губам. Тело Эмили выгнулось, как если бы он и был тем самым, единственным, которого она ждала... А сам Андре уже не понимал, где он – в раю или в аду. Влажное прикосновение ее губ, ее трепещущего тела, прикрытого одной лишь тонкой тканью, – все это приводило его в неистовство. Мучительное желание сводило с ума. Он с трудом оторвался от ее губ.

– Бог мой, – прохрипел Андре, – этого не должно быть! Это... это неправильно!

Эмили, ошеломленная и испуганная, отодвинулась в сторону. Какая же она дура, с горечью подумала Эмили. Бросилась ему на шею, а ведь он даже не хочет ее. Господи, он просто ее не хочет! Ей с трудом удалось овладеть собой.

– Что ж, тогда уходи! – крикнула она. – Уходи, если хочешь!

В голосе ее звенели слезы, и это было невыносимо. Андре понял, что больше не в силах бороться с собой. Он хотел эту женщину с первой минуты, как увидел ее, хотел так, как никакую другую до нее, и не сомневался, что не захочет никого

после нее. Эмили молча отвернулась, но Андре, обвинив руками ее талию, прижал девушку к груди.

– Я вовсе не хочу уходить, – прошептал он, смущаясь, как зеленый юнец.

Эмили на мгновение перестала его отталкивать, прислушиваясь.

– Чего же ты хочешь? – жалобно спросила она.

Руки Андре крепче сжались вокруг ее талии, и он почувствовал, как затрепетало ее тело.

– Все, что я хочу – здесь, в этой комнате. Я хочу тебя, Эмили. – Голос его дрожал от едва сдерживаемой страсти. – Но, даже сгорая от желания, я не могу не гадать... Что, если ты пожалеешь? Что, если станешь проклинать эту ночь?

Эмили невольно улыbnулась. Любовь переполняла ее сердце. Ей казалось, еще немного – и она просто не выдержит. Она взяла лицо Андре в свои ладони.

– Я не пожалею. И никогда не стану проклинать тебя. И уверена, самое правильное, что я могу, это... – Нежные губы ее дрогнули, голубые глаза, залитые слезами, были похожи на незабудки после дождя. – ... это быть с тобой!

Андре понял, что пропал. Притянув ее к себе, он приник к ее губам страстным поцелуем, в который вложил весь огонь желания. Потом, положив руки ей на плечи, осторожно стянул вниз ночную сорочку и, с трудом заставив себя оторваться от ее губ, отодвинулся, чтобы увидеть ее. Он смотрел и не мог насмотреться.

Она была совершенна. Ее кожа, нежная, без единого пятнышка, напоминала цветом драгоценную слоновую кость. Маленькие, изящно округленные груди были увенчаны двумя алыми вишенками, которые он мечтал попробовать на вкус. Женственные полные бедра подчеркивали тонкую талию. А живот был плоским и шелковистым на ощупь.

– Андре? – Она вопросительно склонила головку на плечо. – Ч-что ты делаешь?

– Любуюсь тобой, – тихо ответил он, бессознательным движением очертив ладонью восхитительную линию, которая вела от талии к бедрам.

Эмили вспыхнула, покраснев до корней волос. Однако не променяла бы эту минуту ни на что в мире. Жгучее желание, пламенем загоревшись в груди, понемногу охватило все ее существо. Робко прижавшись к его груди, Эмили подняла на него глаза.

– Я... я тебе нравлюсь?

– Ох, принцесса, – шутливо шепнул он ей на ушко, подавив низкий смешок, – еще как! Еще немного, и я просто умер бы, до того ты мне нравишься!

Губы Андре скользнули вниз по длинной, изящно изогнутой шейке Эмили. Горячие мужские ладони охватили ее груди, упиваясь их тяжестью, потом, стиснув на мгновение тонкую талию, двинулись вниз, очертив бедра, формой напоминавшие греческую амфору. Эмили даже не пыталась остановить его; забыв обо всем, она позволяла ему делать с ней все,

что ему угодно и как ему нравится, полностью отдавшись в его власть. Нечто похожее на гордость удовлетворенного собственника приятно щекотало самолюбие Андре. Только подумать, что она хочет его... его!

Он медленно поднял голову. Одежда теперь безумно раздражала его, и он принялся лихорадочно срывать ее с себя, швыряя куда попало.

Наконец его ладони снова крепко обхватили ее за талию, и сердце Эмили затрепетало. Потом горячие губы Андре властно смяли ее рот, и он осторожно опрокинул ее на постель. Она ощутила прикосновение его ноги, мускулистой, поросшей курчавыми шелковистыми волосками, и Эмили затрепетала, поняв, что он совершенно обнажен, как и она.

А вскоре это стало не важно. Его горячее тело зажгло в ней огонь, и Эмили позабыла обо всем. Еще никогда в жизни она не чувствовала такого спокойствия... Разве что в ту ночь, когда, очнувшись после ночного кошмара, почувствовала рядом Андре. Руки его, сомкнувшиеся вокруг нее, казались ей самой надежной защитой в мире.

Она даже представить себе не могла, чтобы на его месте оказался кто-либо другой. Сама эта мысль показалась ей абсурдной.

Руки Эмили лихорадочно блуждали по его груди и плечам, упиваясь тем, как перекатываются тугие мускулы под тонкой горячей кожей. Стыдливость ее исчезла, растаяла без следа, словно снег под жаркими лучами весеннего солнца.

Вдруг она испуганно ахнула: Андре, обхватив кончиками пальцев ее соски, принялся нежно поглаживать их до тех пор, пока те не превратились в крохотные твердые камешки. Наслаждение, равного которому она никогда не знала, охватило Эмили.

– Пожалуйста! – вдруг взмолилась она, не отдавая себе отчета, о чем просит. – О, пожалуйста...

И Андре, догадавшись, о чем умоляет Эмили, склонился к ней, припав губами к ее груди. Он втянул в себя сосок, и беззвучный вздох слетел с губ девушки. Откинув голову, она трепетала, когда Андре ласкал языком нежный коралловый бутон, слегка покусывая его до тех пор, пока Эмили не позабыла обо всем. Запустив пальцы в густую гриву его волос, она притянула его к себе, словно желая, чтобы он не оставался.

Каждое его прикосновение заставляло тело Эмили содрогаться в сладкой муке, но он и не думал останавливаться, лаская ее везде, даже в самых сокровенных местах. Когда наконец он опустился на нее и Эмили почувствовала тяжесть его тела, голова у нее кружилась.

– Я постараюсь не причинить тебе боли, принцесса, – с трудом выговорил он сквозь крепко стиснутые зубы. На скулах Андре вздулись желваки. Он едва владел собой. – Не бойся.

Обхватив его лицо ладонями, Эмили нежно провела кончиком пальца по губам Андре. На лице ее расцвела очарова-

тельная улыбка, и он едва удержался, чтобы не зажмуриться: перед ним была настоящая сирена.

– Конечно, – прошептала она. – Я и не боюсь. Разве ты можешь причинить мне боль?

Низкий стон вырвался из груди Андре. Уже не владея собой, он глубоким, страстным поцелуем завладел ее ртом и медленно вошел в нее.

Острая боль на мгновение пронизала Эмили... и тут же исчезла. Осталось только ранее неведомое, изумительное чувство единения и завершенности.

Андре терпеливо и незаметно продвигался все глубже, пока не вошел до конца в ее шелковистую глубину. С лица Эмили не сходила улыбка.

– Вот видишь, – прошептала она, – я же знала, что больно не будет. – С губ ее сорвался легкий вздох. – Как можно было бояться, когда это так чудесно?

Из груди Андре вырвался полусмех-полустон. Он снова поцеловал ее, и губы его коснулись ее рта так же нежно, как бабочка касается лепестка цветка. Эмили вскрикнула от наслаждения, жаркой волной захлестнувшего ее, и, обхватив руками его за шею, притянула к себе, спрятав разгоревшееся лицо у него на плече.

– О, Андре, – беспомощно пролепетала она, – я люблю тебя... Я так люблю тебя! – Слова эти сами собой сорвались с ее губ, прежде чем она успела подумать.

С прерывистым стоном Андре накинута на ее рот. Назад

пути уже не было, и он это понимал. Он начал двигаться, вначале медленно, потом все быстрее и быстрее, мощными, короткими толчками вонзаясь в ее лоно. Тела их сплелись, двигаясь в древнем, как мир, ритме. Сейчас ими управлял первобытный инстинкт, подсказывая, что останавливаться нельзя и освобождение уже близко.

Но прошло еще немало времени, прежде чем Андре, вздрогнув, оцепенел, а потом, глубоко вздохнув, скатился с нее и лег рядом. Сердце его неистово билось. Положив руку ей на бедро, он склонился над Эмили и нежно поцеловал ее в губы. И вдруг, к своему ужасу и изумлению, увидел, что ее глаза полны слез... Его охватил панический страх.

– Эмили! – воскликнул он. – Что с тобой? Тебе больно?!

Повернувшись на его голос, она всем телом прильнула к нему.

– Нет, Андре, нет! Это было так... так чудесно! – Она чувствовала это всем своим существом, хотя слово «чудесно» даже близко не отражало то, что она испытывала сейчас. – Если честно, я ни о чем таком и не мечтала! Разве что... об одном...

Он вздрогнул и впился глазами в ее лицо.

– О чем, принцесса? – тихо спросил Андре.

– Больше всего на свете я хочу увидеть тебя, – прошептала она в ответ.

В голосе ее звучала боль, от которой у него чуть не разорвалось сердце. В отчаянии от сознания собственной беспо-

мощности, Андре крепче прижал ее к себе, как мать – обиженного ребенка. Он гадал, каково стать женщиной, когда ты погружена в вечную темноту и не можешь увидеть даже лица человека, которого любишь.

Руки ее дрогнули. Мир красок и цвета недоступен для нее, с болью в душе подумал Андре. Если бы это было в его власти, он без сожаления отдал бы и жизнь, и свою бессмертную душу, лишь бы дать ей возможность снова видеть. Прижав ее к себе, он нежно поцеловал ее в висок.

– Спи, – тихо прошептал он.

Как ни странно, она послушалась и мгновенно уснула. А сам Андре всю эту долгую ночь так и не смог сомкнуть глаз...

Наконец наступило утро, и солнечные лучи, проникнув в комнату сквозь неплотно закрытые шторы, залили спальню ярким светом. Бросив торопливый взгляд на Эмили, он обнаружил, что она еще спит. Осторожно, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить ее, Андре бесшумно выбрался из постели.

Когда он торопливо натягивал одежду, солнечный луч, упав на бюро, выхватил из полумрака что-то маленькое, блестящее, сверкавшее, как бриллиант. Андре тут же узнал магический кристалл, который он подарил Эмили. Он глубоко вздохнул, и лицо его просветлело. Значит, она хранила его.

Взгляд Андре снова упал на спящую Эмили. Она лежала на спине, пышная волна волос разметалась по подушке, окружая ее лицо сияющим нимбом. Губы Эмили чуть при-

открылись. Она была похожа на спящего ангела. Не в силах сдержаться, Андре осторожно присел на постель и коснулся ее губ легким поцелуем.

– Андре? – шевельнувшись, сонным голосом прошептала она, не открывая глаз.

Веки ее, затрепетав, приподнялись. И вдруг Андре увидел, как она вздрогнула и бессознательным движением прикрыла рукой глаза.

– Свет! – услышал он ее возглас.

Андре замер. Неужели такое возможно?.. Он затаил дыхание. Нет, это было бы чудом! Взгляд его невольно обратился к сверкавшему на бюро кристаллу.

Судя по всему, Эмили пришла в голову та же мысль. Лицо ее выразило неподдельное изумление. Рука, которой она все еще закрывала глаза, задрожала.

– Свет, – снова чуть слышно повторила она, словно сама не веря себе. Сон слетел с нее как по волшебству. – Андре! – пронзительно закричала она.

В то же мгновение он был рядом.

– Я здесь, принцесса, – произнес он, невероятным усилием воли заставив себя говорить спокойно. – Эмили, послушай, ты что-нибудь видишь? Ну хоть что-нибудь?

– Да-а, – неуверенно протянула она, – мне так показалось. Я пока не говорила ни тебе, ни Оливии, но на прошлой неделе было то же самое. Только теперь это намного...

– Что? Эмили, что?

– Теперь это намного ярче, – слабым, чуть слышным голо-
сом ответила она. Ее рука, прикрывавшая глаза, снова задро-
жала. Эмили глубоко вздохнула. – Мой кристалл! – вспом-
нила она. – Андре, где он? Дай мне его!

Неужели это правда? Что, если зрение стало понемногу
возвращаться к ней? Откровенно говоря, сам он на это не
надеялся. Андре вдруг охватила паника. Он рванулся было,
чтобы уйти, не дать ей увидеть его лицо. Если это правда,
если она узнает... Острое чувство беспредельной вины прон-
зило его сердце. Нет. Никогда, подумал он. Если благодаря
ему зрение вновь вернется к ней, ни за какие блага в мире
он не захочет лишиться ее этого счастья. Он не позволит себе
так поступить.

– Зачем он тебе, принцесса?

– Но ты же сам говорил, что кристалл обладает магиче-
ской силой. Так оно и есть! Теперь я точно это знаю!

– Нет, принцесса, не так. Я сказал так, потому что думал:
может, тебе поможет, если ты поверишь в это. Неужели ты
не понимаешь, все дело в тебе! Ты хотела, чтобы зрение вер-
нулось к тебе, и желание вот-вот исполнится! – Пальцы его
сжались вокруг ее тонких запястий. – Открой глаза, люби-
мая!

Эмили чуть-чуть раздвинула пальцы, но тут же плотно за-
жмурила глаза.

– Больно! – жалобно вскрикнула она. – Андре, свет слиш-
ком яркий!

Он бросился к окну, рывком задернул шторы и снова присел на краешек постели возле нее.

– Вот и все, я занавесил окно. Прошу тебя, Эмили, попробуй снова.

С ее губ сорвался жалобный стон, и у Андре от жалости к ней чуть не разорвалось сердце.

– Я боюсь. Мне страшно... Вдруг это всего-навсего сон. И когда я проснусь, вокруг опять будет лишь темнота.

– Это не сон, клянусь тебе! – Его сердце рванулось к ней, – Но ты никогда не узнаешь, пока не откроешь глаза. Ну же, смелее! Открой глаза и посмотри на меня, принцесса! – Эмили дрожала с головы до ног. – Ну прошу тебя, принцесса. Ведь ты сама этого хотела, помнишь?

Он прав, внезапно поняла Эмили. Именно об этом она мечтала, об этом говорила с того самого дня, как они встретились. Ее охватило безумное желание увидеть своего возлюбленного, увидеть Андре, настолько острое, что она едва удержалась, чтобы не закричать.

Опустив руку, Эмили слегка приоткрыла веки. Перед глазами висела мутная серая пелена.

– Вот так, принцесса. Ну а теперь посмотри на меня. Что ты видишь?

– Как будто смотришь сквозь плотные шторы, – едва осмеливаясь дышать от страха, прошептала Эмили. Глаза ее были полузакрыты.

Со стоном Андре охватил ладонями ее лицо и с трогатель-

ной нежностью поцеловал дрожащие губы. Длинные ресницы Эмили опустились на побледневшие щеки. Она чуть заметно вздохнула, и губы ее слегка приоткрылись.

– Еще раз, – хрипло прошептал он, не поднимая головы.
– Открой глаза еще раз, любимая!

Любимая! Сердце Эмили радостно встрепенулось. Он и ночью не раз говорил ей о своей любви. Стараясь не дышать, она послушно приоткрыла глаза.

Перед ее глазами возник мутный свет, в котором двигались какие-то тени. И вот... вдруг откуда-то выплыло неясное очертание человеческого лица. Оно казалось размытым, и Эмили испугалась, что лицо сейчас исчезнет. Поморгав несколько раз, она снова открыла глаза. Теперь контуры его стали более четкими.

С бьющимся сердцем Эмили увидела глаза, настолько темные, что они казались почти черными. Черные, как вороново крыло, густые волосы кольцами спускались на шею. Кожа мужчины казалась почти бронзовой... Из груди Эмили вырвался радостный крик. Наконец-то... наконец она видит своего любимого... своего Андре!

Лицо, которое она видела, прямо на глазах становилось живым. Краем глаза Эмили заметила что-то ярко-красное. Это был повязанный вокруг шеи платок.

Сердце ее вдруг стало биться медленными, тяжелыми толчками. Кровь в жилах заледенела от предчувствия надвигающейся беды. От внезапной догадки все поплыло перед

глазами Эмили. Мир завертелся и стал гаснуть. Это невозможно... невысказанно! И все же это так. Теперь она видела это собственными глазами. Ее возлюбленный... ее Андре оказался...

Цыганом!

Отказываясь верить тому, что увидела, Эмили сорвалась с постели.

– Нет, – услышала она сдавленный шепот и поняла, что это ее собственный голос. Тишину в комнате прорезал душераздирающий крик смертельной муки: – Нет!

– Принцесса! – протянул он к ней руки.

– Не называй меня так! – оттолкнула его Эмили. – Никогда больше не смей меня так называть!

Она окинула его с головы до ног презрительным, обвиняющим взглядом. Андре потребовалось сделать над собой усилие, чтобы не отвести глаза в сторону. Но прежде чем он успел произнести хоть слово, Эмили заговорила снова.

– Будь ты проклят! – выпалила она. – Почему ты не сказал, что ты цыган?! – Она с ненавистью выплюнула это слово. Андре вздрогнул, как от удара.

– Я не хотел лгать тебе, Эмили. И если никогда не говорил об этом, так только потому, что знал: если бы я сказал тебе, ты не захотела бы видеть меня. А этого я не мог перенести.

– Ты говорил о своей семье, – словно не слыша, продолжала она, – говорил, что не знаешь, надолго ли вы в наших

местах... О Боже, неужели ты имел в виду... цыган?

– Да, это так, – гордо подняв голову, ровным голосом сказал он. – Они – моя семья, мои родители, потому что своих я потерял, когда был еще маленьким.

У нее вырвался неясный звук, слишком ясно давший ему понять, что она испытывает.

Андре коротко вздохнул. Конечно, Эмили права, и он хорошо это знал. Он должен был сказать ей. Но тогда он потерял бы ее. И это тоже было ясно. Но может быть, так было бы лучше... Вряд ли ему было бы больнее, чем сейчас. Яркая краска гнева залила его бронзовое от загара лицо.

– Думаешь, мне было легко? Да у меня не было ни минуты покоя. Каждый раз, видя тебя, я терзался... Мне было мучительно стыдно за свою ложь. А что я почувствовал, когда ты рассказала мне об отце... о том, что он был убит цыганом... Ты можешь себе это представить? Что мне было делать? Скажи, что? – В глазах его была мольба. – Скажи я тебе, кто я такой, я бы потерял тебя навсегда. Допустить этого я не мог!

– Ты думал только о себе! – рыдала Эмили. – А обо мне... обо мне ты подумал? Ты никогда не пытался представить, что будет со мной, если я когда-нибудь узнаю, кто ты?

– Ты права. Признаюсь, я думал только о себе. – Андре поднял на нее глаза. – А как же эта ночь? Неужели ты все забыла? Неужели то, что было, ничего для тебя не значит?

– Все изменилось! – яростно крикнула она. Ее голубые глаза заволокло слезами. – Я тебя не знаю! И знать не хочу!

– Но я тот, кого ты знала, – тихо проговорил он. – Подумай, Эмили, и ты сама поймешь. – И он снова протянул к ней руки.

Но Эмили брезгливо отшатнулась.

– Я знаю, кто ты такой – грязный вор! Такой же, как все цыгане! Я ненавижу тебя!

Он вздрогнул, словно Эмили ударила его. Руки Андре бессильно упали. Он сник. Пытаться переубедить ее бесполезно. Андре знал это с самого начала. Эмили никогда не передумает. Его взгляд с тоской впился в ее лицо, словно стараясь навеки запечатлеть в памяти дорогие черты.

– Прощай, принцесса, – еле слышно прошептал он.

Через мгновение дверь за ним захлопнулась. Андре ушел.

Она осталась стоять посреди комнаты. Ее била крупная дрожь. Эмили казалось, что она умирает. И тогда она увидела на полу, возле столика, розу, которую он ей принес.

Сдавленное рыдание вырвалось из груди Эмили. Подняв розу, она медленно поднесла ее к лицу и долго стояла, погружившись в невеселые мысли и крепко сжимая в руках колючий стебель. Эмили очнулась, только когда кончик пальца окрасился яркой кровью. Сама того не заметив, она уколола палец шипом.

Но эта боль казалась такой ничтожной по сравнению с той, что терзала сейчас ее сердце!

Глава 18

Доминика разбудила веселая птичья трель. Одинокая пташка, устроившись на ветке возле окна, приветствовала наступающий день. Едва открыв глаза, он повернулся и посмотрел на подушку, на которой еще оставалась ямка от головы. Но Оливия уже исчезла.

При виде опустевшей половины постели Доминик едва сдержал вздох разочарования. Просунув руку под одеяло, он потрогал то место, где еще недавно лежала она. Простыни были теплыми, и на губах его появилась улыбка. Всю долгую ночь она прижималась к нему, рука Оливии покоилась у него на груди, лицо доверчиво уткнулось в ямку у основания шеи. Он вспомнил, как ее чуть влажное дыхание щекотало ему кожу, вспомнил сладостное прикосновение мягкой, упругой груди, и на душе у него потеплело.

Он вздохнул. Уже второй раз он был близок с Оливией и снова просыпался один. Представив, как чудесно было бы проснуться рядом с ней, такой теплой и мягкой, разбудить ее поцелуем, ласкать еще теплую со сна, трепещущую плоть и чувствовать, как его собственная с каждой минутой все твердеет и наливается силой, Доминик чуть не застонал. Как было бы здорово провести в постели весь день вдвоем! Они бы позавтракали в постели... а потом снова занялись бы любовью. А потом, может быть, даже приняли бы вместе ванну,

размечтался Доминик.

Горячий, необузданный порыв фантазии... Однако он мечтал, что когда-нибудь все это станет явью. А сейчас... сейчас он почувствовал себя одиноким и брошенным.

И не то чтобы он винил Оливию. Он знал, почему она так поступила: можно представить, какая волна сплетен прокатилась бы по Стоунбриджу, если бы кто-нибудь из любопытных горничных проведаль об их отношениях. Уголки губ Доминика опустились. Впереди его ждал долгий день. Еще несколько недель назад он решил навестить арендаторов, живших на самой окраине его земель. Если бы не это...

«И что бы я тогда сделал?» – спросил он себя. Вряд ли ему удалось бы держаться вдали от нее, и уж, во всяком случае, не весь день. Мучительно было делать вид, что они по-прежнему чужие друг другу... что между ними ничего нет. Особенно если руки Доминика сами собой тянулись к ней, и он каждую секунду мечтал о том, чтобы подхватить ее, прижать к себе, унести сюда, в свою спальню, и не выпускать отсюда как можно дольше... хоть целую жизнь.

Слишком поздно, кисло признался себе Доминик, теперь уже слишком поздно. Уговорив Оливию провести с ним ночь, он подверг страшной опасности ее доброе имя. Может быть, она была права и он в самом деле распутник? И однако он невольно вынужден был признать, что никогда еще страсть к женщине не владела им столь безраздельно. Он не мог думать ни о чем другом: мысли его то и дело возвраща-

лись к Оливии.

Взгляд его задержался на нефритово-зеленом платье. Накануне вечером они так и оставили его на полу. Ухода, Оливия подняла его и аккуратно повесила на стул. Господи, благоговейно подумал он, как же она была красива в нем! Как он мечтал, чтобы она согласилась его принять! Может быть, потом...

И тогда, поклялся он про себя, все будет совсем по-другому.

Тогда она станет его женой.

Когда в тот день, вернувшись после полудня домой, Оливия открыла дверь, шторы в гостиной были плотно задернуты. Она остановилась на пороге. Это показалось ей немного странным, но Оливия ничего не сказала. Однако сердце вдруг сжала неясная тревога. Может, Эмили плохо себя чувствует? Сбросив капор, она повесила его на крючок возле двери и окликнула:

– Эмили!

В ответ тишина.

Перепугавшись всерьез, Оливия помчалась наверх. Эмили, как обычно, сидела на кушетке, одной рукой прикрывая глаза.

– Эмили! Господи, как же ты напугала меня! Почему ты не отвечаешь?

– Я... я не слышала, как ты звала. – Эмили как-то неловко

выпрямилась.

Оливия сразу поняла, что сестра кривит душой. Присев рядом, она взяла ее руку в свои и ласково жала.

– Милая, – нежно прошептала она, – что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

– Все в порядке, – после долгого молчания вяло пробормотала Эмили.

Но прозвучало это так странно, что Оливия нахмурилась. Взгляд ее потемнел. Шторы на окнах были задернуты так плотно, что солнечный свет почти не проникал в окно, и в гостиной царил полумрак. Может быть, поэтому она не сразу заметила, что всегда ясные голубые глаза Эмили сейчас были обведены темными кругами и распухли.

– Эмили, да ты плакала! – Оливия пришла в ужас. – Милая, ну прости ради Бога! Прости, что я оставила тебя одну.

– Это не из-за тебя. – Сложив руки на коленях, Эмили устала на них неподвижным взглядом.

– А что тогда? – У Оливии от страха все внутри похолодело. Неясное чувство подсказывало ей, что случилась беда. Она пыталась отогнать тревогу, но все было напрасно. Все последние дни Эмили казалась такой беззаботной, такой счастливой... а сейчас... Глядя на сестру, Оливия невольно вспомнила, какой она была в первые дни после того, как ослепла. И ей стало по-настоящему страшно. Тогда Эмили впала в оцепенение. Приходилось и просить, и кричать на сестру... Чего только она тогда не делала, чтобы заставить ее

хотя бы встать с постели. И сейчас Эмили снова стала такой, как тогда. Произошло что-то ужасное... Оливия снова взяла ее безжизненную руку в свои и заставила сестру повернуться.

– Эмили, умоляю тебя, скажи, что случилось?

Эмили медленно подняла опущенную голову и посмотрела на сестру.

И вдруг Оливия заметила какую-то непонятную перемену: взгляд Эмили уже не был пустым и безжизненным... Она смотрела на нее, как будто...

Как будто она видела!

Сердце Оливии заколотилось так, что ей казалось: еще мгновение, и оно разорвется.

– Эмили... – Она с трудом узнала свой собственный голос.
– Эмили, ты... ты видишь меня?

С дрожащими губами Эмили кивнула. Стиснув сестру в объятиях, Оливия смеялась и плакала одновременно.

– Ты снова видишь, – сквозь слезы повторяла она. – Господи, ты снова видишь!

Только немного успокоившись, она обратила внимание, что на лице самой Эмили не видно радости. Сестра тоже обняла ее, но как-то вяло, будто механически.

Слегка отодвинувшись, Оливия внимательно оглядела сестру, потом снова взяла ее за руку. Ладонь Эмили была холодна как лед, хотя день был довольно жарким. Что-то было не так. Лицо Эмили, всегда такое оживленное, словно съ-

жилось и посерело.

– Эмили, я не понимаю... По-моему, ты должна прыгать от радости! Разве не об этом ты мечтала весь этот год, мечтала как о чуде?

Вдруг, к ее ужасу, глаза Эмили наполнились слезами.

– Я думала, это будет самый счастливый день в моей жизни, – горько всхлипнула она. – А вместо этого...

– Но... что все это значит? О чем ты, Эмили?

– Я совершила нечто ужасное, Оливия, – захлебываясь, проговорила Эмили. – Я... я влюбилась!

– Но что же в этом ужасного? Я тебя не понимаю... Это чудесно!

– Нет, – жалким, несчастным голосом сказала Эмили. – Это не так...

– Но почему? Разве он не любит тебя?

– Говорит, что любит.

– Откуда же эти слезы? Если вы с ним любите друг друга...

Глаза Эмили вдруг стали похожи на бездонные голубые озера, в глубине которых плескалась боль.

– Оливия, – прошептала она, – он... он цыган.

Оливия почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

– Боже милостивый, – бессильно прошептала она. Мысли ее мгновенно вернулись к Доминику. Господи, это невозможно, твердила она. Откуда он взялся? Как это могло случиться? Когда? Да и вообще, где Эмили могла встретиться с этим проклятым цыганом?! Она стиснула руки Эмили и за-

ставила сестру взглянуть ей в глаза. – Расскажи мне, как это случилось, – тихо, но твердо сказала она. – Где ты встрети-лась с этим цыганом?

– В деревне, – как послушный ребенок, ответила Эмили. – Эстер... Знаю, ты скажешь, что я должна была сразу рас-сказать тебе об этом... Понимаешь, Оливия, когда мы ходили гулять, она часто заглядывала в пивную пропустить стакан-чик-другой. На минутку, так она всегда говорила. Но как-то раз я прождала ее очень долго. Уже стемнело, а Эстер все не было. Я ждала ее, сидя на скамейке, и уже стала волноваться. Потом испугалась по-настоящему, все гадала, как же вернусь домой. И тогда он подошел ко мне...

– Цыган?

– Его звали Андре, – кивнула Эмили.

Андре! Оливия едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. Она вспомнила красивого молодого цыгана, которого встре-тила в таборе. Неужели это был он? У нее возникла странная уверенность, что так оно и есть.

– Оливия, он был так добр ко мне! Знаю, ты много раз твердила мне, чтобы я не разговаривала с незнакомыми, но я... я позволила ему проводить меня домой. Я была увере-на, что он не джентльмен, скорее какой-нибудь рабочий. Или фермер. Так я решила вначале. А потом он сказал, что тор-гует лошадьми.

Цыганская торговля, с горечью подумала Оливия. Бедная слепая Эмили! Откуда ей было знать, что рядом с ней цыган?

Впрочем, она понимала и Андре. Искренне увлекшись очаровательной, к тому же слепой девушкой, с чего бы он стал рассказывать ей, кто он такой? Эмили с виноватым видом опустила голову.

– Мы часто виделись с ним, пока ты была в Рэвенвуде, – жалобно пробормотала она. – Знаю, я виновата, мне следовало все рассказать тебе. Но я боялась, что ты рассердишься. И никогда не позволишь нам больше встречаться.

Оливия молча слушала невеселый рассказ сестры. А Эмили все говорила и говорила. О том, как Андре продавал на рынке изготовленное ее руками кружево. Как очень скоро она поняла, что чувство дружбы, которое она испытывает к нему, переросло в нечто большее. Как он принес ей магический кристалл. Боже мой, разве можно было так надолго оставлять сестру одну! Острое чувство вины захлестнуло Оливию. Но в глубине души она обрадовалась, сообразив, что Эмили вовсе не была одинока. К несчастью, вряд ли она сможет утешить сестру. Ведь если Эмили виновата только в том, что позволила себе полюбить цыгана... то и она, Оливия, поступила точно так же. Оливия сжала руку сестры.

– Скажи... он знает, как умер папа?

– Да. Только представь себе, еще несколько недель назад я рассказала ему, что папу убил какой-то цыган, а он... он даже тогда не признался! Он предал меня, Оливия! Предал! И я... я ненавижу его! Я сказала ему, что никогда... никогда не захочу увидеть его снова!

– Стало быть, он не вернется, – задумчиво протянула старшая сестра. – Или я ошибаюсь?

Глаза Эмили на мгновение вспыхнули, но тут же потухли. Она опустила голову и вздохнула. Две тяжелые слезы повисли у нее на ресницах.

– Нет, – прошептала она.

Оливия, обняв младшую сестру за плечи, ласково притянула ее к себе и терпеливо ждала, пока та выплечется, утешая ее, как могла. «Что же удивляться, если Эмили так потрясена?» – мрачно думала она про себя. Сначала увидеть собственными глазами, как от руки цыгана погибает отец, потом ослепнуть, а затем по злой насмешке судьбы влюбиться именно в цыгана...

Эмили сказала, что ненавидит Андре. Но, по правде говоря, Оливия отнюдь не была в этом уверена.

Вволю наплакавшись, Эмили незаметно для себя задремала на кушетке. Оливия, ласково погладив спящую сестру по щеке, встала и задумчиво посмотрела на нее. Ей до сих пор не верилось, что Эмили прозрела... Впрочем, так же когда-то ей не хотелось верить, что сестра навсегда осталась слепой. И вдруг у нее мелькнула мысль, что скорее всего в случившемся чуде есть заслуга Андре.

В дверь постучали, и Оливия бросилась открывать. К ее удивлению, на пороге стоял Доминик. Прежде чем она успела сказать хоть слово, он шагнул к ней и захлопнул за собой дверь.

Не сказав ни слова, он крепко прижал Оливию к груди, и его губы приникли к ее губам. Волна наслаждения, бороться с которым она была бессильна, разлилась по ее телу. Нет, ни за что, твердила про себя Оливия. Так нельзя. Это нехорошо, стыдно, к тому же Эмили совсем рядом. Как можно наслаждаться его поцелуями, когда в соседней комнате лежит сестра, сердце которой разбито? Наконец, собравшись с духом, она прервала поцелуй и попятилась.

– Доминик! Я... я и не знала, что вы уже вернулись! – По словам Шарлотты, граф уехал повидать кое-кого из арендаторов.

– Только что приехал.

В комнате повисло молчание. Доминик не сводил с нее глаз, и Оливии стало неуютно. Казалось, ничто не могло ускользнуть от взгляда этих пронизательных синих глаз. У нее возникло странное ощущение, что Доминику не составляет никакого труда читать в ее душе.

– Что случилось, Оливия? Что-нибудь не так?

Оливия замялась. «Все!» – хотелось крикнуть ей. Нервы у нее были натянуты до предела. Эта ночь... Наверное, это была сама чудесная ночь в ее жизни. Но наутро, едва спустив ноги с постели и увидев спящего Доминика, Оливия ужаснулась. Действительность вновь встала перед ней в неприкрытой наготе. Сомнения разъедали ей душу, словно ржавчина. «Боже мой, – в отчаянии думала она, – я отдалась этому человеку, причем дважды! Как такое могло случиться?»

Но сейчас, забыв об этом, Оливия тревожилась только об Эмили. Обман, предательство, утрата первой любви – перенести такое сможет не каждый. И Оливия решила, что теперь не время посвящать младшую сестру в свои отношения с Домиником. Все было бы проще, если бы в его жилах не было примеси цыганской крови. И потом, с некоторой долей сомнения подумала она, как их определить, эти отношения? Ей было отвратительно считать себя его любовницей, хотя в глазах остальных это выглядело именно так. Тогда кто она ему? Возлюбленная?

Мысленно Оливия взвесила оба эти слова. Любовница... Возлюбленная... И то и другое звучало дешево.

Нет, решила она, украдкой бросив взгляд через плечо туда, где спала Эмили. Сейчас ей было не до объяснений. И уж по крайней мере не здесь. Рана, нанесенная Эмили, еще слишком свежа. Она не может позволить Доминику войти. Не стоит лишний раз напоминать сестре об Андре. Доминик на лету перехватил ее взгляд, и глаза его недовольно сузились.

– В чем дело? – резко спросил он. – Кто там у тебя? Кто-то, кроме Эмили?

– Разумеется, никого! – вдруг рассердившись, бросила она. – А теперь, если не возражаете, я бы попросила вас удалиться!

– Не хочешь, чтобы она знала, что я здесь? Я угадал? – Взгляд Доминика стал тяжелым и подозрительным.

Оливия хотя и злилась, осмелилась только сказать:

– Думаю, вам лучше уйти!

– Мои нижайшие извинения, мисс Шервуд, – протянул Доминик. Лицо его окаменело. – И прошу простить мою навязчивость. Однако хотелось бы знать... Вы решили, что я слишком хорош для дочери бедного викария? Или что вы чересчур хороши для человека, в жилах которого течет цыганская кровь?

Глаза Оливии расширились. Она не ответила... просто не нашла слов. Она и представить не могла, что нечто подобное придет ему в голову.

Видя, что она молчит, Доминик раздраженно пожал плечами. Он сбежал по ступенькам и, не обернувшись, с грохотом захлопнул за собой дверь. Судя по каменному выражению лица, Доминик был вне себя. Только после его ухода Оливия сообразила, что он неправильно истолковал ее молчание... истолковал как подтверждение его слов. Чего же ему стоило принять такой удар!

Эта мысль была для нее невыносима. Неужели он мало страдал до сих пор? Столько лет сносить жестокость отца, а теперь страдать снова – по ее вине.

Нет, этого нельзя допустить. Но когда она выбежала на крыльцо, Доминик был уже в седле.

– Доминик! – Оливия бросилась к нему. – Доминик, подождите! Вы меня не так поняли...

Доминик обернулся, и она увидела знакомую горькую

усмешку на его побелевших губах.

– О, я все понял, не беспокойтесь, мисс Шервуд. Слишком хорошо понял! – Он круто развернул Шторма и ускакал.

Оливия проводила его взглядом, чувствуя, как в груди разливается боль. Внутренний голос шептал ей, что, может, так даже лучше. «Почему, почему лучше?» – возражала она мысленно.

С тяжелым сердцем Оливия медленно побрела к дому, Закрыв за собой дверь, она заглянула в гостиную, как раз когда Эмили открыла глаза.

– Оливия, кто-то пришел? Мне показалось, я слышала голоса.

Оливия поспешно отвернулась, чтобы сестра не заметила, что по щекам ее текут слезы.

– Нет, – тихо проговорила она. – Спи, милая.

Сидя в кабинете, Доминик мрачно следил, как лиловые сумерки наползают на горизонт. В душе его царил ад. «Будь она проклята! – с яростью думал он. – Будь она проклята!»

Ведь не силой же он заставил ее подняться к нему в спальню! Зачем она согласилась? Или успела уже пожалеть об этом? Считает, что запятнала себя позором, снизойдя до полукровки? Ведь еще ночью он прижимал ее к груди, и они были близки так, как могут быть близки мужчина и женщина! А уже вечером она держалась так холодно, так отчужденно, что ему до сих пор больно вспоминать об этом. Почему,

черт возьми? Почему она упорно делает вид, что они чужие друг другу?

Он не мог понять. Не мог понять Оливию. Он хотел, чтобы она принадлежала ему целиком... чтобы она отдала ему свое тело, свою душу... свое сердце...

Но безошибочный инстинкт подсказывал ему, что надо набраться терпения... Все произошло слишком быстро. То, что случилось между ними, слишком ново, слишком неожиданно для нее... А может, она не уверена в своих чувствах... в нем самом?..

Зубы его сжались. Взгляд стал тяжелым. Нет, черт побери, нет! Презрение – вот что прочитал он в ее прозрачных зеленых глазах. Неужели она стыдится того, что произошло между ними, стыдится, что отдалась ему? На скулах Доминика заходили желваки. Похоже, так и есть.

Был только один способ убедиться наверняка, так ли это. Он даже не помнил, как снова оказался в конюшне, как оседлал и вывел Шторма. Опомнился Доминик, только когда уже скакал по направлению к Стоунбриджу, к маленькому одинокому домику на окраине деревни. Но то, что он увидел здесь, заставило его похолодеть.

Сначала ему бросился в глаза гнедой жеребец, привязанный к дереву у крыльца. Конь принадлежал Уильяму Данс-порту.

Резко натянув поводья, Доминик осадил Шторма неподалеку от дома. Из окна лился свет. Шторы были задернуты, но

не до конца – между ними оставалась широкая щель, сквозь которую ему были хорошо видны фигуры двоих, сидевших на кушетке в гостиной. Медленно тянулись минуты.

Уильям Данспорт не появлялся.

Страшное подозрение мелькнуло у Доминика. Он увидел, как двое поднялись, и понял, что не ошибся. Одна из фигур, более высокая, явно принадлежала мужчине... И вдруг этот мужчина протянул руки и притянул женщину к себе...

С его губ сорвалось проклятие. Сейчас на Доминика было страшно смотреть... лицо потемнело, как грозовая туча, на шее вздулись жилы. Стиснув в бессильной злобе кулаки, он крепко натянул поводья. Внутренний голос подсказывал ему, что нужно уезжать, иначе он ворвется в дом и вырвет Оливию из рук Уильяма. Но эти двое, подумал он, способны вполне правдоподобно объяснить, чем вызваны их объятия. И он будет выглядеть полным идиотом.

Всадив шпоры в бока Шторма, он заставил его повернуться и галопом поскакал назад. К тому времени как он добрался до Рэвенвуда, ему удалось немного взять себя в руки.

Ворвавшись в кабинет, он отыскал в шкафу бутылку своего любимого бренди, однако, к его огорчению, она была наполовину пуста. Доминик не находил себе места. Мысль о том, что Оливия способна дать Уильяму то, чем вчера так охотно одарила его самого, не давала ему покоя, причиняла боль, словно шип, засевший глубоко в сердце.

Память Доминика вновь вернула его в тот день, когда

Оливия решила вместе с ним поехать в цыганский табор. Именно тогда ему впервые показалось, что они не совсем чужие друг другу и женщина, завладевшая его мыслями, начинает понемногу понимать: его народ вовсе не состоит из одних воров и убийц, как думают все вокруг... И еще он чувствовал тогда, что тоже нравится ей... Неужели все это было чудовищной ложью и он – ничто для нее?

Возможно, так и было, а он лишь обманывал сам себя.

– Так, значит, вы снова видите? И это случилось прямо сегодня? – Изумленно покачав головой, Уильям поднес к губам чашку с чаем и сделал большой глоток. – Просто поразительно!

– Да, – слабо улыбнулась Эмили, – в самом деле. Оливию раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, она готова была расцеловать Уильяма за то, что ему пришлось в голову навесить их. Возможно, его присутствие расшевелит Эмили, не позволит ей вновь погрузиться в свое горе. С другой стороны, с той минуты, как он возник на пороге их дома, Оливия не могла избавиться от злости: меньше всего ей хотелось сейчас видеть именно Уильяма.

Однако, взяв себя в руки, она с самым приветливым видом внесла в комнату поднос с чаем.

– Уильям? Эмили? Еще чаю?

– Мне не надо, Оливия, – поспешно произнесла Эмили, вскочив на ноги. – Знаю, это не очень вежливо с моей сто-

роны, но я... я так устала, что просто глаза закрываются. Вы, надеюсь, не обидитесь, если я пойду к себе? – И она умоляюще посмотрела на сестру и Уильяма.

Поднявшись вслед за ней, Уильям со своей обычной галантностью склонился к ее руке.

– Конечно, конечно, мисс Шервуд. Еще раз примите мои поздравления. Я искренне рад за вас.

Эмили удалось выдавить слабую улыбку.

– Благодарю вас, сэр. Вы очень добры.

Оливия мягко кивнула.

– Спокойной ночи, Эмили, – ласково сказала она. – Спи спокойно.

На мгновение ей показалось, что не стоило произносить этих слов: по лицу Эмили было видно, что она готова расплакаться. Но, справившись с собой, Эмили лишь сказала:

– Постараюсь.

Уильям и Оливия остались одни.

Оливия чувствовала, как нарастает напряжение. Этого она и боялась с тех пор, как, открыв дверь, увидела его на пороге. Она ни за что не открыла бы, если бы у нее было хоть малейшее подозрение, что это он. В глубине души она надеялась, что Доминик одумался и вернулся.

Звякнула ложка: Уильям осторожно поставил чашку на стол. Поерзав на кушетке, он сложил руки на коленях.

– Оливия, – наконец пробормотал он, – просто не знаю, что сказать... Наверное, я должен извиниться. В прошлую

нашу встречу я вел себя по-скотски.

Вот именно, хотела сказать Оливия, но вовремя прикусила язык. Конечно, сегодня он держался безупречно. Но она никогда не забудет его искаженное злобой лицо и слова, брошенные им в их последнюю встречу... Не сможет забыть.

Впрочем, какое это имеет значение? Если Уильям одумался и желает помириться, что ж, она будет только рада. Подняв голову, она выдавила из себя любезную улыбку.

– Спасибо, Уильям, – сказала она тихо, чтобы не побеспокоить Эмили. – Считайте, что ваши извинения приняты.

Уильям придвинулся ближе, так близко, что колени их почти соприкоснулись. Оливия резко выпрямилась. Ну уж нет, подумала она, а вслух проговорила:

– Надеюсь, вы извините меня, я немного устала. Сегодня был тяжелый день. – И она попыталась встать.

– Нет, – заторопился он, умоляюще протянув к ней руки. – Пожалуйста, Оливия, подождите. Мне... мне надо кое-что сказать вам.

– Что же именно, Уильям? Я слушаю, – вынуждена была Оливия откликнуться на его слова, хотя ей вовсе не хотелось беседовать с ним. Она предпочла бы уйти, но не успела.

– Оливия, я хочу, чтобы вы знали. – Он посмотрел ей в глаза. – Ничего не изменилось. Я по-прежнему хочу жениться на вас.

«Ну а я не хочу выходить за тебя замуж!» – хотелось ей бросить ему в лицо. Но, сдержавшись, Оливия только со

вздохом покачала головой.

– Уильям, – как можно спокойнее постаралась произнести она, – как вы не понимаете! Я не могу стать вашей женой.

– Но почему? Теперь вам уже не нужно будет постоянно думать об Эмили. Слава Богу, она видит. Конечно, я знаю, вы злитесь, потому что я раньше времени стал болтать о нашей помолвке, но я же извинился. Честное слово, мне очень жаль. Но что такое ссоры влюбленных!

– Нет, Уильям, это не ссора влюбленных. И мы с вами не влюбленные. И никогда не были ими. Именно поэтому я и не могу выйти за вас замуж. А теперь, думаю, вам лучше уйти. – Оливия попыталась встать, но он оказался быстрее. Она и глазом моргнуть не успела, как он притянул ее за руки и она оказалась в его объятиях.

– А я говорю, что, это обычная ссора влюбленных. Перестаньте злиться, Оливия. Поцелуйте меня, и забудем об этом. – И Уильям, крепче прижав ее к себе, стал искать ее губы.

Ахнув, Оливия уклонилась, и губы Уильяма, горячие и мокрые, ткнулись ей в шею. Она заколотила кулаками ему по груди.

– Немедленно отпустите меня, – прошипела Оливия, – иначе я позову Эмили!

Уильям медленно поднял голову и неподвижным взглядом уставился ей в лицо. Ледяные пальцы страха стиснули горло Оливии. Теперь в его глазах была такая смертельная ненависть, что у нее похолодело сердце. Губы его искриви-

лись в злобной усмешке.

– Все дело в нем, верно? Это ваш драгоценный граф во всем виноват! Вы ведь из-за него отказываете мне? Господи, просто поверить не могу... Что вы в нем нашли? Конечно, у него есть титул... но ведь все равно он цыган! Грязный цыган, такой же, как все его племя! Нищие попрошайки и воры – вот кто они такие!

– Доминик не такой! – безуспешно стараясь оттолкнуть его, крикнула Оливия.

– Ах, он уже «Доминик»! – Уильям презрительно свистнул. – Знаете, я ведь видел вас обоих в тот день у реки... Жаль, что этот ублюдок не утонул! Право, жаль!

В эту минуту Оливии наконец удалось довольно сильно ударить его кулаком в грудь. Не ожидавший этого Уильям слегка ослабил хватку, и Оливия вырвалась у него из рук. Подскочив к камину, она схватила увесистую кочергу и обернулась к нему.

– Не думаю, что графу понравилось бы, узнай он, что сегодня вечером вы были здесь, – сказала она. – Но если вы немедленно уйдете, я, так и быть, не стану говорить ему об этом. – Она сама не верила в свои слова. После того, что случилось нынче вечером, Доминик вряд ли захочет вступаться за нее.

Уильям щелчком стряхнул с рукава невидимую пушинку.

– В этом нет необходимости, Оливия. Я уйду. Но запомните одно: ваш цыганский лорд не вечно будет здесь, в Рэ-

венуеде. Он исчезнет, и что тогда станет с вами? – Отвесив ей преувеличенно галантный поклон, он усмехнулся. – Не трудитесь провожать меня, Оливия. Я сам найду дорогу.

С этими словами он выскользнул за порог, и тяжелая дверь с грохотом захлопнулась у него за спиной. Поставив кочергу возле камина, Оливия бессильно прислонилась к стене и только тут заметила, что ее колотит дрожь.

В гостиную заглянула встревоженная Эмили. Видимо, грохот двери поднял ее с постели.

– Оливия, ты здесь? А где Уильям? Как, уже ушел? Мне показалось, я слышала крик.

Оливия не знала, плакать ей или смеяться, но все же взяла себя в руки.

– Да, милая, он ушел. Отправляйся спать.

Прошло, наверное, минут пять, пока Оливия немного успокоилась. Приоткрыв ящик комода, она принялась искать ночную сорочку. Отыскав наконец, потянула ее к себе, и в это мгновение аккуратно сложенный вчетверо кусок тонкого полотна выскользнул из ящика и упал на пол.

Платок Доминика, вспомнила Оливия. Тот самый, который он приложил к ее оцарапанной щеке вечером на дороге, когда они впервые увидели друг друга.

Колени Оливии вдруг подкосились, и она опустилась на пол. В горле ее встал комок, глаза защипало. Она еле удерживала подступавшие слезы. Часто и глубоко дыша, она старалась не заплакать. Все это время Оливия хранила платок у

себя. Десятки раз порывалась вернуть его Доминику... и все-таки не решилась. «Почему, – гадала она, – почему я этого не сделала?»

В памяти всплыли презрительно брошенные слова Уильяма: «Нищие попрошайки и воры – вот кто они такие!» Нищие попрошайки и воры...

Она прижала платок Доминика к своей груди... будто это была его рука...

Нет, печально подумала она, Доминик не вернется. Он слишком горд. Что же касается слов Уильяма, может, он и прав...

Да, Доминик вор. Вор, укравший ее сердце.

Глава 19

Оливию грызла тревога за сестру. С ней происходило что-то непонятное: Эмили с каждым днем таяла на глазах. Она стала бледной и вялой, почти ничего не ела. Теперь, когда Андре навсегда исчез, жизнь, казалось, потеряла для Эмили всякий интерес. Может, конечно, Оливия и ошибалась, но ей представлялось, что если бы Эмили по-настоящему ненавидела Андре, то все было бы по-другому и самое страшное сейчас осталось бы позади. Она несколько раз пыталась вызвать сестру на откровенный разговор, но Эмили каждый раз решительно пресекала все ее попытки.

– Не хочу даже думать о нем, – твердила сестра.

Ха, фыркнула про себя Оливия. Так она и поверила. Скорее всего Эмили с утра до ночи только и думает о нем. Оливия все больше убеждалась в этом.

Эмили все еще любила Андре...

Но что же можно сделать? Ничего... Оливия в который раз напомнила себе, что Эмили больше не ребенок, и не в ее силах помочь сестре. Даже если бы Оливия знала, что делать, она вряд ли решилась бы на это. Только сама Эмили, заглянув в свое сердце, могла найти ответ на все вопросы.

К тому же, судя по всему, и самой Оливии тоже не помешало бы это сделать...

Она любила Доминика. Любила страстно, до безумия... и страдала. Любовь причиняла ей одну муку. В те дни, когда отчаяние Оливии дошло до предела, она приняла нелегкое решение: нельзя подвергать страшному риску психику Эмили. Она еще слишком слаба, к тому же страдает. Если она хотя бы заподозрит, что старшая сестра влюблена в Доминика – а Эмили никогда не забудет о том, что в его жилах течет цыганская кровь, – то страшно подумать, что может случиться. Нет, стиснув зубы, подумала Оливия, она не имеет права рисковать здоровьем и счастьем сестры.

А то, что случилось между ними... что ж, дело прошлое, с горечью подумала она. Как говорится, было и быльем поросло.

Впрочем, у нее, кажется, и не было иного выхода. Все эти дни она почти не видела Доминика, как-то раз она куда-то

спешила вместе с Шарлоттой и в коридоре столкнулась с ним. Холодным кивком он приветствовал их обеих. В другой раз они встретились на лестнице, и тоже случайно. Доминик посмотрел будто бы сквозь нее и прошел мимо, не сказав ей ни слова. Его ледяная холодность поразила ее в самое сердце. Наверное, Доминик до сих пор разгневан, покаянно думала Оливия. А может... может, он просто использовал ее для собственного удовольствия, а потом она ему надоела? Думать об этом было невыносимо...

Во всяком случае, вот и еще один веский довод в пользу того, чтобы окончательно выкинуть его из сердца. Забыть навсегда... При мысли об этом в душе Оливии все перевернулось. Забыть... Но как, если каждую ночь она видит его во сне? Только прошлой ночью ей приснилось, что она целует его... целует так же, как когда-то целовал ее Доминик. Наслаждаясь прикосновением его мускулистых бедер, сжимающих ее тело, она приоткрывает губы и кончиком языка будто пробует на вкус его рот. И словно бы одного этого было недостаточно, чтобы лишить ее покоя, в следующий миг ей привиделось другое: они лежат в постели, и она, оседлав Доминика, упирается ладонями ему в грудь, с дразнящей улыбкой смотрит на него и вбирает в себя восставшую плоть его.

Оливия проснулась с бешено колотившимся сердцем. Кровь толчками билась ей в виски, во рту пересохло, в самом низу живота разливалась томительная и сладостная боль. Оливия не знала, что и думать. Собственное тело предавало

ее. Она и представить не могла подобной непристойности, и... и однако достаточно было вспомнить об этом, как вся она трепетала. Неужели такое бывает, гадала она. Но больше всего ей хотелось знать, остался ли он доволен. Испытал ли хотя бы половину того наслаждения, что доставил ей?..

Именно об этом думала Оливия в тот вечер, когда поднялась в библиотеку вытереть пыль. Комната, казалось, была пуста. Оливия облегченно вздохнула и вдруг застыла: у окна, удобно устроившись в кресле, обитом бархатом, читал Доминик. У Оливии подогнулись колени. Мало того, что он был здесь, но он еще и читал! Нет, потрясенно убеждала она себя, это невозможно! Он ведь не умеет читать...

Наверное, что-то подсказало Доминику, что в библиотеке он не один. Доминик недовольно вскинул глаза и увидел ее. Шумно захлопнув книгу, он поднялся и, поколебавшись, поставил книгу на полку у себя за спиной, а затем повернулся к ней.

– Мисс Шервуд, – проговорил он, – именно вас я и хотел видеть.

Но Оливия даже не поняла, что он сказал. Сделав глубокий вздох, она кивнула в сторону книжной полки.

– Могу я узнать, сэр, что вы делали? – задыхаясь, прошептала она.

Густые черные брови Доминика поползли вверх.

– По-моему, не так уж трудно догадаться, мисс Шервуд.

Я читал.

От возмущения Оливия забыла, что она всего лишь горничная в его доме. Забыла обо всем, кроме того, что он в очередной раз обманул ее! Глаза ее гневно сверкнули.

– Но вы ведь говорили, что не умеете читать!

– Я? Бог с вами, мисс Шервуд. Я никогда не говорил ничего подобного!

– Нет, говорили! Вы рассказывали, что то и дело убегали из школы. И к тому же... Помните, вы попросили меня прочитать вам вслух письмо от вашей... от вашей любовницы?

– Помню. Кажется, в тот день я выпил лишнее, так что выбросьте это из головы.

– Но... вы же сами говорили, что ваш отец был просто вне себя оттого, что вы так и не научились читать. Вы рассказывали, сколько раз ваш наставник жаловался ему на вас, сколько раз вам попадало именно за то, что вы не желали слушать его объяснения, отказывались читать, и научить вас чему бы то ни было казалось просто невозможным!

– И вы, стало быть, решили, что я так и не научился ни читать, ни писать? – с легким удивлением осведомился Доминик.

– А разве это не так? – поспешно спросила она. – Вы умеете читать и писать?

– Ну разумеется! Иначе как бы мне удавалось вести дела?

Оливия подавленно молчала. Какой же глупой она оказалась! Жаркий румянец выступил на щеках. От стыда она не

знала, куда девать глаза: у нее не было сомнений, что граф так и остался неграмотным!

– Я вовсе не хотела унижить вас, – прошептала она с трудом. Губы отказывались ей повиноваться. – Зачем же так поступать со мной?

– Мне это и в голову не пришло бы. А вот вы, Оливия... не станете же вы отрицать, что всегда были обо мне не очень лестного мнения?

– Но... вы же сами заставили меня поверить в это!

– Насколько я помню, ни о чем таком я никогда не говорил. – В глазах Доминика сверкнул огонек. – А вы и не спрашивали.

Оливия не нашлась, что сказать. Крепко стиснув зубы, она повернулась и направилась к двери. И чуть не налетела на Доминика: непостижимым образом он оказался между ней и выходом. Высокий, невероятно сильный и мужественный... и в то же время отвратительно самодовольный. Оливия гордо вздернула подбородок.

– Пропустите меня!

– И не подумаю. По крайней мере, пока вы злитесь! – Все с той же ленивой усмешкой на твердо очерченных губах он встал между ней и дверью и демонстративно повернул ключ в замке. Потом, скрестив на груди руки, взглянул на Оливию. – Итак, моя дорогая, если уж у кого-то из нас и есть причина злиться, так это у меня.

– У вас? – вспыхнула Оливия. – Вот уж, право, не пони-

маю почему!

– Кажется, у вас короткая память, Оливия. Но я... я не так легко забываю, поверьте. Не далее как несколько дней назад мне не было даже позволено войти к вам в дом... а его... его вы принимали у себя. И вели себя при этом довольно свободно.

Весь ее гнев пропал. Побелев как простыня, Оливия разом сникла. Ей не приходило в голову, что придется оправдываться! К тому же упрек Доминика попал в цель. Оливия отвела взгляд в сторону.

– Я не понимаю, о чем вы говорите...

– Да? А мне кажется, что прекрасно понимаете. Что ж, придется освежить вашу память, раз она вас подводит. – Усмешка сползла с его губ. Доминик стиснул зубы. На скулах его вздулись желваки. – Меня вы попросили уйти. Зато Уильяма Данспорта встретили с распростертыми объятиями! Почему? Почему вы выставили меня за дверь? И почему ничего не имели против его появления? Почему вы вообще впустили его в дом?

– Потому что думала – это вы! – выкрикнула она, прежде чем успела сдержаться.

Глаза Доминика сузились. Дыхание его пресеклось, сердце вдруг ухнуло вниз. А что, если он ошибся и ей все-таки не все равно? – мелькнуло у него в голове...

– Почему же вы попросили меня уйти?

– Потому что просто не знала, что делать! Господи... Хо-

рошо, я расскажу вам все. Помните, я рассказывала, что нашего отца убил цыган?

– Конечно. Но какое это имеет отношение к нам?

– Самое прямое, и вы сейчас сами поймете. В тот вечер, вернувшись домой, я сразу поняла: с Эмили случилось что-то ужасное. – Теперь слова лились сами собой. Задыхаясь от волнения, Оливия выложила ему все: и то, как Эмили отдала свое сердце молодому человеку, которого никогда не видела; и как она внезапно прозрела; и какой удар настиг ее, когда она вдруг обнаружила, что ее возлюбленный – цыган.

Доминик был поражен, наверное, ничуть не меньше, чем сама Оливия, когда узнала от Эмили о ее встречах с Андре. Она с мольбой подняла на него глаза.

– Неужели вы еще не догадались, почему я так поступила? Почему попросила вас уйти? Честное слово, я не хотела вас обидеть, я просто боялась... Боялась, что, увидев вас, Эмили снова вспомнит об этом Андре!

– Теперь понимаю, – протянул Доминик, задумчиво потирая подбородок. Помолчав немного, он поднял голову и взглянул ей прямо в глаза. – Пусть так. Но тогда скажи, почему ты меня избегаешь?

– Ничего подобного! Я все время была здесь, в вашем собственном доме!

– Я, между прочим, тоже. И мы вроде бы знакомы, а ты при встрече отказывалась взглянуть на меня. Даже когда была совсем одна. Особенно когда была одна.

Оливия беспомощно взглянула на него. Как обычно, Доминик был в темных бриджах и сапогах для верховой езды. Ослепительно белая рубашка расстегнута почти до самого пояса. Упавшая на лоб волнистая прядь придавала ему до смешного мальчишеский вид.

Страшная безнадежность вдруг овладела Оливией. Она чувствовала себя усталой и старой: слишком много волнений и горя выпало на ее долю в последний год. Сейчас ей больше всего хотелось броситься к нему в объятия и забыть обо всем, кроме сильных рук, в кольце которых было так спокойно и надежно. Соблазн был настолько велик, что Оливии стоило немалого труда удержаться. Только мысль о том, что все и без того достаточно запуталось, заставила ее выбросить это из головы.

– Я, кажется, задал тебе вопрос, Оливия, – тихо сказал он.
– Так все-таки почему ты избегаешь меня?

Однако ей было отлично известно, куда могут завести подобные вопросы, и она дала себе слово всеми силами избегать этого. Ресницы ее опустились, прикрыв глаза. Сделав над собой усилие, Оливия постаралась принять невозмутимый вид.

– Не понимаю, что вы хотите этим сказать, – пробормотала она.

– Неужели? – Судя по голосу, Доминик был твердо намерен вытянуть из нее ясный и вразумительный ответ. – Или ты забыла, что произошло между нами... здесь, в этом самом

доме? И если мне не изменяет память, даже не один раз, а дважды?

– Нет, не забыла, – еле слышно пролепетала она, вздрогнув, будто ее ударили ножом.

Он шагнул к ней и теперь был так близко, что юбки Оливии обвилились вокруг его ног.

– Я тоже не забыл...

По ее телу пробежала дрожь. Она чувствовала жар, исходящий от его большого, сильного тела. Она не могла заставить себя поднять на него глаза, сознавая в глубине души, что он прав: она и в самом деле избегала его. Украдкой покосившись в его сторону, она мельком подумала, что Доминику следовало бы побриться. Глубокая морщина прорезала ее лоб.

– Разве так уж необходимо напоминать мне об этом? – задыхаясь, прошептала она.

– Но ведь ты сама хотела... – поразился он.

– Знаю, – поспешно перебила она, – но, к сожалению, я даже представить не могла, что буду чувствовать потом. Господи, ну как вам объяснить? Я ведь не похожа на тех женщин, которых вы знали в Лондоне. И я не могу вести себя... как они... а потом держаться так, будто ничего и не было.

– Но ведь я и не просил тебя об этом. – Доминик внимательно взгляделся в ее лицо, и в голову его закралось неясное подозрение: – Бог мой... неужели ты могла подумать, что я просто использовал тебя и выбросил?

Оливия опустила голову, лицо ее пылало от стыда.

– Я не знала, – пробормотала она, – не знала! – Набрав полную грудь воздуха, она решила продолжить: – Я ведь не такая наивная, как вам кажется. Думаете, мне неизвестно, что есть джентльмены, которые не стесняются уложить женщину в постель? А когда добьются своего, то на следующий день вряд ли даже вспомнят ее лицо. И считают это естественным и совершенно нормальным! Конечно, я не леди, и мне...

– Хватит, – тихо, но твердо перебил ее Доминик. – Ни слова больше! – Приподняв подбородок Оливии, он заглянул ей в глаза. – Вы, мисс Шервуд, самая истинная леди из всех, которых я когда-либо знал. – Уголок его рта смешливо дернулся, и он повторил: – Самая истинная из всех.

Его голос и его слова заставляли ее таять от счастья.

– Леди... истинная леди никогда бы не сделала того, что сделала я, – опустив голову, прошептала Оливия.

– Ну, допустим, вина за это лежит не только на тебе! – На губах Доминика мелькнула слабая улыбка.

Взгляд Оливии метнулся в сторону, но она усилием воли заставила себя посмотреть ему в глаза, и Доминик увидел муку на ее лице.

– Для мужчины это совсем другое...

– Не всегда. – Улыбка его стала шире. В эти минуты он любил ее еще больше. Сейчас он видел подлинную Оливию – нежную, стыдливую, твердо знающую, что хорошо, а что

плохо. Настоящая дочка священника, напомнил он себе.

– Господи, ну как вы не понимаете! Я ведь даже не могу себе представить, что будет дальше! И как, по-вашему, я могу себя чувствовать? – Она выглядела такой пристыженной, такой несчастной, что Доминик едва удержался от смеха.

– Может, стоит просто предоставить это судьбе? Ах да, я забыл. Ты же не веришь в судьбу, не так ли? – Он незаметно придвинулся еще ближе. Глаза их встретились.

– Не смейтесь надо мной, – умоляюще прошептала она.

– Я никогда не стану смеяться над тобой, – торжественно поклялся он. Его теплые губы прильнули к ее губам. В этом поцелуе, нежном и сладостном, не было страсти – только любовь и понимание. Глаза Оливии вдруг закрылись, и она почувствовала, как губы ее, мягкие и податливые, покорно дрогнули под его губами. Руки ее обвили вокруг его шеи, и Доминик понял, что она сдалась.

Его близость сделала наслаждение почти невыносимым. Оливия почувствовала, как дрогнули и напряглись соски, упиравшиеся в его твердую грудь, и все ее тело стало плавиться в преддверии чудесного. Она догадывалась, что нечто подобное испытывает и Доминик: его руки крепче стиснули ее талию. С каждой минутой решимость ее таяла.

Нельзя допустить, чтобы это произошло снова, мелькнуло у нее в голове. Воспоминания о той ночи, которую она провела в его постели, вдруг встали перед ее глазами, будто это случилось только вчера. Это невозможно, стучало у нее

в голове. Если Эмили узнает, она не переживет! С приглушенным стоном Оливия отпрянула в сторону.

– Я не могу, – задыхаясь, прошептала она. – Не могу! – Глаза ее вдруг наполнились слезами. Надо думать об Эмили... но когда Доминик целовал ее, она забывала обо всем!

Подобрав юбки, она, будто испуганный зверек, шмыгнула в дверь и убежала, моля Бога только о том, чтобы он не последовал за ней.

Так и случилось.

Оливия не доверяет ему, понял Доминик. И с горечью подумал, что для этого у нее есть все основания. Оставалось только гадать, сможет ли он заставить ее поверить ему.

– Ты сегодня что-то тихая, – бросила Шарлотта, когда на следующий день они, покончив с работой, вышли из Рэвенвуда. – Никак, заболела?

– Все в порядке, Шарлотта, – с трудом выдавив из себя улыбку, ответила Оливия. – Ничего страшного. Спасибо, что спросила. – Однако вопрос Шарлотты заставил ее смутиться.

Она совсем смешалась, когда, подняв голову, вдруг заметила, что Шарлотта поглядывает на нее с загадочной улыбкой.

– Ну, в чем дело? – вздохнув, спросила Оливия, – Что у тебя на уме?

– Сказала бы, да боюсь, ты рассердишься.

Оливия шутливо потянула ее за выбившийся из прически

огненно-рыжий локон.

– Разве я когда-нибудь на тебя сердилась?

– Вроде нет. – Лицо Шарлотты расплылось в широкой улыбке. – Ладно, так и быть, рискну. Знаешь, я ведь как-то видела вас обоих вдвоем в кабинете, тебя и нашего графа. Вы проверяли счета. Он склонился над тобой, а ты смотрела ему в глаза. И знаешь, о чем я тогда подумала? Что вы двое созданы друг для друга!

– Боже мой, Шарлотта, но это просто глупо! – Оливия растерялась. Господи, если б она только знала... – С чего это взбрело тебе в голову?

– Ты забыла, я ведь тоже когда-то была влюблена. И знаю, как это бывает. У вас это было просто написано на лицах!

Оливия не выдержала и захихикала: Шарлотта едва ли была старше ее самой, а говорила как умудренная опытом женщина.

– Это как же?

– Как-как! Посмотри на него, сама увидишь!

Острая боль пронзила сердце Оливии. О, если бы все было так просто!

– Глупости! – отрезала она. – Граф возьмет себе в жены кого-нибудь вроде Элизабет Бомонт. Или уедет в Лондон и там женится на такой же леди.

– Элизабет Бомонт? – захихикала Шарлотта, презрительно пожав плечами. – Никогда!

– О, перестань!

– Говорю тебе, этого никогда не будет! – непререкаемым тоном заверила Шарлотта. – Если хочешь знать, тогда, на балу, я с них глаз не спускала. Так вот, если он на кого и смотрел, так на тебя одну! Он, разумеется, старался держаться вежливо, но глаза его все время искали одну лишь тебя! Можешь не сомневаться, моя дорогая! А эта дуреха, держу пари, ничего и не заметила! Вот смех-то! Так и льнула к нему, точь-в-точь влюбленная кошка!

Сердце Оливии, встрепенувшись, вдруг часто-часто заколотилось. Неужели это правда? Она не знала. Но одно ей было ясно: мысли Шарлотты приняли достаточно опасное направление. Надо было срочно что-то предпринять. Лучше всего незаметно перевести разговор на другое.

– Знаешь, теперь мне просто не верится, что я так боялась графа, – продолжала жизнерадостно болтать Шарлотта. – Он вовсе не такой, как я думала. Правда! Иной раз хозяин бывает суров на вид, это верно, но зато никогда и голоса не повысит! А Колин... Знаешь, мой постреленок без ума от него! Только и твердит, что, когда вырастет, будет таким же, как граф. Тогда, мол, и лошадь у него появится под стать Шторму!

– Ничего удивительного, что он понравился Колину, – кивнула Оливия, и взгляд ее смягчился. Колин давным-давно утратил прежнюю застенчивость и теперь трещал, как сорока. А любимой темой его разговоров был Доминик... и, конечно, черный как ночь Шторм. – Мне показалось, что и Ко-

лин ему нравится.

Разговор незаметно перешел на другое. Вскоре они добрались до деревни. Оливия, попрощавшись, уже готова была свернуть на тропинку, которая вела к ее дому, как вдруг услышала громкие голоса. Судя по всему, возле церкви собралась толпа. Оливия озадаченно нахмурилась: ее слуха коснулись испуганные вопли и брань.

Обменявшись недоуменными взглядами, они обе как по команде посмотрели в ту сторону, откуда доносился шум. Шарлотта прищурилась.

– Глянь-ка, там и моя мамаша, – присвистнула она.

Взгляд Оливии рассеянно обежал взбудораженную толпу. Да, Шарлотта не ошиблась: в самом центре она заметила Бриджит, мать Шарлотты.

Не сговариваясь, они почти бегом кинулись по дороге к церкви. В эту минуту седая женщины отделилась от толпы. Она увидела бежавших к ней Оливию и Шарлотту, и из ее груди вырвался крик:

– Шарлотта!

– Что случилось, мама? – Подбежав, Шарлотта обняла ее.

– Что с тобой?

– Его украли, – забормотала Бриджит, и слезы градом побежали по морщинистым щекам. – Кто-то похитил его!

– Кого, мама? – Глаза Шарлотты расширились от ужаса.

– Скажи, кого?

– Колина! – в голос зарыдала Бриджит. – Это я во всем

виновата, Шарлотта! Можешь прогнать меня обратно в Ирландию, но только не сейчас. Сначала надо отыскать его!

Шарлотта задрожала с головы до ног. Она открыла рот, но не смогла произнести ни слова.

– Как это случилось? – резко спросила Оливия, которая первой пришла в себя.

– Сдается мне, это было часа два назад. Мой маленький ягненок, он спал в своей постельке. Я тоже уже стала задремывать... как вдруг... будто что-то меня толкнуло. Должно быть, и впрямь уснула, старая. – В голосе Бриджит слышалась мука. – Потом дверь скрипнула. Подскочила я, бросилась в комнату, а там уж пусто!

Лес подступал почти к самым дверям домика, где жила Шарлотта.

– Может, парень просто решил прогуляться в лесу, да и заблудился? – предположил кто-то в толпе.

– Нет! – выкрикнула Шарлотта. Ее лицо было белым как простыня. – Колин всегда боялся ходить один в лес. Он даже за дом боялся зайти... разве что со мной или с бабушкой.

– Его унесли! – причитала Бриджит. Из глаз ее катились горькие слезы. – Я выбежала на крыльцо и заметила на земле, у самой стены, чьи-то следы. Они вели к двери. А раньше их там не было, готова поклясться на чем угодно! – Старушка снова зарыдала. – Кто угодно мог подойти и заглянуть в окно... увидеть, что мы спим... Кто угодно мог прокрасться в дом и забрать его из кроватки!

Инстинкт подсказывал Оливии, что нет ничего легче унести спящего мальчика и скрыться с ним в лесу. Но она попыталась заглушить эти мысли.

– Должен же он быть где-то... – неуверенно начала она.

– Мы обыскали все вокруг, – перебил ее голос преподавателя Холдена. Лицо священника осунулось и потемнело от тревоги. – Мне самому страшно это говорить, но, похоже, Бриджит права. Кто-то похитил Колина... и маленькую Люсинду.

– Люсинду? – прошептала Оливия. Кровь застыла у нее в жилах.

Боже, Боже, Люсинда... такая очаровательная, нежная девочка... чуть моложе своей сестры Джейн. Только сейчас она заметила в толпе Джейн. Перехватив ее взгляд, девочка бросилась к Оливии и спрятала у нее на груди залитое слезами лицо.

– О мисс Шервуд! – причитала она. – Люсинда исчезла! Утром пошла на скотный двор надоить молока и не вернулась. Папа послал меня поискать ее... Я искала, искала, а ее нигде нет...

Страх холодными пальцами стиснул горло Оливии. Боже милостивый, лихорадочно думала она, оба пропали, Колин и Люсинда! Не может быть, чтобы это было простым совпадением. Только не оба сразу... Взяв себя в руки, она ласково провела рукой по спутанным волосам Джейн.

– Постарайся не плакать, Джейн. Мы их найдем, и очень

скоро! – Оливия пыталась успокоить девочку, но в душе понимала, что ее слова – лишь пустое обещание. Никогда еще она не чувствовала себя такой беспомощной.

– А если нет, мисс Шервуд? Что тогда? – Джейн подняла на нее умоляющие глаза.

Оливия не ответила. Она могла лишь молиться, чтобы этого не случилось. Вдруг из разъяренной толпы раздался крик:

– Это цыгане! Они воруют детей!

Ропот гнева, подобно глухому шуму приближающейся бури, пробежал над головами людей.

– Так оно и есть! – поддержал другой. – Всем известно, они воруют все, что под руку попадет! И детей тоже!

– Особенно детей! – присоединился третий.

– Пошли, перероем этот проклятый табор! Вдруг они там! – шумела толпа. Руки сами собой сжимались в кулаки. Разъяренные крики слились в один многоголосый рев. Сам воздух над толпой, казалось, сгустился, как во время грозы. Один из мужчин, отделившись, выступил вперед.

– Отыщем наших детей! – взревел он.

К нему присоединился другой, потом еще один... и еще. Будто штормовая волна, толпа хлынула за ними туда, где расположился табор. Даже деревенский констебль присоединился к ним.

– Мисс Шервуд, – задыхаясь, крикнула Джейн, – куда они?

– Будет беда, – помертвевшими губами прошептала Оли-

вия, но тут опомнилась. Взяв себя в руки, она тихонько подтолкнула Джейн к деревне. – Беги домой, милая, – велела она.

– Оливия, ты думаешь, это правда? – Шарлотта вцепилась ей в рукав. – Ну, что цыгане забрали Колина и Люсинду?

– Конечно, нет! Это просто чушь! Выдумки глупых старух! – возмутилась Оливия. – Во всем этом нет ни капли правды! – Какое-то неосознанное чувство повелело ей встать на защиту цыган. При мысли о том, что может случиться, в глазах Оливии появилось отчаяние. Надо попробовать остановить их. – О, Шарлотта, я не могу позволить им сделать это! Я пойду туда! Господи, ведь там же женщины и дети! Может произойти несчастье!

– Я иду с тобой... – Шарлотта решительно вытерла слезы.

– Нет, милая, оставайся с матерью! – покачала головой Оливия. – Сейчас только ты можешь ей помочь. – Взяв молодую женщину за плечи, она решительно подтолкнула ее к дому. – Все будет хорошо, я обещаю!

Подобрав юбки, Оливия бросилась за толпой, на ходу умоляя остановиться, подумать, что делают. На нее не обращали внимания. Вдруг она заметила в толпе Уильяма и вспомнила, что в войну он был офицером. Может быть, ему окажется под силу остановить обезумевших людей, воззвать к чувству справедливости. Оливия кинулась к нему, стараясь пробраться сквозь толпу, но чья-то рука бесцеремонно отшвырнула ее в сторону. Даже не успев сообразить, что про-

изошло, Оливия оказалась на земле. От удара у нее перехватило дыхание, разодранные в кровь ладони и колени ныли. К тому времени как она пришла в себя, разъяренная толпа уже была у цыганского табора.

Оливия бросилась вслед за людьми, умоляя остановиться, выслушать, но ее, казалось, даже не слышали. Теперь остановить этих людей могло лишь чудо. Несколько смуглых мужчин, сидевших вокруг костра, поднялись им навстречу. Раздались крики, ругань. Озверевшая толпа рванулась вперед, и цыган просто смяли. Лавина обезумевших людей хлынула в табор. Они рассыпались по шатрам и повозкам, избивая всех, кто попадался им на пути, и вышвыривая на землю все, что находили. Вскоре вся земля была покрыта разноцветным тряпьем. Цыгане ничего не смогли поделать: их было намного меньше. Перепуганные насмерть женщины сгрудились, пряча ревущих от страха детей в складках ярких юбок. В их темных глазах метался ужас. Ломая руки в отчаянии от собственной беспомощности, Оливия могла только смотреть, как толпа в ярости громит табор в поисках Люсинды и Колина. Она была потрясена до глубины души. Здравый смысл отступил. Теперь этими людьми двигали лишь отчаяние и жгучая ненависть.

Краем глаза она вдруг поймала в стороне какое-то движение и обернулась, с ужасом заметив выбиравшегося из-под складок шатра Андре. Он шатался, не в силах держаться на ногах. Вдруг к нему подскочили двое и один из них занес над

головой юноши сучковатую дубинку... Как сквозь сон, Оливия услышала свой сдавленный крик. Вдруг низкий властный голос перекрыл оглушительный рев толпы:

– Какого дьявола?! Что здесь происходит?

Это был Доминик.

Сидя на спине Шторма, гордый и властный, словно сам Князь Тьмы, он высился среди толпы, и сразу наступила тишина. Ветер трепал расстегнутую почти до пояса рубашку. Испуганные его искаженным яростью лицом, крестьяне затихли и опустили кулаки.

Николас, вожак табора, выбравшись из толпы, подошел к Доминику. Размахивая руками, он прокричал что-то по-цыгански, и Оливия заметила, как лицо Доминика почернело от гнева. Губы его раздвинулись, обнажив белые, как у волка, зубы.

– Вы нашли тех, кого искали? – Взгляд его, полный ледяного презрения, обежал лица столпившихся вокруг него людей. – Нашли? – требовал он ответа.

– Нет, – подавленно пробормотал кто-то.

– Тогда убирайтесь!

– А как насчет вас, ваша милость? – послышался из толпы издевательский голос. – В ваших жилах ведь тоже течет цыганская кровь! Может, это вы и украли наших детей?

– Верно, – поддержала толпа. – Сами-то вы где были, когда они исчезли, а?

Ропот нарастал, становился все громче. Казалось, настро-

ение толпы вдруг переменялось, теперь ее ярость была направлена на Доминика.

Оливия не могла понять, почему они не верят тому, что ей самой было ясно. Обернувшись к Доминику, она заметила на его гордом лице выражение непреклонной решимости. В памяти ее встал тот день, когда Доминик посадил Колина верхом на Шторма. Рука Доминика ласково гладила взлохмаченную голову Колина, а мальчишка, свесившись с седла, захлебывался восторженным смехом. Колин боготворил своего кумира. Да и Доминику нравился Колин, она это видела. Окажись Колин здесь, он бы первый это сказал.

Прежде чем Доминик решился ответить толпе, Оливия, бросившись вперед, растолкала людей и стала перед ними. Глаза ее сверкали, лицо раскраснелось от гнева.

– Как вам не стыдно! – воскликнула она возмущенно. – Как вы могли даже думать такое! Когда Генри и Джонни едва не утонули, никто из вас, ни один, и пальцем не шевельнул, чтобы их спасти. – По тому, как смутились некоторые, Оливия поняла, что нашла верные слова. – Только у него... у него одного хватило мужества это сделать! А вы... вы все... Что вы сделали, чтобы их спасти? Просто стояли и смотрели... стояли и смотрели, как тонут ваши дети! И как у вас только язык повернулся обвинить его в таком чудовищном преступлении!

В толпе поднялся неясный ропот, но Оливия еще не закончила. Оглядевшись, она ткнула пальцем в мужчину, ко-

торый стоял в двух шагах, опираясь на дубинку.

– И ты туда же, Чарлз Данбери! Уже забыл, как он позволил тебе остаться на его земле и при этом не потребовал с тебя ни единого пенса до тех пор, пока не заживет твоя сломанная нога? Забыл, как он послал людей помочь твоей жене собрать урожай, чтобы он не сгнил и твоя семья не погибла от голода?

К чести Чарлза Данбери следует признать, что он покраснел от стыда.

– Неужели этот человек, добрый и благородный, вдруг ни с того ни с сего станет красть детей? В жизни своей не поверю! – От ярости Оливия дрожала. Она смерила толпу презрительным взглядом. – Я точно знаю, что граф весь день провел в Рэвенвуде, и могу это подтвердить! Так что вы не там ищите Люсинду и Колина!

– Она права, – проворчал чей-то пристыженный голос. – Граф не имеет никакого отношения к этому делу. Детей здесь нет. Они где-то в другом месте.

К нему присоединился другой голос... потом еще и еще.

Но Доминик ничего не слышал. Окаменев от изумления, он замер в седле, жадно ловя каждое слово, которое слетало с губ Оливии. Он слушал... и наконец услышал. Услышал то, что таилось глубоко в ее душе. Наконец он узнал правду... Как, спрашивал он себя, как она может отталкивать его и так самоотверженно кидаться на его защиту?!

Она любит его!

Просто сама еще не догадывается об этом.

Глава 20

Удивительным образом Оливии удалось совершить то, чего не смог бы никто другой.

Один за другим фермеры расходились по домам. Кое-кто еще с мрачным видом ворчал себе под нос, но большинство, видимо, поняли, что хватили через край. Пристыженно опустив глаза, стараясь оставаться незамеченными, они без единого протеста молча побрели в Стоунбридж.

Доминик спешил и о чем-то оживленно толковал с Николасом. Но Оливия, не обращая на них внимания, пробежала к лежавшему в грязи Андре. Какой-то молодой человек бросился на помощь, и им вдвоем удалось перевернуть Андре на спину. При виде огромного уродливого кровоподтека у него на виске у Оливии перехватило дыхание. По лицу Андре, заливая глаза, струилась кровь. Катриана, та самая, что однажды предсказала ей судьбу, принесла чистое мокрое полотенце, и Оливия, присев как корточка, принялась осторожно смывать с лица Андре кровь и грязь. По красивому лицу Андре пробежала судорога боли, но он так и не очнулся. Оливия и не заметила, как подошел Доминик и опустился рядом с ней на колени.

– Ну как он?

– Точно не могу сказать... – Оливия колебалась, не решаясь говорить. Тот, кто сделал это с Андре... правда, все про-

изошло настолько быстро, что она до сих пор не была уверена... но на мгновение ей показалось, будто перед ней мелькнуло лицо Уильяма. И его отвратительная жестокость вызвала у Оливии приступ дурноты. К тому же она слишком хорошо помнила, как погиб ее отец.

– Цыгане уходят, – сказал Доминик.

– Что ж... думаю, это к лучшему, – вздохнула она.

Глаза ее потемнели. Цыгане поспешно собирали свои немудреные пожитки. Странное напряжение повисло над табором.

Доминик бросил взгляд на бледное лицо Андре. Юноша до сих пор не пришел в себя, и это было плохим признаком. По спине Доминика пробежал холод. Он вспомнил, как в ночь после бала со страхом услышал крик совы за окном своей спальни. И произнес краткую молитву, чтобы все обошлось.

Прикрыв рану чистым куском полотна, Оливия аккуратно забинтовала Андре голову.

– Я, конечно, не врач, но, по-моему, ему вряд ли пойдет на пользу трястись в повозке в таком состоянии.

– Знаю, – кивнул Доминик. – Я думаю перевезти его в Рэвенвуд. Это недалеко, и там он будет в безопасности. Может быть, в деревне меня недолюбливают, но, надеюсь, в конце концов все обойдется. – Подняв голову, он выжидательно посмотрел на нее. – А как ты, Оливия? Подвезти тебя до дома?

– Доберусь сама, – пробормотала она, покачав головой.

Доминик молча кивнул и, вставая, незаметным движением быстро сжал ее плечи.

Эмили, как всегда, сидела в своем любимом кресле, разглядывая лежавший на коленях ворох кружев. Заметив рас-терзанный вид старшей сестры, она вскочила и кинулась к ней.

– Оливия, Бога ради, что с тобой?

В нескольких словах сестра рассказала ей об исчезнове-нии Колина и Люсинды и о том ужасе, что творился в цы-ганском таборе.

– Цыгане уходят из наших мест, – со вздохом закончила она. – Догадываюсь, ты, верно, думаешь так же, как и многие в наших местах... считаешь их виновными в исчезновении детей... Но если это так, Эмили, умоляю тебя: держи свое мнение при себе!

Эмили поежилась в кресле. Она выглядела маленькой и жалкой.

– Я вовсе так не думаю. – Она замялась. – А... никто не ранен? Все закончилось благополучно?

Взгляды сестер встретились, и в воздухе повис невыска-занный вопрос. Оливия догадалась, что Эмили гложет тре-вога, и порадовалась в душе. Но сейчас ей было не до того, чтобы успокаивать сестру: ее негодование еще не улеглось. Она слегка подняла брови.

– Никто? Может, тебя интересует Андре? Неужели ты вспомнила о нем?

– Странно... – удивилась Эмили. – Ты говоришь так, будто знаешь его.

– Да. Однажды я видела его, – кивнула Оливия, решив, что пришло время рассказать Эмили правду. – Как-то вечером Доминик предложил побывать в цыганском таборе, и я согласилась. Ему хотелось доказать, что цыгане вовсе не такие чудовища, какими их считают темные, необразованные люди. – Она запнулась, исподлобья глядя на сестру. – Боюсь, Эм, кое-кто пострадал, и это Андре. Один из местных ударил его по голове дубинкой.

Пальцы Эмили вцепились в подлокотники кресла. Побелевшие губы дрожали, силясь что-то сказать, в глазах стоял страх.

– Он... сильно ранен?

– Тебе-то что за дело, Эмили? – Оливия испытующе смотрела на сестру.

– Я... Мне не хочется видеть его снова, но я никогда в жизни не пожелала бы ему зла!

– Андре так и не пришел в себя, – вздохнув, проговорила Оливия. – На голове у него огромный кровоподтек. К тому же он потерял много крови. – Поколебавшись, она добавила: – К счастью, он жив и в хороших руках.

– О Боже, как отца! – всхлипнула Эмили, смертельно побледнев. – Он в таборе, Оливия? Да?

Оливия закусил губу. Стоит ли говорить, где сейчас Андре? Эмили совсем расстроится. Так и не решив, что лучше,

она промолчала. Из груди Эмили вырвался сдавленный стон. Заломив в отчаянии руки, она вскочила и, распахнув дверь в спальню, бросилась ничком на постель. Оливия поспешила за ней и пристроилась на краешке.

– Тебе хотелось бы увидеть его... если бы была такая возможность? – тихо спросила она. По лицу Эмили пробежала судорога, но она продолжала молчать. Однако Оливия не намерена была отступать. – Так как, милая?

Повернув голову, Эмили взглянула ей в глаза.

– Зачем ты спрашиваешь меня об этом? Ты ведь прекрасно знаешь, что я не пошла бы к нему... просто не смогла бы пойти! Почему ты так жестока, Оливия, почему? – Эмили напоминала сестре затравленного зверька. Откинув с ее лба спутанные волосы и ласково погладив по щеке, Оливия мягко ответила:

– Я вовсе не хотела мучить тебя, Эм. А спросила потому, что... ты ведь и сама спрашивала себя об этом в душе, верно?

Оливия заглянула в глаза Эмили, и сердце ее облилось кровью. Когда Эмили наконец заговорила, шепот ее звучал почти яростно:

– Порой я жалею, что зрение вернулось ко мне. Если бы все было по-прежнему! Я... мы любили бы друг друга, и я никогда бы не узнала, что он цыган! Я никогда бы не узнала!

– Рано или поздно все равно бы узнала, Эм, – покачала головой Оливия. – А если и нет... Когда-нибудь он ушел бы из наших мест вслед за своим табором, и что случилось бы с то-

бой? Неужели лучше любить кого-то, зная, что никогда его не увидишь? Может, когда-нибудь он и вернулся бы к тебе, но надолго ли?

– Ах, как это больно... как больно, Оливия! – Прозрачная слезинка покатилась у Эмили по щеке. – Но я не могу простить...

– Чего ты не можешь простить? Что он цыган? Или что он обманул тебя, не сказав правду?

– Я сердита на него... сама не знаю за что! – Эмили, приподнявшись на локтях, села. – И за то, что он не признался мне сразу, и за то, что он цыган. Но больше всего я зла на себя за то, что влюбилась в него! Понимаешь, Оливия? Он ведь цыган, а этого я никогда не смогу забыть!

– Значит, не сможешь... – На лице Оливии появилось странное выражение.

– Я... я не могу любить его!

– Потому только, что он цыган! – Это был не вопрос, а скорее утверждение.

Эмили кивнула.

– Он добрый?

– Да.

– Порядочный?

– Да, он...

– Он заботливый?

– Да, да, да! – с болью в голосе крикнула Эмили. – Он именно такой, как ты говоришь...

– Значит, ты полюбила его за это... за то, что он такой, какой есть.

– Да, но... – Сообразив, что невольно выдала себя, Эмили смутилась и замолчала.

– Сейчас в тебе говорит твое сердце. – Оливия со вздохом прижала руку к груди. – А если бы в первый раз, когда ты увидела его, он был бы одет как гаджо, скажи, догадалась бы ты о том, что он на самом деле цыган?

– Не спрашивай меня, – простонала Эмили. – Ах, Оливия, ты не понимаешь!

«Еще как понимаю, – печально подумала Оливия, – даже, может быть, больше, чем ты думаешь...»

– Оливия... то, что ты предлагаешь... невысказанно!

– Неужели? – Оливия прищурилась. – Так, значит, ты догадалась, о чем я подумала?

– Лучше скажи сама... – Эмили подтянула колени к груди.

Аегкая улыбка тронула губы Оливии. Потом лицо ее снова стало серьезным.

– То, что стоит между вами, не имеет никакого отношения к Андре, – тихо проговорила она. – Ты ненавидишь того цыгана, который убил нашего отца... Но не можешь же ты ненавидеть Андре только за то, что сделал другой человек, пусть и одной с ним крови!

Склонившись к сестре, она ласково погладила ее спутанные волосы. В глазах ее стояла та же боль, что и в глазах младшей сестры.

– Прошу тебя, постарайся понять, что, говоря об этом, я вовсе не хочу причинить тебе новые страдания, – мягко прошептала она. – Единственное мое желание – сделать так, как будет лучше для тебя, милая. Я хочу видеть тебя счастливой, но ведь сейчас ты страдаешь. И если ты не хочешь понять то, что подсказывает тебе твое сердце, тогда... тогда ты все еще слепа... слепа, как прежде, Эм. – Склонившись к сестре, она порывисто обняла ее и поцеловала в щеку. – Пойду приготовлю ужин. Почему бы тебе пока не отдохнуть?

Эмили молча проводила сестру взглядом. На лице ее было смятение. «Отдохнуть?» – эхом отдалось у нее в голове. Нет, ей не видать покоя. Опустив голову на колени, она прижалась к ним щекой, уставившись в пространство невидящим взглядом. Сердце ее болело, мыслями она сейчас бьгла с Андре!

Эмили хватило мужества признаться себе в том, что в словах Оливии была большая доля правды. С тех пор как Андре исчез из ее жизни, она была глубоко несчастна. Казалось, Андре унес с собой часть ее души.

Все то утро, когда зрение вернулось к ней, Эмили терзалась сомнениями. Она вспоминала... Если бы не Андре, она бы никогда не осмелилась... Именно он вдохнул в нее мужество, он подбадривал ее, снова и снова заставлял пытаться смотреть... Но только сейчас она впервые представила, что творилось у него в душе... Ведь не мог же он не догадываться о ее гневе, когда она увидит, что он цыган!

Но даже это не остановило его!

Сердце Эмили обливалось кровью. Андре говорил, что любит ее. Да, он любил ее – в этом Эмили не сомневалась. Он пожертвовал всем... Догадываясь, что скорее всего потеряет ее, он все-таки рискнул... и сделал это ради нее.

Даже эта жертва не остановила его. Он думал только о ней... только о ней. А она, Эмили? Чем она отблагодарила любимого за его самопожертвование?

Жгучий стыд душил Эмили. Каким мелким, каким ничтожным казалось ее чувство рядом с любовью Андре!

Оливия права, с болью призналась себе Эмили. Она просто старалась спрятаться от себя... от того, что подсказывало ей сердце. Но что же делать теперь?

Выбор оставался за ней, и Эмили это понимала.

Оставалось решить.

* * *

На следующий день, придя в Рэвенвуд, Оливия увидела Андре. Ему отвели комнату в восточном крыле, и ей пришлось навести там порядок. После обеда у Оливии выдалась свободная минутка, и она решила навестить Андре. Прскользя на цыпочках в комнату, она с удивлением увидела, что он поднялся с постели и, устроившись в кресле, смотрит вдаль. Туда, где темнел лес. На Андре были чистая рубашка и бриджи – скорее всего из гардероба Доминика. Если не счи-

тать того, что голова у него по-прежнему была туго забинтована, выглядел он на редкость хорошо. Оливия обрадовалась: можно было надеяться, что Андре пошел на поправку. Она легонько постучала.

– Привет!

Андре вскинул на Оливию глаза. Переступив порог, она заметила, как по его смуглой коже разливается краска: вне всякого сомнения, он узнал ее.

– Привет, – неловко пробормотал он.

– Ну вот, – проговорила Оливия, – вот мы и встретились.

Слегка улыбнувшись уголком губ, Андре поднялся. Он не сводил с Оливии глаз. На лице его застыла настороженность. Озабоченный взгляд Оливии остановился на белом тюрбане из бинтов на голове Андре.

– Как вы себя чувствуете?

– О, чудесно. Граф послал за доктором, хотя я и твердил ему, что в этом нет ни малейшей необходимости. – На лице Андре мелькнула грустная усмешка. – Мне приходилось куда хуже, когда я увлекался боксом.

– Не важно. Все-таки вам нужно полежать несколько дней. Так будет лучше.

– Вот и доктор так говорит, – недовольно скривившись, проворчал Андре.

Повисло неловкое молчание. Казалось, ни один из них не знал, о чем еще говорить. Наконец Оливия решилась. Что изменится, если они поговорят о том, что мучает их обоих?

– Наверное, вы гадаете, как там Эмили...

При упоминании этого имени глаза его сверкнули, но лицо оставалось настороженным.

– Она видит?

– Видит, и прекрасно. Правда, глаза ее все еще болезненно реагируют на яркий солнечный свет, но если не считать этого, никогда и не подумаешь, что совсем недавно она была слепой. Странно все это, правда? – Оливия слегка покачала головой.

– Эмили убеждена, что причиной всему магический кристалл, который я принес ей.

– А я считаю, что все дело в вас.

Андре был поражен, но предпочел промолчать.

– Я уверена, что именно ваша любовь вернула Эмили зрение, – продолжала Оливия. – Поверьте, я ни о чем не подозревала... Только несколько дней назад Эмили призналась мне во всем. Но... в ней произошла перемена. И я знаю, что это благодаря вам, Андре. – Поколебавшись, она неловко спросила: – Вы ведь любите ее, не так ли?

– Всей душой, – просто ответил он. Но от зоркого взгляда Оливии не укрылась боль, мелькнувшая в глазах Андре.

Представив, что ему пришлось пережить, Оливия сжалась. Что ж, теперь ее долг помочь ему.

– Она тоже любит вас, Андре.

– Нет, – коротко бросил он. – Она меня ненавидит. Эмили сама мне об этом сказала.

– Эмили несчастна без вас. О, разумеется, я знаю, что все это не мое дело, но... Не могли бы вы не уезжать... побыть здесь еще хотя бы несколько дней? Прошу вас! – Оливия тронула Андре за рукав. – Конечно, мне не хотелось бы вселять в вас напрасную надежду, но подождите еще немного, – взмолилась она. – Дайте ей время, чтобы подумать, разобраться в собственных чувствах.

– Хорошо, я сделаю то, о чем вы просите, – проговорил Андре после долгого молчания, но глаза его по-прежнему оставались потухшими.

Оливия ушла.

Спускаясь по лестнице, она ругала себя последними словами. С чего ей вообще взбрело в голову вмешиваться? Лучше бы постаралась разобраться в собственной душе, в том, что происходит между ней и Домиником. Она отдалась ему, к тому же дважды! Значит ли это хоть что-нибудь для него? Она не знала...

Когда она покончила с делами, было еще светло. Уходя, Оливия закрыла за собой дверь, и тут ее окликнули.

Это был Доминик. Выйдя из конюшни, он увидел ее и широкими шагами двинулся навстречу. Скорее всего он проехал немало миль: одежда его насквозь пропиталась пылью, взлохмаченные ветром волосы в беспорядке падали на лоб. Когда она утром пришла в Рэвенвуд, его уже не было. Миссис Темплтон обмолвилась, что хозяин уехал на рассвете.

те. Сейчас сердце Оливии невольно встрепенулось. Свесив язык, вслед за хозяином трусил Люцифер. Пес тоже заметил Оливию и помчался к ней.

Остановившись, Оливия с рассеянным видом погладила собаку по голове.

– Ну как, нашли? – нетерпеливо крикнула она, когда Доминик подошел поближе.

У губ Доминика залегли глубокие складки. Оливии достаточно было увидеть его устало поникшие плечи, чтобы догадаться, что поиски детей не принесли результата. Она совсем упала духом и даже не думала сопротивляться, когда Доминик, взяв ее за руку, потянул за собой в укромный уголок под навесом конюшни.

– Большинство фермеров все еще продолжают поиски, – угрюмо пробормотал он. – Но нигде ничего...

– Вы видели Шарлотту? – Торопясь на работу, Оливия утром забежала проведать подругу. Но Бриджит сказала, что дочь, проплакав большую часть ночи, еще спит. Не желая тревожить ее, Оливия поспешила в Рэвенвуд.

Доминик угрюмо кивнул.

– Как она?

– Как и следовало ожидать, – передернул он плечами.

– Кто мог решиться на такое? – Оливия подняла на Доминика затуманенные глаза. – А главное, зачем? Для чего красть из дома двоих ребятишек? – Вспомнив ужасное побоище в цыганском таборе, Оливия содрогнулась. – Вам не

кажется, что все это было задумано с одной лишь целью: выжить отсюда цыган?

– Мне это тоже приходило в голову, – признался Доминик.
– И конечно, это удалось. Цыгане, разозлившись, собрали вещи. Их и след простыл. Уехали той же ночью. – Опустив голову, он некоторое время молчал. – Ну хорошо, предположим, именно этого кто-то и добивался. Почему же он потом не вернул детей?

Оливию затрясло. Господи, подумала она, можно только гадать, как же страшно несчастным Колину и Люсинде! Где они сейчас? Вместе ли? Да и живы ли они... Нет, одернула себя Оливия. Не станет она думать об этом, иначе можно сойти с ума.

– А может, кто-то все еще надеется свалить это на меня...
– Морщина на лбу Доминика стала глубже.

– Но ведь это не удалось, не так ли? – Оливия исподлобья глянула на него. – Или же...

– С утра по крайней мере все было в порядке, – ответил он. – Но кто вчера первым указал на меня? Как ты думаешь, кто это был?

– Откуда мне знать? Понятия не имею. Может быть, кто-нибудь затаил на вас обиду? Но кто это мог быть? – И вдруг, догадавшись, она замолчала и с ужасом взглянула на Доминика.

– В чем дело, Оливия? – Глаза его сузились.

Она до боли закусила губу, пытаясь сдержать дрожь.

– Я вдруг вспомнила слова Уильяма, – запинаясь, пробормотала она.

Как он тогда сказал: «Но запомните одно: ваш цыганский лорд не вечно будет здесь, в Рэвенвуде. Он исчезнет, и что тогда станет с вами?» До сих пор она считала, что Уильям имел в виду отъезд Доминика в Лондон. Но теперь...

– Что? – С губ Доминика сорвался короткий злой смешок. – Только не говори мне, что он не принадлежит к числу моих стойких поклонников! Нет, право, я этого не переживу!

– Перестаньте дурачиться! – недовольно сдвинула брови Оливия.

– О Боже, я серьезен, как похоронные дроги! Оливия, да ведь сегодня он был одним из тех, кто с ног сбился, разыскивая детей! С чего ты вообще вдруг подумала о нем?

– Потому что Уильям ненавидит вас.

– Настолько, что способен пойти на такое?

– Не знаю, – глубоко вздохнув, проговорила она.

Доминик испытующе вглядывался в ее встревоженное лицо.

– За что он меня так ненавидит? Только за мою цыганскую кровь?

– Не только... – Оливия заколебалась, потом решила, что он имеет право знать. – Это просто потому...

– Почему?

Будь он проклят! Зачем ему понадобилось знать? Это выглядело на редкость подозрительно. Казалось, Доминик на-

мерен что-то вытянуть из нее... но что? Чтобы она призналась, что любит его?

– Оливия? – Стянув пропахшую конским потом перчатку, он осторожно взял ее руку. Оливия попыталась отнять ее, но Доминик не дал ей этого сделать. Его горячие сильные пальцы сжали ее ладонь.

– Он знает... о нас, вот почему, – севшим от волнения голосом чуть слышно проговорила она. – Уильяму все известно!

Доминик молча привлек ее, прижав к себе так, что крохотные башмачки Оливии оказались между его сапогами. Сапфировые глаза потеплели, и сердце Оливии радостно встрепенулось.

– Понятно, – протянул он. – То есть Уильяму известно, что мы любовники?

– Нет! Я никогда ничего подобного ему не говорила! – Оливия была шокирована.

– Тогда что именно ему известно? Я не понимаю...

Оливия смущенно потупилась, не находя в себе мужества ответить прямо на этот вопрос.

– Что вы... э-э... мне нравится, – собравшись с духом, пролепетала она наконец.

– М-м, какая приятная новость, – промурлыкал Доминик. – А я и в самом деле нравлюсь тебе, Оливия?

Она подняла голову, чтобы взглянуть ему в глаза – по крайней мере попыталась это сделать. Низкий насмешливый

голос Доминика всколыхнул целую бурю в ее душе. Господи, возмущенно подумала она, да с него станется потребовать разъяснений, сильно ли он ей нравится, или еще что-нибудь в том же духе! Взгляды их встретились, и Оливия почувствовала, что не в силах отвести глаза.

– Теперь вы все знаете, – беспомощно прошептала она.

Он знал это, по крайней мере начинал понимать. На самом же деле он молил о большем. Только Доминик был так же полон сомнений, как и Оливия... и так же раним, как и она. Сейчас он жаждал убедиться в том, что не безразличен ей.

– Ты побудешь со мной?

– Я бы с радостью, но не могу. Правда не могу. Мне надо возвращаться. Эмили ждет.

Доминик кивнул. Оливия была благодарна ему за то, что он не пытался настаивать. Но в намерения Доминика, казалось, пока что вовсе не входило отпускать ее. Рука его обвилась вокруг ее талии. Другой он нежно приподнял ей подбородок, и губы их встретились. Решимость Оливии мгновенно растаяла. Ее губы приоткрылись, как цветок под лучами солнца. Поцелуй был таким, о котором она мечтала: нежным, невыразимо сладостным, восхитительным, таким, от которого захватывает дух. Доминик глухо застонал и крепче прижал ее к себе. Вдруг за спиной у него кто-то негромко кашлянул.

– Прошу прощения, милорд, но ваше присутствие настоятельно требуется в доме.

Это был Франклин, дворецкий. Доминик с трудом заставил себя оторваться от губ Оливии.

– Через минуту приду, – не оборачиваясь, бросил он раздраженно.

– Очень хорошо, милорд. – И Франклин удалился так же бесшумно, как и пришел.

Доминик ласково коснулся носа Оливии. На лице его отразилось сожаление.

– Ничего не поделаешь, нужно идти.

– А что насчет Уильяма? – В глазах Оливии по-прежнему была тревога.

Синие глаза графа потемнели и стали вдруг холодными и колючими.

– Думаю, стоит завтра же утром нанести ему визит.

– Доминик, подождите! – Оливия вцепилась ему в руку. – Умоляю, будьте осторожны!

– Непременно. – Склонившись к ней, он скользнул поцелуем по ее губам и ушел.

На этот раз дорога домой показалась Оливии длиннее, чем обычно. Ее не покидало томительное предчувствие неумолимо надвигающейся страшной опасности, как ни старалась она взять себя в руки. Она с трудом подавила дрожь. Как сейчас ей не хватало верного Люцифера! Оливия несколько раз позвала его, но пес не появился, и она заторопилась домой.

Сама не желая этого, Оливия все замедляла и замедляла

шаг. Рука ее легла на грудь и осторожно скользнула за корсаж, где лежал платок Доминика. Может быть, это было глупо, но сейчас один взгляд на него придал ей уверенности в себе. С того самого дня он всегда был при ней. На губах Оливии расцвела мечтательная улыбка.

Вдруг ее слуха достиг топот бегущих ног. Краем глаза она заметила на опушке леса движение, и внезапно чьи-то пальцы вцепились в рукав ее платья. Перепугавшись насмерть, Оливия обернулась, не заметив, что выпустила из рук платок. Он упал на землю возле ее ног, так и оставшись лежать там, всеми забытый.

Перед ней стоял Роберт Гилмор.

Весь дрожа от возбуждения, он тяжело, прерывисто дышал, как загнанный зверь.

– Мисс Шервуд, слава Богу, вы здесь! Кажется, я нашел детей.

– Вы нашли их! О, мистер Гилмор, это просто невероятно!
– Из груди Оливии вырвался облегченный вздох. – Но где они?

– Мальчик... он ранен, – проговорил он, указывая в сторону леса. – Надо торопиться, иначе мы опоздаем!

– Колин? О Боже, нет! Что с ним?

– Сейчас не время! – замотал головой Гилмор. – Мне нужна ваша помощь, чтобы вытащить его оттуда!

– Может, лучше сбегать в деревню за помощью?

– Некогда! У нас мало времени! – Схватив Оливию за ру-

ку, Гилмор почти поволок ее к лесу. – Надо спешить! Бежим!

Оливии и в голову не пришло отказаться. Если Колин серьезно ранен, времени терять нельзя. Она готова была бежать на край света, чтобы спасти малыша. Гилмор свернул в лес, и Оливия, не медля ни секунды, бросилась за ним. Они все дальше углублялись в чащу. Оливия чуть не упала, споткнувшись о сломанную ветку, в туфли ее набились мелкие камешки, причиняя острую боль. По спине пробежала дрожь. Вокруг становилось все темнее, деревья смыкались за спиной, последние лучи заходящего солнца с трудом пробивались сквозь сплошной шатер ветвей над головами. Задохнувшись, она остановилась.

– Мистер Гилмор, еще далеко?

– Нет, не очень. Здесь поблизости что-то вроде охотничьей сторожки, видите? Вон под теми деревьями. – Он указал на восток.

Оливия прищурилась, стараясь разглядеть, на что указывал Гилмор. Да, похоже, между деревьями торчит что-то, напоминающее трубу.

Сердце ее сжалось. Оливия вновь бросилась бежать. Через несколько минут они стояли у дверей охотничьей сторожки. Она выглядела старой и заброшенной. Черепица на крыше кое-где отвалилась. Похоже, о сторожке все забыли.

Приоткрыв дверь, Гилмор прислушался и поманил ее за собой. Оливия шагнула за порог. Все внутри выглядело еще более убогим, не было и следа какой-либо мебели.

– Послушайте, похоже, тут никого нет... – Оливия нахмурилась.

Дверь сзади захлопнулась. Оливия оказалось лицом к лицу с Гилмором. Склонив голову к плечу, он чему-то улыбался.

От одного вида этой улыбки кровь застыла в ее жилах, а сердце глухо заколотилось. Слишком поздно она поняла, что попала в ловушку. Гилмор просто прятался в кустах, ожидая ее появления. Господи, совсем недавно она умоляла Доминика быть осторожным, даже не предполагая, что опасность может грозить ей самой! Если бы только она взяла с собой Люцифера!

Но было уже слишком поздно. Увидев занесенную над ее головой руку, Оливия вскрикнула. Она попыталась пригнуться, но не успела. Сильный удар обрушился на затылок.

Без единого звука Оливия рухнула на пол.

Глава 21

Сознание возвращалось к Оливии медленно. Первое, что она почувствовала, была пульсирующая в затылке боль. В первый момент она не могла понять, где она, как здесь оказалась и почему под щекой у нее грубая поверхность пола. Память вернулась к ней внезапно. Прежде всего она изумилась тому, что все еще жива.

Оливия попыталась пошевелиться, но острая боль пронизала все ее тело. Руки, заломленные за спину, были туго перетянуты веревкой. Лицо ее передернулось, когда грубый жгут врезался в нежную кожу. Щиколотки Оливии тоже были предусмотрительно связаны.

– Итак, вы наконец пришли в себя, – раздался голос Гилмора.

Оливии пришлось напрячь глаза, чтобы разглядеть его: в комнате стоял полумрак. К тому же отвратительно пахло. В окнах не было стекол. Все они были заколочены снаружи широкими досками. Света, пробивавшегося в щели между ними, едва хватало, чтобы разглядеть помещение. Дождавшись, когда глаза немного привыкнут к темноте, Оливия повернула голову, даже не пытаясь скрыть, насколько ненавидит ей этот человек. Гилмор, кряхтя, протянул руку и попытался погладить ее по щеке. Не в силах скрыть омерзения, Оливия отдернула голову. Он рассмеялся скрипучим, злоб-

НЫМ СМЕХОМ.

– Наверное, ломаете себе голову, что это я затеял, а?

– Что ж, признаюсь, – кивнула Оливия. – Так это вы похитили детей, да?

– Умная девочка! – В глазах его сверкнул огонек.

– Зачем? Зачем вы пошли на это? – Страх леденил ее, но она храбро встретила его взгляд. – Дети ведь ничего вам не сделали! Зачем причинять им зло?

– А никто не причинил им никакого зла. И не причинит, уверяю вас, милочка, если, конечно, все пойдет как надо. А что до того, зачем я это сделал... Что ж... ребяташки сослужили мне службу, помогли заманить вас сюда. Если бы вы не помешали мне прошлой ночью, они уже были бы дома. Черт побери, мне ведь уже почти удалось убедить этих деревенских ослов, что именно он похитил детей!

– Он?

– Ваш цыганский граф! – с неприкрытой ненавистью выплюнул Гилмор.

– Стало быть, это вы пытались взвалить на него вину? – Во рту у Оливии пересохло.

– Конечно. И я бы смог их убедить... если бы не вы! – Губы его приподнялись в жуткой усмешке, больше похожей на волчий оскал. – Но нет! Вам понадобилось вмешаться, и вы все испортили! Вздумали его защищать! Господи, да они разорвали бы его на месте, если бы не вы! Цыганский ублюдок... свалился нам на голову, дьявол его заберите! Как

вы только не понимаете! А он-то... воображает себя графом! Задирает нос, считает себя выше нас, а сам-то, сам-то – грязный цыган! Ворона в павлиньих перьях! Да он недостоин лизать мои башмаки!

– Почему? – только и могла спросить она. – Почему вы так говорите? Только оттого, что он наполовину цыган?

– Он чужак! И все они тоже! О, я предупреждал его! Я просил его сделать так, чтобы они ушли, говорил, что он еще пожалеет, если не послушается! Но он остался глух к моим словам! Вот пусть и заплатит за это!

– Но вы, кажется, забыли, мистер Гилмор, что цыгане все-таки ушли. – Оливия изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

– Да, но он... он остался!

– Почему вы его так ненавидите? – устало покачав головой, спросила она. – Он ведь ничего вам не сделал. Да и цыгане тоже!

– Неужели? Что ж, позвольте просветить вас на сей счет, мисс Шервуд. Они разрушили мою жизнь. И жизнь моего отца. И убили мою мать.

Оливия непонимающим взглядом уставилась на него.

– Да-да, мисс Шервуд. Думаете, я сошел с ума? Ничего подобного! Вам кажется, что вы знали меня всю жизнь, однако я не всегда жил в Стоунбридже. Нет, я родился на юге Англии, в Дорсете. Я был еще мальчиком, когда в наших местах остановился цыганский табор. Это случилось летом много

лет назад. Как-то раз отец заехал туда. Позже он говорил матери, что пытался заставить их убраться из наших мест. Но это была ложь. Да, ложь, потому что все это время он валялся меж раздвинутых ног цыганской шлюхи!

Оливия судорожно сглотнула.

– Да, мисс Шервуд, я понимаю. Вижу, вы потрясены. Теперь представьте, что пережила моя мать, когда раз застала его в постели с этой тварью! Ужас, стыд терзали ее. Она поняла, что не сможет жить с этим. И знаете, что сделала тогда моя мать? Взяла нож и вонзила себе в сердце! Да, зрелище было незабываемое, уверяю вас! А хотите знать, как поступил после этого отец? Он запил. Пытался утопить в вине терзавшее его чувство вины. Что ж, надо признать, у него ушло не так уж много времени, чтобы упокоиться рядом с матерью. Так что не смейте защищать их! Все они одинаковы! Все они – воры и шлюхи! Господи, да что далеко ходить! Ведь и мать вашего драгоценного графа была шлюхой! Он сам – лучшее тому доказательство! Избавимся от него, и все вздохнут спокойней, сами увидите!

Оливии стало не по себе. Трагедия, искалечившая детство ни в чем не повинного ребенка, превратила его в человека, который уже не отличал хорошее от дурного.

Она инстинктивно попыталась отползти в сторону. Каждая черточка его почерневшего лица источала лютую злобу. От одного его вида Оливию бросило в дрожь. Только сейчас она поняла, что все было подстроено заранее. Колин с Лю-

синдой были не более чем приманкой, чтобы заманить в ловушку ее саму, а она должна была стать приманкой для Доминика.

– Господи помилуй, – слабым голосом прошептала она. – Неужели вы задумали убить его?

– А то как же! – насмешливо ухмыльнулся Гилмор. – Что, интересно узнать, каков мой план?

Оливия молча отвернулась, но в тесной комнатухе негде было укрыться, невозможно заглушить звук его голоса.

– На самом деле это очень просто, дорогая моя. Вы пришли за детьми, а он точно так же явится сюда за вами. О, поверьте, я догадался, что происходит между вами... догадался еще в тот день, когда вы умоляли помочь ему выбраться из реки. Дьявольщина, почему вы не дали ему утонуть, этому ублюдку? Я бы с радостью пощадил вас, Оливия, поверьте, но в тот день в моей голове будто сверкнула молния, и я понял, что между вами происходит! Позволить, чтобы вы принадлежали ему... чтобы вы так унизились...

Господи, да ваших родителей хватил бы удар! К тому же вы тоже виновны... Ведь он оставался здесь только из-за вас. Только из-за вас! Так что, сами понимаете, Оливия, было бы неправильно оставить вас в живых, верно?

При мысли о том, что скоро ей предстоит умереть, Оливия похолодела от страха. Этот сумасшедший убьет ее... А потом и Доминика.

– Думаю, завтра... да, скорее всего завтра... он придет сю-

да за вами. Но не один, а со мной! Да, я явлюсь сюда вместе с ним! А когда вы оба будете мертвы, объясню местным властям, что выследил его до этой сторожки, а потом обнаружил, что вы прячете здесь детей, которых похитили, а уж с какой целью, одному Богу известно! Естественно, я был вынужден стрелять, чтобы защитить себя и спасти детей! – Он разразился жутким лающим смехом, от которого по спине Оливии пополз холод. – Ну, как вам нравится мой план? Гениально, правда?

– Почему вы так ненавидите его? Он ведь вам ничего не сделал!

– А мне и не нужна особая причина! – Глаза Гилмора горели ненавистью. – Он цыган, и этого достаточно!

– Все равно вам не удастся остаться безнаказанным, – собрав последние силы, попыпвлась убедить адвоката Оливия. – Если Колин с Люсиндой видели вас...

– Но они меня не видели! Я был очень осторожен, знаете ли! Я хитер, очень хитер! Ни разу им не удалось увидеть моего лица: я всегда приносил им поесть в полной темноте.

– Где они?

На мгновение Оливии показалось, что Гилмор не решится рассказать ей. Но она ошиблась.

– Здесь, в этом доме. В соседней комнате. – Поднявшись на ноги, Гилмор злобно ухмыльнулся. – Что ж, мне пора, мисс Шервуд. Кстати, можете кричать сколько вашей душе угодно. – И снова он рассмеялся тем же отвратительным сме-

хом. – Тут вас ни одна живая душа не услышит.

С этими словами он вышел из сторожки, и Оливия осталась одна. Снаружи послышался лязг замка: это Гилмор запер ее. Оливию охватило отчаяние. Надо что-то делать, твердила она про себя. Ей надо выбраться отсюда, прежде чем этому безумцу удастся привести в исполнение свой чудовищный план. День быстро угасал. Скоро будет совсем темно.

– Колин! Люсинда! – позвала она. И, затаив дыхание, прислушалась.

Ничего. Ни шороха, ни звука.

Оливия позвала снова, и вдруг... вдруг до нее донесся еле слышный звук. Ошибиться она не могла: неподалеку плакал ребенок.

Помещение, в котором лежала Оливия, было почти квадратным. Напротив полуразвалившегося очага виднелась лестница. И хотя Оливия лежала в неудобной позе, краем глаза ей удалось заметить в самой дальней от нее стене дверь. Она попыталась подняться на колени, но со связанными руками и щиколотками это оказалось непосильной задачей. Выбора у нее не было: пришлось, извиваясь, как червяк, перекатываться в ту сторону, откуда доносился плач. Оливия была до смерти рада уже тому, что детей не втащили наверх, не то ей пришлось бы взбираться по лестнице. А она очень сомневалась, что ей удалось бы это, пока она связана.

Она продвигалась вперед томительно медленно. Давно

не мытый пол был завален горами мусора. Что-то впилося Оливии в бедро, но она старалась не замечать этого. Плечи и руки ныли всякий раз, когда она перекатывалась на спину. Скоро туго стянутые запястья совсем онемели. К счастью, к этому времени она была уже у двери.

Оливия не сводила глаз с двери. Здесь была ее последняя надежда. В нижнем углу между дверью и косяком была широкая щель. Верхней петли не хватало. На первый взгляд дверь казалась не слишком прочной.

– Колин! Люсинда! – окликнула она. – Это я, мисс Шервуд! Вы меня слышите?

Плач оборвался.

– Мисс Шервуд! – услышала она дрожащий тоненький голосок. Потом он раздался уже у самой двери. Значит, они не связаны, слава тебе Господи! – Мисс Шервуд, где вы?

Люсинда!

– Я здесь, милая. Люсинда, послушай меня, дверь заперта?

– Да! – жалобно захныкала девочка. – Мы не можем выйти отсюда!

– Послушай, Люсинда, я сейчас попробую ее открыть. Возьми Колина и спрячьтесь в углу. Постарайтесь укрыться как можно дальше от двери, хорошо?

Неимоверным усилием воли Оливии удалось подняться на ноги. Она шаталась, как былинка на ветру, каждую минуту боясь свалиться на пол. Наконец, набрав полную грудь

воздуха, Оливия навалилась плечом на косяк. Оставалось только надеяться, что дверь такая же ветхая, как и сам дом, и веса Оливии окажется достаточно, чтобы сорвать ее с петель.

Раздался оглушительный треск, и Оливия с радостью увидела, как оставшаяся петля отделилась от косяка и, беспомощно звякнув, упала на пол. Потом дверь медленно покачнулась и свалилась. Ликующий крик Оливии перешел в жалобный стон, когда она, не удержавшись на ногах, рухнула поверх двери.

Оглушенная, она некоторое время лежала, не в силах вздохнуть. Вдруг два маленьких трепещущих тельца прижались к ней с двух сторон.

– Мисс Шервуд!

– Мисс Шервуд, как вы нас нашли?

Оливия от облегчения чуть не заплакала: дети, похоже, целы и невредимы, хотя их испачканные мордашки были в потеках от слез.

– Люсинда, попробуй развязать мне руки, – попросила она.

Кивнув, девочка присела на корточки у нее за спиной, и Оливия почувствовала, как детские пальчики неловко теребят веревку, пытаясь справиться с узлами.

И вот наконец руки ее были свободны.

Оливия поморщилась: казалось, в нее впились мириады иголок. Она как следует растерла запястья, чтобы кровь вновь заструилась по венам, и взялась за веревку, стягивав-

шую ей щиколотки. Через мгновение и ноги ее были свободны. Протянув дрожащие руки к детям, Оливия почувствовала, как из глаз ее заструились слезы. В следующую минуту она уже, плача и смеясь, прижимала их к груди.

– С вами все в порядке? – снова и снова спрашивала она.

– Мы кричали... и кричали, а никто так и не пришел! – Пухлая нижняя губка Люсинды обиженно задрожала.

Крошечные брови Колина сошлись на переносице. По лицу было видно, что малыш вот-вот расплачется.

– Я хочу есть.

– Знаю, знаю, милые. – Оливия порывисто расцеловала их в макушки. – Но боюсь, придется немного подождать, прежде чем мы отыщем что-нибудь поесть. Думаю, первым делом нам надо убраться отсюда, и поскорее.

– А где мы? – задрожала Люсинда.

– В заброшенной охотничьей сторожке, где-то в самой чаще. – С трудом встав на ноги, Оливия взяла детей за руки, и они вернулись в то помещение, где она была прежде.

– Мне тут не нравится, – прошептал Колин, с испугу крепко вцепившись в ее юбку.

– Если нам повезет, скоро мы будем далеко отсюда. – Оливия ласково похлопала его по руке.

Увы, им не повезло. Оливия долго трясла и дергала входную дверь, но замок держался крепко. Да и сама дверь была сделана на совесть: сколько Оливия ни налегала на нее плечом, она даже не дрогнула. Оставив в покое дверь, она взя-

лась за доски, которыми были забиты окна, но они тоже не поддались. В помещении не оказалось ничего, что она могла бы использовать как рычаг. К тому же солнце уже давно село, и в сторожке сгустился непроглядный мрак. Оливия не видела даже собственных рук.

От страха и отчаяния она всхлипнула. Что толку было обманывать и себя, и детей! Даже если бы по счастливой случайности им и удалось бы выбраться наружу, все равно было уже так темно, что Оливия вряд ли смогла бы отыскать дорогу из лесу. Кроме того, надо было подумать о детях. Если они заблудятся, это напугает их еще больше. Она лихорадочно вспоминала, что говорил Гилмор перед уходом. Завтра, сказал он, завтра Доминик придет за ней, и он, Гилмор, будет вместе с ним.

Может, и правда лучше. подождать до утра? А как только рассветет и станет чуть-чуть светлее, она попытается отыскать что-нибудь, чем можно отодрать эти проклятые доски. На этот раз им непременно повезет, и когда явится Гилмор, их уже тут не будет.

Еще раз обдумав все это, Оливия обернулась к детям и с трудом улыбнулась им дрожащей улыбкой.

– Боюсь, нам с вами придется подождать до утра, иначе мы не выберемся. Стало так темно, что я ничего не вижу.

Отыскав сравнительно чистый участок пола перед очагом, она решила устроиться на ночь. Оливия опустилась на пол и, привалившись спиной к стене, обняла детей. Дрожащая

ручка Люсинды скользнула к ней в руку.

– Я рада, что вы здесь, с нами, мисс Шервуд. Колин и я... нам так страшно было одним!

Сердце Оливии сжалось от жалости.

– Но теперь вы ведь уже не одни, верно?

– Я хочу к маме, – прошептал Колин, уткнувшись головой ей в колени. Оливия ласково взъерошила ему волосы.

– Завтра, милый, завтра, – проговорила она, стараясь, чтобы голос ее звучал уверенно. Оставалось только молить Бога, чтобы слова ее оказались правдой.

Плечи у нее болели невыносимо. К тому же вскоре все тело затекло, но Оливия боялась шелохнуться, чтобы не разбудить спавших мирным сном детей. Во рту у нее до сих пор стоял отвратительный металлический привкус страха, но она поклялась сделать все возможное, чтобы дети не заметили, как она боится. Сейчас, когда оба так доверчиво прижимались к ней, в глазах у нее защипало. Слезы вперемешку с грязью, густым слоем покрывавшей ее лицо, потекли по щекам. Эмили скорее всего решит, что она просто задержалась в Рэвенвуде из-за работы. Если она не станет дожидаться Оливии и пораньше отправится в постель, как бывало и прежде, то, вполне вероятно, никто ее не хватится до утра. Но даже если сестра и поднимет тревогу, все равно никому в голову не придет искать ее в этом месте. На душе у нее стало тяжело. С унылым вздохом Оливия прислонилась головой к стене и закрыла глаза.

Как бы там ни было, сейчас им оставалось только ждать.

Эмили подошла к двери и выглянула наружу – наверное, не меньше чем в десятый раз за последнее время. Оно тянулось невыносимо долго. Оливии и прежде приходилось задерживаться, но еще никогда она не приходила так поздно. Эмили, не находя покоя, мерила шагами гостиную. Ею овладело предчувствие надвигающейся беды. Ничего подобного она прежде не испытывала и вначале даже пыталась смеяться над терзавшими ее страхами. Но сейчас она была уверена: случилось несчастье.

В конце концов, не вынеся ожидания, она схватила шаль и, накинув ее на плечи, снова приоткрыла дверь. Опасения за сестру пересилили ее страх за себя. Покрепче стянув шаль на груди, Эмили шагнула в ночь. Если повезет и она встретит Оливию на дороге, сестра, без сомнения, рассердится, что Эмили решилась отправиться в Рэвенвуд одна, да еще в темноте. Ну и пусть, упрямо решила она, пусть сердится, но дрожать от страха гораздо хуже. По крайней мере она будет знать, что с Оливией все в порядке.

Но Эмили так и не встретила Оливию по дороге, и с каждым шагом, который приближал ее к Рэвенвуду, на душе у нее становилось все тяжелее. Теперь она не сомневалась, что с Оливией стряслась беда.

Наконец перед ее глазами возник угрюмый силуэт древнего замка, казавшийся на фоне темно-синего неба почти чер-

ным. Только что поднывавшаяся над горизонтом луна заливала его призрачным серебристым светом. Эмили дрожала с головы до ног, но не от холода. Спотыкаясь, она вскарабкалась по каменным ступеням массивной лестницы, которая вела к тяжелым двойным дверям. Пальцы ее коснулись блестящего медного молотка, и, собравшись с духом, Эмили громко постучала.

Эхо гулко отозвалось внутри. Неловко переминаясь с ноги на ногу, Эмили молча ждала. Конечно, думала она, не исключено, что все обитатели замка уже мирно спят и ей просто никто не откроет. Не в силах справиться с тревогой, Эмили снова схватилась за молоток. В эту минуту дверь широко распахнулась, и Эмили испуганно отпрянула. На пороге стоял седовласый джентльмен весьма почтенного вида, удивленно глядевший на нее.

– Прошу прощения, что врываюсь к вам так поздно, – поспешно пробормотала Эмили. – Меня зовут Эмили Шервуд. Я... я только хотела спросить, моя сестра еще здесь?

– Оливия? Так вы сестра Оливии Шервуд? – недоуменно переспросил он.

– Да, сэр. Видите ли, уже так поздно, и... к этому времени она всегда бывала дома... Вот я и подумала... вдруг она еще здесь...

– Не думаю, – покачал он головой.

Больше он не успел произнести ни слова. В дверях вдруг возник высокий мужчина с темными, почти черными воло-

сами и ястребиным лицом. Во всем его облике сквозила такая властность, что Эмили безошибочно узнала в нем самого графа.

– Оливия? – отрывисто спросил он. – Вы ищете Оливию?

– Она давным-давно должна быть дома... – пролепетала

Эмили дрожащим голосом.

Странное выражение появилось на лице темноволосого мужчины.

– Но она уже ушла... довольно давно, – ответил он.

Взгляды их на мгновение встретились, и каждый увидел в глазах другого отчаянный страх. Эмили с трудом проглотила вставший в горле комок.

– Тогда где же она?

– Не знаю, – угрюмо бросил он, – но будь я проклят, если не отыщу ее! – Вслед за этим Эмили помогли войти. Она услышала, как Доминик выкрикивает приказы сбежавшимся отовсюду слугам: – Франклин, позаботьтесь, чтобы для мисс Шервуд приготовили комнату. И пошлите кого-нибудь на конюшню оседлать Шторма, да поскорее! – Вспомнив об Эмили, он окинул ее взглядом. – Вы ведь останетесь, не так ли? Конечно, останетесь. Не хватало отпустить вас домой одну, да еще в такую темень!

Казалось, он успел подумать обо всем. И минуты не прошло, как все распоряжения были отданы и граф был готов уйти. Эмили, совершенно растерявшись, осталась стоять, где стояла. Оливия пропала, повторяла она бесцельно. Исчезла!

Подоспевший вовремя Франклин осторожно подхватил ее под руку и повел наверх по лестнице.

– Сюда, мисс Шервуд. Постараемся устроить вас поудобнее. Если вам что-нибудь понадобится, только позвоните...

От этих волнений всё казалось странно нереальным. Голова у Эмили шла кругом, перед глазами все плыло. Сквозь шум в ушах до нее вдруг откуда-то снизу донесся низкий мужской голос:

– Позвольте я поеду с вами.

Эмили застыла. Она знала этот голос, знала, как свой собственный. Будто неведомая сила подхватила ее. Споткнувшись, она обернулась и посмотрела через плечо.

На фоне ярко освещенной двери вырисовывался силуэт высокого мужчины с темными волосами. Его лицо запечатлелось в памяти Эмили навсегда, но она не надеялась его когда-нибудь увидеть.

Андре...

Что-то всколыхнулось в ее душе. Достаточно было увидеть его, и борьба, которую она вела с собой, закончилась. Однако Андре, не заметив ее, собирался уйти. Не лучше ли позволить ему исчезнуть из ее жизни, промелькнула мгновенная мысль, но, с досадой отогнав ее, Эмили крикнула:

– Андре, подожди!

Он медленно обернулся, и глаза их встретились.

Эмили вихрем сбегала вниз по лестнице и, задохнувшись, остановилась в двух шагах от него.

Наступила тишина.

Никто из них не заметил, как сообразительный Франклин поспешил удалиться. Эмили сторала от желания обхватить ладонями лицо Андре, коснуться руками плеч, груди, убедиться, что это действительно он, а не сон, не видение, которое тут же растает в воздухе при первом же прикосновении.

– Андре... это ты! А я... я даже не знала, что ты здесь! – с трудом пролепетала она. – Ты... уже здоров?

Он молча смотрел ей в глаза. Время неумолимо отсчитывало секунды. Эмили до боли стиснула руки, чтобы не дать воли слезам.

– Да, – коротко бросил он, наконец.

Лицо его было чужим, далеким. И в этом виновата была только она. Эмили знала, что ей некого винить, кроме себя.

Жгучий стыд комком подступил к горлу, из груди вырвался сдавленный стон. Она почти ничего не видела из-за пелены слез, которая застилала глаза. Андре легко коснулся ее лица, но рука его тут же упала.

– Не волнуйся за Оливию. Мы найдем ее.

– Я... я не поэтому... – Голос ее дрожал от едва сдерживаемых слез. – Господи, неужели ты не понимаешь? Это все из-за тебя! – Эмили готова была убить себя за то, что не могла найти нужных слов: все выходило таким плоским, невыразительным. – Мне... мне так стыдно. Прости, что обидела тебя! С радостью откусила бы себе язык, если бы могла! О, Андре, я... – Вдруг внутри ее будто прорвали плотину, и слова по-

лились нескончаемым бурным потоком: – Я люблю тебя! Да, я знаю, что цыгане ведут кочевую жизнь. Но я прошу лишь подарить мне немного времени... сколько ты сможешь...

– Эмили! – дрогнувшим голосом прошептал он. И она оказалась в его объятиях. Впрочем, именно об этом она и мечтала. – Эмили, – повторил он, погрузив лицо в сияющий водопад волос, – я всегда буду возле тебя... если ты мне позволишь! – Сердце Эмили на мгновение остановилось, потом забилось тяжелыми глухими толчками. Откинув назад волосы, она заглянула ему в глаза. – Я люблю тебя, принцесса. Я всегда буду любить тебя.

Вихрь самых неожиданных чувств захлестнул Эмили с такой силой, что голова у нее закружилась.

– Ты хочешь сказать, что не уедешь? – дрожащим голосом переспросила она, боясь, что ослышалась. – Ты не вернешься в табор?

– Я никуда не уеду, – чуть слышно сказал он, хмуро улыбаясь. – Во всяком случае, без тебя. Я не смогу заставить тебя бросить дом и сестру. Мне ведь нечего дать тебе взамен. – Он заглянул ей в глаза и с улыбкой добавил: – Но я клянусь отдать тебе все, что у меня есть, если ты будешь со мной!

Эмили широко открыла глаза. Счастье переполняло ее. С тихим радостным криком она подняла к нему лицо, и губы их слились в бесконечно долгом поцелуе. Упиваясь блаженством, они позабыли обо всем. Вдруг рядом кто-то осторожно кашлянул.

Вспыхнув от смущения, Эмили обнаружила, что позади Андре стоит Доминик. Не выпуская Эмили из объятий, Андре тоже обернулся. Уголки губ Доминика поползли кверху.

– Я не обижусь, если ты решишь остаться, – тихо сказал он.

– Вместе нам удастся отыскать ее вдвое скорее, – возразил Андре. Повернувшись к Эмили, он торопливо поцеловал ее. – Постарайся поспать, – шепнул он.

Глаза Эмили потемнели. Стиснув руки, она умоляюще взглянула на них.

– Пожалуйста, будь осторожен... – Взгляд ее метнулся к Доминику. – Вы оба...

Еще один торопливый поцелуй, и они ушли.

К счастью, луна поднялась уже высоко, существенно облегчая им поиски. Поделив между собой пространство между Рэвенвудом и домом сестер, Доминик и Андре обыскали всю округу, захватив заодно и большую часть леса.

Но Оливии нигде не было.

Первые, еще слабые лучи солнца чуть позолотили восточную часть неба, когда Доминик резко натянул поводья, осадив своего жеребца на полпути между деревней и Рэвенвудом. Андре остановился рядом.

– Не могла же она раствориться в воздухе! – воскликнул он.

– Сначала дети, а теперь она. – Лицо Доминика окаменело. – Куда, к дьяволу, они могли подеваться?! – Обезумев от

беспокойства, он клял себя последними словами. Хотя когда Оливия уходила, было еще светло, все равно Доминик во всем винил одного себя.

– Может, позвать на помощь местных фермеров? – предложил Андре.

Доминик угрюмо кивнул:

– Поеду в деревню и подниму тревогу... – Вдруг он осекся на полуслове, и глаза его сузились.

Люцифер, сопровождавший его всю ночь, рванулся вперед. Он застыл в стойке и отрывисто злобно залаял. Шерсть на холке вздыбилась, хвост был высоко поднят. Насторожив уши, пес оглянулся на хозяина и снова разразился лаем. Доминик озадаченно сдвинул брови.

– Какого дьявола?.. – Он тронул Шторма шпорами.

Словно обрадовавшись, что наконец привлек внимание хозяина, Люцифер снова залаял. Спешившись, Доминик подбежал к нему. – Что с тобой, Люцифер? – спросил он, положив руку на холку собаки. – Ты что-нибудь нашел?

Припав к земле, пес заскулил, ткнувшись носом в маленький клочок, лежавший на земле.

Доминик присел на корточки и увидел клочок льняного полотна, валявшийся в канаве у дороги. Протянув руку, он поднял его и поднес к глазам.

Брови его сдвинулись. Это был его носовой платок, в уголке которого были вышиты его инициалы – ДСБ. Неудивительно, что они не сразу заметили его. В темноте платок

трудно было различить.

Доминик наморщил лоб. Неясное воспоминание мелькнуло у него в памяти. Господи помилуй, да ведь именно этот платок он оставил у нее в ту ночь, когда они впервые встретились! И случилось это как раз неподалеку, на той же дороге. Острая боль полоснула ножом по сердцу. «Оливия! – беззвучно позвал он. – Оливия, любимая, где же ты?» Голова его склонилась на грудь. Прижав платок к лицу, он жадно вдохнул. От платка пахло землей, листьями и... слабым, чуть заметным ароматом роз.

Доминик вздрогнул, как от удара. Люцифер, ожидая приказа, смотрел на него умными блестящими глазами. Вдруг пес заскулил, потянувшись носом к руке Доминика.

Разжав руку, тот дал ему обнюхать платок. Люцифер засопел, жадно принюхиваясь, потом коротко тьякнул и вскочил. Сделав широкий крут, он снова оглянулся на хозяина, словно понимая, что от него требуется. Доминик встал.

– Люцифер, – приказал он, – ищи Оливию! Ищи, Люцифер!

Гавкнув от нетерпения, пес рванулся вперед.

Доминик и Андре, вскочив в седла, устремились за ним.

Глава 22

Оливия наконец задремала. Разбудил ее протяжный волчий вой. Она слегка поморщилась, не понимая со сна, что происходит. Никогда еще постель не казалось ей такой жесткой. Все ее тело одеревенело, руки, казалось, были налиты свинцом. Протяжный вой вновь разорвал тишину, и Оливия сквозь сон удивилась, кому вздумалось охотиться на самой окраине деревни, рядом с их домом. Внезапно реальность словно обрушилась на нее. Она не дома, а в каком-то Богом забытом месте, сидит на жестком, пропахшем сыростью полу в заброшенной охотничьей сторожке. А этот вой... «Но какой же это волк? – удивилась она. – Это же Люцифер!» Глаза Оливии широко распахнулись, и радостный возглас сорвался с ее губ:

– Колин, Люсинда! Они нас нашли! – Оливия слегка потрясла спящих детей.

Колин, еще не проснувшись, тер кулаками заспанные глаза. А Люсинда сонно моргала, не понимая, что так обрадовало Оливию.

Оливия с ликованием порывисто прижала к себе детей.

– Пошли, пошли, надо постараться выбраться отсюда.

С трудом ей удалось поставить Колина на ноги. Люсинда зевала не переставая. К тому времени как они все трое наконец были на ногах, лай Люцифера приблизился.

Громовой топот копыт, от которого содрогалась земля, замер у стен сторожки. Оливия услышала низкие мужские голоса, затем-на двери загремел засов.

Схватив за руки детей, она бросилась навстречу яркому дневному свету, ворвавшись через распахнутую настежь дверь в темную, пропахшую плесенью сторожку. В дверном проеме выросла высокая мужская фигура. Широко расставив ноги, мужчина оглядывался по сторонам. Плечи его были так широки, что почти задевали косяк.

– Оливия?

Доминик! Оливию словно подхватил вихрь. Протянув руки, она бросилась ему на грудь. Сильные руки обхватили ее, и она заметила, что ладонь, гладившая ее по голове, заметно дрожит.

– Господи! Я думал, что потерял тебя, – вырвалось у него. Доминик заглянул ей в глаза. – С тобой все в порядке? – Глаза его впились в ее побледневшее лицо.

– Да! Сейчас да! – Улыбка, которой одарила его Оливия, была ослепительна.

– А как дети?

– Проголодались и немного замерзли.

Колин, впрочем, уже успел обхватить Доминика за ногу. Подхватив мальчишку на руки, Доминик высоко подбросил его в воздух и осторожно опустил на пол. Люсинда, глядя на него, смущенно улыбалась. Па пороге появился Андре. Увидев его, Оливия радостно кивнула. Вслед за ним, восторжен-

но поскуливая и бешено виляя хвостом, ворвался Люцифер.

– Как вам удалось нас отыскать? – спросила Оливия.

– Скажи спасибо Люциферу. Сначала он отыскал на дороге твой платок... – Запнувшись, Доминик обезоруживающе улыбнулся. – Или, точнее, мой платок... Черт, даже не знаю, чей он теперь! – С этими словами он вывел Оливию и детей туда, где ярко светило солнце. Завидев лошадей, Колин восторженно завопил. Доминик обернулся к Оливии. Лицо его стало мрачным. – Расскажи, что произошло, Оливия. Кто это сделал?

Но Оливии не удалось ответить. Прежде чем она успела открыть рот, откуда-то из-за ее спины донесся знакомый отвратительный голос:

– Нет нужды отвечать ему, дорогая моя. Я могу прекрасно справиться с этим сам.

Из-за угла сторожки появился Гилмор. В руке его был пистолет. Дуло угрожающе смотрело прямо в грудь Доминику. Оливия помертвела.

– Надо же... – С губ Гилмора слетел короткий смешок. – Оказывается, вы водите дружбу с этими дьяволами: не один, а сразу двое ринулись вас спасать! Что ж, не могу одобрить ваш выбор, мисс Шервуд. – Его насмешливый презрительный взгляд обратился к Доминику. – А что до вас, милорд, вы сэкономили мне время, сами явившись сюда. Жаль, конечно, что вы не один, потому что теперь мне придется убить вас всех. Раньше-то я надеялся, что вас с мисс Шервуд будет

вполне достаточно.

– Если вам нужен только я, пусть остальные уйдут, – с непроницаемым лицом невозмутимо проговорил Доминик.

– Какое благородство, подумать только! – Гилмор разразился лающим смехом. – Нет, мой дорогой лорд, боюсь, так не пойдет! Я не так глуп, как вы думаете! Стоит мне их отпустить, как они мигом поднимут на ноги власти. Да и потом даже лучше, что я разом избавлюсь от всех вас! – Дикая ненависть исказила его лицо, и оно стало страшным.

Прижавшийся к ногам Андре Люцифер рванулся вперед и, оскалившись, тихо зарычал. Гилмор наставил на него пистолет.

– Уберите своего пса, или я и его пристрелю!

Но он не успел. Люцифер сделал гигантский прыжок. Оливия еще увидела, как дико расширились глаза Гилмора. Он поднял руку, но огромная собака обрушилась на него всей тяжестью и повалила на землю.

Нескольких секунд оказалось достаточно Доминику, чтобы выбить из ослабевших пальцев адвоката пистолет. А Люцифер, упираясь передними лапами Гилмору в грудь, угрожающе рычал. Вскрикнув от ужаса, тот попытался закрыть себя руками.

– Отгоните его! – визжал он. – Отгоните немедленно!

Забежав в сторожку, Андре отыскал веревки и быстро связал руки Гилмора, чтобы тот никому больше не причинил вреда.

Не прошло и часа, как притихший Гилмор был передан в руки деревенскому констеблю. К тому времени Оливия уже успела поведать Доминику и Андре, что заставило адвоката придумать столь дьявольский план. Им руководила патологическая ненависть ко всем цыганам, вызванная тем, что его отец изменил жене с цыганкой, а мать от горя и отчаяния покончила с собой.

– Она убила себя, – с горечью сказала Оливия, – а отец, не в силах этого перенести, окончательно спился. Гилмор винил во всех своих бедах цыган. Все эти годы ненависть и жажда мести, словно кислота, разъедали его мозг. Какая ирония судьбы! В итоге он не причинил вреда никому, кроме самого себя! – Вздохнув, она печально покачала головой. – Ему ведь угрожает тюрьма, да?

– Это самое меньшее, чего он заслуживает! – Доминик, судя по его суровому тону, не был склонен к снисходительности. – Бог мой, Оливия, неужели ты не понимаешь? Он бы прикончил всех нас! Всех, в том числе и детей!

Оливия покосилась через плечо: следом за ними ехал Андре, усадив в седло и Колина, и Люсинду.

– Кстати, детям, по-моему, давным-давно пора домой! – спохватилась она.

Вскоре Колин вернулся в объятия матери и бабушки, а маленькая Люсинда оказалась в кругу своей семьи. Мать ее рыдала от счастья, не стесняясь слез, а потом, шумно хлопая носом, бросилась обнимать Доминика и Андре. Расчувство-

вавшийся отец оглушительно хлопал их по плечу.

По дороге в Рэвенвуд Доминик успел рассказать Оливии, что именно Эмили, не дождавшись сестры, кинулась искать ее и подняла тревогу. И сейчас, издалека завидев приближавшихся всадников, Эмили вихрем слетела по ступеням и бросилась на шею сестре. Обе они, сжимая друг друга в объятиях, заливались слезами, но улыбки их сияли ярче тысячи солнц.

Доминик решил предоставить Оливии возможность самой обнаружить кардинальную перемену в отношениях ее сестры с Андре.

Тот терпеливо ждал, пока сестры обнимали друг друга, заливаясь радостными слезами. Наконец, вспомнив о нем, Эмили обернулась, и глаза их встретились.

Не сказав ни слова, он протянул ей руку.

Эмили оказалась в его объятиях. И у всех, кто невольно стал свидетелем этой сцены, не осталось ни малейших сомнений по поводу чувств, что связывали молодую пару. У остолбеневшей Оливии от изумления открылся рот.

– Перестань тарашиться на них, любовь моя, – весело хмыкнув, заметил Доминик.

Любовь моя! Сердце Оливии забилось сильнее. Неужели сбудется то, о чем она мечтала столько дней?

Взяв за руку, Доминик заставил ее повернуться к нему лицом и пытливо заглянул в глаза.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

У нее потеплело на душе, когда она увидела, какое беспокойство написано у него на лице.

– Все хорошо, – беззвучно выдохнула Оливия.

– Не знаю, что бы я делал, если бы потерял тебя! – Глаза Доминика потемнели.

Низкий, чуть хрипловатый голос заставил Оливию затрепетать. Ободренная, она положила руки ему на грудь и, подняв к нему лицо, чуть заметно покачала головой.

– Никогда ты не потеряешь меня, Доминик, – тихо прошептала она. – Никогда!

Казалось, он ждал именно этих слов. Доминик издал неясный стон и притянул Оливию к себе. Губы его приникли к ее рту. Оливия вздохнула от счастья и закрыла глаза, наслаждаясь его поцелуем.

За спиной у них кто-то изумленно ахнул. Оливия томно открыла глаза и увидела Эмили и Андре, не сводивших глаз с целующейся пары.

Доминик неохотно выпустил Оливию из объятий. Она повернулась к сестре, мимоходом с улыбкой отметив про себя, что Эмили, похоже, потрясена даже больше, чем она сама несколько минут назад. И стоило только сестре открыть рот, как Оливия поняла, что не ошиблась.

– Оливия... милорд... но как? – Боже милостивый!

– Судьба, – весело объяснил Доминик.

– То есть вы хотите сказать... что вы... – Взгляд Эмили метался между ними.

– Боюсь, что так, Эмили. – На губах Оливии появилась слабая улыбка. – Видишь ли, граф и я... то есть мы с ним... – Окончательно запутавшись в словах, она замолчала. Да и что было говорить? Будущее было так зыбко и неясно, что она боялась думать о нем, хотя и надеялась на лучшее. Если, конечно, она правильно истолковала те чувства, что он вложил в их поцелуй.

– Ваша сестра пытается вам сказать, дорогая Эмили, – пришел ей на помощь Доминик, – что мы с ней в последнее время стали очень близки. Весьма близки, если уж быть предельно точным.

Оливия почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Украдкой подняв глаза, она заметила, что Андре с широкой улыбкой повернулся к Эмили. Вздыхнув, она сжала руки сестры.

– Я давно хотела рассказать тебе об этом, милая, – покаянно проговорила она, – но все время что-то мешало. Эмили, вспомни, как ты тогда мучилась из-за Андре, и я... я боялась, что ты меня просто не поймешь!

– Знаешь, я немного ошарашена, честное слово, и... и все! Слава Богу, и все! – Эмили ласково сжала ей пальцы, и сестры снова порывисто обнялись, потом, отодвинувшись, обменялись сияющими улыбками.

Затем Эмили с улыбкой оперлась на руку Андре, и он накрыл ее пальчики ладонью.

– Думаю, будет лучше, если я провожу Эмили домой, – заявил он. – Ей надо хоть немного отдохнуть. В конце кон-

цов, это была долгая ночь для всех нас.

– Согласен, – кивнул Доминик. – Держу пари, Оливия тоже падает с ног от усталости. – Он перевел взгляд на Эмили. – Скажите, вы будете очень скверного мнения обо мне, если я избавлю вашу сестру от необходимости возвращаться сегодня домой?

– Это зависит от многого, милорд, – лукаво ответила Эмили, в глазах которой плясали шаловливые чертики. – Например, от того, насколько честны ваши намерения.

Доминик разразился низким, чуть хрипловатым хохотом.

– Можете не сомневаться: они достаточно благородны! – Повернувшись к Оливии, он обхватил ее за талию и привлек к себе.

Андре и Эмили собрались уходить.

– Э-э... и кстати, Эмили, вот еще что... – как ни в чем не бывало окликнул ее Доминик. Эмили вопросительно взглянула на него через плечо. Перехватив ее взгляд, Доминик с плутовским видом подмигнул ей так, чтобы не видела Оливия. – Я хотел сказать... думаю, в ближайшее время она вряд ли вернется.

– И что это означает, милорд, хотела бы я знать? – негодуя спросила Оливия. Сердце у нее екнуло.

– Это значит, что они хотят побыть вдвоем, как и мы с тобой. – Он ласково сжал ее пальцы.

– Да?

– Да, конечно, – с самым серьезным видом кивнул Доми-

ник. – К тому же я хотел бы наконец закончить вчерашний разговор. Насколько я помню, мы остановились на том, что я тебе нравлюсь.

– Неужели? – изумленно протянула Оливия. В глазах ее загорелся лукавый огонек. – Что-то не припомню...

– Что ж, тогда ты не оставляешь мне выбора. Придется тебе напомнить. – Склонившись к ней, он подхватил ее на руки и взбежал по ступеням.

– Доминик! – воскликнула Оливия. – Кто-нибудь увидит...

– Ну и пусть!

– Какой ты самоуверенный! – нахмурилась она.

– Да! А ты, как всегда, чопорная и благопристойная.

Распахнув дверь в спальню, Доминик вошел и, опустив Оливию на пол, приник к ее губам. Поцелуй был таким трепетно-нежным, что слезы навернулись ей на глаза.

– М-м, – промурлыкал он, с трудом оторвавшись от ее губ. – Как ты думаешь, сколько времени я ждал этой минуты?

Ласковые руки Оливии обвили вокруг его шеи, взъерошили густые волосы.

– Столько же, сколько и я, – с дразнящей улыбкой проворкотала она.

Он взглядом ласкал ее лицо. Вдруг, вспомнив о чем-то, отстранился.

– Подожди! – бросил он.

Склонив голову на плечо, Оливия с любопытством смот-

рела, как он вытащил из-за ворота рубашки золотую цепочку, которую всегда носил на шее. Расстегнув замок, он быстрым движением надел цепочку на шею Оливии. Что-то приговаривая по-цыгански, он поднял висевшее на цепочке кольцо и благоговейно поднес его к губам.

– Что это? – Оливия осторожно коснулась кольца кончиком пальца.

– Цыганское заклятие, – усмехнулся он.

– Надеюсь, что нет. – Оливия насмешливо сощурила глаза.

– Нет, – кивнул он, и глаза его стали серьезными. – Считай, что это – благословение.

Потянув Оливию за руку, он подвел ее к постели и сел, усадив ее рядом.

– Когда-то оно принадлежало моей матери, – тихо сказал он. – Она никогда не расставалась с ним. А теперь... теперь я хочу, чтобы его носила моя жена.

Сердце Оливии на мгновение перестало биться. И вдруг волна радости затопила ее.

– О-о, – протянула она, – но я ведь не твоя жена!

– Но ты станешь ею.

– Неужели? – Тонкая бровь вопросительно изогнулась.

– Станешь!

– И скоро?

– Очень скоро, – рассмеявшись, уверенно пообещал он, – мы это устроим. А сейчас, – добавил он с улыбкой, пол-

ной невыразимого соблазна, – сейчас, моя дорогая, я намерен показать тебе, что такое рай.

– И как же ты собираешься это сделать?

Положив ладони ей на плечи, Доминик медленно спустил до талии ее платье.

– Если ты хоть на минуту перестанешь болтать, я тебе покажу.

– Но я... я не выйду замуж за человека, который меня не любит, – беззвучно прошептала Оливия.

Руки Доминика замерли. Внезапно до него дошло, что игра кончилась. И взгляд, который он бросил на нее, был настолько красноречив, что у Оливии все перевернулось внутри.

– Он любит тебя, поверь мне.

В его голосе звучало такое глубокое чувство, что Оливия чуть не задохнулась. Слезы, которые она не могла сдержать, затуманили ей глаза. Со стоном Доминик склонился к ней и принялся осушать их губами.

– Не плачь, дорогая. Я люблю тебя. Разве ты этого не знаешь?

– Теперь знаю... – Сердце ее было переполнено счастьем.

– О, Доминик, я тоже люблю тебя. И буду любить вечно!

Слова ее словно обрушили последнюю преграду, которая разделяла их. Сжигавшая обоих страсть вспыхнула ярким пламенем. Нежные руки Оливии стянули рубашку с плеч Доминика, пока сам он срывал с нее платье. Но когда он, еле

сдерживая нетерпение, опрокинул ее на постель, Оливия, слегка покачав головой и упершись ладонями в его грудь, остановила Доминика.

Без единого слова она опустилась на колени между его ног.

Холодные кончики ее пальцев погладили ему грудь, потом опустились ниже, к плоскому животу.

Одну за другой она медленно расстегнула застёжки его бриджей.

Его напрягшаяся плоть, будто живое существо, выпрыгнула ей в ладонь. Оливия невольно вздрогнула, она не ожидала, что та будет такой обжигающе горячей и твердой.

Голова ее склонилась ниже. Нежные пальцы ласкали его бедра. Все было так, как он когда-то мечтал. И вот она, затаив дыхание, осторожно коснулась его восставшей плоти.

– Оливия... – У него перехватило дыхание. Доминик задыхался. Ему казалось, еще мгновение – и сердце не выдержит. – Любовь моя, что ты делаешь?

Откинув голову, Оливия взглянула ему в глаза. Как он говорил: чопорная и благопристойная? Что ж, сейчас она покажет ему, какая она. На губах ее появилась коварная улыбка.

– Собираюсь показать тебе, что такое рай.

И Бог свидетель, ей это удалось! Оливия коснулась его плоти самым кончиком языка, скользнула ниже, заставляя Доминика сгорать на медленном огне и посылая по его телу тысячи восхитительных молний. Она словно возвращала

ему то наслаждение, каким прежде он одаривал ее. Полузакрыв глаза, Оливия будто пробовала его на вкус, покусывая и посасывая его плоть, словно не замечая, что все тело Доминика сотрясает дрожь.

Сейчас он не мог бы остановить ее, даже если бы захотел. Мускулы его живота окаменели. Все чувства слились в агонию экстаза. Доминик чувствовал себя беспомощной щепкой, уносимой вдаль могучим ураганом. Руки его зарылись в ее волосы.

– Прекрати, – прохрипел он. – Оливия, слышишь? Перестань, я больше не могу!

Схватив ее за плечи, он поднял Оливию с колен. Глаза Оливии сверкали торжеством: она нисколько не сомневалась, что доставила Доминику безумное наслаждение.

– Ты по-прежнему убежден, что я чопорная и благопристойная? – хихикнула она.

– Нет! – со стоном выкрикнул он. – Ты ведьма!

Сорвав, с себя остатки одежды, он перекатился на спину и, обхватив ладонями ее тонкую талию, высоко поднял Оливию над собой. Осторожно опустив вниз, он насадил ее на горделиво вздымавшееся копьё, погружившееся в ее шелковистую глубину.

Ахнув от неожиданности и наслаждения, Оливия ощутила, как Доминик заполнил ее до отказа. Его твердая плоть напряженно пульсировала глубоко внутри ее. Склонив голову так, что копна ее густых волос окутала их обоих шелко-

вистым покрывалом, Оливия заглянула в его затуманенные глаза.

– Я... я мечтала об этом, – задыхающимся голосом призналась она. – Только не знала, возможно ли это!

– В страсти возможно многое, любимая. – С губ Доминика сорвался низкий, чувственный смех. – Я буду счастлив научить тебя искусству наслаждения. – Голос его был завораживающе властным и в то же время нежным.

И наступила тишина, прерываемая только чуть слышным шепотом и стонами.

Прошло немало времени, прежде чем стих накал обжигающей страсти. Мир и покой снизошли в их души. Устало откинувшись на подушку, Доминик лениво приподнял золотисто-русую прядь и шутливо потянул за нее.

Оливия не сводила с него глаз. Потом протянула руку и кончиком пальца обвела красивую линию его рта.

– О чем ты думаешь? – шепотом спросила она. Он лукаво улыбнулся:

– Вспоминаю, что однажды сказал тебе.

– И что же это?

– Что я сам не знаю, кто я: цыган, который не нашел свою дорогу в жизни...

– ... Или гаджо, – тихо закончила она. – Я помню. Только я думаю, что ты ни тот и ни другой. Ты был человеком, который потерял свою дорогу.

– Хочешь, открою тебе маленькую тайну? – лукаво при-

щурился он после недолгого молчания.

– Конечно.

Он прижался лбом к ее плечу.

– Теперь я нашел ее, – прошептал Доминик.

Оливия почувствовала, как заколотилось ее сердце.

– Да?

– Да, любовь моя, потому что я знаю, где моя дорога.

– А-а, – растерянно протянула она. – И где же она?

Обняв ее еще крепче, он шепнул в полураскрытые губы:

– Там, где ты!

Эпилог

Минул год с того дня, как они стали мужем и женой.

Оливия до сих пор с наслаждением вспоминала тот день, когда обвенчалась с Домиником. Было тепло, на небе ослепительно сияло солнце. Доминик склонялся к тому, чтобы скромно обвенчаться в Рэвенвуде, но Оливия воспротивилась. Она и представить себе не могла, что пойдет к алтарю не в прелестной крохотной церквушке Стоунбриджа.

– Оливия, – предупредил ее Доминик, – знаю, что в деревне тебя любят, но сейчас ты не просто выходишь замуж, ты становишься женой изгоя, любовь моя. Женой цыгана. Не все одобряют это. Я не хочу, чтобы тебе причинили боль.

– Ну, так пусть это будет их потеря, а не наша, – настаивала Оливия. – Я люблю тебя, Доминик Сент-Брайд, и не намерена стыдиться ни тебя, ни своей любви.

Их обвенчали в деревенской церкви. Обряд совершил преподобный Холден. Маленькая церковь была усыпана цветами, наполнявшими воздух нежным благоуханием.

Страхи, терзавшие Доминика, оказались напрасными.

Хоры старенькой церкви были забиты любопытными так, что грозили обвалиться. В церкви было не протолкнуться. Все местные жители явились полюбоваться на свадьбу. Кроме одного человека...

Не было Уильяма Данспорта.

Он уехал в Лондон неделей раньше. Возникли срочные дела – так по крайней мере объяснила его матушка. И так, ничто не омрачало их безоблачного счастья, даже воспоминания о прошлом. Даже Роберт Гилмор больше не мог потревожить их покой. Он умер от апоплексического удара на другой день после того, как был схвачен и оказался за решеткой.

Неясный булькающий звук у груди заставил Оливию вернуться к реальности. Ее крохотный сын, похоже, насытился. Юный Тревор Майкл Сент-Брайд улыбнулся беззубым ртом и помахал в воздухе крохотным кулачком.

Запахнув платье, Оливия поднесла малыша к окну. Люцифер крутился у нее под ногами. Держа сына на руках, она смотрела вдаль, туда, где вечерние пурпурные облака уже потихоньку затягивали небо над горизонтом. Улыбнувшись, Оливия указала в сторону небольшого кирпичного домика, укрывшегося в тени березовой рощицы.

– Посмотри-ка туда, Тревор. Там дом, где живут твои дядя Андре и тетя Эмили. Знаешь, этот дом построил для них твой отец. Это его свадебный подарок. Он такой благородный и великодушный – настоящий джентльмен.

Тревор таращил на нее глазенки с таким видом, будто понимал все до единого слова. Глаза малыша уже сейчас были такими же ярко-синими, как у отца, а волосы, хоть и темнее, чем у матери, все же были не настолько черны, как у Доминика. Тревор был очаровательным ребенком, может быть,

только излишне своенравным, когда приходило время укладывать его спать.

– А тебе известно, что очень скоро у тебя появится кузен или кузина? Да-да, Тревор, твоя тетя Эмили может родить со дня на день.

На губах Тревора вздулся молочный пузырь. Малыш сморщился, когда он с громким треском лопнул, но не заплакал. Оливия нежно рассмеялась.

– А вон там сейчас твой отец помогает дяде Андре принять жеребенка у Джиневры, хотя, откровенно говоря, не знаю, чем он может помочь. Во всяком случае, когда родился ты, особой пользы от него не было: вся эта адская работа выпала на мою долю. Но самое странное, что к тому времени как ты наконец появился на свет, твой отец был серо-зеленым, словно привидение. Будто это не я рожала, а он!

– Ага, так вот что ты обо мне думаешь на самом деле! – промурлыкал у, нее над ухом знакомый голос. Пара сильных рук обхватила ее за талию, обняв вместе с матерью и ребенка. – Боюсь, придется поискать другую жену. Таковую, которая будет от меня без ума.

– Даже и не мечтай, – хмыкнула она, уютно устраиваясь в его объятиях. – Не то и я пушусь на поиски другого мужа!

– Да? Что ж, похоже, тогда придется подумать о том, как доставить вам удовольствие. Чем могу служить вам, графиня?

Оливия молча подняла к нему лицо. И Доминик, забыв

обо всем, припал к ее губам, упиваясь их сладостью, пока его сын громким протестующим воплем не напомнил родителям о своем присутствии.

Подхватив малыша на руки, Доминик Ласково поцеловал его в теплую макушку, потом, прижав хнычущего Тревора к груди, принялся расхаживать по комнате. Большая рука отца ласково поглаживала крохотную спинку сына.

Через несколько минут малыш уже спал.

Оливия, сидя в кресле у камина, притворно нахмурилась:

– Как это тебе удается?

– Тем же самым способом, каким я не даю спать тебе! –

Он мимоходом чмокнул ее в кончик носа и исчез за дверью, Которая вела в детскую.

К тому времени как он вернулся, слуги уже успели роскошно сервировать стол. Не было забыто и шампанское.

– Что это? Какой-нибудь праздник? – Уголки его губ лукаво изогнулись в улыбке.

– Негодяй! – с улыбкой прошептала Оливия, шутливо стукнув его в грудь кулачком.

Они поели на ковре перед камином. Этот день принадлежал только им двоим. Оливия спросила, как дела у Джиневры. Доминик потянулся за куском жареного фазана.

– Ох, видела бы ты малыша, Оливия! – рассмеялся он. – Просто красавец, вороной, без единого пятнышка. Андре клянется, что из него вырастет настоящий чемпион. Возможно, он прав.

Когда Андре с Эмили обвенчались, именно Доминик предложил Андре заняться тем, что тот по-настоящему любил: ухаживать за лошадьми. И хотя понадобилось немало времени, чтобы уговорить Андре спрятать свою гордость и хотя бы начать, в конце концов он сдался. Вскоре Андре заявил, что собирается попробовать свои силы в разведении и тренировке скаковых лошадей. Жеребенок Джиневры должен был стать первым в длинной череде будущих чемпионов.

– Ты считаешь, у Андре получится? – Оливия в волнении стиснула руки. – И люди постепенно привыкнут к нему?

Хотя Андре расстался с ярким цыганским костюмом, сменив его на обычные бриджи и рубашку, все знали, сколько мучений до сих пор доставляют ему сюртук и галстук. Именно Доминик в свое время способствовал переменам, которые произошли с Андре. Услышав тревогу в голосе жены, граф вскинул брови:

– Вне всякого сомнения. Герцог Ханфорд уже заранее души не чает в этом жеребенке, а за ним, думаю, потянутся и остальные.

Оливия молча кивнула. Она была счастлива. Пока муж смаковал последний кусочек фазана, она встала у открытого настежь окна.

Уже стемнело. Выглянув из-за горизонта, полная луна начала свой величавый путь по бархатистой синеве неба.

Оливия могла только молча дивиться тому, как измени-

лась их жизнь с тех пор, как они встретились. Эмили снова видит. Они с Андре любят друг друга. А Доминик уже больше не тот угрюмый, желчный человек, который потерял свою дорогу в жизни.

Неслышно подойдя к жене, Доминик заставил ее обернуться. Взяв ее руки в свои, он наклонился и заглянул ей в глаза.

– Давно хотел вас спросить, Оливия Сент-Брайд. Вы хоть представляете себе, какое счастье мне подарили?

– Такое же, как и вы мне, Доминик Сент-Брайд, – не колеблясь ответила она, нисколько не кривя душой.

Слишком свежа в ее памяти была ночь вскоре после их свадьбы, когда, проснувшись словно от толчка, Оливия вдруг увидела над собой лицо Доминика. Опершись на локоть, он смотрел на нее. Увидев, что жена не спит, Доминик чуть заметно улыбнулся.

– Я делаю это каждую ночь, – признался он.

– Каждую ночь? – Ошеломленная Оливия не верила собственным ушам. – Но почему?

Улыбка сползла с его лица. Когда он снова заговорил, голос его звучал тихо, но страстно, отчего сердце ее громко застучало.

– Понимаешь, я лежу рядом с тобой и чувствую... даже не знаю, как это описать... и робость, и гордость, и невероятное счастье. Когда ты рядом, Оливия, во мне будто горит огонек. Сначала я не понимал, что это такое. Даже пугался немного,

ведь со мной никогда такого не бывало.

– И что же это? – Она ласково коснулась его щеки.

– Любовь. Любовь... и надежда... и счастье. А сомневался я потому, что никогда раньше не был счастлив. Никогда... – Голос его дрогнул. – До того самого дня.

Оливия была тронута до глубины души. Впрочем, и сейчас, достаточно ей было только вспомнить их разговор, ее сердце начинало радостно биться.

В глазах, что смотрели сейчас на нее, не было ничего, кроме беспредельной любви к ней. Любви, которую она с той же безоглядной щедростью дарила ему в ответ.

Потянув жену за собой, Доминик опустился на ковер перед камином и разлил шампанское по бокалам.

– А помнишь, любовь моя, ту ночь, когда мы встретились?

Оливия с трудом подавила смешок.

– Как же я могу забыть? Помню, я не сомневалась, что Люцифер уже готов слопать меня на обед! – К счастью, пса в комнате не было. Как обычно по вечерам, он отправился нести караул перед дверью в детскую.

– Да, я помню этот день, как будто это было вчера! – Низкий рокочущий смех Доминика огласил комнату. – И правда, неужели уже целый год прошел, как мы обвенчались? – Улыбнувшись, он поднял свой бокал. – Мой тост, любовь моя! За следующий год, такой же чудесный, как и этот!

Оливия слегка покачала головой.

– Тогда за что? За нас?

Она насмешливо улыбнулась, а Доминик вздохнул.

– Ну конечно, нет, любовь моя, конечно, это не то... Давай я начну сначала. – С этими словами он высоко поднял бокал.

– Подожди, – остановила его Оливия. Загадочная улыбка тронула ее губы. Она прикоснулась краем своего бокала к бокалу Доминика, и глаза ее сверкнули. – За судьбу... и за ту лунную ночь...